

**Джек
Вэнс**

**ЗОЛОТО И
ЖЕЛЕЗО
КЛАРДЖЕС**

Золото и железо: Рой Барч, первый землянин, захваченный рабовладельцами-клау и отправленный ими на планету Магарак, должен был решить задачу сверхчеловеческой сложности — найти способ вернуться на Землю и предупредить людей о космической угрозе. Иначе всё население его родной планеты могло вскоре оказаться в рабстве у инопланетян. Кларджес (Вечная жизнь): Здесь время жизни отмерено заслугами перед обществом и однажды Грейвену Варлоку уже удалось стать Амарантом, но нелепая ошибка — и вместо того, чтобы наслаждаться бессмертием, Варлок признается преступником, вынужденным долгие семь лет скрываться от правосудия. И вот он уже под именем Гэвина Вэйлока начинает восхождение по социальной лестнице, имея в лице многих Амарантов смертельных врагов в борьбе за жизнь. Вечную жизнь.

I

Лектван Маркель проводил дни в жилище странном и прекрасном, на плече высочайшего утеса горы Уитни. Жилище состояло из шести куполов, трех минаретов и обширной террасы. Купола из почти прозрачного хрустала, минареты из белой субстанции, напоминавшей фарфор, и окружавшая их терраса из синего стекла были окаймлены балюстрадой с витыми балясинами в стиле рококо, белыми с голубыми прожилками.

С точки зрения землян Маркель — красивый, непостижимый, вызывающий смущение и тревогу — походил на свою обитель. Кожа его сияла глянцевым золотом, утонченно-твердые, точеные черты его лица поражали экзотическими инопланетными пропорциями. Он носил мягкую черную одежду: облегающие бриджи, сандалии, опиравшиеся на полвершка воздуха, и плащ, драматически ниспадавший складками и развевавшийся вопреки ветру или отсутствию такового.

Маркель не приветствовал незнакомцев и никому не назначал время и место встречи, но умудрялся, тем не менее, заключать крупные сделки, не прилагая почти никаких усилий. На него работала дюжина агентов — они ежедневно связывались с Маркелем, пользуясь лектванским трехмерным телевидением, создававшим иллюзию беседы с глазу на глаз. Изредка Маркель вылетал куда-то на воздушной яхте, а иногда и сам принимал посетителей-лектванов, слетавшихся из других разбросанных по Земле купольных обителей.

Два его служителя, земляне Клод Дарран и Рой Барч, считали Маркеля церемонным вежливым, мучительно терпеливым работодателем. Некоторые их обязанности были достаточно знакомы каждому и соответствовали повседневному опыту: им надлежало мыть синюю стеклянную террасу и натирать до блеска воздушную яхту. Другие поручения лектвана казались бессмысленными или лишенными всякой логики. Если служители ошибались, Маркель повторял указания, а Дарран и Барч реагировали на них каждый по-своему, в зависимости от темперамента — Дарран с сожалением приносил извинения, а Барч выслушивал лектвана с мрачной сосредоточенностью.

В психологическом отношении подход Маркеля объяснялся, пожалуй, не столько врожденным убеждением в своем превосходстве, сколько занятостью другими делами. Время от времени он позволял себе снисхождение. Заметив шрам на подбородке Барча, он

спросил: «Что случилось?»

«Порезался во время бритья», — объяснил Барч.

Брови Маркеля удивленно взметнулись. Он зашел в купол и вернулся через несколько минут со стеклянной флажкой, наполненной прозрачной жидкостью: «Натрите этим лицо, и вам больше никогда не придется бриться».

Барч с сомнением поглядывал на флажку: «Мне говорили о таких вещах. Вместе с бородой стирается вся физиономия».

Маркель вежливо покачал головой: «В данном случае можете не беспокоиться». Уходя, он задержался и обернулся: «Сегодня прибудет корабль, на нем прилетит моя семья. Мы устроим церемониальный прием в одиннадцать часов. Это понятно?»

«Вполне», — чуть поклонился Барч.

«Вам известен ритуал приземления?»

«В мельчайших деталях», — подтвердил Барч.

Маркель кивнул и продолжил прогулку по террасе: пространство под подошвами его сандалий придавало ему пружинящую размашистую походку. Барч направился в комнаты, которые он делил с Дарраном, и осторожно нанес депилятор на поверхность лица. Погладив щеки, он убедился в том, что щетина исчезла.

К нему зашел Дарран: «Похоже на то, что предстоит суматоха. Сегодня прибывает семья патрона — жена и две дочери. Теперь все мы будем ходить на цыпочках — в том числе Маркель».

Барч кивнул: «Я знаю. Он спросил, помню ли я, как складывается балюстрада. Кроме того, он сказал, что прием будет «церемониальным» — то есть нам придется напялить ливреи». Барч бросил угрюмый взгляд на облегающий зеленый комбинезон с голубым жилетом: «В этих рейтузах я чувствую себя как балетный танцор». Вручив Даррану флажку, он прибавил: «Если хочешь быть красивым, натри физиономию этим зельем. Это подарок Маркеля — депилятор, безвозвратно удаляет бороду и усы. Если бы он подарил нам литров пятьдесят, мы уже стали бы миллионерами».

Дарран взвесил флажку в руке: «Может быть, это намек? Мы выглядим обросшими пьянчугами?»

«Если бы это был дезодорант, я бы тоже так подумал».

Дарран взглянул на часы: «Пол одиннадцатого. Пора натягивать мундиры».

Когда они вышли на посадочную площадку, Маркель уже стоял у балюстрады. Оценив внешность служителей мимолетным взглядом, лектван надвинул на лоб козырек фуражки и отвернулся, обозревая южную панораму.

Прошло несколько секунд. Из неба бесшумно и плавно спустился глянцевый шар, расцвеченный красными, золотистыми, голубыми и серебристыми разводами. Шар быстро увеличивался в размерах, блестящие расплывчатости кружились и перемигивались. Барч и Дарран нагнулись над балюстрадой, нащупывая выключатели автоматических упоров. Балюстрада погрузилась в синее стекло, и над террасой сразу пронесся порыв холодного ветра.

Громада космического шара нависла над головами; цветные пятна всплывали и сливались на нем, как радужные пленки на мыльном пузыре. Корабль осторожно опустился на террасу и словно прилип к синему стеклу.

В сферическом корпусе раскрылся арочный портал. Маркель стоял неподвижно, как статуя; Дарран и Барч смотрели во все глаза, замороженные невиданным зрелищем.

Из звездолета вышли пятеро лектванов: две женщины, двое мужчин и маленькая девочка, весело подбежавшая к отцу по террасе. Маркель издал приветственное восклицание, высоко поднял ребенка одной золотистой рукой, а другой обнял двух женщин. Последовал краткий обмен отрывистыми фразами на лектванском наречии, после чего Маркель опустил девочку и провел прибывших в ближайшую ротонду.

Из портала выскользнули двенадцать контейнеров — каждый из ящиков опирался, подобно сандалиям Маркеля, на вершок воздуха. Барч и Дарран стали проталкивать контейнеры, один за другим, под служебный купол.

Портал закрылся, цветные разводы на поверхности шара яростно вскипели. Сферический звездолет приподнялся над площадкой и устремился, быстро ускоряясь, на восток.

«Вот и все, — заметил Дарран. — Родня хозяйина явилась во плоти». Он сделал паузу, но Барч не соблаговолил высказать какое-либо замечание. Служители подняли выдвижную балюстраду. «Надо полагать, та, что постарше — его жена, — задумчиво рассуждал Дарран, — а две другие — дочери».

«Милый ребенок», — отозвался Барч.

Дарран вопросительно приподнял бровь: «Как насчет второй дочери?»

Барч взялся за угол очередного контейнера: «Красавица! Что еще можно сказать?» Оглянувшись, он бросил мимолетный взгляд на ротонду: «Все равно она не от мира сего — как глубоководное чудо-юдо какое-нибудь».

Дарран пожал плечами: «Чуда-юда хорошо платят за все, что покупают на Земле. Они опередили нас на несколько столетий. Теперь мы строим звездолеты, руководствуясь научными принципами, о которых даже не подозревали. Их лекарства свели на нет детскую смертность...»

«Это не наша наука и не наша медицина».

«Но они нам помогают, не так ли?»

«Ни к чему насаждать на Земле то, что не создано на Земле».

Дарран с любопытством покосился на напарника: «Если тебе так не нравятся лектваны, зачем ты устроился на работу к Маркелю?»

Барч встретился с ним задумчивым взглядом: «Я мог бы задать тебе тот же вопрос».

«Я на него работаю потому, что могу здесь чему-нибудь научиться».

Барч резко отвернулся: «Ты слишком просто смотришь на вещи. Ты хочешь им понравиться, для тебя это важно».

«Конечно. На добро отвечают добром».

«По-твоему, лектваны отвечают тебе добром? Может быть, Маркель как-нибудь заглянет к тебе вечером, чтобы покалякать и выпить пива? — Барч раздраженно крикнул. — Держи карман шире! Они — лектваны, а мы — быдло».

«Не спеши, всему свое время, — возразил Дарран. — Мы все еще не понимаем друг друга, но времени у нас предостаточно. Лектваны не позволяют себе ничего лишнего — хотя, конечно, держатся отстраненно».

Яркие карие глаза Барча вспыхнули: «Пройдут несколько лет — и что тогда? На Земле мы неплохо справлялись сами, жизнь понемногу улучшалась. Мы развивались по-своему — доморощенным, естественным образом. Неужели ты не понимаешь, что с нами будет? Еще несколько лет такого знакомства, и для нас все будет кончено. Мы станем бесполезными для лектванов — они от нас избавятся — и дела на Земле пойдут гораздо хуже, чем раньше».

«Оптимистом тебя не назовешь! — Дарран подтолкнул контейнер ко входу служебного купола. — Но посмотри в лицо действительности. Лектваны прибыли. Мы не можем перевести часы назад и вернуться в прошлое. И зачем туда возвращаться? Нынешнее положение вещей нам во многом полезно и выгодно».

«И лектваны будут решать, что именно для нас полезно?»

Дарран покачал головой: «В лектванских школах земляне учатся всему, что хотят узнать».

«Но прежде всего они учатся говорить по-лектвански».

Дарран рассмеялся: «А чего бы ты хотел? Чтобы они преподавали по-английски?» Даррана такая перспектива исключительно позабавила: «Ты смотришь в бинокль с обратной стороны! Может быть, тебе следовало бы посетить их планету. Это помогло бы тебе изменить точку зрения».

«Если я когда-нибудь и отправлюсь на Лектву, то исключительно для того, чтобы узнать, как отвадить этих золоченых снобов от Земли!»

Маэркль-Элакзд — или «Маркель», как его звали на Земле — стоял в ожидании своей супруги Тшер и дочерей, Комейтк-Лелианр и Сиа-Спедз, глядя сквозь прозрачную стену южного салона на пустынные просторы внутренней Калифорнии. На нем не было плаща; вечерний солнечный свет придавал красноватый медный оттенок его золотистой коже.

У него за спиной послышался поспешный легкий топот: прибежала босая Сиа-Спедз в узорчатых штанишках с белыми помпонами на бедрах. Волосы девочки — тончайшие платиновые нити, полированные и навощенные — были разделены пробором посередине и на бегу разлетались игривыми всплесками над ушами. Приподнявшись на цыпочки, она прислонилась ладонями и лицом к хрустальной стене: «А где другие купола? Мы здесь одни?»

Маркель погладил ее по голове: «Нет, по всей Земле рассредоточены другие агентства».

«И они всегда на вершинах гор?»

«Да — таким образом обеспечивается уединение, скрывающее нас от назойливого любопытства». Он обернулся — подошли его жена и старшая дочь, обе в длинных белых платьях без украшений. Прическа Тшер напоминала глянцево-серебристую купальную шапочку. Ее старшая дочь, Комейтк-Лелианр, предпочитала высокий начес, колебавшийся над головой подобно языку серебряного пламени.

Подчиняясь незаметному сигналу Маркеля, из пола выросли две софы из самоадаптирующегося белого пеноматериала: «Полет обошелся без неприятностей?»

Комейтк-Лелианр поморщилась: «Все было хорошо, пока мы не погрузились в Большое Пылевое облако. Клау расставили сети, пришлось остановиться».

Маркель, присевший на софу, заметно встревожился: «И что же?»

«К звездолету прилепился катер, чтобы произвести обыск на борту».

«Но зачем? Почему?»

«Нам сказали, что с Магарака сбежала дюжина ленапи. Клау разозлились и делали все возможное, чтобы беглецы не добрались до Лено».

«Конечно. Для империи клау это стало бы непростительным унижением, — пробормотал Маркель. — А дальше что?»

«Капитан проявил похвальное присутствие духа. Он включил передатчик синаптических сигналов, вызывающих у клау тревогу, и они удалились уже через пять

минут».

Маркель продемонстрировал понимание ситуации лектванским физиономическим эмоциональным символом — сложным сочетанием движений бровей, глаз и ресниц — после чего дал понять, опять же бессловесным «языком бровей и глаз», что желает сменить тему разговора. Повернувшись к Сиа-Спедз, он спросил: «Как у тебя продвигается накопление жизненного опыта?»

Девочка пошевелила пальцами ног: «Все хвалят мои способности. Я выучила одиннадцать первичных стилизаций и три альтернативные: «улыбчивый рассвет», «игривого котенка» и «нелюдимку»».

«Превосходно!»

«Она умеет подниматься на сандалиях выше семикратного роста, — с прихотливой гордостью заметила Тшер. — И сама управляла солнечным планером над Мирском — облетела всю луну и вернулась».

«На Земле ей придется быть осторожнее, — заметил Маркель. — Здесь лектваны не всегда и не везде популярны».

«Почему? — с недоумением спросила Сиа-Спедз. — Разве мы им не помогаем, разве мы их не учим в лектванских школах?»

Маркель мягко улыбнулся: «Земляне долго считали себя единственной разумной расой во Вселенной. Прибытие лектванов нанесло удар их самолюбию».

Сиа-Спедз продолжила перечисление своих достижений — с оттенком некоторого сомнения в голосе: «Кроме того, я запомнила все лектванские царства и династии, начиная с доисторического короля Фальдера».

«Там, внизу, на равнинах Земли, ты найдешь туземцев, достигших примерно того же уровня культурного развития».

«Лелианр больше интересуется такими вещами».

Маркель повернулся к старшей дочери: «Время летит, как метеор в ночном небе! Не могу поверить, что ты уже закончила первый курс. Что теперь?»

Комейтк-Лелианр ответила в стиле «сдержанного советника»: «Меня привлекают несколько направлений. Примитивная антропология, а также экспериментальная кулинария. Недавно я синтезировала сахар очень приятного вкуса — произведены и распределены уже несколько тонн этого продукта».

Маркель рассмеялся: «Если хочешь испытать новые экзотические вкусовые ощущения, попробуй кое-какие земные блюда».

Лицо Комейтк-Лелианр подернулось гримасой отвращения: «Пожиратели живой плоти!»

«Земляне поглощают также большое количество продуктов растительного происхождения».

«В том и в другом случае они убивают, чтобы жить».

«Фундаментальная безнравственность, которую, насколько я понимаю, они не осознают. Так или иначе, их раса способна синтезировать только простейшие углеводороды».

«Надо полагать, им нужно чем-то питаться».

«Земляне не во всех отношениях примитивны. Если ты намерена продолжать исследования протокультур, здесь тебе встретятся неожиданные достижения».

Комейтк-Лелианр слегка пожала плечами: «Я еще не выбрала постоянную

специализацию. Мне некуда торопиться».

Сиа-Спедз воскликнула: «Смотрите! Там, снаружи — два землянина!»

Стилизация Маркеля изменилась: «Это мои служители — очень способные молодые люди».

«Я их представляла себе совсем не такими», — задумчиво заметила Комейтк-Лелианр.

«Тот, что с кожей потемнее, кажется покладистым, — отозвалась Тшер. — У другого какое-то бремя на душе».

«Так оно и есть, — сказал Маркель. — Рой испытывает неприязнь к лектванам».

Тшер покачала головой: «Если бы вместо нас на Землю прибыли клау, у него было бы гораздо больше оснований для неприязни».

«У него есть на то основания, главным образом личного характера. Его отец был ученым. Рой надеялся следовать по стопам отца. С ранней молодости он прилежно изучал общепринятые тогда методы. А потом прибыли лектваны, и во мгновение ока все усилия его жизни оказались никчемными. Почти все, чему он научился, не соответствовало действительности, а остальное, с учетом знаний, накопленных лектванами, безнадежно устарело или стало выглядеть, как детские забавы. Рой очень огорчился, даже озлобился».

Комейтк-Лелианр разглядывала спину Барча: «Его можно понять».

«Но почему он не учится на Лектве?» — не понимала Сиа-Спедз.

Маркель переводил взгляд с Барча на Даррана и обратно: «В конце концов он может смириться с такой необходимостью. Но в данный момент его отвращает перспектива многолетнего обучения тому, что уже знают дети в возрасте Спедз».

«У другого служителя более приветливое лицо, — сказала Тшер. — Как его зовут?»

«Это Клод. Он практичнее Роя и, в целом, не столь эмоционален. Я собираюсь включить его в состав следующей группы, командированной на Лектву».

«А Рой?»

«До сих пор он не проявлял желания покинуть Землю».

В салон зашли два гостя Маркеля — он поднялся на ноги: «Вы успели освежиться?»

«О да, мы выкупались и отдохнули. Из вашего купола открывается великолепный вид».

Маркель кивнул: «На мой взгляд, Земля — один из красивейших миров. Вы заметили, наверное, долину на северо-востоке, словно расписанную сотнями пастельных тонов?»

«Она восхитительна!»

«Восхитительна — и смертельна. Туземцы так ее и называют: Долина Смерти».

II

Барч и Дарран сами готовили себе еду, пользуясь провизией, которую доставляли вертолетом каждую субботу. В общем и в целом их обязанности носили почти символический характер; по утрам, после мытья террасы, у них оставалось много свободного времени. Дарран использовал это время, изучая лектванскую грамматику и прослушивая предоставленные ему Маркелем звукозаписи произношения лектванских слов и фраз. Барч что-нибудь читал или просто угрюмо загорал на солнышке.

В связи с приездом семьи Маркеля нарушился установившийся порядок вещей. Утром следующего дня после прибытия на Землю Сиа-Спедз подружилась с Дарраном, спросив его,

почему он носит ботинки, а не сандалии на воздушной подушке.

Дарран откровенно объяснил: «Прежде всего, у меня нет таких сандалий. Во-вторых, если бы я попытался в них ходить, я тут же растянулся бы на террасе, потеряв равновесие».

«Но это совсем не трудно! — возразила Сиа-Спедз, тщательно и правильно выговаривая английские слова. — По меньшей мере, пока не поднимаешься слишком высоко».

«Не понимаю — почему ходить по воздуху проще, если держаться ближе к поверхности?»

«Силовое поле распределяется в форме пирамиды. Чем ближе к земле, тем больше отношение площади основания пирамиды к ее высоте. Чем выше идешь, тем больше сужаются силовые опоры и тем труднее становится сохранять равновесие».

«Ага! — сказал Дарран. — Тогда почему же вы не делаете сандалии помощнее, позволяющие расширять основание силовой пирамиды, поднимаясь выше в воздух?»

«Не знаю. Наверное, потому что тогда было бы не так забавно ходить по воздуху».

«Я думал, что лектваны во всем руководствуются только практическими соображениями», — заметил Дарран.

«Не всегда и не во всем. Полностью прагматической расой можно назвать только клау. У них все планируется в строгом соответствии с предназначением, независимо от того, нравится ли это другим. На планетах клау никто никогда ничему не радуется».

«Неужели? И кто такие эти клау?»

«Враги. Ужасные люди с красными звездами в глазах». Но Сиа-Спедз больше интересовалась демонстрацией навыков использования сандалий: «Смотри!» Она поднялась высоко в воздух так, словно всходила по невидимой лестнице, после чего принялась весело бегать туда-сюда над головой Даррана: «А теперь я еще выше поднимусь!»

«Будь осторожна!» — Дарран ходил под ней, подняв руки, чтобы в случае чего поймать оступившуюся девочку.

«Выше не могу, — призналась наконец Сиа-Спедз. — Здесь уже ноги дрожат».

«Тогда лучше спускайся. Я начинаю нервничать».

Девочка спустилась: «А почему ты не попросишь Маркеля подарить тебе пару сандалий?»

Дарран пожал плечами: «Выпрашивать подарки невежливо».

«Но если ты не говоришь о том, чего хочешь, об этом никто не узнает!»

Дарран рассмеялся: «Значит, лектваны так-таки руководствуются практическими соображениями!»

«Может быть и так — в конечном счете. В любом случае, я сама подарю тебе пару сандалий».

«Если ты будешь раздавать слугам лучшую обувь отца, тебя отшлепают».

Сиа-Спедз хихикнула: «Какие странные вещи ты говоришь!»

Барч, облокотившийся на балюстраду, обернулся: «Я тоже думаю, что Дарран говорит странные вещи. Кроме того, он умеет играть в самые разные игры. Попроси его научить тебя играть в классики».

«В классики? — Сиа-Спедз взглянула на Даррана. — Что это такое?»

«На Земле девочки играют в классики».

«И ты знаешь, как в них играть?»

Дарран почесал щеку: «Рой играет в классики гораздо лучше меня».

«О нет! — возразил Барч. — Кто вчера выиграл? Ты!»

«Покажи мне, Клод!»

Барч присел на скамью: «А я прослежу за тем, чтобы не было никакого надувательства». Протянув руку, он поднял лежавший рядом «Лектванский разговорник» Даррана, открыл его на первой странице и просмотрел предисловие:

«В связи с характерным для него обилием сочетаний согласных, лектванский язык воспринимается землянами на слух как труднопроизносимый. Это обстоятельство нуждается в пояснении. Прежде всего, лектванский лексикон содержит огромное количество слов — в некоторых случаях сотни синонимов выражают варианты одной и той же основной идеи. Поэтому лектваны не нуждаются в многословных околичностях — их речь замечательна логической простотой ее декларативных форм.

Еще одной особенностью лектванского языка является тот факт, что каждое слово может иметь множество различных смысловых оттенков, в зависимости от «стилизации», используемой говорящим лицом — или даже его собеседником. Существуют более ста «стилизаций», из которых шестьдесят две считаются «основными», а другие — «альтернативными». Каждый совершеннолетний лектван умеет пользоваться всеми основными стилизациями и большинством альтернативных. Лектван выражает стилизацию речи движениями глаз, бровей и ресниц. Весьма приблизительной аналогией лектванских стилизаций речи могут послужить маски древнегреческих актеров, обозначавшие эмоциональные состояния».

Барч отбросил разговорник на скамью — он пришел к тому выводу, что изучение лектванского языка само по себе потребовало бы приложения усилий на протяжении всей жизни. Тем не менее, дети лектванов, по-видимому, усваивали тонкости родной речи без особого труда. Он наблюдал за тем, как Сиа-Спедз сосредоточенно выслушивала инструкции Даррана. Сколько «стилизаций» она уже умела использовать? Умная, восприимчивая девочка. Тысячи лет естественного — и, вероятно, евристического — отбора несомненно повысили интеллектуальный уровень расы лектванов. Интеллектуальный уровень, а также, как тут же продемонстрировала вышедшая на террасу Комейтк-Лелианр, уровень красоты.

Барч тайком наблюдал за тем, как старшая дочь Маркеля подошла к балюстраде и облокотилась на нее. Он знал, что у лектванов не было запретов или внутренних ограничений, связанных с наготой. На девушке были только пара сандалий и короткая юбочка. Барч чувствовал, как по всему его телу разливается теплота. Инопланетянка, существо из далекого чужого мира... тем не менее, какой чудесной, живой, грациозной и чистой она выглядела!

Комейтк-Лелианр словно почувствовала его взгляд и быстро обернулась. Барч виновато отвел глаза, но почти сразу же снова посмотрел на девушку, теперь стоящую спиной к балюстраде. *«Оценивает внешность дикаря, — с горечью думал Барч. — Я — первый землянин, оказавшийся поблизости».*

Комейтк-Лелианр вежливо сказала: «Я вижу, что вы изучаете наш язык. Вы находите его трудным?»

«С первого взгляда он выглядит сложным, — ответил Барч. — Надо полагать, лектванский язык может служить уроженцу другой планеты замечательным средством самовыражения, если им можно овладеть, не начиная обучение с раннего детства».

На лице девушки отразилось любопытство. *«Она ожидала, наверное, что я стану рычать, как медведь!»* — гневно подумал Барч.

«Разве вы не тот из слугителей, которому не нравятся лектваны?» — спросила

Комейтк-Лелианр.

Барч удивленно прищурился и ответил, тщательно выбирая слова: «Я не возражаю против лектванов в той мере, в какой не возражаю против любых человекообразных существ».

«И это все, что вы чувствуете?»

«Я не думаю, что в конечном счете Земле будет полезно присутствие на ней лектванов».

«Как вас зовут?» — спросила Комейтк-Лелианр.

«Рой Барч, — грубовато выпалил он. — А вас?»

«Комейтк-Лелианр».

«Ммф... Что означает это имя?»

Девушка рассмеялась: «Почему имя должно что-то означать?»

«Для представителей высокоразвитой цивилизации — каковыми вы очевидно себя считаете — было бы естественно, казалось бы, использовать имена, отражающие профессию, происхождение, какую-нибудь информацию идентифицирующего характера».

«Тск! — Комейтк-Лелианр прищелкнула языком; Барч распознал движение ее бровей как свидетельство изменения стилизации. — Чудовищная идея: всеобщая регламентация, единообразие номенклатуры! У вас сложилось совершенно неправильное представление о лектванах».

«Не в большей мере, чем ваше представление о нас», — проворчал Барч.

Комейтк-Лелианр усмехнулась: «А ваше имя что-то означает?»

«Нет».

«Я хотела бы попросить вас об одолжении», — сказала дочь Маркеля.

«С вашей стороны незачем меня просить. Мне платят за услуги — вам достаточно приказывать».

«Меня чрезвычайно интересует психология инопланетных рас. Вы не будете возражать, если я подвергну вас психометрическому анализу?»

«А! — с горечью воскликнул Барч. — Теперь все ясно. Мне предстоит служить одним из ваших подопытных субъектов... Характеристики типичного земного варвара. Может быть, вы пожелаете сфотографировать меня в традиционном боевом шлеме? Или сделать запись ритуальных плясок и песнопений моего племени?»

«Это было бы замечательно! — отозвалась Комейтк-Лелианр. — Но... разве у вас есть при себе соответствующие регалии?»

Барч уставился на девушку — не могло быть сомнений в том, что она не шутила: «Завтра вечером мы собираемся устроить на Сансет-бульваре каннибальскую оргию под предводительством шаманов. Если вы потихоньку повиснете над толпой в сандалиях на воздушной подушке, возможно, вам удастся запечатлеть поистине сенсационную сцену».

Брови девушки дрогнули — она заинтересовалась: «В самом деле, я хотела бы посетить одну из таких церемоний».

«Что ж... — задумчиво протянул Барч. — Вам придется переодеться, чтобы не выделяться. Если вы покроете кожу тальком, вас вполне можно будет принять за калифорнийскую любительницу позагорать на пляже. Тем не менее, я посоветовал бы не слишком обнажаться. В данный момент ваш наряд, с земной точки зрения, выглядит провокационно».

«Не совсем понимаю, что вы имеете в виду».

Барч отвел глаза в сторону: «Не знаю, как это объяснить... меня вы тоже

провоцируете».

«В таком случае, что мне следует надеть?»

«Вы не шутите?» — Барч опасно покосился на инопланетянку.

«Ни в коем случае. Где этот Сансет-бульвар?»

«Я мог бы взять вас с собой», — с сомнением произнес Барч.

«Это было бы очень полезно».

Барч напряженно размышлял: «А как мы туда доберемся?»

«На воздушной яхте. Как еще?»

«И ваш отец не надаёт мне по шее?»

«Как вы сказали?»

«Он не будет возражать?»

«Конечно, нет — почему бы он стал возражать?» Комейтк-Лелианр серьезно прибавила: «Пожалуйста, учитывайте, что я, вполне возможно, выберу антропологические исследования в качестве профессиональной карьеры».

Барч кивнул: «Очень хорошо — договорились!»

«Но какой костюм мне лучше всего надеть?»

«Что-нибудь, что закрывает тело от плеч до колен. Если причесать ворох, торчащий у вас на голове, вы, пожалуй, сойдёте за то, что у нас называют «блондинкой с платиновым отливом волос»».

Дарран зашел к Барчу, когда тот повязывал галстук: «Куда ты собрался? И для чего тебе понадобился этот символ принадлежности к бомонду?»

«Мне назначила свидание дочь босса».

Даррану пришлось присесть: «Даже так? Ты намерен играть в классики на террасе в вечернем костюме с галстуком?»

«О нет, дорогой мой! Я намерен играть в «кто кого поймает» с неотразимой соблазнительницей — и не на стеклянной веранде, а по всему побережью, вплоть до Сан-Франциско».

Дарран ошеломленно откинулся на спинку стула: «Невероятно!»

«Вполне вероятно — если учитывать все предпосылки. Она интересуется колоритными обычаями туземцев и думает, что в Лос-Анджелесе ее ожидают человеческие жертвоприношения и дионисийская оргия в честь богини плодородия».

Дарран вздохнул: «Что только не придумают некоторые, чтобы обратить на себя внимание девиц... И куда ты ее отвезешь? Или она отвезет тебя?»

«Понятия не имею. Надеюсь, ей понравятся салуны Эмбаркадеро или веселая толпа у лодочных причалов, — Барч иронически поморщился. — Всему есть предел — даже я не лишен уважения к себе».

«В Фэйрмонте она соскучится».

«Скорее всего. Никакого кровопролития, никаких колоритных обрядов».

«В крайнем случае всегда остается бар Прохвоста Келли».

«Верно! — согласился Барч. — Келли не подведет». Он застегнул пиджак: «Что ж, я пошел».

«Желаю удачи! — отозвался Дарран. — Но не слишком искушай судьбу».

Барч обернулся и смерил коллегу ледяным взглядом: «Что ты имеешь в виду?»

«Ничего особенного, — мягко ответил Дарран. — Всем известно, что ты —

прирожденный искатель опасных приключений. Ты явно что-то задумал, и эта затея может выйти боком».

Барч раздраженно вышел на террасу и задержался, глядя в ночную мглу. Его ладони вспотели, руки непроизвольно напряглись. Дарран был недалеко от истины. Барч чувствовал себя, как юнец, идущий на первое свидание — но перспектива провести вечер с земной девушкой не вызвала бы такую тревогу даже у робкого подростка.

Медленно пройдясь вдоль балюстрады, он остановился напротив главного хрустального купола. Внутри были лектваны — существа с далекой планеты. Что от него ожидалось? Следовало ли постучаться и попросить, чтобы позвали девушку? Или он должен был ждать снаружи, пока она не появится? Барч злобно выругался сквозь зубы: где оно, его хваленое самоуважение? Он был не хуже любого лектвана — в конце концов, на Земле лектваны были незваными гостями, а гостям подобало соблюдать обычаи хозяев.

Он воинственно направился к куполу, но в последний момент остановился. Постучать? Или позвонить? Где кнопка звонка?

В полупрозрачной толще хрусталя забрезжил свет. Барч отступил на пару шагов. На террасу быстро вышла Комейтк-Лелианр — в сопровождении отца и младшей сестры, возбужденно подпрыгивавшей, как маленькая собачка.

Маркель говорил по-лектвански: «Думаю, ты будешь разочарована. Но, конечно, ничто не должно препятствовать твоим исследованиям».

«Я тоже хочу поехать!» — взмолилась Сиа-Спедз.

«Одного антрополога в нашей семье более чем достаточно», — возразил Маркель. Повернувшись к Барчу, он прибавил по-английски: «Рой, проследите за тем, чтобы она не сделала ничего, что могло бы привести к нежелательным последствиям».

«Тск! — Комейтк-Лелианр непринужденно направилась к повисшей над террасой воздушной яхте. — Рой, пойдете!»

Барч последовал за ней со всем возможным достоинством.

Комейтк-Лелианр нырнула в кабину яхты. Рой Барч залез туда же. На девушке был белый комбинезон с орнаментом из черных ромбов, похожий на костюм арлекина. В таком виде она не могла остаться незаметной, но по меньшей мере вокруг нее не стали бы собираться зеваки.

У ветрового стекла кабины в воздухе плавал небольшой серебристый шар, пронзенный черной рукояткой. Комейтк-Лелианр взяла этот шар — и машина вознеслась в небо. «Теперь куда?» — спросила девушка.

По мнению Барча, прежде всего нужно было поставить дальнейшие взаимоотношения на надлежащую основу: «Покажи, как управлять этим аппаратом».

Удивленно подняв брови, девушка впервые повернулась к нему лицом. На какое-то мгновение Барчу показалось, что лектванка собирается вежливо проигнорировать его требование, но она передала ему серебристый шар. «Этот стержень, — она притронулась к черной рукоятке, воткнутой в шар, — отображает ось, перпендикулярную палубе яхты. Наклоняя шар, вы наклоняете яхту. Перемещение шара вверх приводит к кумулятивному ускорению подъема яхты, воспрепятствовать которому может только перемещение шара вниз. Черный стержень контролирует скорость. Вжимая стержень в шар, вы ускоряетесь. Вытягивая стержень из шара, вы тормозите».

«Невелика наука. А где индикатор высоты?»

«Здесь, — девушка указала на строку угловатых черных символов, ползущую по бледно-

серой полоске. — Это альтиметр и спидометр. Зеленый кружок посередине — символ летательного аппарата. Тень под кружком отображает профиль ландшафта прямо по курсу. Чем ниже летит яхта, тем больше становится зеленый кружок. Когда яхта приземляется, край зеленой окружности касается черного поля».

Барч кивнул: «Все это достаточно просто».

Пару секунд она внимательно наблюдала за ним, после чего спросила: «Куда мы направляемся?»

«В бар Прохвоста Келли — он на другом берегу залива, напротив Сан-Франциско. Или ты хотела бы полюбоваться на более пристойное ночное времяпровождение туземцев?»

«В том, что касается выбора любопытных явлений, мне придется положиться на ваше суждение».

«Мне трудно о чем-либо судить, не разобравшись в твоём умонастроении. Сколько тебе лет?»

«Пятьдесят два года». Заметив явное изумление Барча, она пояснила: «В земном летоисчислении это соответствует примерно двадцати годам».

«Твое имя почти непроизносимо, — сказал Барч. — Я буду звать тебя «Эллен»».

В полутьме кабины трудно было определить выражение ее лица: «Как вам угодно».

На полоске альтиметра появился зубчатый черный график прибрежных холмов.

Под ними распростерся длинный ковер огней: Сан-Леандро, Окленд, Беркли. Барч пролетел над побережьем залива на высоте примерно трехсот метров, после чего повернул направо и вниз, к авеню Сан-Пабло: «Думаю, там найдется свободное место, где можно будет оставить яхту. Да, вот здесь!»

Он опустил машину за вереницей эвкалиптов: «Приступим к нашей экскурсии».

Из бара Прохвоста Келли по всей улице разносилась громкая бесшабашная музыка.

«Любопытный ритм, — заметила Комейтк-Лелианр. — Надо полагать, местные жители исполняют интерпретационные танцы с примесью сексуального символизма».

«На этот счет ничего не могу сказать. По меньшей мере, их танцы энергичны. Но я в самом деле хотел, чтобы ты послушала эту музыку — может быть, ты ничего такого раньше не слышала».

Девушка прислушалась: «Восьмиголосие, насколько я понимаю?»

Рой Барч наставительно возразил: «В ансамбле только семь инструментов».

«Но один из них — по звучанию напоминающий арфу — играет в два голоса».

«А, фортепиано! — Барч внезапно огорчился. — Так что же, зайдем туда?»

Он провел ее к столику в полутемном углу. Семь человек на эстраде играли на трубе, тромбоне, кларнете, фортепиано, барабанах, банджо и тубе — играли блестяще и выразительно, с вызывающей возбуждение живостью.

Наклонившись к уху лектванки, Барч сказал: «Это джазовый ансамбль «Йерба буэна». Они играют пьесу под названием «Усталый блюз»».

«Мне она вовсе не кажется усталой».

«Нет, конечно — это скорее шуточное наименование», — Барч повернулся к эстраде.

Музыка достигала кульминации: труба звенела, как источник чистой металлической энергии, тромбон отвечал темными, грубоватыми и хриловатыми тонами, кларнет взлетал пассажами, как огненная птица. Прозвучал заключительный смешанный аккорд, подчеркнутый слепящим взрывом тарелок; слушатели вздохнули, высвобождая напряжение

— каждый по-своему.

Барч спросил у девушки-лектванки: «Что ты об этом думаешь?»

«Громкая, эмоционально насыщенная музыка».

«Это музыка нашей эпохи! — с лихорадочной настойчивостью произнес Барч. — Она отражает присущее нам стремление к достижению новых рубежей. Джаз — лучший пример современной раскрепощенной изобретательности».

Комейтк-Лелианр слегка наклонилась над столом: «Судя по всему, вы мыслите символическими образами — не так ли?»

«Не знаю, — нетерпеливо отозвался Барч. — Это не имеет значения. Разве ты не можешь забыть о примитивной антропологии на какое-то время?» Он заметил, как дрогнули ее брови, и с горечью сказал: «Ты это делаешь машинально».

«Что именно?»

«Переключаешься от одной «стилизации» к другой. Находишь роль, наилучшим образом соответствующую обстоятельствам, и входишь в эту роль».

Девушка нахмурилась: «Никогда не думала об этом с такой точки зрения».

Барч досадливо взмахнул рукой: «Забудь об этом! Слушай музыку. Я для того сюда тебя привел».

Комейтк-Лелианр прислушалась: «Очень интересно! Но мне эти звуки режут уши. Они слишком откровенны, не оставляют места для компромисса».

«Нет, нет!» — воскликнул Барч, не совсем понимая, в чем именно он усматривал противоречие. Он говорил возбужденно и страстно, желая возбудить в девушке приязнь к той музыке, которая ему нравилась — а следовательно и к себе самому: «По сравнению с вами, мы — молодая раса. На вашей планете все успокоилось, вы устроились в жизни, довольны собой. На Земле все по-другому! На Земле наступили волнующие времена — и после прибытия лектванов оживление только возросло. Здесь каждый день дышит новизной и свежестью, каждый день начинается что-то небывалое, наблюдается продвижение к цели. Мы живем, увлеченные этой стремниной в будущее, и полное надежд непостоянство отражается в нашей музыке».

Он ожидал от Комейтк-Лелианр какого-нибудь ответа. Ее мысли не поддавались прочтению.

Барч решил, что требовалась оговорка: «Точнее говоря, это дух нашего региона. На других континентах люди живут по-своему, и музыка у них другая. Китайцы, например, считают любую западную музыку маршеобразной — будь то джаз, классика, гимны, панихиды, что угодно».

Подошла официантка: «Что вы хотели бы заказать?»

«Парочку коктейлей «Том Коллинз»», — ответил Барч. Повернувшись к инопланетянке, он продолжал: «Но западная цивилизация была преобладающей движущей силой, лидирующим обществом — по меньшей мере до прибытия лектванов».

Комейтк-Лелианр рассмеялась: «На какое-то время вы забыли о нашем присутствии».

«Верно. Забыл».

«Почему вы мне об этом рассказываете?»

Поколебавшись, Барч бросился с головой в холодную воду: «Потому что я не считаю себя варваром. Земляне и лектваны равны, нравится вам это или нет. Кроме того...»

Официантка принесла два высоких бокала и поставила их на стол: «С вас доллар двадцать центов».

Барч опустил деньги на поднос.

Комейтк-Лелианр прикоснулась к бокалу, осторожно понюхала содержимое: «Что это?»

«Фруктовый сок, вода с пузырьками углекислого газа, этиловый спирт, сахар».

«Здесь содержится плоть живых существ?»

«Даже если это так — что с того? — отрезал Рой Барч. — В сущности всё, что мы едим и пьем — углерод, кислород и водород. Какое значение имеет происхождение соединений этих элементов? Кроме того, фрукт, из которого выжат сок, давно уже не был живым».

Девушка поморщилась, но попробовала коктейль: «Мне не нравится этот напиток. А стаканы стерилизованы?»

«Скорее всего, нет. Поэтому они добавляют в напитки спирт — чтобы стерилизовать стаканы».

«О!»

Они сидели в молчании. Ансамбль вернулся на эстраду, и Барч почувствовал, насколько безразлично Комейтк-Лелианр слушала музыку — за танцорами она наблюдала с такой же отчужденностью.

Расправив плечи, он слегка наклонился и сказал: «Мне очень жаль — я привел тебя сюда под вымышленным предлогом».

«Значит, здесь не будет церемоний, о которых вы говорили?» — огорчилась молодая лектванка.

«Их можно наблюдать, возможно, где-нибудь в Центральной Африке».

«В местах, удаленных отсюда?»

«О да, в местах весьма удаленных, — язвительно ответил Барч. — Там живут совсем другие люди, настолько же отличающиеся от нас, насколько...» Он хотел было сказать, «насколько мы отличаемся от вас», но прикусил язык и прихлебнул коктейль из высокого зеленого бокала. Указав на негра, сидевшего за соседним столиком, он прибавил: «Этот человек происходит от африканцев».

«Неужели? Он практически ничем не отличается от вас — разве что цветом кожи. Он участвует в обрядах, о которых вы упоминали?»

«Нет — конечно, нет. Он родился и вырос в нашем обществе. Время от времени, однако, он подвергается неприятной дискриминации». Чуть помолчав, он раздраженно прибавил: «Так же как земляне, насколько я понимаю, подвергаются дискриминации на Лектве».

Комейтк-Лелианр поджала губы, поворачивая пальцами бокал то в одну, то в другую сторону. Барч заметил, что ее бокал полон: «Тебе настолько отвратителен этот напиток, что ты не можешь его пить?»

Девушка безразлично взглянула вниз, приложила губы к трубочке и отпила несколько глотков: «Теперь я должна почувствовать возбуждение?»

«Не думаю. Для этого нужно выпить еще два или три таких коктейля».

Лектванка покачала головой: «На это я не соглашусь». Поднявшись на ноги, она сказала: «Давайте уйдем отсюда».

Барч угрюмо проводил ее на улицу и обратно к воздушной яхте. Едва сдерживая возмущение, он предложил: «Если тебя интересуют отвратительные зрелища, я мог бы показать тебе поединок профессиональных боксеров или борцов, хотя предпочел бы без этого обойтись».

Комейтк-Лелианр пожала плечами: «Тогда мы вернемся домой». И она прошла в кабину

через прозрачный корпус яхты.

Ш

Яхта поднялась в ночное небо и автоматически повернула в сторону куполов Маркеля, оставшихся далеко на юге. Авеню Сан-Пабло превратилась в сверкающую артерию, наполненную плывущими искрами фар. Сверху Млечный Путь выделялся на черном бархате пространства поясом из миллионов светящихся пылинок-звезд.

Машина летела на юг над огромной центральной долиной. Города стали мутными пятнами света за кормой — теперь звезды горели еще ярче.

Комейтк-Лелианр тихо сказала: «Отсюда видно солнце Лектвы, рядом с яркой голубой звездой...»

«Это Спика».

«Чуть выше и левее — бледная звездочка. Это наше солнце, Скиль».

Рой Барч присмотрелся в указанном направлении без особого любопытства: «Возникает впечатление, что ты тоскуешь по родной планете».

Девушка кивнула: «Здесь, в чужом мире, нет никого из моих друзей. Я поспешила заняться исследованиями, чтобы отвлечься, чтобы забыть об одиночестве».

Барч погрузился в неловкое молчание.

Прямо по курсу, над самым горизонтом, в небе зажглась яркая зеленая вспышка. Комейтк-Лелианр испуганно ахнула и резко выпрямилась на сиденье.

Барч тоже насторожился: «Что случилось?»

«Не знаю...» — девушка до упора вдавила черный стержень в серебряный шар.

По полоске альтиметра быстро побежали тени. Комейтк-Лелианр напряженно обхватила руками колени; Рой Барч тревожно смотрел вперед. Под ними промелькнули заснеженные вершины гор; уже через несколько секунд появились хрустальные купола Маркеля — тускло освещенные, мирные и спокойные.

Воздушная яхта замедлилась и опустилась на стеклянную террасу.

Комейтк-Лелианр быстро выскочила из кабины. Барч последовал за ней. На террасе девушка застыла, как статуя. Барч начинал не на шутку беспокоиться: «В чем дело? Что происходит?»

«Не знаю. Что-то случилось — что-то ужасное...»

Барч направился по террасе к главному куполу. Под его ногами в синем стекле светились зеленоватые волокна.

Неподалеку лежало что-то темное, какая-то фигура. У Барча перехватило дыхание — он подбежал к телу и медленно опустился на колени: Дарран! Барч не мог поверить своим глазам. Клод Дарран — мертвый, безответный? Немыслимо!

У него за спиной выросла тень — Комейтк-Лелианр. Рой Барч с трудом поднялся на ноги, как оглушенный, и прошел еще несколько шагов вперед — не больше четырех. И снова наткнулся на темную фигуру — на этот раз маленькую, беспорядочно раскинувшую руки и ноги. Сиа-Спедз! Комейтк-Лелианр начала истерически задыхаться. Шея Барча похолодела, словно налитая льдом. Он начал было опускаться на колени у несчастных останков младшей сестры, но тут же поднялся и увлек девушку подальше, к балюстраде.

«Клау... — выдавила она шепотом. — Они здесь... прилетели на Землю».

Барч нерешительно вглядывался в темноту, ощущая беспомощность. На самом деле он не хотел ничего выяснять, боялся оказаться лицом к лицу с убийцами из другого мира. Где-то внутри хрустального купола послышался глухой звук удара. Комейтк-Лелианр ахнула и бросилась ко входу в купол.

Ноги Барча судорожно двигались сами собой: оттеснив девушку, он опередил ее и приблизился к тускло освещенному portalу. Осторожно заглянув внутрь, он не заметил ничего, кроме пары предметов мебели. Всхлипывая, Комейтк-Лелианр прижалась к его спине. Барч проскользнул внутрь; девушка обогнала его, подбежала к чему-то вроде завесы зеленоватого дыма, отбросила ее в сторону взмахом руки и оцепенела в странной позе, приподняв руки и не закончив шаг.

Барч заглянул через ее плечо — на полу лежали два золотистых тела.

Вокруг было много крови, собравшейся в соединенные струйками лужи. Барч взял девушку за плечи и заставил отойти назад.

Она бормотала: «Нужно связаться...» Пошатываясь, она пересекла помещение и открыла еще один портал. За ним валялись еще два трупа — гости Маркея. А за коммуникационным пультом сидело большое черное существо. Лицо его поросло жесткой черной щетиной, глаза блестели, как полированный черный янтарь с четырехлучевыми красными звездами посередине.

Клау уставился на Барча; ноги Барча онемели, одеревенели. Недовольно ворча, клау поднялся, сжимая в руке тяжелый черный кинжал.

Покрывшись испариной, Барч отступил и прислонился спиной к стене. Клау занес руку, державшую кинжал. Барч успел схватить черную шершавую кисть, уперся ступней в живот противника и резко распрямил ногу. Клау пошатнулся и с глухим ревом упал на спину.

Оскалившись, как волк, Барч наступил всем весом на мясистую шею убийцы. Сильные черные руки схватили его за лодыжку — Барч терял равновесие.

Послышались шипение, короткое булькающее урчание. Пальцы клау отпустили Барча и сжались в кулаки, четырехконечные красные зрачки разгорелись, потускнели, сжались и потухли.

Комейтк-Лелианр распрямилась, отпустив кинжал, торчавший в черной груди.

«Пойдем, нужно уходить! — задыхаясь, выпалила она. — Он не один!»

Девушка побежала к выходу. Барч задержался, чтобы выдернуть кинжал. Он услышал приглушенный писк, поднял голову и успел заметить надвигавшуюся черную пелену. Его обволокло что-то тяжелое и мохнатое. Его свалили с ног и куда-то понесли, как завернутого в пеленки младенца.

Крепко державшие Барча руки раскачали его, подбросили и отпустили. Он падал, головокружительно падал — секунду за секундой, минуту, километр за километром...

Лихорадочно изворачиваясь и пинаясь, Барч сумел освободиться от ворсистой пелены. Свободное падение продолжалось... Странное дело! В ушах не шумел ветер, напор воздуха не чувствовался. Барч замер — руки и ноги неподвижно повисли. Да, он висел во мраке, в наполненном воздухом пространстве. Иллюзию падения создавало отсутствие силы притяжения. Теперь глаза начинали приспособливаться к темноте. Он различил стены, тускло озаренные красновато-коричневым свечением — так, словно они раскалились докрасна. Но воздух был холоден, лицо не ощущало тепла.

У него над головой безмятежно парила Комейтк-Лелианр. Он поймал ее за лодыжку и

притянул к себе. Глаза девушки были закрыты.

Барч расслабился, как усталый пловец, выбравшийся на берег. События происходили слишком быстро. Барч даже усомнился: может быть, он спит и видит дурной сон? Действительность просто не могла быть настолько фантастической. Он больно ущипнул себя, но это ни к чему не привело. Нет, он не спал.

Озираясь по сторонам, Барч понял, что плавает в воздухе посреди яйцевидной камеры со сплошными стенами, без каких-либо признаков выхода. Он скорее чувствовал, нежели слышал, дрожь какого-то монотонного звука — настолько высокого, что его почти нельзя было уловить.

Барч закрыл глаза. Он хотел заснуть, обо всем забыть, ничего не замечать... Рядом что-то пошевелилось. Комейтк-Лелианр очнулась. Лектванка сразу стала вести себя так, словно окружающее ее несколько не удивляло. Она ощупала голову, облизала губы, посмотрела вокруг. Взгляд ее безразлично остановился на Барче.

Он спросил, стараясь изображать спокойствие: «Где мы?»

«В звездолете клау».

«Куда нас везут? Почему нас не убили?»

Комейтк-Лелианр пожала плечами: «Трупы бесполезны. Скорее всего, нас везут на Магарак».

«Магарак?»

«Это их промышленный центр».

«Но...»

«Теперь мы — рабы».

«А!» — перед глазами Барча, подобно цветным слайдам, пронеслись земные сцены и пейзажи. Все, что он потерял. Все, что он уже никогда не увидит. Больше не пытаюсь скрывать тревогу, он поинтересовался: «И как там живут, на Магарак?»

«Там темно, сыро и холодно».

Барча охватил приступ ярости — он винил в случившемся Комейтк-Лелианр и всех лектванов. Почему он должен быть жертвой их раздоров с другой инопланетной расой?

«Почему лектваны не сделают что-нибудь, чтобы избавиться от клау?»

Комейтк-Лелианр полупрезрительно улыбнулась: «Лектваны живут на трех планетах, а клау владеют сорока двумя. В характере войны между нашими расами вам, скорее всего, было бы трудно разобраться досконально — это многовековой конфликт, от него зависит сохранение нашей нравственной жизнеспособности. В конечном счете мы, конечно, победим. Тем временем люди гибнут и страдают». Она пожала плечами: «Вселенная несовершенна».

«Это очевидно», — отозвался Барч. Земля внезапно представилась ему маленькой и ничтожной, буколической провинциальной глубинкой на окраине космических империй: «Так что же? Нам предстоит провести остаток жизни на Магарак?»

Девушка не ответила. Барч отчаянно разглядывал тускло светящиеся стены: «Нас не выкупят? Мы не можем убежать?»

Комейтк-Лелианр произнесла с расстановкой — так, будто говорила с ребенком: «Выкуп невозможен — между лектванами и клау нет никаких структур обмена. Клау располагают энергетическими мощностями, сырьевыми материалами, техническими навыками. Но для них самый ценный товар во Вселенной — трудовые ресурсы. Клау оценивают благосостояние в зависимости от количества рабов».

«А побег?»

Лектванка пожала плечами: «Недавно двенадцать рабов-ленапи спрятались в поддельной полости грузового звездолета и добрались до Маха-Триады. Если им удастся вернуться домой, на Лено, репутации клау будет нанесен ущерб. Если же их сумеют поймать, клау продемонстрируют другим рабам на примере беглецов, насколько нежелательны последствия неподчинения».

«Таким образом, покинуть планету рабов почти невозможно».

«Совершенно верно».

Прошло, наверное, не меньше двух суток. Три раза на стенах камеры вздувались пузыри — пузыри лопались, впрыскивая в камеру порции серой каши.

Комейтк-Лелианр полностью замкнулась в себе. Она не говорила с Барчем, не обращала внимания на еду. Наконец Барч приблизился к ней, оттолкнувшись от стены: «Если ты не будешь есть, ты ослабеешь. Ты можешь заболеть».

Она сонно взглянула на него: «Ну и что?»

Барч раздраженно нахмурился: «Что с тобой? Ты уже сдаешься?»

«А что еще остается?»

«Нужно сохранять уверенность в себе».

«Мы — рабы, — тихо сказала девушка. — Рабам ни к чему самоуверенность».

«Я — не раб, пока не почувствую себя рабом».

Внутри лектванки словно порвалась сдерживающая нить. Ее голос стал резким, торопливым: «У вас нет никакого представления о том, что вас ждет на Магараке. Вы отказываетесь думать, руководствуясь предварительно сфабрикованными эмоциональными шаблонами, заменяющими мыслительный процесс. И, что еще хуже, вы пытаетесь исказить реальность в соответствии со своими предрассудками».

«Все это я уже слышал, — бесцветным тоном отозвался Барч. — Время от времени «эмоциональные шаблоны» позволяют изменять реальность в свою пользу. И знаешь, почему?»

«Почему?»

«Потому что ни ты, ни я на самом деле не понимаем реальность целиком и полностью. Мы не знаем, какой именно «эмоциональный шаблон» точно ей соответствует. Так или иначе, возможно это или невозможно, если существует какой-нибудь способ сбежать из концентрационного лагеря на Магараке, я постараюсь им воспользоваться — и, если получится, возьму тебя с собой».

Она устало ответила: «Ваши планы сформулированы слишком расплывчато. Вы не можете сбежать с Магарака только потому, что хотите сбежать».

Барч мрачно рассмеялся: «Без желания сбежать невозможен никакой побег, это бесспорно. Двенадцать ленапи сбежали, не правда ли?»

«Вы недооцениваете разницу: ленапи — высокоразвитая раса. Они хорошо понимают, как организовано производство на Магараке. Кроме того, порученные им функции позволяли им контролировать выращивание звездолета, на котором они улетели».

«Выращивание?»

«Конечно. Звездолеты выращивают — так же, как на Земле выращивают капусту. Ленапи — специалисты во всем, что касается прогрессирующего синтеза материалов. У себя на Лено они выращивают жилища, морские суда, воздушные корабли. На Лектве, кстати,

многие машины и транспортные средства тоже изготавливают методом органического роста».

Барч усмехнулся: «Что и говорить, наши подходы принципиально несовместимы. На Земле мы выращиваем пищу и собираем звездолеты из компонентов. Вы выращиваете звездолеты и собираете из компонентов пищу».

Комейтк-Лелианр апатично возразила: «Выращивать корабли проще, чем строить. Если бы вы разбирались в проектировании звездолетов, вы осознали бы преимущества нашего подхода».

«К черту звездолеты, ленапи и капусту! Найдется еще какой-нибудь способ сбежать с Магарака».

«Какой? — лектванка отозвалась скорбным смешком. — Вы ничего не знаете о Магараке. Вы не можете даже вообразить себе Магарака. Неужели вы думаете, что незаметно улететь с планеты так же легко, как убить охранника и перепрыгнуть через ограду?»

«Я не утверждаю, что добьюсь успеха. Но я попытаюсь».

Она улыбнулась: «Ах, да. Раскрепощенная изобретательность молодой расы».

Барч покосился на нее почти неприязненно: «Называй это как хочешь. Может быть, когда раса становится слишком древней, как лектваны, она дряхлеет, киснет и теряет волю к жизни».

«Все может быть», — лектванка потянулась, разминая руки и ноги. Помолчав, она обернулась и взглянула на него с новым интересом: «В любом случае, ваш оптимизм заразителен».

Барч усмехнулся. Когда-то — уже, казалось, давным-давно — Клод Дарран придерживался совсем другого мнения о способности Барча выражать оптимизм.

Словно угадав его мысли, Комейтк-Лелианр пробормотала: «Как странно ветвятся и переплетаются волокна судьбы в суспензии времени-пространства! Всего лишь три дня тому назад...»

Барч впервые увидел, как на ее глаза навернулись слезы.

Шло время.

Без всякого предупреждения непроницаемая скорлупа яйцевидной камеры раскололась. Хлынул слепящий белый свет, сопровождаемый волной шума и неразберихой темных фигур. Свет погас, стены снова сомкнулись. Камера тут же наполнилась неприятным запахом преющей живой плоти.

Барч прижался спиной к стене. Прибавились восемь узников — шестеро мужчин и две женщины: сутулые бледнокожие существа с влажными и сморщенными в складки, как у бульдогов, лицами. На них были поношенные темно-серые рубахи и штаны до колен, длинные кожаные чулки и обувь, напоминавшая сгустки желтоватой резины.

Комейтк-Лелианр произнесла без всякого выражения: «Модоки. Мне казалось странным, что в трюме нас оставили одних».

Барч опасливо наблюдал за новоприбывшими. На их лицах не отражались какие-либо эмоции. Они обменялись несколькими хриплыми фразами, после чего наступила мертвая тишина — модоки разглядывали Барча и девушку-лектванку.

Комейтк-Лелианр заметила, с примесью некоторого оживления в голосе: «На первый взгляд я приписала бы им индекс 14–90 по эпигностической шкале культурного развития. Следует учитывать характерный материал их одежды: прочный, формованный, а не тканый; их обувь тоже сформована непосредственно на ступнях и не снимается. Скорее всего, это аграрные рабы лорда-технолога»

Барч хмыкнул, не выражая никакого мнения.

Лектванка монотонно продолжала: «Широко распространенный во Вселенной тип. Их судьба мало изменится — к лучшему или к худшему».

«Хотел бы я знать, сколько еще нас продержат в этом трюме», — проворчал Барч.

«Вам не терпится увидеть Магарак?»

«Нет, но мне не нравится запах этих... модоков».

«Через некоторое время вы пожалеете о том, что покинули камеру».

«Ты думаешь, нас разлучат?»

«Несомненно, — все тем же бесцветным тоном отозвалась она. — Прежде всего рабов сортируют, приблизительно оценивая их интеллектуальный уровень. Их заставляют перемещаться вдоль испытательного трека, оборудованного скрытыми капканами, опасными ловушками, препятствиями, источниками болезненных ощущений и другими подобными устройствами, способность избегать которых свидетельствует о сообразительности испытуемых. После первоначального отбора рабов низших сортов классифицируют в зависимости от состояния здоровья, телосложения, ловкости и сноровки». Комейтк-Лелианр взглянула на группу модоков: «Этих, скорее всего, отправят в грязевые топи на побережье Ксольбоарского моря — там производится крупномасштабная мелиорация, поглощающая тысячи трудовых единиц в год».

«А что сделают с нами?»

«Возможности неисчислимы».

Барч задремал и проснулся, услышав грубые хриплые голоса. Он инстинктивно пригнулся, прикрыв голову руками, но постепенно успокоился. Два раба подрались, неуклюже пытаясь расцарапать друг другу ничего не выражающие морщинистые лица. Остальные модоки, мужчины и женщины, критически наблюдали за происходящим.

«Отвратительные животные!» — обронила Комейтк-Лелианр.

Один из драчунов неожиданно перестал сопротивляться. Другой уперся обеими ногами в его широкую спину и рывком потянул на себя его голову. Глаза сдавшегося выпучились, шейные позвонки треснули. Модоки-зрители принялись шумно обсуждать результат поединка.

«Из-за чего они поссорились?» — в полном недоумении спросил Барч.

«Кто знает?»

«Смотри!»

Две женщины награждали победителя звонкими оплеухами — тот безропотно выносил эти шлепки. В конце концов он приподнял руки, словно признавая поражение, приблизился к мужчине-зрителю, схватил того за шею и стал колотить его головой об стену до тех пор, пока разбитый череп не превратился в желеобразное месиво. Некоторое время женщины яростно ругались, но вскоре, судя по всему, потеряли интерес к размолвке. Никто не обращал никакого внимания на неподвижно повисшие в невесомости трупы. Некоторые, бросив мрачные взгляды в сторону Барча и Комейтк-Лелианр, перекинулись парой односложных слов и замолчали.

Барч задумчиво произнес: «Что, если...» Он оценивающе взглянул на девушку-лектванку: «По-твоему, как будут содержать модоков на Магарак?»

Комейтк-Лелианр удивилась такому вопросу: «Не имею ни малейшего представления. Лектваны почти ничего не знают об индустриальных мирах клау. Можно допустить, однако, что за туповатыми аграрными рабами следят не так бдительно, как за рабами-техниками».

«Что, если клау найдут мертвые тела в твоей и в моей одежде...»

Комейтк-Лелианр содрогнулась: «Вы хотите, чтобы я напялила тряпье модока?»

«Нам нечего терять — но мы могли бы кое-что приобрести».

Девушка покачала головой: «Не вижу никакой причины...»

«Если нас отправят в грязевые топи, мы останемся вместе!»

«О! — молодую лектванку посетило озарение. — Раскрепощенная изобретательность, безрассудное сопротивление судьбе...»

«Вот именно, — мрачно отозвался Барч. — Если бы я не мог ничего сделать, оставалось бы только покориться судьбе. Так что же, ты готова рискнуть?»

Лектванка пожала плечами: «Мне все равно».

Барч побагровел: «Если ты предпочитаешь остаться одна, достаточно об этом сказать».

«Нет, Рой. У меня нет возражений против вашего присутствия».

«И на том спасибо!» — прорычал Барч.

Девушка улыбнулась: «Может быть, нашим спутникам не понравится экспроприация одежды их погибших родичей».

«Этот вопрос скоро решится сам собой».

Оттолкнувшись от стены, Барч приблизился к ближайшему мертвецу и, вызываясь взглядом в каждое из шести белых морщинистых лиц модоков, начал стаскивать с тела серую рубаху.

Послышалось тихое бормотание, черные глаза модоков широко раскрылись и пристально следили за действиями Барча. Никто, однако, не сдвинулся с места. Под свободной рубахой оказался плотно облегающий кожу комбинезон посветлее, из прессованного волокна. «Этот меньше ростом, — сказал Барч девушке-лектванке. — Давай сюда свою одежду».

Комейтк-Лелианр выскользнула из белого с черными ромбами наряда и брезгливо натянула темно-серые штаны и рубаху.

Барч раздел второго мертвеца-модока, оставив на нем исподний светло-серый комбинезон. Сжимая ноздри, чтобы не чувствовать запах прокисшего пота, Барч натянул через голову рубаху сельского раба.

Около стены возникло какое-то движение. Барч резко обернулся: один из модоков-мужчин ощупывал материал земного пиджака. «*Прощай, мой добротный вельветовый костюм!*» — подумал Барч. Решительно отобрав пиджак у модока, он начал надевать его на труп.

Бормотание наблюдателей становилось громче. Старшая женщина издала яростный клокочущий вопль; другая изобразила какой-то жест, приложив к губам растопыренные пальцы. Игнорируя шум, Барч застегнул пиджак и принялся вставлять ноги мертвеца в брюки. Ноги оказались слишком коротки — брюки смехотворно протянулись дальше желтоватых комков резины, служивших модоку обувью.

Краем глаза Барч заметил, что Комейтк-Лелианр ловко облекла второй труп в свой арлекинский костюм. Повернувшись, он критически оценил ее блестящую серебристую шевелюру: «Из тебя не выйдет типичная аграрная рабыня».

Озираясь по сторонам, Барч увидел на голове одного из модоков мягкий конический колпак. Оттолкнувшись от мертвеца, Барч приблизился к этому рабу, протянул руку и схватил колпак. Модок сначала неуверенно прижимал колпак к голове, не желая с ним расставаться, но почти сразу же испуганно отпустил его, лихорадочно дрожа и выпучив

глаза.

Женщины что-то одобрительно прокудахтали.

Барч напялил колпак на платиновые волосы лектванки. «Так-то будет лучше!» — произнес он, снова оценив ее внешность. Обернувшись в сторону модоков, он прибавил: «Странный они народец, с причудами».

«Все относительно, — отозвалась Комейтк-Лелианр. — С их точки зрения наше поведение тоже необъяснимо».

Барч взглянул на свои ботинки и на сандалии лектванки: «Ты думаешь, наша обувь не слишком бросается в глаза?»

«Не могу сказать».

Звездолет дрогнул, откуда-то из глубины корабля послышался лязгающий перезвон, подобный бряцанию якорной цепи, падающей в клюз. «Что это?» — спросил Барч.

«Не знаю. Может быть, мы уже прибыли».

«В таком случае мы вовремя переоделись».

Корабль снова вздрогнул, еще сильнее; красноватое свечение стен трюма пульсировало, становясь то ярче, то тусклее. Через несколько секунд стена камеры раскололась. Сила тяжести навалилась на десять тел — восемь живых и два мертвых. Все они соскользнули по плавно изогнутым стенам трюма, вместе с накопившимися в полете мусором и экскрементами, в горловину образовавшегося желоба. Свежий воздух обдал их лица холодом, тишина сменилась ревушим шумом.

Внезапный яркий свет заставил Барча зажмуриться, от непривычного воздействия гравитации дрожали колени. «Эллен! — кричал он. — Эллен, ты где?»

Часто моргая, он озирался по сторонам. Их сбросили в обнесенный оградой загон. Комейтк-Лелианр стояла в нескольких шагах, стараясь удержать на голове колпак — его хотел отнять первоначальный владелец этого головного убора. Прихрамывая, Барч поспешил к этому модоку и ударил его кулаком в висок.

Что-то ужалило его в шею и разгорелось, как жгучее пламя. Барч рывкнул и оглянулся. Сверху, на наклонном переходе за оградой, стоял невероятных размеров человек с кроваво-красной кожей. У него на голове торчали во все стороны длинные черные шипы, похожие на иглы дикобраза. В его в глазах, так же, как у клау, светились красные четырехлучевые звезды; в руках он держал трубчатый инструмент, в отверстии которого мелькала змейка искристого разряда — вверх и вниз, наружу и внутрь.

Багровый гигант что-то проревел Барчу звенящим, как труба, голосом и пригрозил своей электрической плетью. Внимание надсмотрщика привлек беспорядок в соседнем загоне — он спустился по переходу громоздкими шагами. Искристая змейка вырвалась и кого-то ужалила: послышался короткий возглас боли.

Ошеломленный и возмущенный, Барч встал бок о бок с Комейтк-Лелианр, помотал головой, словно пытаясь вытряхнуть из нее замешательство, и гневно возрился на расшагивающих сверху краснокожих надзирателей.

Прямо над головой распахнулся люк желоба — посыпалась лавина тел. Потянув за собой лектванку, Барч бросился к ограде, подальше от копошащейся посреди загона толпы, и перевел дыхание только тогда, когда убедился в безопасности девушки.

Разгрузка звездолета продолжалась. Мужчины и женщины, кувыркаясь, соскальзывали по желобам из отверстий трюмов, падая на распластавшиеся под ними вопящие тела.

За огромным корпусом корабля Барч заметил силуэты двух других звездолетов; за ними

темнел фасад небоскреба чуть ли не двухкилометровой высоты — его верхняя часть почти растворялась в облачном тумане. Воздух наполнял непрерывный рев, напоминавший шум прибой; в загонах пахло грязью, ржавчиной и мочой.

Комейтк-Лелианр безразлично сказала ему на ухо: «Нас не рассматривают в качестве ценного груза. Нас заставят тяжело работать, и мы скоро умрем».

Рой Барч раздраженно огрызнулся: «Похоже на то, что тебя это несколько не волнует».

Лектванка пожала плечами: «Я знаю, чего следует ожидать. Мы на Магараке».

«Я почти оцепенел от страха», — признался Барч.

Девушка пожала плечами: «Надлежащая коррекция эмоций позволяет избавиться от страха».

Барч не на шутку рассвирепел: «К чертовой матери коррекцию эмоций! Больше всего я боюсь, что не успею заставить эти дьявольские отродья пожалеть о том дне, когда они меня увидели!»

Комейтк-Лелианр взглянула вверх, на наклонный металлический переход над загонами: «Подруоды скоро научат тебя не предаваться таким мыслям».

«У них такие же глаза, как у клау».

«Подруоды — подвид клау. Существуют несколько разновидностей клау — большие клау, малые клау, борнгалезы, подруоды. Подруодов используют в качестве солдат, охранников и надзирателей».

Металлический лязг на мгновение заглушил фоновый шум, издали послышались выкрики. Повернув голову, Барч увидел длинную поворотную стрелу, похожую на огромное птичье перо. Стрела вибрировала, раскачиваясь на фоне туманного неба. Между стрелой и загонами быстро, как реактивные самолеты, пронеслись один за другим шесть белых шаров.

«Сумасшедший дом!» — сказал Барч на ухо лектванке.

Та кивнула: «По сравнению с другими районами Магарака здесь тихо».

Голос подруода прозвенел, как фанфара: «Хей! Хей! Хей!» Позади в ограде раздвинулись ворота.

«Надо полагать, нас приглашают выйти», — пробормотал Барч.

Мимо протискивалась плотная волна серых фигур с испуганными белыми лицами. Костлявые плечи наносили Барчу частые удары и почти свалили его с ног. «Эллен! — кричал он, в отчаянии глядя то в одну, то в другую сторону. — Эллен! Где ты? Эллен!»

Плечи и локти безжалостно колотили Барча, его несло вместе с приливом тел. «Эллен!» Ему показалось, что он расслышал ответный возглас — свое имя — и попытался задержаться, чтобы найти девушку, но больше не слышал ничего, кроме шаркающих ног и звенящих понуканий громадных багровых подруодов.

Впереди полого поднимался коробчатый желоб. Модоки, по четыре человека в ряд, всходили по желобу, после чего спрыгивали вниз, на палубу чего-то вроде продолговатой черной баржи. На корме стоял подруод с бедрами, выкрашенными в голубой цвет; лицо его сжималось и разжималось, как резиновое — он непрерывно орал, повторяя приказы.

Барч вытягивал шею, высматривая девушку в море инопланетных лиц. Впереди, шагах в пятидесяти, он наконец заметил Комейтк-Лелианр: «Эллен!» Она обернулась. Огромная багровая рука поднялась и заслонила ее лицо — спотыкаясь, девушка поднималась по желобу.

Справа открылся другой желоб — подруоды заорали, погоняя поток рабов в новом направлении.

Барч бросился вперед, расталкивая впереди идущих. Он видел, что Комейтк-Лелианр уже наполовину поднялась по коробчатому трапу. Подруод взревел, ударил его, выстрелил электрической змеей.

Рой Барч упал на колени — вокруг, наступая ему на руки и на ноги, теснились и торопились рабы.

Барч упрямо полз на четвереньках к левому трапу — и наткнулся на массивные ноги подруода. Охваченный безудержной яростью, Барч схватил эти ноги и дернул их на себя. Громадное багровое тело грохнулось на спину, электрическая плеть откатилась в грязь. Барч попытался поймать эту трубу, но не дотянулся. Вскочив на ноги, он со всех ног побежал к левому трапу и успел протиснуться в последнюю группу поднимавшихся по нему модоков.

Сзади раздавался хриплый визгливый рев. Оглянувшись на мгновение, Барч увидел толпу модоков, с воплями и смехом окруживших подруода и с размаха пинавших покрытую гибкими иглами голову.

Громяхая подошвами по металлическому переходу, на помощь упавшему надзирателю сбегались другие — сверкали молнии разрядов. Серые фигуры рабов послушно двинулись к барже. В грязи извивался и размахивал конечностями, как перевернутый на спину жук, багровый гигант.

Барч пробивался вперед: «Эллен!» Он схватил ее за предплечье: «Я уже думал, что потерял тебя».

Она взяла в руку его ладонь и крепко пожала ее. Сердце Барча сжалось от радости. Ему показалось даже, что ради этого момента стоило оказаться на кошмарной концентрационной планете.

За ним закрылись ворота. Баржа вздрогнула, поднялась в воздух и оставила за кормой загоны для разгруженных рабов.

Комейтк-Лелианр и Барч, успевший спрыгнуть на палубу в числе последних, облокотились на поручень. Девушка-лектванка обвела рукой открывшийся перед ними ландшафт: «Ну вот, полюбуйте на Магарак».

IV

Панорама была необъятна и непостижима — ум отказывался как-либо ее истолковать. Барч скорее ощущал, нежели различал, полыхающие огни, гигантские движущиеся объекты, чудовищные формы. Вблизи огни казались пышущими горловинами печей — желтыми, оранжевыми, зеленовато-белыми, красными; на горизонте они мерцали и перемигивались подобно звездам.

Отовсюду доносился тяжелый рокочущий грохот, настолько всепроникающий, что уши привыкали к нему, как к неотъемлемому свойству планеты. В небе перемещались бесчисленные силуэты — длинные поворотные стрелы, кружившиеся высоко и над самой головой, черные механизмы, напоминавшие пауков и скользившие рывками по серебристым направляющим, баржи, летящие в разных направлениях на различных уровнях, то и дело вырывающиеся к облакам струи темного дыма. Под верхними, подвижными ярусами индустриального ада виднелись стационарные сооружения — грязновато-белые, зеленовато-серые, черные, оранжевые; вдоль стен порой тянулись едва заметные ряды полутемных окон,

другие стены казались непроницаемо глухими. Между зданиями открывались темные провалы, в далекой глубине наполненные желтым или голубоватым тлением.

Барч поднял голову и посмотрел прямо вверх: в дымном, словно заляпанном сажей небе плыли низкие клубящиеся тучи: «Нынче день или ночь? Наверное, все-таки день».

Комейтк-Лелианр насмешливо поинтересовалась: «Как вам нравится Магарак?»

«Я чувствую себя муравьем в молотилке, — Барч повернулся кругом, вглядываясь в горизонт. — Как далеко простирается этот бедлам?».

«Скорее всего, мы находимся на континенте Кдоа, — предположила лектванка. — Это большой промышленный комплекс, протяженностью примерно восемь тысяч ваших километров».

«Восемь тысяч километров — вот этого?»

Комейтк-Лелианр кивнула: «Внизу, под землей — бараки, хозяйственные и продовольственные склады, ясли».

«Ясли? Для кого?»

«Для детей рабов. Рабов поощряют к размножению. Женщины стараются беременеть как можно чаще, чтобы не работать слишком тяжело. Из детей получаются наилучшие рабы — они не знают никакой другой жизни».

Барч молча провожал глазами проплывавшие мимо силуэты и огни Магарака.

«Вы все еще думаете, что вам удастся преодолеть — все это?» — лектванка указала кивком на ландшафт.

Барч покосился на нее с презрением: «А ты все еще думаешь, что я не попробую?»

«Нет, я думаю, что вы попробуете, — без всякого выражения отозвалась она. — Думаю, что вы закончите свои дни на решетке — там, где наказывают непокорных рабов».

Барч смотрел вниз, опираясь на поручень. Ниже, метрах в пятидесяти-шестидесяти, к ним приближалась другая баржа. Барч увидел шесть темных веретенообразных продольных балок, успел заметить мелькнувшие белыми пятнышками, повернувшиеся вверх лица. Встречная баржа исчезла под палубой.

За бортом открылась апатичная рябь свинцового моря — они летели над мрачной грязевой топью. Появилась длинная черная полоса, по мере приближения распавшаяся на отдельные элементы: группы людей, штабели рубленых каменных блоков, паукообразные подъемные краны. Строителей отгораживала от моря невысокая земляная плотина-перемычка; в глубоких ямах, сочащихся водой, рабочие, едва шевелившиеся, как полузамерзшие муравьи, возводили кладку из огромных камней.

«Вот этим вам придется заниматься», — блеклым тоном произнесла Комейтк-Лелианр.

Барч неподвижно смотрел вниз, в зловещие мокрые ямы: «А что делают женщины?»

«Им поручают какую-нибудь другую работу. Например, они могут обтесывать камни».

Мимо проплыла баржа, нагруженная гранитными блоками. Барч спросил: «Каким образом баржи держатся в воздухе? Клау пользуются здесь теми же устройствами, что и в своих звездолетах?»

«Скорее всего, — лектванку этот вопрос мало интересовал. — Принцип проекционной связности носит фундаментальный характер».

«Но такая баржа может покинуть планету?»

«Вероятно, — Комейтк-Лелианр заметила, что участок мелиорационного строительства остался за кормой. — Так или иначе, нас везут не сюда».

Позади пологой дугой тянулся в горизонт берег океана; впереди темнели смутные

очертания гор. Быстро сгущались сумерки — где-то заходило скрывающееся за беспросветной пеленой туч солнце. «По-твоему, сколько еще мы будем лететь?» — спросил Барч.

Комейтк-Лелианр слегка нахмурилась: «Если горы впереди — Паламкум, значит, мы миновали берег Чульского моря, то есть мы на Кредбоне, а не на Кдоа. Насколько я помню, Ксольбоарское море — за этими горами».

«Там нас отсортируют и заставят работать?»

«Надо полагать».

Барч внимательно рассматривал горы — громадные массы серой скальной породы, расщепленные глубокими долинами и ущельями. Склоны долин чернели коврами растительности, на высоких перевалах и пиках поблескивал снег.

Понизив голос, Барч спросил: «Твои сандалии поднимут нас обоих?»

Неожиданная идея застала лектванку врасплох, но она тут же сосредоточилась: «Нет, не поднимут».

«Что произойдет, если мы вместе спрыгнем с баржи?»

«Если я удержусь на ногах, мы постепенно спустимся на землю».

«Там, внизу, нас никогда не поймают».

Комейтк-Лелианр с опаской взглянула на дикий и крутой горный склон: «Мы умрем с голоду».

«Может быть — а может быть и нет. По меньшей мере мы будем свободны. Нам не придется работать в грязевых ямах и жить в бараках с рабами».

Взглянув на модоков, лектванка приняла решение: «Хорошо. Постарайтесь стоять на моих ступнях».

Барч нагнулся над поручнем: они летели над долиной, поднимавшейся вдаль, к снежным вершинам.

«Пора! — пробормотал Барч. — Ты готова?»

«Да».

«Давай!» — Барч вскочил верхом на поручень. Комейтк-Лелианр ловко последовала его примеру — девушка сидела на поручне ногами наружу. К ним повернулись изумленные бледные лица. Модоки стали взволнованно перекрикиваться, иные неуверенно протянули руки в сторону беглецов.

Барч злобно оскалился и отпихнул ногой ближайшего из аграрных рабов. Булькающие восклицания модоков привлекли внимание подруода. Надзиратель тут же направился к Барчу тяжкими двухметровыми шагами.

«Я готова! — торопливо напомнила лектванка. — Становитесь на ступни».

Барч обхватил девушку за талию и спрыгнул вместе с ней в серую влажную воздушную пропасть. Угловатый корпус баржи мигом проскользнул вверх; на фоне сумеречного неба мелькнули сотни маленьких бобышек-голов, перегнувшихся через поручень. Небо и горы тошнотворно кружились и кувыркались.

Комейтк-Лелианр кричала ему в ухо: «Встаньте на ступни! Скорее!»

Барч прижал ноги к коленям девушки и уперся подошвами в подъемы ее ног. Он почувствовал торможение; небо и горы перестали кружиться.

Тревожно взглянув наверх, Барч увидел, что баржа продолжала потихоньку лететь дальше; фигуры рабов на палубе уже сливались в смутную серую массу, неотличимую от любого другого груза. Барч посмотрел вниз. Утес, напоминавший гигантский гнилой зуб,

мчался к ним с устрашающей скоростью; под ним открывался провал долины с блестящей змейкой реки посередине.

«Мы тормозим, — сказала лектванка. — Чем ниже мы спускаемся, тем медленнее падаем».

Барч постарался успокоиться и подражать движениям девушки по мере того, как она перемещала вес с одной ноги на другую. К ним уже тянулись длинные ветви, покрытые темной листвой. До земли оставалось метров десять... шесть... три метра...

Они свалились в крону дерева, с треском ломая ветви и подминая стебли. Увидев внизу черный перегной на склоне, Барч отпустил девушку и прыгнул с высоты двух метров, чтобы не приземлиться на ступни лектванки. Удивленно вскрикнув, Комейтк-Лелианр, освободившаяся от веса Барча, взмыла обратно в воздух. Схватившись за длинную ветвь, она совершила вокруг нее полный разворот, как заправская гимнастка, после чего плавно опустилась на землю.

Они стояли на крутом высокогорном склоне. Небо превратилось в черный потолок; ниже, в долине, глухо ревел влажный ветер, бурлила река. Деревья гнулись и шелестели листвой. Откуда-то издали послышался резкий переливчатый свист. «Что это?» — прошептала Комейтк-Лелианр.

«Завтрак — если я сумею его поймать», — отозвался Барч.

«Если в темноте завтрак не поймает вас».

Внизу еще можно было различить бледную полосу реки. «Здесь, наверху, теплее, чем в долине, — сказал Барч. — Лучше не разводите костер, пока мы не разобрались, что к чему».

Он навалил кучу мха и лесной подстилки в углубление под скалой и соорудил нечто вроде навеса из длинных перистых листьев, сорванных с деревьев. «Будем спать, как в стогу, — подвел итог Барч. — Залезай первая!»

Ночью пошел дождь, но ветер относил его в сторону от скалы, и беглецы не промокли. На Магараке настало серое сырое утро.

«О-хо-хо! — прокряхтел, проснувшись, Барч. — Мои бедные кости!» Он ощупал лицо: «По меньшей мере, у меня больше не растут бакенбарды — за это следует сказать спасибо твоему отцу».

Комейтк-Лелианр молча сидела и стряхивала мох с серой крестьянской рубахи.

«А теперь — завтрак! — бодро продолжал Барч. — Ты проголодалась?»

Девушка не ответила.

Барч поднялся на ноги и внимательно рассмотрел все, что находилось выше и ниже. При дневном освещении местные деревья напоминали гигантские водоросли, черные и темно-коричневые, с красноватыми продольными прожилками листьев. Небо затянули тяжелые тучи.

Притянув к себе ветку, Барч сорвал с нее гроздь орехов, расколочил один из них, понюхал — и отшатнулся, вдохнув едкую вонь: «Этим закусить не получится. Посмотрим, что происходит у реки».

Они осторожно спустились по склону к реке. В прибрежной заводи стояло черновато-зеленое существо с головой филина, крыльями летучей мыши и ногами цапли. Приближение людей вспугнуло эту тварь — она вспорхнула, хлопая крыльями, и с раздраженным кряканьем улетела к низовьям долины.

«Хороший признак! — заметил Барч. — Похоже на то, что здесь можно что-нибудь

поймать. Не думаю, что птица здесь просто купалась».

«Мы будем ловить живых существ — и пожирать их?»

«Что поделаешь, теперь мы дикари, — беззаботно отозвался Барч. — И я, и ты — дикари, не забывай об этом!»

«Я ни о чем не забываю».

Барч подкрался к краю заводи. Вода тихо струилась среди крупных округлых камней различных оттенков. Барч пригляделся ко дну. Один из камней шевелился. Быстро опустив руку по плечо в ледяную воду, Барч схватил и вытащил извивающийся клубень. Обвисшие тонкие щупальца раскачались, изогнулись и обвили вокруг его кисти — кожу обожгло, как огнем. Барч выругался и стряхнул клубень на берег. Животное торопливо поползло к реке. Барч пинком отбросил его назад, подобрал камень и уронил его на клубень. Под камнем не осталось ничего, кроме слизи и переплетения белесых волокон.

Барч с отвращением отвернулся. У него на кисти образовался красный рубец, кости руки ломило. «Спустимся вниз по течению, — процедил он сквозь зубы. — Может быть, найдем что-нибудь попокладистее».

На протяжении сотни метров река текла довольно спокойно, после чего начались быстрины и пороги, напоминавшие последовательность широких ступеней. Бурлящие струи шумно ниспадали и разбивались о валуны. Пробираясь по влажным камням, Барч пару раз едва не свалился в реку. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Комейтк-Лелианр безмятежно шагала по воздуху в полуметре над водой.

«Хотел бы я, чтобы у меня была пара таких сандалий», — прокомментировал Барч.

Лектванка ничего не ответила.

«Когда в этих сандалиях кончится запас энергии?» — спросил Барч.

«При постоянном использовании — примерно через полтора месяца».

«И как высоко ты можешь на них подниматься?»

«Почти на сто метров — даже выше, если соблюдать осторожность».

«Ты не могла бы подняться метров на пятнадцать и сказать мне, что́ ты видишь?»

Покачиваясь и наступая на воздух так, словно она всходила по крутой лестнице, Комейтк-Лелианр стала подниматься. Ветер подхватил ее, она поплыла вниз по долине.

«Что ты видишь?» — окликнул ее Барч.

«Скалы, множество черных деревьев, озеро».

«Никакого дыма? Никаких зданий?»

«Ничего! — она спустилась длинными скользящими шагами. — Вы думаете, мы найдем что-нибудь съестное?»

«Конечно, — уверенно ответил Барч. — Скорее всего ниже, у озера».

Вскоре долина стала расширяться. Перед ними открылось округлое озеро, окаймленное сначала топким плоским берегом, а затем пологим склоном, поросшим шиповатым кустарником. Над каждым кустом торчал тугий ярко-зеленый стручок, по форме напоминавший маленький островерхий буюк. Барч сорвал один из стручков, разломил его и понюхал мякоть: «Похоже на лимонную вербену или лавровишню».

«Скорее всего, эти стручки ядовиты», — деловито заметила лектванка.

Барч снова понюхал стручок и с сомнением сказал: «От одного глотка, надеюсь, я не сдохну...»

«Вы можете заболеть».

«Тогда мы будем знать, что стручки ядовиты. Нет ничего полезнее практического

опыта, — он откусил кусочек стручка и задумчиво разжевал его. — Гм... на вкус весьма и весьма так себе».

«Смотрите! — отвлекла его Комейтк-Лелианр. — Крылатое существо прилетело сюда».

Барч уронил зеленый стручок, наблюдая за тварью с головой филина, крыльями летучей мыши и ногами цапли. неуклюже приземлившейся на берегу озера.

«Если повезет, — пробормотал он, — можно будет закусить жареным филином». Подобрав камень, Барч стал осторожно подкрадываться к птице.

Помесь филина с летучей мышью забрела по колено в озеро — и замерла на одной длинной ноге, согнув и приподняв другую. Согнутая нога резко распрямилась, погрузившись в воду, и отшвырнула в прибрежные заросли магаракского терновника что-то темное, трепыхающееся в воздухе.

«Похоже на рыбу!» — воскликнул Барч. Птица гусиным шагом приближалась к добыче. Барч поспешил вперед, размахивая руками: «Эй! Подожди-ка, я тоже хочу есть!» Он осторожно вынул черную рыбу из кустов. Помесь филина с летучей мышью раздраженно повела крыльями и забежала в воду, от греха подальше. Комейтк-Лелианр с отвращением наблюдала за происходящим.

Барч бросил ей зажигалку: «Разведи костер, а я почищу эту рыбину».

Положив рыбу на плоский камень у реки, он отрезал ей голову и хвост острым краем кусочка щебня. Сжимая зубы, он распорол мягкую брюшину, вытянул внутренности, выскреб верхний слой кожи и промыл все, что осталось — две полоски кожистой белой плоти.

Комейтк-Лелианр развела костер на краю леса. Барч отломил пару жестких зеленых прутьев и тщательно поджарил на них рыбу.

«Вот, пожалуйста! — предложил он. — Пахнет аппетитно». Разложив половинки жареной рыбы на камне, он облизал пальцы: «И на вкус тоже неплохо».

Комейтк-Лелианр ела, не высказывая замечаний.

«Нельзя сказать, что мы насытились, — подвел итог Барч, — но сегодня мы не умрем с голоду». Повернувшись, он взглянул на зеленые стручки терновника: «Эти плоды — не деликатес, но я еще не чувствую никакой боли в желудке и никаких позывов к рвоте». Он забросал костер влажным песком: «Пора изучить окрестности».

В воздухе пронесся отзвук далекого взрыва. По всей долине перекликалось эхо: «Что это?»

Комейтк-Лелианр прислушалась: «Скорее всего, где-то за горой каменоломня».

Барч тревожно смотрел на склон горы: «Нужно разведать обстановку, найти ближайшее селение — если здесь кто-нибудь живет».

«И что дальше?»

«Для того, чтобы понять, что мы сможем делать дальше, прежде всего следует разобраться в окружающей обстановке и в топографии местности. Если бы мы могли как-нибудь похитить одну из летучих барж...» Он не закончил фразу. Схватив девушку-лектванку, он заставил ее пригнуться и спрятаться за кустом: «Тихо!»

На противоположном берегу, неподвижные, как каменные изваяния, стояли три человека.

«Они нас заметили!» — прошептала Комейтк-Лелианр.

«Не думаю. Я видел, как они выходили из леса».

«Если они обойдут озеро, они нас увидят».

«Они уже идут». Барч взял в каждую руку по тяжелому камню и напряженно ждал

V

Тощие продолговатые физиономии двух темнокожих незнакомцев чем-то напоминали лисьи морды. У третьего, с лимонно-желтой кожей, было плоское круглое лицо; его густые оранжевые брови торчали, как маленькие хохолки.

«У них луки и стрелы, — пробормотал Барч. — Это не рабы и не охранники».

«Возможно, они тоже беглецы», — предположила Комейтк-Лелианр.

Три человека подходили ближе, над топкими берегами разнеслись звуки их голосов. Пригнувшись за кустом, Барч мог уже различить выражения их лиц и особенности их одежды. Оказавшись метрах в двадцати от землянина и лектванки, незнакомцы резко остановились и повернулись, глядя в ту сторону, куда спускалась долина.

Издалека донесся тихий звук, напоминавший отголосок охотничьего рожка, после чего такой же звук послышался с другой стороны. В третий раз сигнал прозвучал уже где-то поблизости. Три незнакомца испугались — они что-то прошипели, стали поспешными прыжками подниматься по склону и скрылись за завесой черной перистой листвы.

Барч осторожно поднялся на ноги, глядя на противоположный берег озера: «Кто бы это ни был, бегство местных жителей не предвещает ничего хорошего. Нам тоже лучше уйти».

Комейтк-Лелианр схватила его за лодыжку: «Прячьтесь! — прошептала она. — Подруоды!»

Барч плашмя бросился на землю. Из леса пружинистыми шагами выскочила темно-красная фигура. Подруод остановился, подбоченился, поднял покрытую длинными шипами голову и протявжал сигнал — над озером разнеслось звонкое эхо.

Подруод ждал. Издалека раздались ответные позывные.

Красный егерь стоял, не шелохнувшись. Барч и Комейтк-Лелианр прижались к болотистому грунту.

Затрещали ветви кустов, послышался торопливый топот. На берег озера выбежал толстяк с коническим ежиком розовых волос на голове. Увидев подруода, он замер, как испуганная птица. Подруод наблюдал за ним, не шевелясь. Толстяк стал потихоньку перемещаться вдоль берега. Подруод прыгнул вперед, снова остановился. Барчу все это напомнило игры кошки с мышью.

Подруод снова поднял голову и снова позвал звенящим медным голосом. Еще два подруода выскочили на берег за спиной у толстяка. Тот лихорадочно побежал, пыхтя и постанывая на ходу.

Над головой Барча пронеслась тень; он конвульсивно взглянул вверх, растянув при этом мышцу шеи и поморщившись от боли. Над ними пролетел воздушный плот длиной метра три и метра полтора в поперечнике. На плоту стоял клау. Если бы клау смотрел вниз, он непременно заметил бы Барча и лектванку, но его глаза были сосредоточены на толстяке с розовыми волосами.

Под плотом висела темная масса, похожая на беспорядочную кучу тряпья. По мере того, как плот скользил к озеру, эта куча развернулась — из нее вытянулись вниз длинные черные щупальца. Щупальца обхватили грудь толстяка, обвилились вокруг его бедер и лодыжек.

Беглец споткнулся и упал в кусты терновника — там он лежал, извиваясь и брыкаясь с истерическими воплями, напоминая лошадиное ржание.

Плот медленно двинулся вперед и тем самым выволок толстяка из кустарника, протащил его по топкому берегу и погрузил в озеро. Беглец погрузился в воду. Поверхность озера покрылась рябью и пузырилась. Плот поднялся выше — теперь обмякший толстяк висел на щупальцах без движения. Все его тело было покрыто круглыми коричневыми присосками. Одна за другой присоски отпадали и с плеском падали обратно в озеро. Барч распознал в них явных родичей того жалящего моллюска, который обжег ему кисть. Он еще плотнее прижался к земле.

Черные манипуляторы втянулись, поднимая толстяка к плоту — тело жертвы обволокла черная складчатая пелена; сжимаясь снизу наподобие губ, сложенных трубочкой, пелена превратилась в туго облегающий содержимое мешок.

Продолжая подниматься, плот бесшумно скользил в направлении течения реки. Барч повернул голову — где подруоды? Они исчезли.

Лежа ничком, он немного подождал, после чего подтолкнул лектванку локтем и сказал хриплым шепотом: «Бежим под деревья!»

Они поспешно взобрались по склону. Длинные черные листья с вишнево-красными прожилками сомкнулись за ними, как ветви плакучих ив. Беглецы ничего не видели, но их тоже нельзя было увидеть. Подошвы бесшумно наступали на толстую лесную подстилку. Почти на каждом шагу Барч задерживался, чтобы прислушаться. Ничто не нарушало мертвую тишину.

В стене висящих черных листьев появился просвет. Склон становился пологим, выравнивался — впереди виднелась прогалина. Лесная подстилка утончалась, обнажая местами белую, как мел, крошащуюся известковую породу.

Барч услышал за спиной короткий вздох и мгновенно развернулся на каблуках. За ним стоял ухмыляющийся подруод с бритой наголо головой, в черной набедренной повязке и черных сапогах. Медленным картинным жестом подруод протянул руку к Барчу — полоска блестящей стали почти прикоснулась к груди землянина. Оглянувшись, Барч увидел, как другой человек, тощий и гибкий, с желтовато-белой кожей, заломил за спину руки Комейтк-Лелианр.

Барч колебался. Повелительно прозвенел металлический голос подруода. Барч никак не реагировал. Подруод снова заговорил, на этот раз с отрывистой резкостью. Барч заметил, как напряглись мышцы руки, державшей клинок. Сквозь шум крови в ушах он расслышал голос лектванки, ответившей подруоду на его языке. Подруод расслабился и вложил клинок в ножны — смерть решила повременить.

Повернувшись к Комейтк-Лелианр, подруод внимательно рассмотрел ее с головы до ног и снова что-то сказал. Лектванка ответила.

«Что он говорит?» — потребовал разъяснений Барч.

Комейтк-Лелианр отстраненно объяснила: «Они хотят знать, сколько нас — не сопровождает ли нас кто-нибудь еще. Они тоже беглые рабы. Подруод, по-видимому, совершил какое-то преступление и дезертировал».

«О! — Барч слегка успокоился. — И это все?»

«Почти все», — неохотно отозвалась лектванка.

«Что ты имеешь в виду?»

«Здесь, в горах, образовалось нечто вроде племени беглых рабов, — она указала кивком

на бритоголового подруода. — Он у них главный».

Пристальное внимание подруода к внешности Комейтк-Лелианр вызвало у Барча внезапные подозрения. Он торопливо и монотонно проговорил в сторону лектванки: «Включи сандалии на полную мощность. Этот желтокожий тип не слишком крепко тебя держит, ты можешь вырваться. А я брошусь вниз по склону».

Прежде чем Комейтк-Лелианр успела что-либо ответить, подруод выхватил клинок из ножен. Указав им направление, он грубо подтолкнул Барча в плечо мясистой ладонью.

Ярость охватила Барча; он развернулся, чтобы ударить противника кулаком. Усмехнувшись, подруод отшатнулся, пропустив удар мимо. В воздухе блеснула сталь — подруод сделал игривый выпад, и острое клинка погрузилось в плечо Барча на несколько миллиметров. Побледнев от гнева и отчаяния, Барч отскочил назад.

«Рой! — вскричала Комейтк-Лелианр. — Сохраняйте здравый смысл! Если вы не подчинитесь, он вас убьет».

«Ты ему приглянулась, — задыхаясь, отозвался Барч. — Как только нас заведут в его берлогу...»

Барч снова почувствовал угрожающее прикосновение клинка; подруод что-то пролаял. Чувствуя, как у него внутри сжимается жгучий комок, Барч поплелся, спотыкаясь, туда, куда ему велели идти.

Они пересекли плоский скальный уступ и взобрались по невысокому подъему к отвесной стене известнякового плато. Желтовато-белый человек указал лектванке на темное углубление в основании утеса. За этой впадиной Барч заметил узкую расщелину. Желтоватый человек и Комейтк-Лелианр скрылись в расщелине. Барч последовал за ними, удерживаясь на ощупь в тесном бесформенном проходе и, споткнувшись на последнем шагу, очутился в пещере с низким сводом, прямо за спиной девушки.

Коптящие желтые светильники и яркий костер озаряли пещеру теплым светом. Здесь стояли два грубо сколоченных стола со скамьями, пахло едой и потными человеческими телами. Вокруг из темных углов с любопытством поглядывали два или три десятка мужчин и женщин,

Барч напряженно стоял, не спуская глаз с Комейтк-Лелианр. Вождь-подруод дал указания паре серокожих мужчин; повернувшись, он что-то прокричал туда, где в дальнем конце пещеры, над костром, кипел большой котел. Широкоплечий вождь беглецов, почти двухметрового роста, представлял собой великолепное зрелище: на его мускулистом торсе не было ни капли жира. Голова его была обрита наголо, на скуластом лице застыло угрожающее выражение; он ходил в тяжелых черных сапогах так же легко, как лектваны — воздушных сандалиях. Барч тревожно поглядывал то на вождя, то на девушку. Комейтк-Лелианр тоже наблюдала за вождем — в ее глазах отражались сполохи светильников.

Подруод подошел к ней, положил руки ей на плечи. Барч бросился вперед, остановил на полпути взмах раскрытой багровой ладони, успел ткнуть подруода кулаком в лицо — и на него обрушился оглушительный шквал ударов. Светильники, стены пещеры, костер, лица превратились в бессмысленный фон. Лицо подруода напряглось, ноздри раздулись. Барч с размаха ударил вождя в висок. Багровая физиономия дернулась в сторону и вернулась в прежнее положение — выражение на ней не изменилось. Барч чувствовал, что выдыхается, его ноги деревенели, он едва поднимал руки. «Эллен! — прохрипел он. — Возьми камень, разбей ему башку...»

Комейтк-Лелианр прижалась спиной к стене пещеры и отвернулась. Три удара

обрушились на Барча. Первый, словно нанесенный свинцовой кувалдой, ослепил его. Вторым показался подмявшей его волной темного приюта. Третий уже только послышался — как рокот отдаленного грома.

Барч очнулся на куче наваленных одна на другую шкур. Он приподнялся, сел, ощупывая голову. Лицо его вспухло, в голове переливалась тупая боль. За длинным столом, поодаль, три или четыре женщины толкли муку в каменных ступах.

В конце стола сидела Комейтк-Лелианр. Поднявшись на ноги, она наклонилась над котлом и принесла Барчу глиняную миску: «Выпей, ты почувствуешь себя лучше».

Барч хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он взял миску и выпил ее содержимое. Комейтк-Лелианр стояла рядом и наблюдала за ним. Барч ответил ей холодным взглядом: «Ты уже подружилась с вождем?»

«С Клетом?» — лектванка пожалала плечами.

«Не мог не заметить, что вы говорите на одном языке».

«Это общепринятый язык переговоров, его все понимают».

Барч отдал ей миску и повернулся лицом к стене. Через несколько минут он поднялся на ноги, с трудом выбрался из пещеры — его почти не держали ноги — и нагнулся, упираясь ладонями в стену утеса. Его вырвало.

Снова подняв голову, он увидел, что по склону взбираются два серокожих субъекта с большой корзиной между ними. Вслед за ними поднимался Клет, вождь-подруод, перекинув через плечо тушу какой-то твари величиной с кабана. Глаза подруода безразлично скользнули по лицу Барча — он прошел мимо и скрылся в пещере.

Барч присел на камень, растирая пульсирующие виски. Но уже через несколько секунд он поднял глаза, чтобы рассмотреть открывшуюся перед ним панораму долины. Формой впадина долины напоминала карту Средиземного моря; пещера находилась в месте, соответствовавшем на этой карте побережью Ливии. В том конце, где надлежало быть Леванту, темнели грозные вершины гор, а там, где Барч представил себе Гибралтар, река пробивалась через узкое ущелье. Выше ущелья, где протянулся воображаемый «Лазурный берег», Барч заметил проход в другую долину. Прямо напротив пещеры — где на карте должна была находиться Италия — возвышался огромный шишковатый утес, преобладавший над всем ландшафтом. «Странно, — подумал Барч, — что клау не построили там форт». Приглядевшись, однако, он различил на вершине утеса какие-то развалины.

Из-за гор надвигалась сплошная пелена туч; упали несколько первых тяжелых капель дождя. Барч встал, дрожа всем телом — тонкая ткань рубахи сельского раба почти не защищала от холодного ветра.

Он неохотно покосился на пещеру. Во впадине перед входом сидели два человека с большой корзиной — теперь они очищали какие-то орехи. Один из них щелкнул пальцами, жестом подзывая Барча.

Барч набычился и почти уже повернулся, чтобы уйти. Тем не менее он решил, что отказываться от работы значило попросту валять дурака. Уйти он всегда успеет — но зачем? Он был свободен, у него были пища и кров — не было никакой причины бежать. Барч присел у корзины и стал чистить орехи.

Прошли две, три недели, месяц. Барч хорошо справлялся с несложными обязанностями, возложенными на него племенем беглецов, и уже начинал понимать кое-какие фразы на их

общем языке. Несколько раз он ходил на охоту; однажды ему удалось убить большое бурое двуногое существо, похожее на помесь кенгуру с вараном, по каковому случаю его приветствовали громкими похвалами.

Он изучил планировку пещеры. Из главного трапезного и кухонного помещения открывались четыре прохода. По бокам двух извилистых проходов, почти горизонтальных, были устроены небольшие каморки, ниши и альковы, где спали обитатели пещеры. Третий вел вниз, мимо подземного логова, занятого Клетом, и скрывался где-то в непроглядных глубинах под горой. Четвертый проход служил вытяжной трубой для кухонного костра с внутренней стороны «трапезной» и поднимался к огромному внутреннему пространству над нижней пещерой — к так называемой «Большой дыре». Там, где Большая дыра была обращена к наружной поверхности обрыва, свет просачивался через трещину в стене, местами тонкой, как яичная скорлупа. Под сводом Большой дыры висели сталактиты, под ними торчали сталагмиты — некоторые из этих выростов соединялись, образуя утончающиеся посередине колонны поразительной высоты. Здесь, в Большой дыре, Барч устроил себе постель из лесной подстилки и высохших выскобленных шкур.

В племени насчитывались тридцать четыре человека — двадцать один мужчина, десять женщин и три представителя расы кальбиссинийцев, неизвестного пола: Армиан, Ардль и Арн. Любые сведения о том, кто из них был мужчиной, а кто — женщиной, хранились ими в строжайшей тайне. Это были хрупкие миловидные создания с золотисто-лиловыми волосами и словно взывающими в милосердию голубыми глазами. Они ходили, завернувшись в просторные плащи, и проводили свободное время, пытаясь выведать друг у друга драгоценный секрет. Намеки, ухищрения и коварные стратегии псевдогермафродитов служили Барчу почти единственным развлечением.

Помимо трех кальбиссинийцев, в пещере обитали четверо биатидов — трое высоких розовокожих мужчин с коварно бегающими глазами, унылыми длинными носами и волосами цвета корицы, а также одна розовокожая широкоскулая женщина с голосом, напоминавшим овечьё бляенье.

К другой расе принадлежали Кербол и его угрюмая подруга — приземистые, с серовато-зеленой кожей, заостренными черепами и лягушачьими физиономиями.

Присутствовали три спланга — узколицые и горбоносые, с кожей, задубевшей, как испанская мебельная обивка: Чеврр, Скурр и тощая туповатая женщина, которой они делились.

Два гриффита, с внимательными миндалевидными глазами и жесткими усиками, отличались кошачьими повадками, намекавшими на жестокую мстительность — каковая, однако, никогда не проявлялась открыто.

В пещере жил также большой смуглый человек, которому клау отрезали нос, в связи с чем его прозвали «Плоскорожей». Плоскорожа контролировал двух лысых неуживчивых женщин, расовое происхождение каковых не поддавалось определению.

Педратц — желтоватый субъект с бровями, торчавшими фантастическими хохолками — попахивал мускусом. Моранко — красивый, но мрачный юноша — ненавидел Клета, а в последнее время и Барча. Пегий карлик Мосес был обладателем вечно гримасничающей клоунской физиономии.

Присутствовали также шестеро модоков с бульдожьими лицами — четверо мужчин и две женщины. Эти собирались вместе, сидя на корточках в дальнем углу нижней пещеры, и с подозрением наблюдали за остальными широко открытыми черными глазами.

Ни на кого не походил Сл, альбинос с белой раздвоенной бородой и расщепленным носом; все, что он делал, он делал дважды. Лкандели Сцет выполнял в племени функцию музыканта. В состав населения пещеры, недавно пополнившийся Барчем и молодой лектванкой, входили также подруод Клет и две его женщины — пара ничем не примечательных особ, первоначально сопровождавших Лкандели Сцета.

Сортируя в уме доступную информацию, Барч заключил, что в пещере проживали представители не менее чем пятнадцати рас — выходцы с пятнадцати разных планет. Сидя в относительном одиночестве на скамье в глубине пещеры, он с горькой иронией поглядывал на разномастных товарищей по несчастью: теперь никто не мог бы сказать, что он прожил жизнь, лишенную удивительных событий и ярких впечатлений.

На Земле даже не подозревали о существовании Магарака. Тем не менее... Преодолевая тошнотворное внутреннее сопротивление, он пытался осмыслить набег клау на лектванов, гостивших на Земле. В чем состояла их цель? Зачем им это понадобилось?

В другой части пещеры началась язвительная перепалка двух лысых подруг Плоскоружи. Клет, сидевший за большим столом перед костром, поднял костлявую багровую голову — лысые женщины сразу умолкли. *«Вот одна из причин, — подумал Барч, — по которым племя столь разнородного происхождения умудряется избежать серьезных внутренних конфликтов».* Другой причиной служил фундаментальный характер их пещерного существования, нечто вроде наименьшего общего знаменателя, возвращавшего их к тому этапу развития, через который когда-то пришлось пройти каждой из пятнадцати рас. В случае Барча эта эпоха закончилась всего лишь примерно четыре тысячи лет тому назад. Он взглянул на Комейтк-Лелианр, рассеянно чертившую пальцами какие-то фигуры на столе. Сколько времени прошло с тех пор, как ее предки жили в пещерах? Сто тысяч лет? Миллион лет?

Барч не мог не заметить, что лектванка выглядела чистой и свежей. Лицо ее похудело, на губах больше не было невольного девичьего намека на улыбку. Она сохраняла отвлеченное, безучастное выражение — несомненно, такова была подобающая случаю фаталистическая «стилизация».

Барч поднялся на ноги и вышел наружу, в темноту магаракской ночи. Лицо его увлажнилось туманом, который еще нельзя было назвать морозящим дождем. На фоне смутно-серого очертания известнякового утеса он различил темную фигуру. Сначала Барч испугался, но, приглядевшись, успокоился. Это был Кербол; природа наградила его кожей цвета мокрого камня, выпученными глазами и ртом карикатурного губошлепа. Кербол часто ворчал, жалуясь на духоту и жар в нижней пещере — по всей видимости, ему больше нравилась прохладная сырость долины.

Барч подошел к нему — любой человек, предпочитавший одиночество долины пещерному общежитию, казался ему союзником.

Кербол крикнул — и через несколько секунд сказал глубоким рокочущим басом: «Туман спускается — ветер сдувает его вниз по долине Палкваркц-Цтво. Завтра в небе останутся только верхние тучи, и клау выйдут на охоту. Завтра лучше не выходить из пещеры».

Барч вспомнил подруодов, горланивших, как охотничьи рожки, лихорадочно бегущего толстяка, воздушный плот клау с висящими черными щупальцами: «Как часто клау охотятся?»

«Каждые восемь-десять суток, если позволяет погода. Здешние клау — из округа Кводарас. Долина Палкваркц-Цтво — их вотчина. Клау из Ксолбоара охотятся в

Порифламмесе». Кербол указал туда, где за ущельем, пробитым стремниной, начиналась другая, нижняя долина.

Барча озарила догадка: «Значит, мы живем... в охотничьем заказнике? Нас терпят только для того, чтобы клау могли развлекаться!»

«До родной планеты клау отсюда лететь целую неделю. Нужно же бедняжкам как-то развлекаться!»

Барч задумчиво произнес: «Меня, несомненно, развлекла бы охота на подруодов и клау».

Кербол помолчал, переваривая эту идею: «Ты мыслишь в странных направлениях. Очень странных».

Барч горько рассмеялся: «Не вижу в этом ничего странного. Клау охотятся на меня — будет только справедливо, если я стану охотиться на них».

«Принцип охоты заключается не в том, чтобы дичь преследовала охотника», — вежливо возразил Кербол.

«Клау придерживаются одного принципа, я — другого. Разве мы обязаны жить по правилам клау?»

Кербол проворчал: «У них в каменоломне было слишком жарко».

Воздух долины потряс отзвук глухого взрыва, донесшийся откуда-то из-за хребта Кебали. «Опять вскрывают породу, — сказал Кербол. — Ты заметил, что взрыв был двойным?»

«Нет».

«Заряд состоит из двух емкостей абилоида и одной двадцатой части стержня супера. Супер крошит породу, абилоид направляет обвал вниз».

«Похоже на то, что ты работал взрывником».

Кербол мрачно кивнул: «Пять лет я плавил шпурсы и закладывал взрывчатку, день за днем. И все время было жарко. Я сбежал в лес, поднялся на перевал под горой Кебали и спустился в долину Палкваркц-Цтво. Теперь приходится рисковать — того и гляди, попадусь в сети клау».

Барч заинтересовался: «Под воздушным плотом клау висели черные щупальца, схватившие бегущего человека. Как они работают?»

«Это... — Кербол прервался, пытаясь найти нужное слово. — Это шланги-тяги, на фабриках ими поднимают грузы. Клау их выращивают, они полуживые».

«Клау носят с собой другое оружие?»

«Да. У них есть оружие, стреляющее на большое расстояние. Маленький кусочек металла втыкается человеку в живот и взрывается. Человек умирает».

Барч смотрел вниз, в темное пространство долины. Туман редел, лицо обдувал ветерок, попахивавший гниющей растительностью. Издалека донесся какой-то металлический скрежет. Барч пробормотал: «Ночью сюда, к пещере, мог бы подняться целый полк подруодов».

Кербол поежился: «Такого еще никогда не было».

«Но это может случиться», — настаивал Барч.

«Тебе в голову приходят странные, неприятные мысли», — сказал Кербол.

На следующий день в небе действительно остались только верхние тучи, ветер почти прекратился. Беглецы держались поближе к пещере. Никаких охотничьих сигналов, однако,

не было слышно, и клау не появились.

Второй тихий день не отличался от первого: в горной долине все было спокойно. И снова беглецы не отходили от утеса дальше, чем на несколько сот метров, в связи с чем им пришлось ужинать только остатками каши на дне котла.

На рассвете третьего дня поднялся порывистый ветер, гряда за грядой темные тучи разбивались о вершину горы Кебали, как прибой у волнореза. Клет приказал Плоскороже, Барчу, модокам и кальбиссинийцам идти собирать мучные орехи, а остальные мужчины отправились в лес на охоту.

Через час по всей долине разнеслись охотничьи позывные подруодов. Схватив наполовину пустые мешки с орехами, Барч и кальбиссинийцы поспешили взобраться по склону обратно к пещере.

Судя по их выкрикам, подруоды сходились к основанию громадного шишковатого утеса напротив пещеры. Оглянувшись, Барч заметил вдали угрожающую прямоугольную тень воздушного плота.

Беглецы-охотники возвращались по одному, глотая воздух и широко раскрыв глаза от усталости.

Звенящие позывные подруодов неожиданно смолкли. Стоя в расщелине скалы, Барч видел, как черный воздушный плот клау спускался в направлении низовьев долины.

Не вернулись еще четверо: Клет, Моранко и два спланга, Чеврр и Скурр.

Клет появился первым — его бесстрастное багровое лицо не позволяло судить, о чем он думал. Вслед за ним пришел Моранко, добывший существо, похожее на огромную волосатую гусеницу. Прошло несколько минут. По плоскому уступу под пещерой пробежал Чеврр. Подойдя к Клету, он пробормотал несколько слов, указывая большим пальцем назад, на долину.

Его товарища-спланга, Скурра, затравили и убили.

Подчинившись внезапному порыву, Барч опустился на скамью напротив Клета, точившего клинок: «Нам следует что-нибудь предпринять по поводу этой травли».

Клет бросил на него быстрый неприязненный взгляд и вернулся к своему занятию. Сталь скрипела по камню в больших, методично двигавшихся темно-красных руках, пламя светильников колебалось и мигало, отражаясь на металлической поверхности. Барч повысил голос: «Мы не обязаны вечно прятаться в этой долине». Он замолчал — Клет не проявлял никакого интереса.

Пытаясь сдерживать гнев, Барч напомнил: «Одного из нас убивают каждые несколько недель».

«Приходят другие, — сказал Клет. — Если кого-то не будут убивать, не хватит места для всех».

«В следующий раз клау могут убить тебя — или меня».

Клет пожал плечами.

«Вместо того, чтобы покорно ждать, пока нас истребляют, нам нужно самим охотиться на них — убивать подруодов и черных клау».

«Нет, нет! — Клет потерял терпение. — Тогда спустится военный корабль, и от пещеры ничего не останется, мы все сгорим. Ты хочешь сдохнуть прежде времени, землянин? Мы здесь не так уж плохо живем! — бритоголовый подруод самоуверенно усмехнулся. — У нас есть пища и женщины. Так было уже много, много лет. Лучше ничего не менять».

Барч медленно поднялся на ноги, глядя на Клета с сожалением и раздражением — тот

безразлично поднял глаза и тут же опустил их к точильному камню.

VI

Прошло пять дней — пасмурных безотрадных дней непрерывного дождя и штормовых порывов ветра, наполнявших Большую Дыру зловещими завываниями.

На шестой день стало тихо; под верхней, светло-серой пеленой туч протянулись параллельные шевронные полосы темных перистых облаков. Барч нашел Клета за завтраком — тот поглощал копченое мясо с лепешками из каши.

«Сегодня клау могут вернуться. Если спуститься к ущелью и спрятаться там, где подруоды заходят в долину...»

Продолжая грызть кость, Клет упрямо тряс головой. Комейтк-Лелианр опустилась на колени у огня и переворачивала лепешки на раскаленном плоском камне. Повернув голову, она сухо сказала по-английски: «Не спорь с ним, Рой. Если он что-нибудь вбил себе в голову, его уже не переубедишь».

Бритоголовый подруод поднял голову: «Что она говорит?» Уронив кость, он опустил широкие красные ладони на стол.

Барч смотрел на вождя свысока, с презрением и отвращением. Кровь бросилась землянину в голову — он чувствовал, что может постоять за себя. «Может быть, ты хочешь жить в пещере до конца своих дней, как животное, — низким хриплым голосом сказал Барч. — Я не хочу!»

Глаза Клета блестели под черными бровями: казалось, он прислушивался — но не к словам Барча, а к какому-то тайному внутреннему голосу.

«Если мы будем помогать друг другу, может быть, мы смогли бы как-нибудь покинуть Магарак».

Клет презрительно крикнул и вернулся к обглаживанию кости: «Глупости».

Барч отступил на шаг: «Глупости?»

Клет усмехнулся, блеснув большими белыми зубами, и махнул костью в сторону Комейтк-Лелианр: «Она мне часто о тебе рассказывает. Ты спятил. Ты воображаешь, что можешь улететь в космос и при этом каким-то чудом выжить». Подруод повысил голос, его звездчатые зрачки расширились: «Довольно глупостей! Здесь — долина Палкваркц-Цтво. Я — Клет. Больше не о чем говорить».

Барч медленно прошел к выходу из пещеры, захватив с собой лук и колчан со стрелами.

«Эй! — ворчливо позвал его Клет. — Куда ты собрался?»

«Не твое дело».

Из глубины пещеры послышался резкий скрип скамьи — Барч увидел, что Клет потянулся за своим луком. Вынырнув из пещеры, Барч быстро спустился на ровный участок перед входом. Оглянувшись на бегу, он увидел Клета — тот стоял в расщелине, как героическая статуя Марса, натянув тетиву и прицеливаясь. Барч бросился плашмя на землю: стрела прожужжала у него над головой. Он вскочил, забежал в чашу, выхватил стрелу из колчана и ждал, побледнев и дрожа от напряжения.

Клет обвел долину безразличным взглядом и вернулся в пещеру.

Барч угрюмо спускался по склону, расталкивая плечами влажные перистые листья.

«Бесславное поражение!» — думал он. Оглянувшись, он бросил взгляд на известняковый обрыв, под которым скрывалась пещера. Он вспомнил тот день, когда впервые увидел Комейтк-Лелианр, пружинистыми шагами выходящую из пульсирующего радужными разводами сферического звездолета. Если она вообще его тогда заметила, для нее он был частью местного ландшафта, примитивным аборигеном. Барч неожиданно смог представить себе, в какой-то степени, какими видела вещи лектванка. «Несчастливая!» — подумал он. — У нее даже земная еда вызывала отвращение». Что ж, что было, то прошло. Что теперь? Вероятно, он мог бы вернуться в пещеру, когда иссякнет вспышка раздражения Клета. Пройдут долгие годы, он постареет, в нем угаснет искра непокорности судьбе...

«Нет!» — сказал себе Барч. — Уж лучше я закончу свою жизнь в щупальцах воздушного плота клау». Он повернулся и трусцой побежал к ущелью в нижнем конце долины. Вскрабавшись на левый обрывистый склон, он пробрался туда, где теснина максимально сужалась.

Шло время. По долине дул холодный ветер, из-за хребта Кебали надвигалась пелена черных туч. Ему на нос упала капля — только одна. Дождь словно не решался начинаться. Не слишком удачная погода для охоты на клау!

Наконец он услышал скрип сапог и тихую звонкую перекличку подруодов. По спине Барча пробежали мурашки, в нем пробудился древний инстинкт. Он выпрямился, расправил плечи, заставил мышцы расслабиться.

В долину шли, с легкостью танцоров переставляя с камня на камень черные сапоги, восемь подруодов. Выше пояса их защищали кирасы, длинные иглы дикобразовых волос подрагивали на каждом шагу. За ними медленно следовал, почти над самой землей, воздушный плот с обитыми мягким материалом сиденьями. На корме молодой клау в коричневой кожаной сбруе наклонился к стойке с оружием — приподнял сначала один приклад, потом другой. Распрямившись, клау остановил плот и обвел спокойным взглядом озеро и лес в начале долины. Барч заметил, как блеснули красные звездочки его глаз.

Клау прикоснулся ногой к педали, спрыгнул на землю, потянулся. Небрежно посоветовавшись с командиром подруодов, он указал на какой-то участок долины. Шесть подруодов бесшумно скрылись в зарослях черных деревьев. Два багровых егеря остались позади и заняли позиции у выхода из ущелья.

Клау лениво выбрал оружие, с точки зрения Барча напоминавшее ручной пулемет с длинным дулом, и взвесил его в руке.

Барч приготовился, проверил устойчивость скалы под ногами, натянул тетиву... Пора! Стрела пропела в воздухе и вонзилась в затылок черной головы.

Барч съехал на спине по крутой осыпи, подскочил к плоту и схватил оружие, перегнувшись через черное тело.

Два подруода услышали необычный звук, обернулись и раскрыли рты от возмущения.

Барч прицелился и нажал на курок. Ничего не произошло. Подруоды бежали к нему размашистыми скачками, оскалившись в безудержной ярости. Барч лихорадочно нащупал какой-то рычажок — скорее всего, предохранитель — опустил его и снова нажал на курок. Первый подруод растянулся на земле. Барч снова выстрелил — упал второй охранник.

Барч прислушался. Бурлила река, вдали шумела похлопывающая на ветру листва. Что теперь? Барч схватил тугие ремни сбруи клау и перетащил его тело за низкорослые кусты у основания обрыва. Вернувшись к воздушному плоту, он опустился на сиденье. Под его весом плот покачнулся, как лодка. Опустив ноги на педали, Барч попробовал нажимать то на одну,

то на другую.

Плот вздрогнул, резко подался назад, потом вперед, стал круто подниматься, грозя перевернуться. Барч снял ноги с педалей — плот постепенно опустился. Еще несколько попыток — и Барчу удалось вернуть плот примерно туда, где он на него залез.

Спрыгнув на землю, он рассмотрел внушающее страх переплетение черных шлангов под днищем плота. Вытащив нож из-за пояса одного из мертвых подруодов, он разрезал широкие ремни, удерживавшие это хватательное приспособление. Черный сгусток щупалец шлепнулся на землю, как влажная губка. Барч осторожно пнул этот органический механизм, перевернул его носком ботинка и сбросил в реку, где тот расправился, распустив щупальца, и безвольно распластался на камнях.

Теперь нужно было что-то придумать по поводу шестерых егерей, зашедших в лес. Барч поднялся на плоту к той нише в стене обрыва, где он первоначально поджидал клау. Вооружившись терпением, там он прождал целый час. Потеплело, порывы ветра стали мягче, небо прояснилось настолько, насколько позволяла сплошная пелена верхних облаков.

Метрах в четырехстах выше по долине он заметил подруодов, очевидно озадаченных отсутствием связи с клау. Барч бесшумно рассмеялся. Через несколько минут егеря стали неуверенно приближаться по берегу. Увидев трупы сотоварищей, они остановились в полном замешательстве, озираясь по сторонам. Барч прицелился и быстро выстрелил шесть раз подряд. Шесть огромных багровых людей повалились, как маленькие дети, играющие в «войнушку».

Барч спустился, прыгнул с плота и затащил тела подруодов, одно за другим, под прикрытием черной листвы. Участники следующей охотничьей экспедиции могли почуять или не заметить запах разложения — в данный момент этот вопрос не слишком интересовал Барча.

Взобравшись на плот, он полетел вверх по долине над самыми вершинами деревьев. Примерно в ста метрах от пещеры он надежно привязал плот, прыгнул на землю и осторожно приблизился к расщелине утеса. Одна из женщин-модоков, ходившая за водой, взглянула на него без всякого любопытства. Барч кивнул Керболу, строгавшему снаружи древка для нового лука, и зашел в пещеру.

Клет презрительно приветствовал его: «Спятивший охотник вернулся!» Положив мясистые красные ладони на стол, подруод начал подниматься со скамьи.

Барч поднял ружье и нажал на курок. Клет упал лицом на стол. Что ж, он сам того хотел.

Женщины завопили от удивления и ужаса, Плоскорожа возмущенно взревел. Бросая опасливые взгляды на тело подруода и на Барча, побледневшие модоки выбежали из пещеры. Барч сказал настолько беззаботно, насколько сумел: «Зовите всех сюда! Теперь я главный. Я хотел бы кое-что объяснить».

Пещера постепенно заполнилась бормочущими беглецами. Барч сел на стол, опустив ноги на скамью, и огляделся. После смерти Скурра и Клета в племени остались тридцать два человека.

Барч тщательно продумал следующие слова — ему предстояло решить нешуточную полемическую задачу. Каждая из тринадцати рас видела вещи по-своему — более того, жизненный опыт каждого из беглецов и роль, которую каждый из них играл в пещерном сообществе, оставляли мало надежд на единодушие даже среди сородичей. Идея,

воодушевившая одного, могла оставить другого безразличным.

«Прежде всего следует отметить, — начал Барч, — что я убил Клета не потому, что я его ненавижу. Клет умер потому, что он был глуп. Он должен был умереть, потому что он мыслил, как раб. Под руководством Клета все мы бродили по склонам, находя себе пропитание, как животные — разве это можно назвать свободным существованием? Клау прилетают в заказник практически каждую неделю — в долине кого-то регулярно выслеживают и убивают. На протяжении следующих нескольких недель любого из нас могут затравить и прикончить.

Отныне все будет по-другому. Мы больше не рабы, мы — люди. Когда подруоды снова появятся в долине, мы их уьем. Никуда бежать не нужно. У нас есть луки и стрелы, мы можем убивать».

«Ха!» — резко выдохнул один из гриффитов, покручивая жесткие усики.

«Но такое положение вещей не может продолжаться вечно, — продолжал Барч. — Наша основная цель — в том, чтобы сбежать с этой планеты, покинуть Магарак. Я хочу вернуться домой. А вы? Неужели вы не хотите вернуться домой?»

Слушатели ответили тихим неразборчивым ворчанием.

Кербола речь землянина не впечатлила. Он прооркотал басом: «Несбыточные фантазии! Мы не можем взять и улететь в космос, как сказочные драконы».

«Нет никакого способа бежать с планеты!» — вызывающе крикнул Плоскорожа.

«Вы ошибаетесь, — вежливо отозвался Барч. — Несколько месяцев тому назад с Магарака улетела группа саботажников-ленапи. Существуют сотни способов. У меня есть план». Барч замолчал — наступила полная тишина: «Мы украдем воздушную баржу и построим на палубе герметичный отсек. Загрузим на баржу провизию и все необходимое — и улетим с Магарака. Как видите, план очень прост. Я предвижу трудности, но они преодолимы. План выполним. Нам нечего терять — так или иначе, клау уже осудили нас на позорную смерть!

Покинув Магарак, мы приземлимся на ближайшей дружественной планете. Придется долго лететь в межзвездном пространстве, но в конце концов полет закончится. С той минуты, когда мы улетим с Магарака, мы больше не будем ни рабами, ни беглецами — мы станем космическими скитальцами. А когда мы вернемся домой, мы прославимся и сможем многое рассказать друзьям и родственникам».

И снова Барч переводил взгляд с одного лица на другое. Неужели ему не удалось пробудить хотя бы толику энтузиазма? Ведь каждому из них, несомненно, не терпелось навсегда оставить позади Магарак!

Чеврр — оставшийся в живых спланг — резко произнес: «Слова, слова! Болтать легко. Где мы найдем материалы, инструменты?»

Барч рассмеялся: «Конечно, проблемы неизбежны. Но если все получится, мы победим. Повторяю: нам нечего терять! Действуя вместо того, чтобы просто существовать, мы перестаем быть животными и становимся людьми».

«Где мы сможем построить отсек на палубе украденной баржи? — пробасил Кербол. — Нас увидят с воздуха. Клау высалят десант и всех нас уничтожат».

«Я знаю, где спрятать баржу, — возразил Барч. — В Большой Дыре. Наружная поверхность верхней пещеры — тонкая оболочка, она растрескалась и просвечивает. Мы взломаем эту оболочку и спрячем баржу в пещере, после чего заделаем утес так, чтобы стена выглядела глухой. Что скажете? Я не способен строить звездолет в одиночку — кто мне

поможет?»

Глядя на беглецов, он замечал апатию, замешательство, тупость. Но на некоторых лицах, то на одном, то на другом, просыпались признаки надежды, воображения, воодушевления.

«Можно попытаться, — проворчал Кербол. — Действительно, нам нечего терять. Попробуем».

«Хорошо! — с натянутой улыбкой отозвался Барч. — Похоже на то, что вы меня поддерживаете. Но если кто-нибудь из вас... — Барч словно ненароком взглянул на лежащее лицом на столе багровое тело Клета. — Если кто-нибудь из вас придерживается точки зрения Клета, я готов выслушать возражения — но только здесь и сейчас».

Никто ничего не сказал.

«Превосходно!» — заявил Барч, улыбнувшись пошире. Спрыгнув на пол, он сказал: «Прежде всего — самое главное. Перед тем, как похитить баржу, мы должны приготовить место, где ее можно будет спрятать».

Взяв светильник, он поднялся по проходу в Большую Дыру. Поколебавшись, другие беглецы поочередно последовали за ним.

Желтое пламя светильника тускло отражалось от влажных серых стен, по всей пещере пролегли пляшущие тени сталагмитов. Там, где начинался проход, соединявший Большую Дыру с «трапезной», каменная поверхность была почти плоской. Напротив, со стороны тонкой наружной оболочки, горбились сглаженные складки.

Барч подошел к трещиноватой наружной стене и взобрался на кучу обломков известняка: «Здесь мы сделаем отверстие. Придется потрудиться, но дело сто́ит того».

Кербол буркнул: «Дайте мне несколько жестянок с абилоидом, и обвалить эту стену будет не труднее, чем расколоть орех».

Барч задумчиво взглянул на земноводного человека: «Ты работал в карьере за хребтом. Помнишь, где они держат взрывчатку?»

Кербол утвердительно крикнул.

«Сегодня ночью мы с тобой навестим каменоломню», — заключил Барч.

Ночь спустилась в долину Палкваркц-Цтво за два часа перед тем, как Барч и Кербол взобрались на охотничий плот клау. Плот поднимался, навстречу летели хлопья холодного тумана. Внизу горный склон казался сплошным покровом черной ворсистой ткани — за исключением единственной искры костра, мерцавшей на плоском уступе перед входом в пещеру.

Кербол прикоснулся к плечу Барча: «Там, за горой Кебали».

Барч кивнул. Хребет Кебали вздымался впереди, как подводный риф; за ним на склоне появилась одинокая группа огней. На горизонте виднелось смутное светящееся пятно промышленного комплекса Кводараса.

«Кербол! — Барч обернулся к стоявшей за ним темной фигуре. — В нашем деле мы должны доверять друг другу, как братья — и, кроме того, принимать разумные меры предосторожности. Какова, по-твоему, вероятность того, что кто-нибудь из беглецов свяжется с клау и донесет на нас?»

Кербол что-то неразборчиво пробурчал, после чего сказал: «Такой вероятности нет. Предательство невыгодно. Клау не поверят доносчику — насколько им известно, среди нас нет специалистов, способных осуществить такой неслыханный проект. Доносчика, как

любого другого беглого раба, подвергнут мучительной смерти или сошлют в мышьяковые рудники. Верно, что иные предпочли бы остаться в долине Палкваркц-Цтво — жизнь на их родных планетах ничем не лучше. С другой стороны, в пещере есть представители высокоразвитых миров — люди с Ферда, Кальбиса, Коэтены и Лектвы, не считая меня». Кербол замолчал. Барч тоже ничего не говорил.

Кербол продолжал: «Я не прочь вернуться в родное селение на торфяной равнине Спонис, поросшей голубым ползучим лишайником. Там течет широкая река Терра».

«Терра? — переспросил Барч. — Так на многих языках называется моя планета».

Поразмыслив, Кербол ответил: «Никогда не слышал о такой планете». Снова помолчав, он сказал: «Надо полагать, земляне — раса неумных фантазеров. Я работал на Магараке двенадцать лет и после побега прожил еще два года в пещере, но нигде не встречал никого, кто осмелился бы бросить такой вызов могуществу клау».

«Мне идея возвращения на Землю кажется самой естественной — она приходит в голову в первую очередь».

Огни каменоломни приблизились и стали расходиться, как лепестки чудесного яркого ночного цветка. Барч смотрел вниз: «Похоже на то, что здесь работают всю ночь».

«Выполнять нормы трудно — для мелиорации побережья требуется огромная масса каменных блоков. Там, на северном склоне, — Кербол протянул руку, — выплавляют новые шпурь для взрывных работ. А здесь, — Кербол указал на продолговатое приземистое сооружение, — хранится взрывчатка. Баржа со взрывчаткой приземляется и перемещается в склад. Ее разгружают, и она улетает, после чего, по мере надобности, прибывает следующая».

«И какие меры предосторожности принимают клау?»

Кербол пожал плечами: «Над проволочной оградой под высоким напряжением мы перелетим. Сигнализация — тоже не проблема, если спускаться вертикально. В помещении склада спят или играют в кости охранники-подруоды; кроме того, там несколько диспетчеров-борнгалезов — по мере поступления нарядов они перемещают взрывчатку на выходящий наружу конвейер».

«Придется действовать в зависимости от обстоятельств».

Плот быстро опускался — огни карьера разбежались в стороны. Влажный ночной воздух наполнился громкими звуками: звонкой переключкой кувалд, прерывистым урчанием машин. Там, где мощные дуговые разрядники выплавляли шпурь в скальной породе, с треском перемигивались яркие голубые вспышки. На плоской крыше склада тусклыми окружностями света выделялись четыре наверхия вентиляционных отдушин.

Барч опустил плот на крышу, соскочил с него и осторожно приблизился к отдушине. Наклонившись к пропускавшему свет проему, он заглянул вниз. У него за спиной скрипнули шаги — подошел Кербол. Барч сказал: «Там ничего нет. Склад пуст».

Кербол тоже наклонился к отдушине. «Верно, — пробормотал он. — Не вижу ни одного ящика со взрывчаткой». Выпрямившись, земноводный человек взглянул туда, где примерно в километре от склада на обнаженном скальном склоне сверкали разрядники, после чего снова наклонился к проему: «И баржа улетела».

Барч разглядывал темное небо: «Как скоро должны привезти новый запас взрывчатки?»

Кербол пожал плечами: «Завтра, сегодня — кто знает?»

«Смотри! — Барч указал пальцем. — В небе красные огни».

«А! Это баржа с новым грузом абилоида».

«Пойдем!» — позвал Барч, поспешно направляясь к воздушному плоту.

«Что теперь?» — спросил Кербол после того, как Барч поднял плот в воздух.

«Может быть, сегодня мы сделаем больше, чем рассчитывали», — ответил Барч. Он вжал до упора педаль акселератора, заставив плот описать широкую дугу, развернуться и приблизиться к барже со стороны кормы: «Где пилот?»

Кербол протянул руку: «Под колпаком, в рубке на носу».

«Приготовь оружие». Плот скользнул над баржей и опустился на палубу. «Я займусь пилотом, а ты проследи за остальными». Пригнувшись, Барч побежал к прозрачной полусферической рубке; фигура пилота выделялась четким силуэтом — он сосредоточенно смотрел на приближающиеся огни прямоугольного склада. Барч распахнул входной люк рубки.

«Подними баржу высоко в небо, живо!» — приказал он, направив на пилота дуло автоматического ружья. Пилот — темнокожий черноглазый коротышка со впалыми щеками — испуганно оглянулся. «Вверх! Живо!» — повторил Барч.

Пилот неохотно протянул руку к панели управления: «Я не могу нарушать расписание, диспетчер...»

«Если баржа не взлетит к облакам сию секунду, я тебя пристрелю! — прорычал Барч и ткнул пилота в спину дулом автомата. — Наверх!»

«Мы уже поднимаемся!» — капризно возразил пилот.

«Быстрее! — Барч взглянул вниз через стекло рубки. — Теперь возвращайся туда, откуда прилетел».

«Это запрещено! — протестовал пилот. — Меня накажут!»

Барч усмехнулся и постучал дулом ружья по затылку коротышки: «Выключи сигнальные огни!» Торопливо оглянувшись, он спросил: «На борту есть команда?»

«Нет у меня никакой команды. Баржу загружают в химическом комплексе округа Фракс и разгружают на складе».

«Что ты везешь?»

«Взрывчатку, снаряжение, материалы».

Открылся люк купола — внутрь заглянул Кербол.

«Все в порядке?»

«На борту больше никого».

«Хорошо! — Барч попятился, выходя из рубки, и жестом пригласил Кербола занять свое место. — Говори ему, куда лететь — ты лучше разбираешься в местной топографии».

Барч подошел к бортовому поручню, взялся за него обеими руками и посмотрел в темноту. Успех на первом этапе! Пальцы сжали холодный твердый металл поручня: тот самый металл, который в один прекрасный день унесет его с Магарака в бесконечное пространство космоса.

VII

Баржа поднималась к перевалу под горой Кебали. Шум карьерных работ умолк, огни каменоломни снова тесно сгрудились. Теперь за кормой дрожало далекое зарево Кводараса — где-то там полыхали плавильные печи, громыхали цеха, сновали по рельсам машины.

Барч обошел баржу по металлическим мосткам и снова заглянул в рубку: «Быстрее!» Палуба дрогнула под ногами — Барч пошатнулся и вернулся на грузовую палубу. «*На барже установлен мощный силовой блок, — подумал он. — Можно надеяться, что он преодолеет силу притяжения планеты*».

Ему в лицо неожиданно брызнула холодная вода: начался морозящий дождь. Он встал за рубкой пилота, защищавшей от встречного ветра.

Дождь кончился; баржа вырвалась из тумана навстречу ледяному порывистому ветру. Внизу простирались верховья долины Палкваркц-Цтво, темные и безлюдные. Барч напрягал зрение, пытаясь различить тусклую искру костра, но она ускользала от него, как звезда, едва мерцающая на горизонте. Заглянув в рубку, он спросил Кербола: «Ты видишь костер?»

Кербол протянул руку: «Вот он!» Ткнув пилота локтем в спину, он приказал: «Приземлись у костра».

«Невозможно! — пробормотал коротышка. — Мы над заказником Палкваркц-Цтво, здесь водятся дикари. Нас сварят в котле и съедят».

«Не съедят, — заверил его Барч. — Опusti баржу у костра».

Баржа снижалась — навстречу поднимался мрак черного леса. Зашумела листва, затрещали ломающиеся ветви. Баржа приземлилась.

Барч тревожно вглядывался в темноту: ни звука. Он повернулся к пилоту: «Выходи!»

Коротышка не хотел покидать привычное кресло: «Что вы со мной сделаете?»

«Ничего».

Спрыгнув на землю, пилот сразу побежал к ближайшим кустам, но споткнулся о подставленную ногу Барча. Оба они свалились на влажную лесную подстилку. Барч поднялся на ноги, схватил пилота за шиворот, провел его обратно к барже и вверх по склону. Кербол следовал за ними — в темноте он напоминал крадущегося серого зверя.

Барч зашел в нижнюю пещеру, подталкивая перед собой пилота. Беглецы сгрудились вокруг большого стола и о чем-то горячо спорили. Барч стоял у входа, любясь игрой пламени светильников на разномастных лицах инопланетян.

Кто-то что-то прошипел, спор прервался. Все лица повернулись к Барчу, словно движимые одним механизмом.

Барч передал пилота под опеку Кербола: «Опусти его на веревке в яму поглубже». Повернувшись к большому столу, он сказал: «Нам придется поработать пару часов снаружи. Чем скорее мы начнем, тем скорее кончим. Захватите ножи и топоры».

Обитатели пещеры неохотно поднимались на ноги и брели к выходу. Барч терпеливо ждал.

Плоскорожа раздраженно заметил: «Мы работаем днем. Уже ночь. Работа может подождать». Другие настороженно наблюдали за Барчем, как зайцы, еще не решившие, в какую сторону прыгнуть.

Первое испытание характера важнее всего. Барч не делал резких движений и молчал, позволяя напряжению возрастать. Плоскорожа нервно поглядывал на автоматическое ружье. Барч тихо спросил: «Где твой топор?»

Плоскорожа показал: «Вот он лежит, у стены».

«Так возьми его!»

Плоскорожа медленно встал. Барч сделал два быстрых шага вперед. Окружающие испуганно отшатнулись. «Выходите, все!» — Барч взял пару светильников, прошел к выходу из пещеры и подождал, пока мимо не прошли все ее обитатели.

В тусклом свете лампад баржа казалась огромной темной массой и произвела гораздо больший эффект, нежели слова, произнесенные Барчем в пещере.

«Вот ваш звездолет!»

Надлежащим образом впечатленные, беглецы возбужденно переговаривались.

«Завтра мы ее разгрузим, но сегодня нужно прикрыть баржу ветвями и листвой, чтобы ее нельзя было распознать с воздуха».

Как только забрезжил рассвет, Барч заставил себя подняться с постели из шкур. Напялив модокскую рубаху, он отправился инспектировать баржу. Казалось, она занимала половину уступа перед пещерой — огромная, как кит перед крыльцом сельского дома.

Для того, чтобы оценить качество камуфляжа, он взобрался на воздушный плот и поднялся на нем в небо. Лес выглядел ковром матово-черных зарослей, а баржа — частью этих зарослей. Удовлетворенный результатами проверки, Барч приземлился на уступе.

Важно было, чтобы клау не подозревали о его планах. Нельзя было их провоцировать. В этом отношении вчерашнее убийство молодого клау было ошибкой. В противном случае, однако, он не смог бы захватить воздушный плот; кроме того, победа над клау и его охранниками создала вокруг него ореол могущества в глазах других беглецов, чего он не смог бы добиться, даже если бы убил Клету десять раз подряд. Впредь следовало воздерживаться, по возможности, от прямых конфликтов с клау, избегать подрудов и драться только в том случае, если ничего другого не оставалось.

Барч прошелся вокруг баржи. Бесшовный корпус возвышался на полтора метра над головой. Он попытался представить себе, как должно было выглядеть герметичное палубное сооружение, но не мог придумать ничего лучше надстройки океанского грузового судна.

Он взобрался на палубу. Примерно половину груза составляли контейнеры различных размеров. Ближе к носовой части лежали четыре связки тяжелых толстостенных труб, полдюжины механизмов — судя по всему, разрядников для выплавления шпуров — и дюжина катушек гладкого металлического троса. «Неплохой улов!» — подумал Барч. Он отказался от проекта традиционной палубной надстройки: теперь его внутреннему взору представился наполненный воздухом шатер из герметичной ткани, натянутый над всей баржей на удерживающих его тросах, расходящихся от мачт.

Спрыгнув на землю, Барч вернулся в пещеру. Стоя у костра, он наблюдал за тем, как женщины подвешивали котлы, чтобы варить кашу.

Часто моргая, в «трапезную» зашел Кербол в сопровождении своей угрюмой подруги. Барч ощутил внезапный прилив теплоты, дружелюбия. В долине Палкваркц-Цтво у него был по меньшей мере один настоящий союзник.

После завтрака он направился с Керболом к барже, чтобы осмотреть груз. Кербол вскрыл контейнер, помеченный черными и красными символами — внутри были небольшие канистры, каждая диаметром и высотой несколько сантиметров.

«Это абилоид, — сказал Кербол, — взрывчатка замедленного действия. А это, — он открыл контейнер поменьше, содержащий стержни из плотного полуметаллического материала, лежавшие на красноватой пластиковой решетке, — это супер».

«Супер? Странное название».

Кербол пожал плечами: «Так его называют на каменоломне. Один стержень супера соответствует, по мощности взрыва, десяти контейнерам абилоида. Но супер взрывается слишком быстро. Он буквально распыляет породу, тогда как абилоид ее выталкивает».

«Надеюсь, что ты умеешь обращаться с этой взрывчаткой».

Кербол взял одну из канистр с абилоидом и прикоснулся к торчащему из нее тонкому проводку: «Это трехминутный таймер. Чтобы супер детонировал, его закладывают под зарядом абилоида».

«Все это в твоём распоряжении, — сказал Барч. — Вот знакомые тебе разрядники. Выбери себе помощника и взломай Большую Дыру».

К полудню Кербол сообщил о том, что заряды установлены. Барч с сомнением посмотрел на небо. Туман, как обычно, сползал по склону горы Кебали. «Лучше подождать до вечера. Тогда, если клау пролетят мимо, дыра в утесе не будет такой заметной».

Через несколько часов долину Палкваркц-Цтво заволокло туманом. Барч подозвал Кербола: «Давай, взрывай!»

Через несколько минут пещеру сотрясли шесть взрывов — над уступом перед пещерой разлетелись клубы пыли.

Барч спустился по проходу мимо бывшего логова Клета и наклонился над ямой, в которой сидел пилот: «Не желаешь ли поработать?»

Пилот хмуро взглянул наверх: «Убейте меня, и дело с концом».

«У меня нет ни малейшего желания тебя убивать. Мне нужна твоя помощь. И я не держал бы тебя в яме, если бы не боялся, что ты сбежишь».

Коротышка-пилот заметно обрадовался: «Куда я побегу? Мне придется остаться с вами».

Барч усмехнулся: «Разумное решение, принятое без промедления». Он спустил веревку, и пилот проворно выбрался из ямы.

Барч отвел его к барже и указал на прореху, зиявшую в наружной стене Большой Дыры: «Я хочу, чтобы баржа пролезла внутрь».

Пилот вскочил на палубу и быстро направился к рубке: «Это проще простого».

Барч не отставал от пилота: «Мы вместе проследим за тем, чтобы все шло, как по маслу».

«Как вам угодно», — раздраженно отозвался пилот.

Баржа вертикально поднялась над уступом до уровня прорехи и потихоньку протиснулась в верхнюю пещеру. На плоском внутреннем участке Большой Дыры горели два костра. «Опусти ее между кострами», — сказал Барч.

Баржа медленно скользила в полутьме, задевая сталактиты и сталагмиты, звонко ломавшиеся и разбивавшиеся на куски.

Когда баржа опустилась на поверхность пещеры, Барч заметил, что Кербол уже давал указания нескольким помощникам, начинавшим заполнять камнями прореху в утесе. Повернувшись к пилоту, Барч спросил: «Почему клау доверили тебе баржу? Они не опасались того, что ты сбежишь?»

Пилот ответил жестом, свидетельствующим о наивности вопроса: «Зачем мне бежать? Пилоты живут неплохо. А в горах дикари едят друг друга, как хищные рыбы».

Барч не стал критиковать предубеждения пилота: «Что произойдет, если ты теперь вернешься?»

«Меня дискредитируют».

Барч изучал подвижное темное лицо. «Я не хочу тебя убивать, — с расстановкой сказал он, — но еще меньше я хочу, чтобы клау явились сюда в поисках твоей баржи».

«Это маловероятно».

«Если ты не донесешь о том, где спрятана баржа».

Пилот надул щеки: «Я сохраню вам верность до конца своих дней».

«Никто, кроме тебя, не знает, как управлять баржей. По сути дела, без тебя мы не справимся».

«Что вы задумали?»

«Что ж — почему бы не сообщить тебе о наших планах? Мы соорудим над баржей воздухонепроницаемый чехол и улетим с Магарака».

«Ага! — пилот кивнул. — Теперь, в самом деле, я целиком и полностью в вашем распоряжении».

«Теперь? Значит, твои предыдущие заверения не стоили ломаного гроша?»

«Вы не понимаете. Мы, спланги, очень разборчивы в том, что касается смысловых оттенков самовыражения».

«Наш приятель Чеврр — тоже спланг, но, как правило, я прекрасно его понимаю».

Пилот презрительно цокнул языком: «Он — горец, необразованная деревенщина! Мы, обитатели прибрежных лесов — совсем другая порода».

«Ладно, это не суть важно, — махнул рукой Барч. — Придется рискнуть, хотя доверять тебе, конечно, нельзя. Кстати, как тебя зовут?»

Пилот произнес нечто, прозвучавшее как «тк-тк-тк».

«Будем звать тебя «Тык», — решил Барч. — Надеюсь, ты понимаешь, что мне очень не понравится любая попытка связаться с клау или посетить Кводарас?»

«Хорошо понимаю. Само собой».

«Тогда помоги нам заполнить прореху камнями. Мы еще поговорим».

Барч сидел, размышляя о составе своей команды — разномастного племени беглецов. Очевиден был дефицит технических специалистов, способных содействовать преобразованию воздушной грузовой баржи в космический корабль. Педратц заявлял, что в свое время работал сварщиком; Кербол не разбирался ни в чем, кроме взрывных работ; Тык умел управлять баржей. Но кто мог что-нибудь посоветовать по поводу рекуперации воздуха, ремонта двигателей, межзвездной навигации?

Барч смотрел в пламя костра невидящими глазами, постукивая пальцами по столу. В-первых, следовало определить и подразделить задачи, решая их последовательно, по отдельности. Важнее всего было обеспечить безопасность, предотвратить крушение всех планов в результате нападения клау. Барч бросил критический взгляд на вход в пещеру, где ничто не препятствовало бы подруодам, явившимся умертвить всех беглецов.

Поднявшись на ноги, Барч вышел по извилистой расщелине в ночную мглу. Его окружил непроглядный мрак. В долине ревел ветер, огромные черные листья хлопали, создавая меланхолический монотонный аккомпанемент, напоминавший шум прибоя на каменистом берегу. За спиной через расщелину проникал едва заметный отсвет костра.

«Завтра нужно устроить какую-нибудь систему сигнализации на уступе под пещерой», — думал Барч. Но кое-что можно было сделать и сегодня вечером. Барч вернулся внутрь. Неподалеку сидели два кальбиссинийца, Ардль и Арн, занятые, как всегда, любовным обрядом выяснения того, кто из них был женщиной, а кто — мужчиной. Барч присел рядом с ними и снял с руки часы: «Сегодня ночью мы будем нести дежурство. Ваша вахта — первая, вы будете следить за тем, чтобы не происходило ничего подозрительного, пока короткая стрелка часов не переместится вот сюда. После этого вы разбудите... — Барч

оглянулся через плечо. — Вы разбудите двух гриффитов. Выйдите со мной наружу, я покажу, где вы должны дежурить — это важно».

Снаружи, у входа в пещеру, он сказал: «Арн, стой здесь. Ардль, тихонько ходи за деревьями по краю уступа, и после каждого обхода возвращайся к Арну. Если хотите, меняйтесь ролями. Когда вы разбудите гриффитов, дайте им такие же указания».

Вернувшись в пещеру, Барч назначил еще четыре вахты, причем первую из последних четырех должен был нести он сам в паре с Керболом.

Об одной проблеме можно было на какое-то время забыть.

Худосочный пилот Тык беседовал с раздражительным уроженцем своей планеты, Чеврром. Барч присоединился к ним. «Как ты получал задания? — спросил он пилота. — В какой-нибудь центральной диспетчерской?»

«Именно так. Моя диспетчерская находится — находилась — в тринадцатом районе Кводараса, и каждый день я мог получать различные маршрутные задания».

«Значит, ты хорошо помнишь карту Магарака».

Тык гордо расправил узкие плечи: «Не хуже любого другого».

«Что, если нужно отвезти груз в неизвестный тебе пункт?»

«В рубке установлен локатор на тот случай, если пилот не сможет найти пункт назначения».

«Локатор? — Барч насторожился. — Карта планеты?»

Тык ответил высокомерным тоном, как если бы он сам изобрел это устройство: «Нет-нет! Это гораздо более сложный многоцелевой механизм, генерирующий трехмерное изображение с обозначениями всех пунктов назначения на Магараке».

«Давай-ка взглянем на этот локатор».

Пока они поднимались по извилистому проходу в Большую Дыру, Тык непрерывно болтал: «Мне поручили добротную баржу, прекрасную обтекаемую баржу, только что заправленную — и почему? Потому, что я, Тктктк, делал одолжения Голеимпасу Гстаду, диспетчеру тринадцатого района Кводараса, очень влиятельному борнгалеzu. «Тктктк, — говорил Гстад, — весь ангар в твоём распоряжении, выбирай подходящую баржу, подобающую твоим превосходным навыкам». Так что я ежедневно просматривал маршрутную ленту, и всего лишь через два дня прибыла новенькая, с иголки, только что выращенная баржа...»

«Выращенная? Баржи здесь тоже выращивают?»

«Разумеется! — Тык бросил на Барча удивленный взгляд. — Разве на вашей планете не растут корабли и суда?»

«Нет, — сказал Барч. — Мы применяем другие методы».

«Если вы вернетесь домой, в чем я практически не сомневаюсь, вам предстоит стать великим новатором. Секрет выращивания заключается в правильном выборе выделителей, заправленных надлежащими флюидами, и в тщательном программировании дальнейшего процесса. В результате...» Они обогнули валявшийся в конце прохода угловатый обломок испещренного прожилками агата и оказались в Большой Дыре. Размахивая руками, Тык продолжал хвалебное описание судна, обтекаемый черный силуэт которого выделялся на фоне озаренной кострами известняковой стены.

Барч остановился, впечатленный масштабами своего приобретения: «Как заправляют баржу?»

Тык отозвался презрительным жестом: «Я — пилот. Меня такими вещами никогда не

беспокоили... Тем не менее, насколько мне известно, аккр вставляют в камеру под куполом рубки».

«Сколько? И как часто?»

Тык нарисовал в воздухе прямоугольник длиной сантиметров пятнадцать и шириной в два раза меньше: «Заряд заменяют примерно раз в месяц».

«Нехватка горючего нам не грозит», — подумал Барч. Судя по всему, «аккр» представлял собой атомное топливо — отвержденное радиоактивное излучение, концентрат энергии. Способы его производства не имели значения постольку, поскольку можно было запастись достаточным числом зарядов.

Тык ловко взобрался на палубу и юркнул в рубку управления. Барч с мрачной иронией подумал, что, если бы Тык убежал в лес, его трудно было бы поймать. Он не столь поспешно последовал за пилотом. Тык с интересом разглядывал светящуюся прорезь с левой стороны панели управления: «Ха! Хм...»

«Так что же?» — нетерпеливо спросил Барч.

«В тринадцатом районе Кводараса суматоха — движение гораздо интенсивнее обычного».

«Дай-ка посмотреть», — Барч вытеснил пилота из сиденья и заглянул в прорезь.

Сначала ему показалось, что он видит светящийся, покрытый сеткой черных линий абстрактный рисунок, состоявший из розовых прямоугольников, оранжевых квадратов и перистых голубых столбиков; выше плавали почти невидимые бледные полупрозрачные квадраты. На фоне всей этой неразберихи медленно перемещались искорки всевозможных оттенков. «Эти искры — что это? — поинтересовался Барч. — Баржи?»

«Так точно! — радостно подтвердил Тык. — Каждому району присвоен тот или иной цвет. Баржи тринадцатого района Кводараса — светло-зеленые».

Барч напряженно спросил: «И наша баржа тоже изображена зеленой искрой?»

Тык ответил не сразу — такая мысль явно еще не приходила ему в голову: «Пожалуй, что так».

«Покажи мне ее на графике».

Тык медленно повернул верньер и заглянул в прорезь: «Вот долина Палкваркц-Цтво. А здесь...»

Пригнувшись, Барч увидел бледно-зеленый контур хребта. На фоне горного склона тускло мерцала зеленая искорка.

Барч резко выпрямился. Тык беспокойно отступил к выходу из рубки.

«Иди сюда!»

Пилот приблизился, изображая на лице шаловливую беззаботность.

«Как отсоединить передатчик, регистрирующий наше местонахождение?»

Взгляд Тыка остановился на маленькой выпуклости, соединенной цепочкой с крышкой внутреннего отделения панели: «Это нельзя трогать».

Барч бросился на пилота, как леопард, и схватил его за шею: «Отсоедини передатчик, или я прикончу тебя на месте!»

Тык лихорадочно бормотал: «Это не дозволено! Голеимпас Гстад меня полностью дискредитирует!»

Пальцы Барча сжались вокруг тонкой шеи. Глаза Тыка выпучились и стали вылезать из орбит. Барч ослабил хватку: «Отсоедини передатчик!»

Отдуваясь и постанывая, Тык нагнулся над панелью, опасно разорвал цепочку, открыл

отделение, выдвинул из него плату и раздавил пальцем зеленую лампочку: «Гстад заставит меня обслуживать навозный конвейер...»

Барч заглянул в смотровую прорезь: светло-зеленая искра на силуэте горного склона исчезла.

Барч повернулся к пилоту, нервно растиравшему шею. Тот быстро заговорил: «Локатор выполняет и другие полезные функции. Смотрите: возвращаясь в ангар тринадцатого района Кводараса, я нахожу наименование в этом списке...» Пилот быстро крутанул верньер — в прорези засветились быстро сменяющие друг друга символы. «После этого я прикасаюсь к этому переключателю...» Тык жалобно взглянул на Барча, крепко схватившего его за кисть руки.

Барч прорычал: «Похоже, что ты не слишком беспокоишься о сохранности своей шкуры».

Зубы пилота часто стучали: «Береговой спланг бросает вызов смерти! Миг его кончины предопределен в момент его рождения на песке речного пляжа. Ни человек, ни клау, ни стихийные силы не способны исказить предначертания судьбы!»

«Удобная философия, — безразлично обронил Барч и снова заглянул в прорезь локатора. — Надо полагать, теперь каждому клау на Магараке известно, где находится наша баржа?»

«Возможно. Но не обязательно, — Тык задумчиво поджал губы. — Это в значительной степени зависит от того, как скоро координатору сообщат о недостатке взрывчатки на каменоломне».

«Кто координатор, где он находится?»

Пилот ответил с выражением подкупающей откровенности: «Не знаю».

«Но у тебя есть какие-то предположения на этот счет?» — терпеливо настаивал Барч.

«Можно предположить, что координатор — искусственный интеллект, регистрирующий, объединяющий и анализирующий никак не связанные, на первый взгляд, данные и рассчитывающий наиболее вероятные причины и следствия».

«Понятно, — кивнул Барч. — Своего рода электронный детектив-сверхчеловек». Он снова повернулся к локатору: «А эту штуку можно извлечь? Я хотел бы взять ее с собой в пещеру».

«Разумеется, это нетрудно», — Тык подскочил к локатору и отстегнул пару защелок.

«Давай его сюда! — Барч жестом пригласил пилота спуститься с баржи. — После тебя».

Тык ловко спрыгнул с палубы и тут же направился к проходу, ведущему в нижнюю пещеру.

Барч спросил, словно невзначай: «Куда ты торопишься?»

Тык сразу остановился и с улыбкой оглянулся: «Никуда, никуда».

Барч спустился с палубы, удерживая локатор под мышкой, и демонстративно положил руку на пристегнутое к поясу оружие: «Теперь мы можем спуститься».

VIII

Вернувшись в нижнюю пещеру, Барч поставил локатор на стол и вышел наружу подышать ночным воздухом. Заметив его, Арн и Ардль, шептавшиеся у входа, виновато

отскочили друг от друга. «Черт бы вас побрал! — закричал Барч. — Если вы не можете повременить с ухаживаниями — или как это у вас называется — хотя бы пару часов, чтобы сторожить пещеру, я отберу у вас одежду и заставлю ходить голышом! Тогда уже ни у кого не будет сомнений в том, кто из вас мужик, а кто — баба!»

Ардль покорно отправился в обход. Барч повернулся к Арну: «Ни в коем случае не выпускай из пещеры пилота-спланга».

«Понятно».

Барч взглянул на небо. «Предположим, — размышлял он, — местонахождение баржи уже известно властям. В таком случае в любой момент здесь может высадиться вооруженный отряд подрудов». Он пожал плечами: чему быть, того не миновать. Барч вернулся в пещеру.

Тык сидел на столе, положив руку на локатор так, словно был бесспорным хозяином прибора, и разглагольствовал: «Многие пилоты летают, как мертвые: задают маршрут автопилота и спят. Только не я! Я слежу за локатором, — он похлопал по прибору, — и доверяю только своим рукам». Тык приподнял раскрытые ладони. Его тонкие пальцы заканчивались подушечками, как лапки жабы.

Барч заметил Чеврра, презрительно сидевшего на корточках в углу. Подойдя к нему, Барч присел рядом: «Все береговые спланги такие, как этот?»

Чеврр угрюмо кивнул: «Мы живем в горах, чтобы не якшаться с ними. Их женщины ежегодно плодят близнецов, они кишат в лесу, висят на каждой ветке каждого дерева. Все они бесполезные болтуны и бездельники. Из них получают только акробаты и шлюхи».

«Но как заставить его слушаться?»

«Перережь ему глотку, и он больше не будет шалить».

Барч поморщился: «Я еще не привык убивать. Кроме того, только он умеет управлять баржей».

Мрачное лицо Чеврра поразительно преобразилось — многочисленные морщины и складки расправились, сгладились, просветлели. Свершилось чудо — Чеврр улыбался: «У него есть талисман, приносящий удачу — все береговые спланги носят такие талисманы. Это медальон, содержащий схему расположения речной песчаной косы, на которой он родился. Талисман — под пиявкой, сосущей кровь из его живота. Отбери у него талисман, и ты станешь его повелителем».

«Вот как!» — сказал Барч.

«Будь осторожен. Если он догадается о твоём намерении, он превратится в непобедимого демона. Никто в этой пещере не сможет его удержать».

Барч встал и подошел к Керболу. Перебросившись с ним несколькими фразами, он договорился с Плоскорожей, а затем с Моранко.

Приблизившись к столу, Барч взял локатор и переместил его к боковой стене пещеры. Тык весил не больше шестидесяти килограммов, но он выглядел жилистым и уже неоднократно проявлял ловкость и проворство.

Кербол и Плоскорожа подошли к пилоту сзади и схватили его за руки. В тот же момент Моранко схватил тощие костлявые ноги Тыка.

Тык озирался, не понимая, что происходит. Барч шагнул к нему и задрал переднюю часть темно-желтой блузы пилота.

Глаза Тыка выпучились настолько, что практически вылезли из орбит и находились снаружи, а не внутри черепа. Он извивался и дергал плечами; Керболу и Плоскороже

пришлось упасть на стол и проехать по нему, чтобы удержать пилота. Ноги Тыка напряглись — сделав невероятное усилие, он сумел приподнять Моранко сантиметров на тридцать.

К потному дрожащему животу пилота присосалось что-то плоское, коричневое. Барч оторвал это существо ногтями. Два объекта упали на каменный пол пещеры: небольшой металлический медальон и пиявка, которая медленно поползла, судорожно сокращаясь, в направлении костра. Тык выгнул шею, глядя вниз на медальон; его глаза выдвинулись на оптических нервах, как на стеблях. Руки пилота приподнялись и переместились, протаскивая пылящих Кербола и Плоскорожу по столу, как пару подушек. Барч подобрал медальон, вскрыл его и вынул кусочек тонкой пленки.

«Тык! — сказал Барч. — Сиди спокойно!»

Глаза пилота втянулись в череп. Кербол и Плоскорожа смогли слезть со стола и встать.

«Тык! — продолжал Барч. — Ты будешь вести себя хорошо?»

Пилот вздохнул: «Моя жизнь мне больше не принадлежит».

«Никому из нас не принадлежит наша жизнь. Мы вынуждены защищать друг друга — либо мы покинем Магарака все вместе, либо все мы погибнем. Ты это понимаешь?»

Тык не ответил — он нашел глазами Чеврра, словно умоляя того проявить сочувствие.

Барч продолжал: «Я буду всюду носить с собой твой талисман. Когда мы улетим с Магарака, ты его получишь».

Тык молчал.

Барч снова поставил локатор на стол и взглянул на пульсирующий пастельными тонами график: «Что означают эти полупрозрачные бледные квадраты?»

«Не знаю», — произнес Тык.

«А черные линии?»

«Это подземные конвейеры».

«Я вижу ярко-оранжевое пятно, над которым покачиваются символы, напоминающие елочки или рыбы скелеты. Как узнать, где находится это место?»

Тык взглянул на график: «Это полуостров Птрсфур в округе Зчам».

«Откуда ты знаешь?»

«Это указано на полоске сверху».

«А что означает оранжевый овал?»

Тык повернул верньер. По графику проползла черная точка, остановившаяся посреди оранжевого пятна. Тык указал на строку оранжевых символов, светившихся на цилиндрическом компоненте сбоку: «Здесь появляется функциональный код элемента графика».

Барч прищурился, разглядывая символы: «Ты можешь это прочесть?»

«Нет».

Барч оглянулся, нашел глазами лектванку: «Эллен, ты можешь это прочесть?»

Комейтк-Лелианр безразлично подошла к прибору: «Здесь изготавливают падискс-верккты».

«Что это такое?»

«Падискс — девятый из десяти или одиннадцати искусственных компонентов. Верккт — разновидность клапана, регулирующего мощность радиоактивного излучения».

Барч хмыкнул: «Вот как». Он снова осторожно повернул верньер: «Этот прибор может оказаться чрезвычайно полезным». Посмотрев вокруг, он убедился в том, что никто из его

помощников не испытывал энтузиазма: «Нам повезло. Неужели вы не понимаете?»

Плоскорожа прижался к прорези локатора агатовым глазом, повернул круглую ручку: «А! Вот Пурпурат, где я пять лет наматывал бобины».

Барч повернулся к лектванке: «Тык упомянул о магаракском координаторе — это своего рода вычислительная машина?»

«Да, — ответила Комейтк-Лелианр. — Производство координируется по всей планете так называемым «мозгом» — вычислительной машиной, составляющей расписания и маршруты, рассчитывающей нормы выхода продукции и прочие параметры, позволяющие планете эффективно функционировать в качестве единого индустриального комплекса».

Она стала вращать верньер локатора, считывая появляющиеся символы. Понаблюдав за ней, Барч заметил: «Эллен, похоже на то, что ты нашла себе занятие».

Лектванка кивнула. Положив ладони на стол, Барч смотрел по сторонам. Все глаза — черные, голубые, белые, красные, серовато-зеленые — были устремлены на него. Он не слишком уверенно произнес, не обращаясь ни к кому в частности: «Что ж, мы могли бы обсудить наш проект».

Он подождал — никто ничего не сказал. По всей вероятности, присутствующие не привыкли совместно обсуждать планы на будущее.

«У нас есть баржа, — продолжил Барч. — Предлагаю соорудить на палубе нечто вроде воздухонепроницаемого надувного чехла, натянутого металлическими тросами».

Все молчали. Барч снова посмотрел вокруг; карлик Мосес подкладывал дрова в костер. В голосе Барча появилось раздражение: «Не вижу, почему это не получится. Тем не менее, я не проектировщик звездолетов. Может быть, у кого-нибудь есть более удачная идея».

Комейтк-Лелианр почти рассеянно обронила: «Гораздо проще экспроприировать еще одну баржу и сварить две баржи вместе, палубой к палубе».

Барч присел и некоторое время не шевелился, пытаясь сохранить внутреннее равновесие: «На мой взгляд, это прекрасная мысль». Помолчав, он прибавил: «Следует рассмотреть еще один вопрос. Надеюсь, что двигатели смогут обеспечить постоянное ускорение, эквивалентное силе притяжения, которое позволит нам беспрепятственно перемещаться на своих двоих. Такое ускорение разгонит корабль почти до световой скорости примерно за год. Сможем ли мы лететь быстрее? Не имею представления. Ученые Земли убеждены в том, что превышение скорости света невозможно».

Комейтк-Лелианр бледно улыбнулась: «Ученые Земли еще не имеют опыта межзвездных полетов».

Барч продолжал, пропустив ее замечание мимо ушей: «Главным образом меня интересует следующее: не помешает ли наличие дополнительной массы — массы второй баржи — обеспечить необходимое ускорение?»

«Нисколько не помешает. Напротив, располагая двумя комплектами двигателей, обеспечить такое ускорение будет гораздо проще. У каждого двигателя два полюса, положительный и отрицательный, как у электромагнита. Параллельное соединение двигателей позволяет приумножать их мощность».

Барч не совсем понимал, о чем говорила лектванка: «Даже так? Я об этом не знал».

Педратц, человек с желтоватыми волосами, сказал: «Дайте мне два рулона сварочной ленты — и через два часа две баржи станут одним кораблем».

Барч поднялся на ноги и вышел из пещеры, чтобы проверить, чем занимались кальбиссинийцы. Арн, стоявший в одиночестве у входа, обиженно взглянул на него. Барч

посмотрел на часы: «Ваша вахта почти закончилась. Я скажу гриффитам, чтобы они вас сменили».

Вернувшись внутрь, он дал соответствующие указания, вышел наружу вместе с гриффитами, объяснил им, показывая часы, как долго им надлежало дежурить, после чего вернулся к столу в «трапезной» с таким ощущением, какое посещает шахматиста, возвращающегося к рассмотрению сложной позиции на турнире. Барч снова обратился к присутствующим: «Перед тем, как сваривать две воздушные баржи, неплохо было бы соорудить надстройку на палубе первой баржи, чтобы удвоить полезную площадь внутренних отсеков. Кроме того, придется установить необходимые устройства и механизмы — кондиционеры воздуха, ассенизаторы...»

Комейтк-Лелианр вмешалась: «Лектваны пользуются комплексным блоком жизнеобеспечения, содержанием. Эта установка извлекает из воздуха углекислый газ и водяные пары, выделяя воду и кислород, а также синтезируя основные питательные вещества. Надо полагать, клау пользуются сходным оборудованием».

«Не похваляется ли она технологическим превосходством своей расы? — спросил себя Барч. — Скорее всего, нет. Такое поведение не представлялось бы ей полезным». В любом случае, он давно устал анализировать поведение лектванки. Барч повернулся к пилоту: «Эй, Тык! Где клау хранят содержатели для звездолетов?»

Тык подошел к локатору, повертел круглой ручкой: «Оболочки содержателей выращивают здесь, на фабрике, обозначенной зеленым квадратом с черным контуром. Окончательная сборка производится в Сталкоа-Скеле, в округе Магдкоа, на четвертом ярусе. Как-то раз мне поручили отвезти оттуда блоки жизнеобеспечения на космические верфи Гдоа». Он снова повернул верньер: «Этот красный прямоугольник — сборочный цех».

«Все было бы проще, — думал Барч, — если бы я не так нервничал». Он покосился на стоявшую справа массивную фигуру цвета серой скалы. Керболу можно было позавидовать — он нервничал не больше, чем крокодил, загорающий в луже. Впереди согнулась тощая спина Тыка, управлявшего воздушным плотом; пилот беззаботно посвистывал — точнее, чирикал на манер цикады.

Чуть наклонившись, Барч взглянул за борт. Они летели низко — выше и на том же уровне струились потоки воздушных барж и плотов, радужных сфер. Время от времени мимо с хлопком проносился, как серебристая молния, какой-то аппарат, который Барч не успевал разглядеть. К облакам тянулись массивные закопченные небоскребы Магарака, загромаждавшие пространство и воображение. Выше воздушного транспорта крутились и перемещались то в одну, то в другую сторону перистые металлические стрелы и шпренгельные фермы; из глубины нижних ярусов поднимались клубы постепенно расплывающегося дыма. Трещали ослепительные разноцветные вспышки, воздух буквально трясся от ревающего, звенящего, ритмично грохочущего, свистящего, шипящего шума.

Тык уверенно, почти радостно управлял плотом — ему очевидно нравилось заниматься привычным делом. Барч удивленно покачал головой, невольно испытывая уважение к мозгу, способному ежедневно воспринимать этот умопомрачительный бедлам как нечто понятное и само собой разумеющееся.

Плот остановился в воздухе. Тык указал вниз рукой, напоминая обезьянью лапку: «Это здесь!» Они находились над чем-то вроде гигантской, подобной кратеру вулкана воронки, состоявшей из сужавшихся концентрических террас, отливавших или подсвеченных

свинцовым блеском. Огромное, ромбовидное в плане, ступенчатое черное сооружение противоестественно нависло над воронкой, будучи закреплено на ее верхнем краю только одним острым углом — противоположная вершина ромба совпадала с центральной вертикальной осью впадины. С каждой ступени ромбовидного сооружения поднимались, как толстые неоновые трубы, столбы зеленого света.

Ромбовидная черная масса выросла на глазах, воронка концентрических кругов раскрывалась, как мишень. «Тык, подожди! — закричал Барч. — Ты намерен приземлиться на крыше?»

Пилот махнул рукой, тем самым выражая бесшабашную самоуверенность сумасшедшего виртуоза: «Отсюда вылетают груженные баржи — вы же хотели захватить баржу с грузом?»

«Это именно то, что нам нужно, — согласился Барч. — Хорошо, спускайся и приготовься приземлиться на барже, как только это будет безопасно».

«Безопасно? — Тык внезапно вспомнил о своей невозместимой потере. — Ничто не безопасно! Безопасность — фикция, плод наивного воображения. Лишь в одном можно быть уверенным — в том, что смерть мертвой хваткой сидит на плечах у каждого из нас и потихоньку высасывает наши мозги». Обернувшись к Барчу, пилот сказал: «Известно ли вам, что без пленочной схемы песчаной косы, на которой родился человек, он не может даже умереть, как полагается?»

«Следи за баржей, — бесчувственно откликнулся Барч. — Она уже вылетает».

Баржа выскользнула из черного ромба; круглые темные выпуклости на ее палубе создавали узор, напоминавший ткань «в горошек».

«Чтоб они провалились! — выругался Барч. — Кажется, аппаратуру охраняет целый взвод!»

Кербол прищурился: «Дюжина ленапи, пять или шесть охранников».

Тык направил плот по диагонали вниз: «Скажите, когда приземляться».

«Ты что, с ума сошел? — заорал Барч. — Мы не сможем перестрелять всю эту команду!»

Сохраняя обиженное молчание, пилот повернул в сторону. Через несколько секунд Барч принял решение: «Придется ждать следующей баржи. Сколько времени этой займет?»

Тык неопределенно повертел ладонью: «Понятия не имею. Может быть, час, а может быть и два. Лучше вернуться в горы. Вся эта затея ничем хорошим не кончится. Без талисмана я чувствую, что смерть близка».

«Мы не вернемся, пока не получим по меньшей мере пару содержателей. Невозможно дышать пять лет одним и тем же воздухом».

«Но вы не атакуете! — возразил Тык. — Баржа вылетела, а вы не посмели напасть и отступили. Лучше вернуться в долину Палкваркц-Цтво и выспаться».

«На следующей барже, может быть, не будет охраны».

«Все баржи, перевозящие содержатели, охраняются. Подруоды следят за ленапи. Ленапи выращивают и отлаживают содержатели. Те же ленапи устанавливают содержатели в корпусах звездолетов».

«О!» — Барч не ожидал столкнуться с такой ситуацией.

Тык протянул руку: «Подлетает порожняя баржа, ее будут загружать». Пилот бросил быстрый взгляд на локатор: «Ржаво-оранжевый код... Она из шестого района Мемпаса, из округа борнгалезов».

Барч сказал: «Захватим ее. К тому времени, когда баржа вылетит со склада, на борту

будет все, что нам нужно: содержатели и мозги ленапи. Не зевай!»

Тык заставил воздушный плот быстро скользить боком вниз — трюк, которого Барч раньше еще не видел. Пролетев над бортом баржи, плот выровнялся и опустился на палубу.

Барч соскочил на твердую металлическую поверхность: «Тык, за мной! Кербол, задвинь плот под носовой навес».

Барч легко побежал вперед и распахнул люк рубки управления. Баржей управляло атлетически сложенное, красновато-коричневое существо с лицом красивым, как маска античного героя. Тем не менее, когда красавец повернул голову к открытому люку, Барч увидел в его глазах четырехконечные звезды. Перед ним был борнгалец. Для приветствий и любезностей не оставалось времени. Барч пристрелил борнгалеца и подтолкнул Тыка к креслу пилота: «Займись делом. Опустит баржу на полосу у погрузочной эстакады и оставайся в рубке. Не выходи и ничего не говори! Слышишь? Когда баржу загрузят, вылетай в направлении Гдоа».

Тык кивнул, протянул руку вниз, снял с груди мертвого борнгалеца карточку с записью задания и закрепил ее на себе. Барч подхватил тело борнгалеца под мышки и остановился. Ему пришло в голову, что, если он вытащит труп на палубу, его могут заметить работники в черном ромбовидном здании.

«Выкинь его за борт, — беззаботно заметил Тык. — Пусть падает».

«Почему нет?» — подумал Барч. Открыв переднее боковое окно купола, он вытолкнул в него каштановое тело — кувыркаясь и размахивая конечностями, оно исчезло в сумраке нижних ярусов промышленного ада стремительно и безвозвратно, как демон того же ада.

Барч повернулся, чтобы дать указания Тыку, но воздержался. Учить Тыка летать было все равно, что объяснять гроссмейстеру, как ставить детский мат. Барч поспешил вернуться на грузовую палубу. Передние переходные мостки образовывали убежище под прикрытием — Кербол подвел под этот навес воздушный плот и поднял его так, чтобы плот прижался к нижней поверхности мостков.

Барч искал на палубе место, где можно было бы спрятаться, но не нашел ничего лучшего, чем то же темное пространство под навесом мостков в носовой части баржи. Куда, однако, запропастился Кербол? Барч пригнулся, охваченный внезапным ощущением опасности, и стал подкрадываться к навесу с оружием в руке.

Послышался хриплый бас: «Я здесь».

Присев от неожиданности, Барч взглянул вверх, на укосины под мостками: «Ага!» Подтянувшись, он устроился на укосинах рядом с земноводным человеком, выглядывая наружу через металлическую решетку наклонных перекладин: «Надеюсь, сюда никто не заглянет».

Баржа опустилась на пружинистую поверхность; прекратилось почти беззвучное гудение двигателей. Баржа дрогнула, слегка переместилась в откорректированное положение и медленно поехала по широкой движущейся ленте. Лицо Барча озаряли мрачные отсветы каких-то огней; повернув голову, он увидел, что Кербол плотно забился в угол под мостками, притворившись неподвижной тенью.

Сухопарый верзила с лимонно-желтой кожей, в коническом зеленом шлеме, спрыгнул на палубу и принялся задумчиво прохаживаться по ней, глядя вниз — словно в поисках какого-то потерянного предмета. Наклонившись, он сделал пометку и, вытянув назад длинную тощую ногу, отступил на шаг.

Опустилась прямоугольная воздушная платформа. Вдоль ее ближнего борта сверкали

высокие призматические панели, за которыми тихо гудели какие-то прерывисто движущиеся, пульсирующие силуэты.

Прозвенел переливчатый сигнал; на палубе появился второй лимонно-желтый верзила. Он тоже прошелся туда-сюда, наклонился над меткой первого, выпрямился, взглянул наверх. С пугающей быстротой на палубу обрушилась черная пелена, заполнившая все открытое пространство. В лицо Барчу бросилась волна вытесненного воздуха — он больше ничего не видел, кроме непроницаемой черной завесы.

Прошло несколько секунд. Завеса исчезла так же внезапно, как появилась — во мгновение ока — оставив за собой блестящую, очищенную от любых следов мусора и пыли поверхность грузовой палубы.

Баржа безмятежно ехала по движущейся ленте, словно проплывая по каналу между шлюзами. Действительно, выглядывая сквозь просветы между укосинами, Барч заметил впереди нечто вроде низких и широких шлюзовых ворот. Баржа проехала через них в полную темноту.

Чудовищная рука схватила Барча и швырнула его, прижимая к металлу. Ураганный рев оглушил его. Изо всех сил схватившись за укосины обеими руками, он боролся с безжалостным давлением воздуха.

Баржа выехала в освещенное пространство. Расправляя ушибленное тело, Барч взглянул туда, где прятался Кербол: «Ты еще здесь?»

Кербол только крикнул. Барч устроился поудобнее на укосинах, стараясь игнорировать их острые углы и края, будто нарочно спроектированные для того, чтобы болезненно раздражать его свежие кровоподтеки.

Два человека в грибовидных колпаках, с вытянутыми лошадиными физиономиями и пегой, покрытой коричневыми и белыми пятнами кожей, соскочили на палубу и чего-то ждали. Глядя вверх, они протянули руки к небольшому черному контейнеру, висевшему на шланге, как ягода на стебле, и опустили его на палубу. Пегий человек затолкнул контейнер в угол. Трубчатый стебель рывком отпрянул вверх.

Прошла минута. Баржа проехала мимо вереницы перемигивающихся синих, красных и зеленых огней. После этого на палубу опустили еще один содержатель. Снова появился ряд разноцветных огней, и на палубе очутился третий содержатель.

Укосины впивались в тело Барча, он постоянно ерзал, пытаясь изменить положение. Кербол висел в углу неподвижно и плотно, как комок замазки. Трюм постепенно заполнялся — устанавливая каждый следующий контейнер, грузчики постепенно приближались к мосткам над носовой частью баржи.

Погрузка продолжалась бесконечно долго, но в конце концов на палубе не осталось свободного места. Баржа продолжала скользить вперед, постепенно поворачивая и куда-то поднимаясь. Внезапно ее окружило огромное, ярко освещенное пространство. Они оказались в гигантском ангаре или доке. Может быть, так выглядело внутри ромбовидное черное сооружение? Вытягивая шею, Барч не видел ничего, кроме светящегося потолка где-то далеко наверху.

Он услышал знакомые звенящие медью голоса, от которых мурашки побежали по коже — приближались подруоды. По мосткам, опоясывающим грузовую палубу, топали мощные темно-красные ноги в черных сапогах. Барчу показалось, что он различил в этом шуме ритмичные интонации высокого голоса Тыка. Через несколько секунд на палубе послышался топот новых ног; перед глазами Барча промелькнуло круглое желтовато-коричневое лицо.

Глаза, подобные шарикам опала, были окружены зеленовато-желтыми пятнышками, словно нанесенными гримировальной краской.

Один за другим коричневатые пухлые коротышки мягко спрыгивали на палубу, становились в проходах между контейнерами и замирали, как фарфоровые куклы. В каждом углу на корме заняли посты два великана-подрюода — расставив ноги, они тоже застыли, как статуи. Круглолицые коротышки смотрели вперед и чуть вверх ничего не выражающими овечьими глазами.

Барч критически разглядывал этих людей новой, незнакомой породы. Кто они? Что он будет с ними делать? Они выглядели ни на что не способными, бесполезными — лишними ртами, неподъемным бременем для беглецов. Ему нужны были мозги — ленапи, механики, техники! Вместо них ему достались какие-то маленькие толстенные придурки.

IX

Яркий искусственный свет сменился пасмурным дневным. Барч услышал, как по металлу шлепали частые капли. Уже через несколько секунд баржа поднялась в воздух и нырнула в завесу дождя. Маленькие пухлые люди пытались спрятаться от холодного ливня, приседая за контейнерами. Подрюоды стоически отплевывались.

Поглядывая в клубящееся грозовыми тучами небо, Барч видел тени летевших выше аппаратов. Баржа стала ускоряться, поднимаясь вверх по диагонали — укусины вдавились в его ушибленные кости. Барч приготовил автоматическое ружье и снял предохранитель; краем глаза он заметил, что Кербол сделал то же самое.

Теперь они летели в плотном потоке воздушного движения. В просветах металлической решетки мелькали безымянные лица — апатичные бледные пятна за пеленой хлещущего ливня. *«Нужно было посоветовать Тыку держаться подальше от попутных барж»*, — подумал Барч.

Полет продолжался без ускорений. Каким-то таинственным образом, однако, Барч ощущал направление движения и понял, что Тык буквально выполнял его указание и летел в Гдоа. Косые струи дождя обволакивали палубу подобно нитям серого шерстяного ворса. Барч видел струйки воды, стекавшие по плотной багровой коже подрюодов. Иглы их черных волос поникли, как квелые водоросли, приликая к бычьим шеям и плечам.

Летевшая над ними платформа куда-то круто повернула. Барч снова взглянул наверх — других аппаратов поблизости не было. Настал решающий момент. Он выдвинул дуло автомата из-под навеса. *«Подожди!»* — пробормотал Кербол.

Прямо над головой неожиданно завис, как колибри у цветка, воздушный плот под хрустальным куполом. Барч распознал каштановый тон борнгалезской кожи и тревожно взглянул на подрюодов. Его уши без труда уловили басистый голос Кербола под навесом, но охранники его не слышали — на открытой палубе шум дождя заглушал все вокруг. Плот борнгалеза стремительно порхнул в сторону.

Барч прицелился и покосился на Кербола. Тот кивнул. Барч и Кербол выстрелили два раза каждый. Подрюоды, стоявшие на корме, упали — один перевалился через борт и пропал в тумане. Барч соскользнул на палубу и тут же согнулся пополам от боли и судорог в затекших мышцах. Прихрамывая через силу, он вышел из-под навеса и взглянул наверх,

защищая глаза от дождя ладонью.

Над мостках, как багровый монумент, возвышался подруод — но глаза его были обращены к корме. Привлеченный движением Барча, охранник посмотрел вниз: его челюсть отвисла, раскрывая глубокий темный зев. Барч выстрелил. Тело подруода валилось на него, словно статуя, сдвинутая с пьедестала. Барч отскочил — труп грохнулся на палубу.

Барч повернулся к пухлым человечкам. Те неподвижно выпрямились строем, как овощи на грядке, и уставились на него маленькими круглыми глазами. Кербол уже поднялся на мостки, чтобы контролировать палубу сверху. Барч поднялся туда же и пробежал на корму, чтобы подобрать электрические плети подруодов. Заглянув за борт, он увидел все ту же не поддающуюся разумению картину: пульсирующий, снующий, вспыхивающий металлический смерч Магарака. Барч решил не сбрасывать туда оставшиеся трупы — где-то электронный мозг Магарака, координатор, рассчитывал закономерности поступления данных. Он столкнул багровые тела с мостков на палубу, после чего поспешил к рубке управления. Тык что-то напевал странным подвывающим фальцетом и сначала даже не заметил, что Барч зашел в рубку.

Барч постучал по узкому затылку пилота: «Очнись!»

Тык наградил его обиженным взглядом.

Барч наклонился к локатору и разорвал закрепленную под ним цепочку — так же, как это раньше сделал Тык: «Как теперь отключить передатчик?»

«Нужно выдвинуть плату и раздавить зеленый световой индикатор».

Барч так и сделал: «Поднимись в облака и возвращайся к пещере».

Вернувшись на кормовую надстройку, Барч развернулся и стоял, обзревая палубу. Пухлые человечки нервно поглядывали на него. Барч выругался себе под нос: что с ними делать? Оставалось только отвезти их в пещеру.

Спрыгнув на палубу, он сказал: «Меня зовут Барч».

Человечки смотрели на него в торжественном молчании. Барч грубовато выпалил: «Теперь вы свободны, вы больше не рабы!»

Ближайший пухлый человечек тревожно спросил: «Как это может быть?»

«Вы слышали про горы, где скрываются беглецы? Мы летим туда, в горы».

Пухлый человечек нервно переминался с ноги на ногу: «Трудно предположить, что вы рисковали жизнью только ради нашего освобождения».

«Нет, конечно. Мне нужны несколько содержателей. Для этого пришлось захватить грузовую баржу — другого способа не было. Тот факт, что вы оказались на борту, не входил в мои расчеты».

Круглолицые маленькие люди стали оживленно переговариваться.

«Зачем вам понадобились содержатели?» — поинтересовался ближайший.

«Подождете — сами увидите», — сухо отозвался Барч.

Человечки снова принялись бормотать. Последовал естественный вопрос: «Что вы намерены с нами сделать?»

Несмотря на раздражение и усталость, Барч невольно усмехнулся: человечки обезоруживающе напоминали испуганных поросят, которых везли на мясной рынок: «Все зависит от того, успеют ли клау нас поймать. В данный момент вы тоже — беглые рабы».

И снова люди-поросята стали что-то торопливо обсуждать. Один из них вскочил на мостки и побежал к рубке управления. Барч с любопытством последовал за ним. Пухлый человечек взглянул на локатор, заметил порванную цепочку и, полностью игнорируя Барча,

поспешно вернулся к сородичам. Барч в замешательстве наблюдал за происходящим.

Кербол проворчал: «Ленапи никогда ничем не довольны, у них отвратительный характер».

Барч потрясенно уставился на старого взрывника: «Это ленапи?»

Кербол буркнул что-то неразборчивое.

Барч медленно направился на корму. Почему-то он представлял себе ленапи людьми, чье атлетическое развитие соответствовало их умственным способностям.

Ленапи сгрудились на палубе и возбужденно спорили, не обращая внимания на его приближение. Их глаза-опалы больше не казались Барчу овечьими — по-видимому, отсутствие открытой агрессивности и высокое интеллектуальное развитие были как-то взаимосвязаны. Наконец они его заметили и замолчали. «Вы — ленапи?» — спросил Барч.

«Да, мы — ленапи».

«Значит, вы разбираетесь в том, как работают эти штуки?» — Барч указал на содержатели.

По лицам ленапи пробежала волна какой-то эмоции, напоминавшей удивление: «Разумеется».

«И если двигатель баржи сломается, вы можете его починить?»

Этот вопрос явно позабавил инженеров: «Это во многом зависит от степени повреждения и от доступности сменных компонентов и материалов».

Барч кивнул: «Конечно. Превосходно!»

Баржа летела вдоль берега моря над грязевыми топиями; впереди в туманной пелене сновали смутные темные силуэты летательных машин, за ними высились вершины Паламкума.

Барч протянул руку вперед: «Там вы будете жить, пока мы не преобразуем пару воздушных барж в звездолет и не улетим с Магарака».

Внешне ленапи никак не отреагировали на его слова, но их предводитель спросил: «Вы намерены улететь в космос на барже?»

«На двух баржах, сваренных палуба к палубе».

«Это невозможно».

Барч похолодел, его охватило тошнотворное ощущение провала: «Почему?»

«Клау не позволят вам улететь».

«Клау не позволили бы мне экспроприировать баржи, но я это сделал».

«Потребуются многочисленные компоненты и принадлежности, их трудно достать».

«Такие, как содержатели? Такие, как двигатели двух барж? Кроме того, нам нужны компетентные технические специалисты и место, где они бы могли жить и работать?»

«Разумеется».

«Все это у нас есть!»

На некоторое время наступило молчание. На Барча смотрели двенадцать пар задумчивых глаз. Наконец главный инженер сказал: «Космический полет будет бесконечно долгим. Мощность двигателей барж недостаточна для создания ускорения второго порядка, вам придется ползти в обычном пространстве-времени, пользуясь ничтожным ускорением для создания силы тяжести».

«Пять лет, проведенных в космосе, не хуже пяти лет, проведенных на Магараке. Отбыв этот срок, мы вернемся домой. Может быть, вы сможете придумать систему, которая помогла бы сократить этот срок».

Один из ленапи пробормотал: «Сложнейшая задача!» Другой спросил: «Найдется ли практическое решение?»

Барч разозлился: «Вы ведете себя так, будто не хотите вернуться на родную планету».

«Нет-нет, это не так! Для нас Лено — жизнотворный источник!»

«Несколько месяцев тому назад группа ленапи — такая же, как ваша, двенадцать человек — сбежала с Магарака».

«Для них это было легко. Они просто-напросто вырастили потайную раковину в корпусе звездолета, это не так уж трудно... Не потребовалось никакой трудоемкой сборки или наладки».

«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда, — презрительно откликнулся Барч. — Так вы нам поможете или нет?»

Пухлые коротышки снова принялись возбужденно спорить, перебивая друг друга. Барч не мог представить себе, как эти люди, говорившие одновременно, умудрялись вразумительно общаться.

Главный инженер повернулся к нему: «Если нет альтернативы, мы готовы с вами сотрудничать».

Барч кивнул и с мрачной иронией заметил: «Я так и думал, что вы не станете особенно возражать. Будьте любезны, выбросьте трупы подрудов за борт — здесь их уже никто не заметит».

На следующий день Барч снова установил локатор на столе в нижней пещере и проверил график охотничьего заказника Палкваркц-Цтво. Никаких искр, оповещавших о наличии двух барж в Большой Дыре, на графике не было.

Руководитель бригады ленапи — имя которого Барч так и не смог произнести, в связи с чем он наградил его прозвищем «Размазня» — зашел в «трапезную» с листом пергаментной бумаги в руках. Прошествовав к Барчу, он торжествующе шлепнул этот лист на стол: «Здесь перечислено все необходимое для выполнения вашего проекта!»

Барч уставился на мелкие каракули: «И каждый из этих символов обозначает нечто, без чего вы не можете обойтись?»

Размазня радостно подпрыгивал: «Да! Если вы помните, я еще вчера указал на тот факт, что ваша затея неосуществима».

«Дайте мне карандаш — или то, чем вы это написали», — сказал Барч. Пухлый инженер протянул ему кусочек гибкого волокна. «А теперь скажите: что это?» — Барч ткнул пальцем в первый раздел.

Размазня провел пальцем по списку: «Туалетное оборудование и запчасти к нему. Экранированные бегущие сигнальные огни, электронные компоненты автопилота и навигационной системы, коммуникационное оборудование...»

Барч присел на скамью и раздраженно слушал. «Размазня! — сказал он наконец. — Представь себе группу из примерно сорока человек, летящих в безвоздушном пространстве на корабле, в котором ничего нет, кроме содержателя, производящего кислород, воду и питательные вещества».

«Это было бы очень неудобно», — возразил инженер.

«Но мы смогли бы выжить в таком режиме?»

«Мы не обсуждаем вопрос о выживании любой ценой».

«Ты заблуждаешься! Мы обсуждаем именно этот вопрос. Каждый раз, когда я

отправляюсь куда-нибудь, чтобы что-нибудь стащить у клау, я рискую своей шкурой и могу не вернуться. А если меня убьют, в этой пещере больше ни у кого не будет ни ума, ни воли, достаточных для того, чтобы вытащить нас с этой проклятой планеты. Поэтому... — Барч перечеркнул первый раздел. — Все это не нужно. Что дальше?»

Приунывший Размазня объяснил: «Это инструменты. Наименования некоторых из них я не могу перевести с нашего языка, это специализированные устройства. Вот это — подъемник. Это — сращиватель электрических кабелей. Потребуется также молотки и долота стандартных размеров, циферблатные калибры, вращающиеся полировальные подушки. Без инструментов ничего не выйдет».

Барч гневно скрестил руки на груди: «Что мешает тебе увидеть положение вещей таким, каково оно есть? Ты воображаешь, что у меня под рукой промышленный склад? Мы в дикой местности, в горах. Мне говорили, что ленапи — умные люди. Почему бы тебе не потребовать, чтобы я снабдил тебя станками и верстаками, мягкими креслами на колесиках и электроприводными сверлами, автоматически регулирующими диаметр и глубину отверстий?»

«Такие сверла несомненно понадобятся, — Размазня указал на одну из строк в списке. — Фрезерные станки также не помешали бы».

Барч хрюкнул: «Вы, ленапи, хуже лектванов! Ваши мозги прогнили, вы не можете думать ни о чем, кроме того, что ваши предки бубнили на протяжении последнего миллиона лет. Тебе когда-нибудь приходилось слышать о способности импровизировать?»

Инженер поморщился.

«Полировальные подушки. Какого черта вам понадобилось что-нибудь полировать? Выбрось их из головы! Молотки стандартных размеров? Возьми камень и колоти им, пока не заколотишь! Подъемник? Подвесь стропила под воздушным плотом! — Барч с отвращением скомкал испещренный символами лист. — Я тебе скажу, что ты получишь: сварочные аппараты, листовой металл для палубной обшивки и атомное топливо для двигателей. Перед тем, как все будет готово, придется, скорее всего, угнать еще пару барж — с них вы сможете снять любые необходимые запчасти».

Размазня тяжело уселся на скамью, потирая лоб: «У вас, мягко говоря, необычное представление о комфортабельном космическом полете».

«Меня не интересует комфорт. А теперь возвращайтесь в Большую Дыру и начните устанавливать содержатели — столько, сколько понадобится, чтобы все мы могли дышать, пить и есть. Кроме того, принесите один из них сюда, в трапезную — это избавит нас от необходимости охотиться, рискуя стать добычей клау».

Инженер ушел. Глядя ему вслед, Барч заметил Тыка, тихонько проскользнувшего в «трапезную». «Тык! Иди-ка сюда», — позвал Барч.

Пилот бочком присел на скамью, не проявляя энтузиазма.

Барч взглянул в его осунувшееся лицо со впалыми щеками: «Что тебя беспокоит?»

«Я ощущаю давление времени. Я чую запах смерти. Если бы мне вернули талисман судьбы, я готов был бы броситься в огонь и воду, меня ничто не остановило бы».

«С какой-то точки зрения это так, — задумчиво произнес Барч. — Но талисман оказывает надлежащее воздействие, даже если остается в моем распоряжении. А теперь расскажи мне, где лучше всего украсть сварочное оборудование...»

Дождь заливал долину Палкваркц-Цтво — погружавшаяся в сумерки пелена туч

волочила за собой траурные темно-серые хвосты. Горные склоны казались смутными нагромождениями тающего черного сахара; длинные черные листья раскачивались и шлепали, стряхивая потоки воды.

Барч, Тык и Кербол улетели на воздушном плоту час тому назад. Ленапи сгрудились за столом в глубине нижней пещеры, возбужденно бормоча, постукивая по столу проворными маленькими пальцами, время от времени сверяясь с расчетами, испещрявшими пергаментную бумагу. Лкандели Сцет, музыкант с печальными глазами, сидел в расшитой черными и зелеными узорами блузе, извлекая из натянутых на резонатор струн заунывно вибрирующие звуки. Рядом присели на корточках три кальбиссинийца, выдувавшие между пальцами протяжные аккорды, напоминавшие тембром орган. Горбоносый спланг Чеврр пригнулся у костра, зашивая жилой прореху в кожаных гетрах; пляшущее пламя отбрасывало глубокие шевелящиеся тени на его исхудалом скуластом лице. Плоскорожа лежал животом на скамье — лысые женщины массировали ему спину. Неподалеку продолжалась не слишком азартная игра в кости. Волновался только Педратц — потому, что он, в отличие от других игроков, истолковывал расклады костей как знамения, предвещавшие будущее.

Из верхней пещеры в нижнюю тихо спустилась Комейтк-Лелианр. Она пересекла «трапезную», вышла через извилистую расщелину и остановилась под дождем. Уже наступил непроглядный мрак, шипящий водопад ливня заглушал любые другие звуки.

Вернувшись внутрь, она огляделась по сторонам: два стола, скамьи, темноватые закопченные стены, потрескивающие костры. Жалобная музыка Лкандели Сцета и кальбиссинийцев. Кухонные запахи с примесями дыма и человеческого пота. Она закрыла глаза. Снаружи — темные горы долины Палкваркц-Цтво и небо, черное и бушующее, как океан. Здесь ей предстояло жить до скончания дней, если...

Что, если Роя убьют сегодня ночью? Тогда на самом деле наступит отчаяние — даже если она никогда не позволяла себе надеяться. Но Рой Барч работал, Рой Барч добивался своего, заставил ее рассматривать побег как нечто возможное. Если Рой Барч погибнет, жизнь станет безрадостным пещерным прозябанием в ожидании смерти. Ее глаза увлажнились — ей внезапно пришло в голову, что только оптимизм Барча делал жизнь в долине Палкваркц-Цтво выносимой... Любопытные люди, эти земляне! Молодая раса, только что очнувшаяся от варварства, зараженная кровавым прошлым — и поэтому буйная, плодовитая, непосредственная.

Она вспомнила о «раскрепощенной изобретательности», некогда упомянутой Барчем. Странно, что уже тогда он настолько остро ощущал существенную характеристику западной земной культуры. Она попыталась представить себе то, что происходило теперь на Земле. Захватили ли ее клау — так, как они уже сделали с несколькими чужими мирами? И как разворачивались события на Лектве? Тоска по родной планете горела в ней так жарко, что она просто не могла позволить себе надеяться — было бы невыносимой пыткой даже выражать поддержку фантастическим планам Барча. Она жалела Барча. Он делал все, что мог, служил примером и движущей силой — и никто его за это не благодарил. В глазах племени беглецов Барч символизировал тяжелый труд, тогда как сидеть у костра и что-нибудь жевать было гораздо легче и приятнее.

Прошел еще час. Ленапи — все, как один — встали из-за стола, промаршировали в бывшее логово Клета и аккуратно улеглись спать.

Прошел еще один час. Костер полыхнул и погас — остались только жаркие угли. Комейтк-Лелианр апатично направилась к своей спальной нише.

Снаружи послышался скрип шагов — у входа, пошатываясь, стоял Барч. Пилот Тык протиснулся мимо него и присел на корточки у тлеющих углей. Барч обвел глазами пещеру: «Куда все подевались?»

«Ушли спать», — отозвалась Комейтк-Лелианр.

«Спать! — голос Барча срывался от напряжения. — Они спят, пока...» Он замолчал.

«Рой, что случилось с твоей рукой?» — спросила Комейтк-Лелианр. Барч стоял в необычной позе, схватив правой рукой предплечье левой.

Барч прошел вперед, с трудом опустился на скамью и выдавил: «Тык, разбуди племя! Снаружи — третья баржа. Ее нужно срочно спрятать в Большой Дыре».

«Рой, твоя рука...» — начала было Комейтк-Лелианр.

«Моя рука и Кербол, — сказал Барч, — остались в грязи на берегу». Она заметила на лице землянина слезы — слезы истощения и скорби. Осторожно развернув окровавленную тряпку, которой Барч обмотал обрубок руки, она почувствовала головокружение. Из-за ее спины выглядывали лица — тупые маски с широко раскрытыми глазами и раздувшимися ноздрями, возбужденные нездоровым любопытством.

Барч сказал слабым голосом: «Не стойте вокруг, идите работать. Чеврр! Где Чеврр?»

«Здесь», — горбоносый спланг выступил из теней.

«Ты знаешь, что делать... Взломайте стену Большой Дыры, задвиньте баржу внутрь и замаскируйте прореху. Возьми это на себя — я больше не могу».

Нижняя пещера опустела — в ней остались только Барч и Комейтк-Лелианр. Барч лежал на скамье и почти бессвязно бормотал: «На этой барже — все, что нужно... Инструменты, сварочная лента, сварочный аппарат, палубная обшивка... Плотину сторожили борнгалезы. Мы хотели украсть прожекторы, передвижные прожекторы... Охрана сбежала, как голодные псы!»

«Тише, Рой. Лежи спокойно».

«Левая ладонь болит. Как это может быть? У меня нет левой руки... Она там, в грязи, вместе с Керболом... Как ему не повезло!»

Комейтк-Лелианр пыталась вспомнить все, что знала о лектванской медицине, но отрывочные сведения и теоретические формулировки не имели непосредственного отношения к кровоточащему обрубку руки.

Пфлуга, вторая женщина Плоскорожи, неспособная работать в Большой Дыре из-за ожирения, спустилась, чтобы заново развести огонь. Она сосредоточенно взглянула на обрубленную руку и спросила у лектванки: «Что ты хочешь сделать?»

«Не знаю».

Пфлуга фыркнула: «Есть только один способ». Она засунула в угли толстый сук.

Барч потерял сознание. Когда ее ноздри уловили запах жареной плоти, Комейтк-Лелианр тоже упала в обморок.

Пфлуга хрюкнула, шмыгнула носом, развела огонь под котлом поярче и нагрела воду — толстуха прекрасно знала, что скоро каждый, кто занимался разгрузкой третьей баржи, проголодается, да еще и горячего чаю потребует.

Барч открыл глаза, попытался приподняться привычным жестом и упал на постель. У него больше не было левой руки, он облокотился на воздух. Неуклюже приспособившись, он сел, опираясь на правую руку, и взглянул на остаток предплечья, обмотанный повязкой из чистой серой ткани. Обрубок болел, но боль стала выносимой.

Комейтк-Лелианр опустилась рядом на колени, протянула ему миску с теплой кашей: «Как ты себя чувствуешь?»

«Не хуже, чем можно было ожидать. Что случилось?»

«Ты проспал два дня».

«И что происходило все это время?»

«Установили три содержателя. Приваривают обшивку палубы. Завтра... не знаю, что будет завтра».

«Два дня, — Барч погладил подбородок. — Два дня... Помоги мне встать».

«Тебе лучше отдохнуть».

«Мне нужно подумать».

«Разве ты не можешь думать в постели?»

«Борнгалезы видели нас на плотине. Они знают, что баржу угнали, знают, что было на борту. Когда координатор все это просчитает...»

По коже Комейтк-Лелианр словно пробежал холодок сквозняка. Она тревожно оглянулась в сторону входа пещеры.

Барч лихорадочно спросил: «Ты нашла в локаторе, где прячется искусственный мозг?»

«Его нет в указателе...» — неуверенно сказала лектванка.

«Не понимаю, чего они ждут... — бормотал Барч. — Это неестественно».

Комейтк-Лелианр успокоительно сказала: «Еще несколько дней — и мы будем готовы к полету».

«Нам нужно топливо. Тык называет его «аккр»».

«Но ты больше не можешь заниматься похищениями».

«Придется. Кто еще этим займется?» — Барч пошатнулся.

Комейтк-Лелианр взяла его под локоть и поддержала: «Ты потерял много крови».

Барч поморщился и зажмурил глаза, пытаясь избавиться от ужасных воспоминаний: «Мерзавец Тык! Прятался, перебегал из одного места в другое. Если бы он остался там, где я приказал ему сидеть... — Барч вытер вспотевший лоб. — Что ж, что упало, то пропало. Кербола больше нет. Он меня не предал. Кербол расстреливал борнгалезов до последнего вдоха».

Х

Барч медленно поднялся по проходу в Большую Дыру и прислонился спиной к стене — онемевшие ноги отказывались служить ему. С мрачным удовлетворением он прислушивался к звукам, свидетельствовавшим о продолжении работ. Первая и вторая баржи стояли бок о бок, освещенные четырьмя подвешенными прожекторами, добыть которые стоило столько крови. Третью баржу кое-как закрепили в наклонном положении у противоположной стены, за нагромождениями ящиков и контейнеров, разгруженных со всех трех барж.

Барч оценивающе взглянул в пространство над баржами, где мерцали и подмигивали сталактиты. Свод пещеры — мрачный и сложный, как свод готического собора — по всей вероятности, был достаточно высок для того, чтобы можно было перевернуть вторую баржу и установить ее на первой. Деликатный маневр, конечно, но в этом отношении на навыки Тыка можно было положиться... Тык, сидевший на корточках рядом со сварщиком

Педратцем, резавшим трубы на стойки одинаковой высоты, словно прочел мысли Барча и поднял голову. Лавируя между камнями торопливыми кошачьими движениями, он подбежал к Барчу и спросил: «Так что же? Когда мне отдадут талисман?»

«Как только мы окажемся в космосе».

Тык в отчаянии дернул себя за успевший отрасти ус: «Слишком поздно, поздно!» Повысив голос, он блеял: «Меня вот-вот раздавит невыносимая тяжесть страха — мой мозг стиснут страхом, как тисками, мои ноги дрожат, будто я бреду по колено в крови!»

«Если ты не перестанешь ныть, ко всему прочему ты покроешься синяками! — срывающимся от усталости голосом ответил Барч. — Твой талисман у меня за пазухой — пока я в безопасности, ничего с ним не случится. Сделай соответствующие выводы! А теперь пойди скажи Размазне, что я хочу с ним поговорить».

Тык убежал, пригибаясь на ходу так, словно от кого-то прятался. Вскоре над краем первой баржи осторожно приподнялась круглая голова инженера-ленапи. Он задержался секунд на десять, задумчиво остановив на землянине взгляд опаловых глаз, после чего взобрался на мостки, спустился по приставной лестнице и приблизился мелкой трусцой: «Что вам нужно?»

«Я хотел бы обсудить наши возможности самообороны».

«Ленапи ничего не понимают в оружии. Такие вещи входят в компетенцию подруодов, они — прирожденные бойцы», — Размазня повернулся, чтобы уйти.

«Одну минуту! — презрительно усмехнувшись, остановил его Барч. — Ты мог бы заметить, что в данный момент у нас нет под рукой подруодов».

«Верно».

«Тебе хорошо известно, как думают клау — по-твоему, как они на нас нападут?»

«Надо полагать, пришлют вооруженный отряд подруодов, чтобы нас убили, всех до одного».

«Что, если у них это не получится?»

Глаза Размазни сосредоточенно выпучились: «Они могут прислать торпедный воздушный катер, чтобы тот взорвал и завалил пещеры. Или направить конус смертельного радиоактивного излучения на вход в пещеру — в таком случае мы окажемся в безвыходной ловушке».

«Давай спустимся и выйдем наружу на минутку», — предложил Барч. По пути он продолжал говорить: «Если клау намерены прислать подруодов, в их распоряжении несколько вариантов. Подруоды могут высадиться где-нибудь за ущельем — так, как они делают, когда клау охотятся — и подняться сюда. Их баржа может опуститься на плоский уступ перед входом в пещеру. Или они могли бы приземлиться где-нибудь в долине, что маловероятно, так как поблизости нет другой площадки».

Они вышли из нижней пещеры. Размазня без особого интереса обвел глазами влажные горные склоны, после чего протянул руку, указывая на шишковатый утес с противоположной стороны долины: «Баржа может сесть на вершину этой возвышенности».

«Тогда подруодам пришлось бы спускаться по почти отвесному обрыву и карабкаться по острым скалам. Тем не менее, с этого утеса можно обстреливать вход в пещеру. Таким образом, нужно охранять три участка — ущелье, ведущее в долину, утес напротив и плоский уступ перед пещерой».

Размазня нервно переминался с ноги на ногу и вертел головой: «Да-да. На Лено мы установили бы вибраторы, чтобы превратить все три участка в зыбучую трясину».

«Так уж получилось, что мы оказались не на твоей планете, а в долине Палкваркц-Цтво на Магараке, — сказал Барч. — Я собираюсь отвезти на этот утес взрывчатку и заложить несколько мин. Ты сумеешь изготовить дистанционный детонатор?»

«Прежде всего я должен знать, какая взрывчатка будет использоваться».

«Пойдем обратно в Большую Дыру». Перед тем, как заходить внутрь, Барч снова обвел взглядом долину: «Пасмурный день, как всегда. Но облака поредели и поднялись высоко. Клау любят охотиться в такую погоду».

Вернувшись в верхнюю пещеру, они прошли к ящикам, разгруженным с первой баржи. «Кербол разбирался в этой взрывчатке, — заметил Барч. — Я в ней ничего не понимаю».

Вскрыв один из ящиков, он заглянул в него; на пластиковой решетке цвета ржавчины лежали блестящие серые стержни: «Это супер. Мощная взрывчатка. У нас ее примерно шестьдесят ящиков. Достаточно, чтобы взлетела на воздух половина Магарака».

Он нашел еще один ящик: «А здесь — абилоид. Кербол им пользовался, когда закладывал заряды. Вот этот проволочный вывод — детонатор».

«Да-да, — кивнул Размазня. — Весьма распространенная технология».

«Так ты сможешь соорудить дистанционный детонатор?»

Размазня взглянул на вторую баржу: «Есть приборы, которые нетрудно приспособить с этой целью».

«Превосходно! Займись этим сейчас же».

Провожая глазами поспешно удаляющегося инженера, Барч почувствовал, что ему в спину тоже кто-то смотрит. Барч оглянулся — Тык тут же отвел глаза. Некоторое время Барч наблюдал за сварщиком Педратцем, которому помогал пилот.

Каждая труба позволяла изготовить одну стойку для соединения барж; в результате образовывались отходы — обрезки труб полутораметровой длины. При виде штабеля этих обрезков Барчу пришла в голову новая мысль. Он подошел к сварщику, похлопал его по коричневатому-желтому плечу и указал на штабель: «Педратц, завари наглухо, с одного конца, четыре таких обрезка».

Педратц кивнул, повернулся и пнул Тыка большим пальцем ноги: «Погрузи на тележку четыре обрезка!»

Обрубок руки Барча пульсировал тупой болью. Повернувшись, он побрел к проходу, ведущему из Большой Дыры в нижнюю пещеру, стал спускаться. В полутьме кто-то бешено набросился на него и повалил с ног. Барч упал на обрубок левой руки и закричал — лопнула спекшаяся плоть, прыснула кровь. Лежа в полуобморочном состоянии, Барч чувствовал, как ловкие пальцы лезли к нему за пазуху. Кто-то что-то злобно прошипел. Пнув его напоследок в затылок, нападавший поспешно скрылся.

Барч молча лежал, ничего не делая и только проверяя свою способность существовать. Через несколько секунд он встал на колени, преодолевая головокружение — мысли начинали приходить в порядок... Тык? Барч ощупал левый бок ладонью правой руки. Талисман исчез.

Пошатываясь, Барч побежал вниз, в «трапезную». Комейтк-Лелианр, сидевшая за ближайшим к выходу столом, с испугом взглянула на него. «Кто здесь проходил?» — прохрипел Барч.

«Пилот...»

Барч побежал к входной расщелине: конечно же, Тык в первую очередь бросится к воздушному плоту. Если он сбежит и прибавит известные ему сведения к тому, что уже было

известно «координатору» Магарака... Барч схватил ружье. Тык уже отвязывал швартов. Заметив Барча, пилот кубарем скатился по склону, как охваченный паникой бабуин, и нырнул в гущу черной листвы. Оттуда донесся визгливый издевательский смех: «Ты опоздал! Опоздал! Ты больше никогда меня не увидишь!» Зашевелились ветви, захлопали огромные влажные листья.

Барч взобрался на плот и бессильно опустился на сиденье. Он взглянул на обрубок левой руки: повязка из серой ткани потемнела, пропиталась кровью. Рана невыносимо болела.

Перегнувшись через борт, Барч отвязал швартов. Поднявшись над вершинами деревьев, он стал спускаться вдоль склона к реке — туда, куда, предположительно, должен был направиться Тык. Внизу, поблескивая, как чешуя гигантской черной рыбы, качались и шелестели длинные перистые листья. Проследить под ними Тыка было так же невозможно, как заметить насекомое в глубине лесной подстилки.

Барч притормозил и опустил плот, чтобы он завис между кронами деревьев, перегнулся через борт, прислушался. Неподалеку раздался осторожный хруст. Прикасаясь ступнями к педалям, Барч заставил плот бесшумно, как тень, скользить над черной листвой. Он снова остановился, прислушался. Ни звука. Нет, какой-то звук — может быть, юркнуло животное... Прямо под собой Барч услышал шаги. Вглядываясь в просвет между ветвями, он ждал с ружьем наготове. Но он увидел не Тыка, а подруода.

Барч замер. Подруод, пробиравшийся среди стволов настолько тихо, насколько позволял его огромный вес, исчез в зарослях.

Барч поспешно осмотрел небо. Готовилось нападение клау? Ниже, в долине, раздался резкий хриплый вопль — Барч узнал визгливый голос пилота. Прозвучал дрожащий в воздухе трубный охотничий зов. Под плотом пронесся поспешный топот — подруод торопился присоединиться к другим егерям. Барч успокоился: клау снова охотились, и на этот раз они охотились на Тыка. Лучше всего было вернуться к пещере прежде, чем охотник-клау вылетит из-за утеса на своем аппарате.

Барч опустил плот на землю там, где его обычно привязывали, и продолжать сидеть, напряженно прислушиваясь. Позывные подруодов раздавались теперь ближе к верховьям долины. Если бы Тык успел добежать до лабиринта скал у подножия горы Кебали, у него появился бы шанс на спасение. Но звонкие позывные приближались, становились громче. *«Тык ведет их к пещере!»* — подумал Барч. Морщась от боли, он прошел по плоскому уступу к расщелине, ведущей в пещеру, и остановился в тени.

Над лесом появился продолговатый темный силуэт воздушного плота — охотник-клау следовал за подруодами так же, как охотник-землянин следовал бы за гончими. Плот приближался; Барч уже различал силуэт стоявшего на нем клау.

Тык вырвался из леса, пробежал зигзагами по краю плоского уступа, задержался, со страстной тоской взглянул в сторону пещеры. *«Боятся вернуться, но еще больше боятся не вернуться, — подумал Барч. — Что ж, почему не спасти предателя? Он может пригодиться».* Барч выступил из теней: «Эй, Тык!» Пилот повернулся к нему. «Сюда!»

Тык застыл в нерешительности, глаза его испуганно бегали. Тут же у него над головой появился плот клау, черный и длинный, как акула. Из леса выбежали четыре подруода. Теперь Тык уже не мог найти спасение в пещере — подруоды преграждали путь. Барч молча стоял с ружьем наготове. Егеря окружили пилота с четырех сторон. Тык тоже молчал; Барч заметил, что тело пилота напряглось и оцепенело, глаза стали вылезать из орбит.

«Берегитесь, подруоды!» — подумал Барч.

Тык бросился вперед и словно взбежал по груди ближайшего багрового егеря. Схватив подруода за голову, он уперся ногами ему в плечи и совершил странное круговое движение всем телом. Колючая голова повернулась на три четверти оборота — темно-красное тело грохнулось на землю, как подрубленный сук. Тык отпрыгнул в сторону, перемещаясь быстрыми перебежками, уворачиваясь от тянувшихся к нему багровых рук. Топоча сапогами, три подруода гонялись за ним — и наконец поймали. Егеря навалились на него, как мастиффы, рвущие на части загнанного барсука. Наконец растянувшийся на земле Тык перестал шевелиться. Подруоды отступили на шаг и принялись пинать тело пилота, высоко поднимая массивные ноги в черных сапогах и нанося глухо хлюпающие удары. Барч отвернулся.

За спиной Барча слышалось испуганное бормотание, на него напирали любопытствующие. «Тихо! — прошептал, оглянувшись, Барч. — Поднимитесь в Большую Дыру и скажите всем, чтобы не шумели!»

Подруоды покончили, наконец, с избиением трупа и взглянули наверх, на плот хозяина. Клау лениво потянулся, выпрямился на сиденье, окинул взглядом плоский уступ перед пещерой. Его глаза скользнули по расщелине в утесе — Барчу показалось, что его пронзили насквозь четырехконечные красные звезды зрачков. Но взор охотника не остановился; шиповатая черная голова повернулась лицом к небу.

Темные тучи клубились, спускаясь с перевала хребта Кебали. На листья уже шлепались первые увесистые капли дождя. Подруоды что-то хрипло кричали, указывая на тучи. Клау не обращал на них никакого внимания. Он махнул рукой в направлении верховьев долины. Угрюмо волоча ноги, подруоды углубились в лес.

Мертвого подруода и окровавленные останки Тыка забыли на плоском уступе.

Дождь уже выбивал прерывистую дробь на длинных черных листьях — каплями тяжелыми, как стеклянные шарики. Клау прикоснулся к кнопке — у него над головой расправилась кожистая крыша. Охотник нажал на педаль — плот стал бесшумно и быстро спускаться к реке.

Барч повернулся и прошел, расталкивая зевак, в нижнюю пещеру: «Тык нам больше не помешает».

Комейтк-Лелианр сидела за столом, поглощенная наблюдением за локатором — считывая символы, бегущие по полоске индикатора, она сверялась с графиком в прорези. Барч встал у огня, рассеянно наблюдая за сполохами пламени, отбрасывавшими мимолетные тени на лице лектванки.

Размазня торопливо спустился из Большой Дыры, семенящей трусцой приблизился к костру, осторожно понюхал содержимое кипящего котла. Затем, бросив тревожный взгляд в сторону Барча, инженер уселся за столом напротив лектванки.

Через некоторое время пухлый ленапи заговорил с ней; она подняла голову, обронила несколько слов. Размазня обернулся, взглянув через плечо на Барча, и снова стал что-то подробно объяснять. Барч больше не мог сдерживать любопытство. Он прошелся по каменному полу и уселся рядом с Размазней: «Как идут дела?»

«Очень хорошо, мы продвигаемся».

«И когда, по-твоему, все будет готово?»

Размазня задумался: «Палуба закончена. Завтра мы перевернем и установим вторую баржу. На следующий день соорудим двойной входной шлюз. После этого можно будет

вылететь в космос».

«Разве двойной шлюз необходим? Я хотел бы покинуть Магарак как можно скорее».

«Шлюз будет совершенно необходим, если потребуется отремонтировать двигатель, а также тогда, когда настанет время заменить топливо».

Барч погладил подбородок и через некоторое время сказал: «Сегодня вечером я отправлюсь за топливом и...» Он прервался, заметив, как переглянулись инженер-ленапи и лектванка: «В чем дело?»

«Ничего, ничего, все в порядке», — заверил его Размазня и демонстративно отвернулся. Комейтк-Лелианр вернулась к наблюдению за локатором.

«Что-нибудь нашлось?» — спросил ее Барч.

«Нет, пока что ничего определенного. Но у меня возникла идея — скорее предположение, нежели догадка».

Другие ленапи спустились из Большой Дыры и расселись на скамьях, плотно окружив стол в глубине пещеры. Размазня встал и присоединился к сородичам; между ними тут же разгорелся шумный спор.

Комейтк-Лелианр неуверенно спросила: «Почему тебе так не терпится найти электронный мозг?»

«Если я буду знать, где находится координатор, я попытаюсь его уничтожить».

Она подняла голову: «Рой... ты не считаешь, что сегодня тебе лучше отдохнуть?»

«О каком отдыхе может быть речь? Нужно добыть топливо — «аккр» или как еще он называется...» Барч встал, огляделся. Окружающие явно избегали смотреть ему в глаза, потихоньку поворачиваясь к нему спиной. Барч снова присел за стол: «Что происходит? Все ведут себя как-то странно».

Комейтк-Лелианр нервно провела пальцами по поверхности локатора: «Они считают, что ты устал».

«Устал? Конечно, устал! Почему бы я не устал? Если уж на то пошло, почему бы все мы не устали? Успеем отдохнуть в космосе».

Лектванка тихо сказала: «Они не забыли, что Клет называл тебя сумасшедшим».

Барч сидел неподвижно, как чугунная статуя: «Значит, они решили, что я спятил. Я мог бы и сам догадаться. Давно уже замечаю, что Размазня поглядывает на меня так, словно я чучело огородное».

Комейтк-Лелианр раздраженно повысила голос: «Ленапи не могут понять, зачем тебе понадобилось похищать аккр, если в пещере уже есть запас, которого хватит на двадцать лет».

«Запас на двадцать лет?!»

«Так он говорит».

Барч обмяк на скамье, резко выдохнул: «Где?»

«В Большой Дыре. В ящиках. Кербол называл это топливо «супером»».

Лицо Барча подернулось — ему одновременно хотелось расхохотаться и разораться. Он заставил себя говорить сдержанно: «Я не подозревал, что «супер» — то же самое, что «аккр». Никто никогда мне об этом не говорил! Ты думаешь, мне нравится шнырять на плоту в тумане и служить мишенью для борнгалезов и подруодов?»

«Нет-нет! — поспешно ответила Комейтк-Лелианр. — Ни в коем случае! Но почему тебе не терпится разрушить электронный мозг?»

Охваченный пьянящей волной гнева, смешанного с торжеством, Барч почти кричал:

«Подумай сама! У координатора уже достаточно фактической информации для того, чтобы прийти к очевидному выводу: беглые рабы похищают баржи, нагруженные различными материалами».

«Допустим».

«Клау могут напасть в любую минуту. Если мне удастся взорвать чертов электронный мозг, мне удастся надолго задержать нападение».

Комейтк-Лелианр нахмурилась: «По-моему, ты не совсем понимаешь, в чем заключаются сущность промышленного комплекса Магарака и принципы его организации».

«Ты совершенно права! Каждый раз, когда я лечу над этим бедламом, я чувствую себя как кот, забравшийся в штамповочный пресс. Но взгляни на вещи с другой точки зрения. Если я взорву искусственный мозг, клау начнут бегать кругами, не так ли?»

«Скорее всего. Им это нанесет существенный ущерб».

«То, что плохо для клау, хорошо для нас. Можешь называть это диверсионной тактикой. Достаточно простой принцип, тебе не кажется?» Он воспринял ее молчание, как согласие: «Так ты сможешь найти этот мозг?»

«Думаю, что я уже его нашла».

«Прекрасно! И ты все еще считаешь, что я спятил?»

Взгляд лектванки невольно остановился на его левом плече: «Я недостаточно знакома с определением «нормальности», принятым на Земле, чтобы составить определенное мнение по этому поводу».

Барч поднялся на ноги и глухо пробормотал: «Еще десять минут всех этих двусмысленностей, и я действительно сойду с ума!»

Он вернулся к костру: черт бы их всех побрал! Объяснять свои побуждения было бесполезно — закономерности его мышления не соответствовали тому, как работали инопланетные умы. Он положил руку на приклад ружья: принуждение эффективнее разъяснений. Заметив испуганный взгляд лектванки, он поморщился: *«Теперь она думает, что я собрался всех вокруг перестрелять. Что ж, пусть думает, что хочет. Объяснять я больше ничего не буду. Буду отдавать приказы и следить за тем, чтобы они выполнялись».*

Он решительно прошел к сгрудившимся за вторым столом ленапи. Говорливые инженеры внезапно замолчали; Барч чувствовал, что на него смотрят все собравшиеся в пещере.

«Размазня! — сказал Барч. — Ты думаешь, что я спятил. Это меня вполне устраивает: постольку, поскольку ты делаешь все, что тебе поручено, можешь думать все, что хочешь. Я хочу, чтобы завтра вы погрузили на третью баржу три ящика аккра. Я хочу, чтобы вы установили в двух углах на носу баржи детонаторы, срабатывающие при столкновении. Я хочу, чтобы вы установили механизм, отключающий систему, предотвращающую столкновение — механизм, которым я мог бы воспользоваться в любой момент. Это понятно?»

Размазня моргнула: «Понятно».

«Хорошо!» — Барч направился к выходу из пещеры и вышел наружу из расщелины.

Дождь кончился; наступила тихая безветренная ночь, необычная в долине Палкваркц-Цтво. Барч прошелся по плоскому уступу к воздушному плоту. Ему хотелось взобраться на плот, подняться в темное небо и лететь, лететь во мраке... Но локатор оставался в пещере, координаты еще не были заданы — оказавшись вдали, он не смог бы вернуться. Тем не менее, он забрался на плот и лег на спину. Никогда еще в долине не было так тихо. Листья

затаились в неподвижном воздухе. Барч прислушался: ни звука. Зловещая ночь, полная непредвиденных угроз!

Откуда-то снизу, со стороны реки, послышался глухой стук. Барч приподнялся, снова прислушался. Стук не повторился. Опять опустившись на днище плота, он думал: *«Еще два дня, и мы в космосе! Чудесная перспектива. А потом — что? Назад, на Землю!»*

Над перевалом под горой Кебали блеснули сигнальные огни. Барч следил за баржей, скользившей по небу, пока ее она не скрылась в направлении долины Порифламмес. Барч успокоился: клау вряд ли нападут ночью. Хотя, кто знает? Рано или поздно они должны были напасть. Странно! Что их задерживало? Видимо, электронный мозг не спешил с выводами — или недооценивал серьезность ситуации. Барч размышлял, взвешивая «за» и «против».

Если клау нападут на протяжении следующих двух дней, он взорвет искусственный мозг. Если беглецы успеют улететь в космос прежде, чем клау соберутся действовать, тем лучше.

Спустив ноги с плота на землю, Барч прогулялся по уступу под пещерой. Странное затишье подходило к концу: в тучах ворчал гром, где-то уже накрапывал дождь.

Возвращаясь, уже в расщелине перед входом он услышал отзвуки громкого многоголосого спора. Когда он зашел в пещеру, все замолчали. Как цветы, приветствующие солнце, к нему повернулись бледные овалы лиц.

«Продолжайте! — махнул рукой Барч. — Не обращайтесь на меня внимания».

XI

Клау прибыли на следующий день. Утром Барч заминировал шишковатый утес и успел установить кое-какие средства обороны на уступе под пещерой. Тем не менее, когда он увидел чудовищных размеров воздушный корабль, медленно спускавшийся прямо на уступ, у него душа ушла в пятки. Все его приготовления внезапно показались смехотворно недостаточными.

Он наблюдал за приближением врага. Десантная баржа надвигалась, как зловещий символ неизбежности — черная громада как минимум в два раза больше крупнейшего летательного аппарата, когда-либо попадавшего Барчу на глаза. Прямоугольная тень заслонила полнеба, угрожая раздавить его, как подошва сапога — ничтожное насекомое. Барч инстинктивно отшатнулся, испытывая желание немедленно убежать и спрятаться.

Над каждым поручнем баржи высывались, как орнаментальная кайма, шиповатые головы, а на корме торчало уродливое орудие, не оставлявшее сомнений в своем смертоносном назначении.

Барч обернулся к пещере: из расщелины выглядывала пара испуганных лиц. Из леса появился ходивший на охоту Плоскорожа; с ужасом взглянув наверх, он пригнулся, набычился и со всех ног поспешил к расщелине.

Барч тревожно позвал его: «Эй, Плоскорожа! Подсоби!» Тот еще проворнее ринулся к пещере.

Барч смотрел ему в спину, дрожа от ярости: «Просто бесподобно! Все приходится делать самому!» Он подбежал к краю леса, где на четырех самодельных желобчатых лафетах

стояли его самодельные орудия — отрезки труб, заваренные с одного конца Педратцем.

Баржа была уже метрах в шестидесяти над головой. Действуя одной рукой, Барч с трудом развернул деревянный лафет, нацелил трубу на не защищенные механизмы под палубой баржи, сломал предохранитель детонатора и отскочил в сторону.

Послышался сухой хлопок, переходящий в громкое шипение, а затем в рев. Труба-ракета разорвалась — ее конец распустился пятью лепестками, как морская звезда; беспорядочно кувыряясь в воздухе, снаряд со свистом выпускал спирали голубого дыма. «Я промахнулся! — думал Барч. — *Вести прицельный огонь этой дрянью невозможно!*» Движимая первоначальным моментом, однако, продолжавшая крутиться и дымиться ракета ударилась в баржу под кормой и взорвалась. В палубе мгновенно образовалась дыра; тела разлетелись вверх и в стороны, словно захваченные струями невидимого фонтана; чуть задерживаясь на вершинах описываемых парабол, они ускорились в свободном падении.

Корма баржи круто осела, с нее валилось все, что лежало и стояло на палубе; аппарат держался в воздухе только благодаря второму двигателю, установленному в носовой части. На плоский уступ перед пещерой сыпался истерически вопящий град извивающихся, болтающих руками и ногами тел.

Несколько клау еще не упали — одни вцепились в поручни, другие держались за первых и вторых, раскачиваясь в воздухе, как цепочки черных муравьев. Барч приподнял ружье, прицелился и открыл огонь. Вскоре на барже не осталось никого, кроме пилота в рубке, лихорадочно пытавшегося удержать громоздкий аппарат в воздухе. Напрасно! Плавно покачиваясь из стороны в сторону, баржа опускалась, пока ее корма не прикоснулась к земле, после чего она продолжала стоять на корме в таком неестественном наклонном положении. Барч выстрелил в пилота, но разрывной дротик отскочил от купола рубки.

Поколебавшись пару секунд, Барч осторожно приблизился к орудию, смонтированному на корме. Продолжая краем глаза следить за пилотом, он внимательно рассмотрел орудие и попробовал, поворачивается ли оно. Орудие повернулось на шарнире — странная конструкция в форме буквы «Н», с длинной поперечной перекладиной, как у дальномера на военном корабле. Найти спусковой крючок оказалось нетрудно. Пилот уже вылезал из купола; Барч развернул орудие, навел его на рубку и потянул на себя спусковой крючок. Послышался громкий треск — прозрачная полусфера исчезла. Баржа грохнулась на днище и просела со вздохом и скрежетом, испуская струи пыльного воздуха.

Барч повернулся — под пещерой всюду валялись черные тела. Не меньше десятка клау еще шевелились, а двое со стонами ползли по каменной площадке. Барч направил на них Н-образное орудие, из него с треском вырвался поток энергии. В поверхности уступа образовалось обширное овальное углубление — опаленное, остекленевшее.

В небе, метрах в трехстах над долиной, парил воздушный плот под хрустальным куполом. Взглянув на него через прицел орудия, напоминавший бинокль, Барч увидел два плота. Он слегка приподнял рычажок над прицелом — два плота слились в один. Барч потянул спусковой крючок. Плот превратился в обугленные порхающие обрывки. Мишеней больше не было. Не осталось ничего живого. Барч соскочил с кормы потерпевшей крушение баржи, взглянул в сторону входа в пещеру — несколько любопытствующих свидетелей битвы нервно отпрянули в тень.

Перешагивая через тела клау, Барч протиснулся по расщелине в нижнюю пещеру. Ленапи сгрудились в небольшом боковом алькове, как щенки в корзине. «Займитесь делом! — рявкнул Барч. — Если не можете драться, по меньшей мере вы могли бы

работать!»

Посмотрев вокруг, он заметил Педратца, стоявшего у стены — лицо сварщика, круглое, как полная луна, ничего не выражало. «Возьми свое оборудование и попробуй аккуратно отделить орудие от кормы упавшей баржи», — сказал ему Барч.

Ленапи стали гурьбой подниматься по проходу в Большую Дыру, продолжая спорить на ходу и размахивать руками. «Размазня! — позвал Барч. — Ты снарядил третью баржу, как я тебя просил?»

«Скоро закончу!» — торопливо обронил инженер.

«Когда, по-твоему, мы сможем наконец улететь с Магарака?»

«Трудно сказать. Двойной шлюз еще не готов, но сварка корпуса завершится уже сегодня».

«Хорошо. Поторопись с третьей баржей. Если клау всерьез за нас примутся, и от нас, и от этих пещер ничего не останется. Надеюсь, мне удастся отвлечь их внимание».

«Это опасно, опасно!»

«Особой опасности нет, если все будет сделано в точном соответствии с моими указаниями. Кстати, ты полетишь со мной. Я не умею управлять баржей».

Плечи Размазни опустились — он обмяк, как мешок муки. Без дальнейших слов инженер-ленапи повернулся и поспешил вверх.

Барч уселся за стол напротив Комейтк-Лелианр, все еще изучавшей показания локатора.

«Ты нашла что-нибудь определенное?»

«Кажется, нашла. На графике искусственный мозг обозначен как «центральный орган»».

Барч заглянул в прорезь прибора, пытаясь разобраться в суматохе геометрических фигур, окрашенных в пастельные тона. Кольцо-мишень окружало маленький зеленый квадрат посреди синего пятна, напоминавшего чернильную кляксу на промокательной бумаге. Справа от пятна находился дрожащий и подпрыгивающий ржаво-оранжевый прямоугольник; слева — облачко серых точек. Из зеленого квадрата во все стороны тянулись, подобно капиллярным сосудам, красные нити — настолько бледные, что их едва можно было заметить.

«Значит, это мозг».

«Ничем другим, по-видимому, этот символ не может быть. Хотя, конечно, я не могу быть уверена на сто процентов».

«Он далеко отсюда?»

«В Центральном округе, до него примерно треть окружности планеты».

«В Центральном округе? Там все еще сложнее, чем в Кводарасе?»

«Кводарас — сравнительно новый комплекс, ему всего лишь триста или четыреста лет».

«Даже так? Хорошо — в конце концов, какая разница?»

На несколько секунд наступило молчание. Затем, прищурившись и снова заглянув в прорезь индикатора, лектванка сказала: «Рой — ты все еще думаешь, что твой план осуществим?»

Барч с отвращением крикнул: «Клау только что потеряли огромную баржу с многочисленной командой. В следующий раз они пришлют что-нибудь побольше, с защитной аппаратурой. Мы не выдержим никакой серьезной атаки. Необходимо занять умы клау какой-нибудь проблемой до тех пор, пока мы не распрощаемся с Магараком. В данный момент мы на краю провала. И мне нужно работать. Я должен проследить за тем, чтобы на

борт загрузили достаточно сырьевых материалов для содержателей. Я должен загрузить на третью баржу абилоид и пару ящиков аккра».

Этот день прошел для Барча, как последний день перед казнью — каждая секунда, каждая минута надолго растягивались, но каждый час, парадоксально, пролетал незаметно.

Работы продвигались невыносимо медленно. Барч раздраженно расхаживал туда-сюда по Большой Дыре, то и дело останавливаясь, чтобы проследить за ленапи. Он был убежден в том, что инженеры его надували и нарочно халтурили, но не мог предъявить им какие-либо претензии, потому что не понимал, чем они занимались. Он покрикивал на женщин, переносивших кухонную утварь на палубу сдвоенной баржи, и устроил взбучку Плоскороже и его бригаде — эти тратили время зря, глаза на трупы клау вместо того, чтобы затаскивать на баржу бревна, нарезанные из свежесрубленных и окоренных деревьев.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Педратц сумел отделить тяжелое Н-образное орудие от цоколя на корме военной баржи. Пользуясь воздушным плотом и стропами, Барч переместил орудие, установив его в нише у самого выхода из расщелины — отсюда он мог вести обстрел почти по всей долине. Но что, если клау прилетят, пока он будет в диверсионной отлучке? Он решил назначить заместителем угрюмого спланга: «Чеврр, подойди-ка сюда на минутку!»

Чеврр опасливо приблизился. Барч объяснил ему, как следовало обращаться с орудием, и заставил спланга сфокусировать прицел на нескольких целях, далеких и близких. Удовлетворившись результатами обучения, он сказал: «Теперь оставайся здесь. Ты — часовой. Если заметишь, что к нам летят клау, не стреляй, а позови меня. Но если меня в пещере не будет, поступай по своему усмотрению».

Чеврр хмыкнул; судя по всему, это означало согласие. Барч пересек нижнюю пещеру и поднялся по проходу в Большую Дыру.

Размазня стоял у третьей баржи, глядя на купол рубки управления. «Размазня!» — рявкнул Барч. Ленапи обернулся; его круглые глаза-опалы безразлично встретились с горящими карими глазами Барча.

«Когда эта баржа будет готова?»

«Она уже готова».

«Даже так? — удивился Барч. — И взрывчатка на борту?»

«Все сделано».

«Два ящика аккра?»

«Так точно. Остальное топливо — на борту сдвоенной космической баржи».

«Хорошо! Ты уверен в том, что сделано все, чего я хотел?»

Размазня ответил неопределенным жалобным звуком: «Я не хочу никуда лететь. В этом нет необходимости».

Лицо Барча подернулось, но он опять сдержался: «Покажи, как управлять баржей».

Размазня с готовностью вскочил на палубу и направился к рубке: «Это очень просто. Вот регулятор скорости. Для того, чтобы лететь в тот или иной пункт планеты, в этот пункт перемещается координатная точка на графике локатора, после чего опускается вот этот переключатель. Этот сферический шарнир позволяет определять направление движения баржи, когда не работает автопилот». Инженер продолжал говорить, прикасаясь к различным верньерам, ползункам и сенсорным панелям. Опустившись в кресло, Барч задавал вопросы и попытался запомнить инструкции.

В конце концов, прыгнув на каменную поверхность Большой Дыры, он сказал: «Я

поручу нескольким бездельникам разломать наружную стену, а ты выведешь эту баржу наружу».

Выйдя на плоский уступ перед пещерой, Барч наблюдал за тем, как падали камни, маскировавшие отверстие в обрыве. Вскоре образовалась достаточно просторная темная прореха. Но тут же послышался хриплый возглас Чеврра: «Клау!»

Люди, работавшие в отверстии Большой Дыры, застыли; Барч взглянул наверх. Над перевалом под горой Кебали пролетел и уже скользил вниз огромный черный корабль.

По всей площадке перед пещерой разнеслись всхлипывающие вопли откровенного смертельного ужаса. «Заткнитесь! — заорал Барч. — Все в пещеру, живо!»

Барч занял место Чеврра у Н-образного орудия и спрятался на корточках за выступом скалы.

Неспешно дрейфуя над рекой вдоль долины, корабль клау пролетел мимо плоского уступа под пещерой, поднялся над низовьями долины, описал полукруг и стал медленно возвращаться. Прореха в наружной стене Большой Дыры находилась в тени, под углом к продольной оси долины — она не должна была сразу привлечь внимание.

Корабль снова пролетел мимо плоского уступа. Воздух наполнился оглушительным треском: весь уступ вздрогнул и озарился электрическим сиянием. Треск прекратился. Потерпевшая крушение военная баржа и тела погибших клау исчезли. У Барча невольно перехватило дыхание.

Снова раздался треск. Черный лес под плоским уступом обрушился, как скошенная трава. Выступ скалы, к которому прижался Барч, задрожал. У него за спиной, в пещере, снова послышались подвывающие истерические вопли. Барч прорычал через плечо: «Молчать! Зажмите рты!» Он вернулся к наблюдению за кораблем. Пока что клау не нанесли беглецам существенного ущерба — они явно стреляли наугад. Только особенно удачный залп мог обрушить пещеру. Барч надеялся, что командир корабля клау придет к тому же выводу.

Корабль пролетел почти над самой головой; Барч следил за ним, приложив глаза к биноклю прицелу. Возможно, корпус корабля был защищен от сравнительно маломощных разрядов Н-образной пушки; Барч не спешил открывать огонь.

Командир клау оправдал надежды Барча. Описав еще один круг в воздухе, черный корабль завис над шишковатым уступом противоположного склона, позволявшим вести обстрел по всей долине, и стал постепенно опускаться на него.

Возбужденный Барч забежал в пещеру: «Размазня! Где Размазня?»

Комейтк-Лелианр, сидевшая за столом, указала на боковой альков. Барч подбежал к алькову и нашел ленапи, сбившихся в плотный клубок. «Вылезай!» — закричал Барч, разбрасывая здоровой рукой непослушные тела инженеров. Появилось покрасневшее, часто моргающее лицо Размазни. «Вылезай, пошли! Скорее!»

Размазня выбрался из алькова.

«Выключи предохранитель дистанционного детонатора. Когда я подам сигнал, взорви первую мину. Понял?»

Волоча ноги, Размазня направился к прибору, стоявшему на столе в глубине пещеры. Барч вернулся в расщелину перед входом в пещеру.

Корабль клау осторожно приземлился на округлую вершину противоположного утеса. Тут же откинулась наклонная эстакада; по ней из трюма маршировал отряд подрудов. Барч юркнул обратно в пещеру: «Давай!»

Нижнюю пещеру озарил проникший через расщелину отсвет фиолетовой вспышки;

через мгновение по всему известняковому обрыву пробежала дрожь — так, как если бы его обстреляли шрапнелью.

Барч осторожно выглянул наружу. Противоположный утес выщербился и почти раскололся сверху; внизу, в долине, валялись разбросанные обломки корабля клау.

Барч вернулся в пещеру: «Размазня! Где ты прячешься?» Подбежав к пухлому инженеру, Барч схватил его за плечо и встряхнул: «За работу! Теперь у нас остались считанные минуты». Барч развернулся: «Эллен!»

«Да?»

«Я вылетаю».

«Рой...»

«Не спорь со мной! Если я не взорву чертов мозг, нам осталось жить не больше трех-четырёх часов. Теперь клау шутить не станут и не оставят камня на камне во всей долине. Я должен нанести упреждающий удар».

«Но космическая баржа практически готова к вылету...»

«Заставляй Размазню работать, пока я не вернусь. Тебе известен какой-нибудь другой способ заставить клау подождать?»

«А если ты не вернешься, что тогда?»

«Я вернусь. Но если не вернусь — прощай!»

«Прощай».

Барч бегом поднялся по проходу в Большую Дыру: «Размазня, залезай на третью баржу и выведи ее наружу! Если потребуется, растолкай оставшуюся кладку».

Инженер-ленапи молча забрался в рубку управления. Корма баржи толкнула оставшуюся не разобранный кладку — та осыпалась. Баржа вылетела и повисла в воздухе.

Несколько секунд Барч стоял и смотрел в небо. Над долиной уже сгустились сумерки. Верхняя пелена туч покрылась пятнышками темных нижних облаков, как серый шелк, обрызганный водой. Теперь лес начинался дальше, за выжженной клау полосой — черная листва не шевелилась. В полной тишине вопрос Барча прозвучал непривычно громко: «Ты уверен, что не хочешь лететь со мной, Размазня?»

Инженер, вышедший на палубу, переминался с ноги на ногу: «Без меня некому будет руководить работами».

«Хорошо. Так работайте же!»

«Скоро все будет закончено».

Спустившись к маленькому воздушному плоту, Барч поднял его в воздух, перевез Размазню на плоский уступ перед пещерой, снова взлетел и опустился на мостки за рубкой управления. Взглянув на грузовую палубу, он с удовлетворением убедился в наличии массивных ящиков. «Достаточно, чтобы щелкнуть их по носу, как ты думаешь?» — шутливо крикнул он стоявшему внизу инженеру.

Размазня только всплеснул руками и ушел.

Барч посмотрел вокруг, взглянул на небо. У входа в пещеру появилась хрупкая фигура. Эллен? Барч помахал рукой. Фигура исчезла в расщелине.

Барч залез под купол рубки управления, уселся в непривычное кресло. Осторожно следуя инструкциям инженера-ленапи, он поднял баржу вертикально вверх. Поворачивая верньер локатора, Барч заглянул в прорезь навигационного графика. Вот он — зеленый квадрат на фоне синей кляксы! Прежде чем опускать рычажок переключателя, фиксирующий координаты, Барч попробовал каждый из приборов управления, чтобы

почувствовать, как летательный аппарат реагировал на его движения. Баржа подалась вверх, вниз, направо, налево, вперед, повернула. Никаких затруднений не возникало. Барч включил автопилот, вжал до упора движок акселератора и откинулся на спинку кресла.

Баржа проскользнула, как тень, над горой Кебали. Впереди, от горизонта до горизонта, простиралось смутное зарево — округ Кводарас. Внизу промелькнуло одинокое созвездие огней каменоломни — здесь они с Керболом захватили баржу Тыка. Как давно это было! Кербол погиб, Тык уже мертв — от них оставались только бесполезные воспоминания об их несбывшихся надеждах.

Карьер растворился за кормой, как жемчужина в тумане. Теперь под баржей мрачно поблескивало отражениями далеких прибрежных фонарей Чульское море.

Баржа неожиданно повернула, одновременно опускаясь, но тут же выровнялась. Барч понял, что теперь он летел в потоке воздушного движения. Мимо проплывали другие баржи — справа и слева, сверху. Мелькали блеклые безразличные лица: лица мертвых душ.

Баржа летела над слепящими огнями, над огненными зевами печей, над манипуляторами, прерывисто шевелившимися, как ноги перевернутых насекомых, над неисчислимыми, не поддающимися пониманию силуэтами и формами Магарака.

Барч внезапно спросил себя: «Как я вернусь?» На плоту не было локатора. Нужно было не забыть отсоединить локатор баржи и взять его с собой.

Следя за индикатором, Барч мог примерно определить, насколько он приблизился к цели. До «центрального органа» оставалось еще больше полпути. Внизу сумятица зданий и силуэтов, поворотных стрел, снующих вагонеток и фантастических сполохов пламени приобретала невиданный до сих пор размах. Воздух полнился едкими запахами и дымом, оглушительным, словно протягивавшим щупальца в мозг лязгом и грохотом неизвестных процессов. Как могли люди переносить такой кошмар?

Тем не менее, люди выживали. Люди пережили ледниковые периоды, эпидемии и войны; теперь они выживали на Магараке. Казалось, ничто не могло противостоять человеческой воле к жизни.

Барч снова откинулся на спинку кресла, ощущая странное спокойствие. Он сыграл последним козырем, оставалось только ждать приговора судьбы. Больше не было проблем — никаких тревог, никаких сожалений. Либо он добьется успеха, вернется в пещеру и улетит с Магарака — либо он умрет.

На несколько минут Барч почти задремал в пилотском кресле, но заставил себя встрепенуться и проверить показания локатора. Он пролетел две трети маршрута. Барч осмотрелся по сторонам. Огни и силуэты остались за кормой, расплываясь в дымке расстояния. И не только за кормой — индустриальный ландшафт словно разбежался, ориентиры остались только на горизонте. Без локатора он никогда не смог бы найти свою цель.

Прошло несколько минут; Барч начинал снова ощущать напряжение. «*Спокойно, спокойно!* — увещевал он себя. — *Либо все получится, либо нет — зачем волноваться?*»

На самом краю графика навигационного прибора появился зеленый квадрат. Барч посмотрел вперед. Вот он! Высокая угловатая башня неправильной формы казалась озаренной изнутри голубым светом.

Барч отключил автопилот, затормозил, потянув на себя движок акселератора, и быстро опустил баржу почти к подножию башни. Теперь небоскреб возвышался прямо над ним;

Барч убедился в том, что башня действительно излучала тусклое голубовато-зеленое сияние.

Он начал осторожно перемещать баржу вокруг башни, то и дело останавливаясь в воздухе, чтобы не налететь на другие аппараты, часто сновавшие вверх и вниз вдоль широких каналов гигантской башни, служивших чем-то вроде вертикальных проспектов. К нему поворачивались удивленные, встревоженные лица пилотов. *«Спокойно! — говорил себе Барч. — Следи за тем, что ты делаешь. Сейчас было бы совсем некстати попасться на глаза местной дорожной полиции».*

Он заметил широкий проем в основании башни — посадочный ангар на уровне земли.

Барч направил баржу вниз, к этому проему. Рядом завис, спускаясь параллельно, воздушный плот под хрустальным куполом: пилот-борнгалез с явным интересом разглядывал Барча. Барч сделал вид, что занят своим делом и плевать хотел на любопытство патруля. Плот борнгалеца не сразу, словно нехотя, повернул в сторону.

Воздух задрожал от оглушительного воя сирены. Подняли тревогу? Электронный мозг почуял опасность? Барч приподнялся в кресле, посмотрел по сторонам. Судя по всему, не происходило ничего особенного.

Ангар был уже близко: баржа спустилась на уровень озаренного зеленовато-желтым светом проема. Барч отключил предотвращавшую столкновение систему и заставил баржу двигаться вглубь проема. *«Потихоньку, потихоньку! — шептал он. — Не промахнись!»* Прошло несколько секунд. Баржа направлялась точно в центр обширного светящегося прямоугольника. Пора!

Барч распахнул люк рубки управления, выбрался на палубу, но тут же остановился: *«Черт возьми! Локатор!»* Он бросился обратно под прозрачный купол. Баржа уже почти погрузилась в проем посадочного дока. Однорукому Барчу пришлось повозиться, отстегивая зажимы. Один высвободился, за ним второй. С локатором под мышкой Барч выбежал на мостки, вскочил на плот. Слепящие желтые прожекторы слепили его. Вверх — и наружу!

Лицо обожгло ледяным ветром; Барч пригнулся, прижимая к полу педаль акселератора. Быстрее, быстрее! Лучше лечь на пол... Барч упал лицом вниз.

Он увидел только отражение фиолетово-белой вспышки, озарившей вечную пелену туч и на мгновение превратившей ночь Магарака в подобие солнечного дня. *«А! — обрадовался Барч. — Взрыв! Успех!»* Он продолжал нажимать ладонью единственной руки на педаль акселератора. Быстрее! Еще быстрее!

Ураганный порыв ветра взметнул воздушный плот, как щепку на волне прибоя, и понес все выше и все дальше, километр за километром. Приподнявшись, Барч видел, как угловатая башня накренилась и обрушилась каскадами блестящих темных обломков. За первым взрывом последовал второй — мощный голубой столб пламени взметнулся выше туч и распустился чудовищным огненным цветком. Там, где стоял небоскреб, осталось кипящее озеро лавы. Окружавшие башню тяжеловесные сооружения будто отшатнулись от эпицентра и тоже частично обрушились; дрожащее голубое послесвечение взрыва скоро погасло, но накренившиеся здания по периметру продолжали тлеть в ночи, как жаркие угли, и постепенно оплывали.

Теперь на воздушный плот Барча налетела вторая ударная волна, но он был уже так далеко, что от энергии взрыва остался, по сути дела, только инфразвук, резко встряхнувший плот и хлопнувший по ушам. Снова взглянув в сторону эпицентра, Барч пытался представить себе, сколько людей там погибло — сколько клау, сколько рабов? Он пожал плечами. Клау заслужили то, что получили. А для рабов на Магараке смерть была скорее освобождением,

нежели наказанием.

Теперь воздушный плот летел равномерно и подчинялся управлению. Барч взглянул в прорезь локатора — и с изумлением пригнулся вплотную к прибору. На индикаторе не было ничего, кроме черной пустоты. Барч встряхнул локатор, постучал по нему — безрезультатно.

Его озарила догадка, он обернулся. Неужели «центральный орган» контролировал локаторы? Движимый приступом отвращения и паники, он сбросил прибор на пол и посмотрел вперед, в ночную тьму. Откуда он прилетел? Все направления выглядели одинаково. На Магараке не было ни луны, ни звезд.

Барч озираясь, пытаясь распознать какой-нибудь ориентир, случайно запечатлевшийся в памяти.

Громоздились всевозможные сооружения, вспыхивали тысячи огней, механизмы продолжали суматошно двигаться.

Барч снова обернулся. Башня исчезла. Тем не менее... что-то в планировке промышленного комплекса казалось незнакомым — он стал не таким, каким Барч его видел, приближаясь к цели. Повернув налево, Барч описал полукруг и направил воздушный плот туда, где раньше возвышался небоскреб «центрального органа». Плоскости зданий сместились, конфигурация факелов и печей становилась знакомой. Скорее всего, он прилетел с правой стороны. Теперь у него был какой-то шанс — не более, чем шанс, но вся эта затея с самого начала была своего рода азартной игрой. Пока что удача ему улыбалась.

Барч повернул под прямым углом направо от эпицентра взрыва и повысил скорость до максимума.

Раньше минуты спешили; теперь они тянулись. Не может быть, чтобы он так долго летел над всеми этими уродливыми фабриками, шевелящими перистыми поворотными стрелами, как мотыли — мохнатыми антеннами! Плот невозмутимо летел вперед. Казалось, здания постепенно становились ниже. Он давно уже должен был оказаться над побережьем Чульского моря, но вокруг не было никаких признаков моря. Он заблудился. Что теперь? Направо или налево? Нет, только вперед. Тревога снедала Барча, каждая минута казалась десятью. Всюду простирался человеконенавистнический индустриальный бедлам Магарака.

Да, он заблудился. Но еще несколько километров в том же направлении ничему не помешают. И что это? Беспросветный мрак впереди... «Таласса! Таласса!» — кричали, увидев наконец море, бредущие в Грецию из Персии десять тысяч спутников Ксенофонта. «Море! — пробормотал Барч. — Старое доброе Чульское море!»

Под плотом тянулись тускло фосфоресцирующие, как дохлая рыба, прибрежные грязевые топи; впереди темнели хребты Паламкума. «*Я настолько привык здесь жить, — думал Барч, — что возвращение к пещерному существованию кажется мне возвращением домой. Теперь можно немного отдохнуть*». Пальцы его правой руки, невольно сжавшиеся в кулак, разжались. «*Если мы проведем пять лет в космосе, весь первый год я просплю, — пообещал себе Барч. — Отдых, сон! Больше никаких ночных полетов, никаких диверсий, перестрелок, рискованных планов...*»

Внизу проползли одинокие огни каменоломни; Барч пролетел над перевалом хребта Кебали и начал длинный пологий спуск в долину Палкваркц-Цтво. Он заметил, что вечная пелена туч слегка посветлела. Неужели ночь прошла так скоро?

Он уже видел разрушенный взрывом утес напротив пещеры, обожженный обстрелом клау плоский уступ, черную прореху в стене Большой Дыры.

Барч опустил воздушный плот на землю, соскочил с него и бегом поднялся по склону к

расщелине, ведущей в пещеру. Он свистнул, чтобы предупредить часового о своем прибытии, но никто не вышел навстречу.

Достигнув расщелины, он тут же остановился и нахмурился. В узком извилистом проходе не было привычных пляшущих отблесков пламени. Почему бы они дали костру погаснуть? Почему бы они погасили светильники?

Барч зашел в «трапезную». В очаге тлели угли. «Эй! — позвал Барч. — Куда все подевались?»

Ответа не было — ни шепота, ни бормотания, ни малейшего звука. Барч пробежал вверх по внутреннему проходу в Большую Дыру. Через прореху в стене верхнюю пещеру озарял унылый серый свет. Сдвоенной баржи не было. Большая Дыра опустела.

Барч медленно подошел к наружному проему. Его существенно расширили. Он взглянул на небо. Порывистый ветер гнал над горой Кебали сплошную пелену туч.

Вернувшись в нижнюю пещеру, Барч присел на скамью и приложил ладонь ко лбу. Угли мерцали, потрескивали и, один за другим, гасли. Барч сидел один в прохладной тишине.

Серый дневной свет просачивался через входную расщелину. Барч поднялся на ноги и медленно вышел наружу. Ударив обрубком левой руки по скале, он не почувствовал никакой боли. «Что ж, — произнес Барч. — Вот таким образом!»

XII

Барч долго стоял перед входом в пещеру. Накрапывал косой, гонимый ветром морозящий дождь — настолько холодный, что он казался скорее мокрым снегом. «*Надо полагать, на Магараке начинается зима*», — подумал Барч. Лиловато-серая пелена тяжелых туч клубилась, задевая за горные хребты. Ущелье в низовьях долины почти скрылось в тумане; длинные черные листья деревьев, сплошь покрывавших склоны, развевались и похлопывали на ветру.

Вернувшись в пещеру, Барч подложил дров на угли и стоял у костра, глядя на то, как дымящиеся поленья начинали испускать маленькие язычки огня, постепенно осмелевшие и превратившиеся в жаркое пламя.

Барч повернулся и, без всякой на то причины, снова поднялся по проходу в Большую Дыру. Водянистый серый свет лился сквозь прореху семиметровой высоты и почти двадцатиметровой ширины. Один он никак не смог бы заполнить ее каменной кладкой. Барч пожал плечами, отвернулся, посмотрел по сторонам.

Он все еще оставался владельцем существенного имущества — беглецы взяли с собой три содержателя; остальные стояли в Большой Дыре, а еще один был установлен внизу, в «трапезной». Вокруг были ящики со сварочной лентой, зажигатель и резак, катушки кабеля и высокий штабель металлической палубной обшивки. Взрывчатки, однако, больше не было — весь оставшийся аккр погрузили на сдвоенную баржу. Примерно половину площади Большой Дыры занимали разбросанные обрезки металла и пустые взломанные контейнеры — ничего, что могло бы пригодиться в ближайшее время.

Барч начал уже спускаться в «трапезную», но остановился. Что-то следовало сделать с большой прорехой в стене. Одной рукой он не мог заполнить ее камнями. Но он мог соорудить что-то вроде экрана из палубной обшивки, переплетенной кабелем, и, может

быть, закомуфлировать экран снаружи.

Вернувшись в «трапезную», Барч наелся, пользуясь содержателем. Костер грел, снаружи доносился непрерывный шум дождя. Барч погрузился в сонное оцепенение и даже задремал на несколько секунд, но тут же встрепенулся: голоса? Мелодичные женские голоса? Сердце его стало биться часто и тяжело; он вскочил, посмотрел вокруг: никого. Барч повернулся к внутреннему проходу, прислушался. Молчание. Он вышел из расщелины, взглянул на небо. Дождь превратился в плотный хлещущий ливень; черные перистые листья качались и дрожали, стряхивая воду — лес вздыхал, по всей долине стонал ветер.

Барч поднялся в Большую Дыру и стал яростно работать то под защитой пещеры, то у прорехи, поливаемый потоками ледяной воды. Когда он закончил, прореху закрывал двойной ряд металлических панелей, вздрагивавших и со звоном стучавших под порывами ветра. «Халтура, конечно, — подумал Барч, — но даже это лучше, чем ничего».

Спустившись в «трапезную», он сел у костра и стал смотреть в огонь — так прошел остаток дня.

Утром четвертого дня, охваченный желанием хоть чем-нибудь заняться, Барч поднялся на небо на воздушном плоте. Осторожно приземлившись на вершине горы Кебали, он стоял, глядя в сторону далекого промышленного комплекса, Кводараса. В воздухе пахло пожаром. Вдоль горизонта Барч насчитал не менее дюжины шлейфов пропитанного влагой, низко стелющегося дыма. Где-то значительно ближе горизонта вспыхнула звезда красного пламени. Секунд через тридцать Барч почувствовал, как пронеслась взрывная волна, услышал ворчливые раскаты, напоминавшие гром. Сопrotивляясь желанию полететь туда и посмотреть, что делается на предприятиях клау, Барч вернулся в пещеру.

Он провел несколько часов, закрывая ветвями металлические панели экрана, перегородившего проем в стене Большой Дыры. Отходя от пещеры по плоскому уступу, чтобы проверить результаты своих трудов, он заметил воздушную баржу, спускавшуюся в долину со стороны перевала.

Барч подбежал ко входу в пещеру и пригнулся за Н-образным орудием. Он нашел баржу в видоискателе, нащупал пальцем спусковой крючок... нахмурился, прищурился. На барже не было ни клау, ни подруодов; вдоль поручней стояли не только мужчины, но и женщины — пятьдесят или шестьдесят человек в потрепанной грязной одежде, по всей видимости представители одной и той же расы, цветом кожи и телосложением напоминавшей земную.

Баржа опустилась на плоский уступ, с ее кормы откинулась вертикальная металлическая лестница. Перепрыгнув через бортовой поручень, на землю соскочил тощий лысый субъект с пронизательной круглой физиономией; за ним последовал высокий темноволосый юноша, с неуверенностью поглядывавший по сторонам. Барч слышал голоса, но не мог разобрать слова.

Через некоторое время остальные пассажиры спустились по вертикальной лестнице и, опасливо озираясь, столпились за кормой. Лысый субъект заметил Барча за орудием, испуганно пригнулся. Его спутники тоже пугливо замерли — все повернулись ко входу в пещеру, голоса смолкли.

Пользуясь наречием, общепринятым среди рабов на Магараке, Барч крикнул: «Подойдите, чтобы я мог с вами поговорить!» Тощий лысый субъект и темноволосый юноша опасливо приблизились. «Зачем вы прилетели?» — грубовато спросил Барч.

Тощий человек все время пытался заглянуть Барчу за спину, в пещеру: «Мы — беглецы

или что-то вроде того. А ты кто такой?»

«Я тоже сбежал от клау».

Темноволосый молодой человек тихо обронил, обращаясь к спутнику: «Если местные жители совсем одичали, можно вернуться в Подинсирас, там безопаснее».

«Да — похоже на то, что он спятил».

Барч горько усмехнулся: «Я тоже говорю по-английски».

Новоприбывшие изумленно уставились на него.

«Не беспокойтесь, — устало махнул рукой Барч. — Может быть, я одичал и даже немного спятил — вполне может быть». Указав кивком на баржу, он спросил: «Вы все с Земли?»

«Мы — всё, что осталось от Оуквилла в штате Айова».

«Никогда не слышал о таком месте».

«Клау высадили вооруженный десант, окруживший город, всех нас загнали в звездолет. Это случилось два или три месяца тому назад. Что там случилось после этого, мы не знаем, но восстание рабов позволило нам удрать».

«Восстание рабов?»

«Мятеж начался дня четыре тому назад. Кто-то взорвал главное управление клау вместе с большинством их местного начальства. С тех пор на Магараке все пошло кувырком».

«Надо же! — сказал Барч. — И что вы теперь собираетесь делать?»

«Ну, мы решили, что попробуем как-нибудь вернуться на Землю, не мытьем, так катаньем, — ответил тощий субъект. — Кстати, меня зовут Смит, а это мой сын, Тим».

«Я — Рой Барч».

Смит указал на баржу: «Насколько я понимаю, эти лохани летают на основе того же принципа, что и звездолеты — загребают пространство, как моторная лодка загребает воду винтом, и проталкиваются вперед. Если бы мы смогли как-нибудь герметизировать такой аппарат...»

Барч присел на камень и пригладил волосы ладонью.

«Что такое? — встревожился лысый Смит. — Я что-нибудь не то сказал?»

«Нет-нет, все в порядке, — успокоил его Барч. — Вы прибыли как раз туда, откуда беглецы возвращаются на родные планеты. Я организую эти полеты. Можно сказать, я уже специалист в этой области». Он глубоко вздохнул: «Вы действительно хотите вернуться на Землю?»

«Разумеется!»

«Вы готовы работать? Рисковать время от времени?» — Барч приподнял обрубок левой руки.

«Готовы!»

«Что ж, в таком случае вы нашли партнера. Переместите баржу туда, за выступ скалы. Я уберу экран, и мы задвинем ее в Большую Дыру».

Барч вскочил на ноги — Смит и его сын слегка отшатнулись.

«Я безопасен, — заверил их Барч. — Просто я тороплюсь приступить к делу. На этот раз все должно получиться».

«Все получится, вот увидите», — успокоительно произнес Смит.

«Сегодня вечером полетим расхищать имущество клау. Я знаю, как это делается, грабил их уже много раз. Прежде всего нужно добыть аккр на каменоломне. Потом привезем человек десять ленапи. Содержатели у нас уже есть, но ленапи все равно понадобятся. Без

них мы не сможем отремонтировать двигатели в полете, если что-нибудь сломается».

«Как вы себя чувствуете? Голова не болит?» — встревожился Смит.

«Я в полном порядке, — отозвался Барч. — Пора приниматься за работу».

«Ковчег Дубль-II» поднимался в сумеречное небо. Барч смотрел вниз, на долину Палкваркц-Цтво. Он ненавидел черный лес, черные горы, непрерывный морозящий дождь. И все же, глядя на туманную серебристую ленту реки, струившейся со склонов Кебали к ущелью в низовьях долины, он чувствовал, что многому научился и многого достиг. «Хотел бы я, чтобы у меня осталась фотография этой долины!» — сказал он стоявшему рядом Тиму.

Тим схватил его за предплечье: «Смотрите!»

Барч резко повернулся. В тучах то появлялись, то пропадали длинные темные силуэты — не меньше дюжины. На какое-то мгновение пелена облаков поредела: продолговатые, похожие на торпеды силуэты стали четкими. Облака сомкнулись, торпеды скрылись.

«Это не корабли клау...» — задумчиво произнес Барч.

«На Земле и на Магараке я до сих пор не видел таких звездолетов».

«Мне показалось, что я различил какую-то эмблему на переднем корабле».

Тим колебался: «Мне тоже так показалось. Но, скорее всего, я ошибся. Этого просто не может быть».

«Эмблему ООН?»

«Не может быть!»

«Конечно, нет. Надо полагать, на Земле уже начали строить звездолеты — но это невозможно...»

Кто-то постучал в дверь номера Барча в отеле «Сент-Фрэнсис». Барч, читавший газету в кресле, поднял голову: «Кто там?»

«Тим Смит».

Барч открыл дверь — Тим зашел в номер: «Только я, больше никого!»

Барч выглянул в коридор, посмотрел по сторонам, закрыл дверь и защелкнул замок: «Меня осаждают днем и ночью, не дают никакого покоя». Он встряхнул газету: «Хотел бы я знать, кто проболтался?»

Тим взял газету, прочел заголовок:

«УНИЧТОЖЕНО БОЛЬШЕ ПОЛОВИНЫ ВРАЖЕСКИХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ!»

«Вы имеете в виду передовицу?»

«Нет. На той же странице — очерк специального корреспондента, некоего Сирила Хитса». Барч взял газету и прочел вслух:

«Империя клау распалась под непрерывными ударами великой межпланетной коалиции Лено, Лектвы, Земли и Бакаймы — это уже свершившийся исторический факт, и земляне всегда смогут гордиться тем, что именно их недавно сформированный космический флот первым приступил к освобождению рабов на концентрационных планетах клау.

Немаловажной новостью на фоне этих потрясающих перемен в истории человечества

стало сообщение о том, что некто Рой Барч, уроженец Сан-Франциско, плененный клау пять лет тому назад, заслужил честь первого землянина, оказавшего сопротивление захватчикам и нанесшего им первый существенный урон.

Прошло лишь несколько дней с тех пор, как на страницах нашей газеты были опубликованы хроники эпического четырехлетнего полета «Ковчега Дубль-II». Читатели, конечно же, помнят героическую группу землян, поработанных в ходе первоначальных налетов клау, но вернувшихся на Землю в самодельном звездолете. Сегодня поступили сведения о том, что знаменитый мятеж рабов на Магараке, благодаря которому наша первая карательная экспедиция нанесла врагу сокрушительное поражение, стал возможным благодаря диверсии Барча, в одиночку взорвавшего центральное управление клау на Магараке...»

Барч бросил газету на стол: «И так далее. Барч то, Барч сё!» Он пригладил волось ладонью: «Никак не могу понять, кто проговорился?»

«Очевидно, кто-то не умеет держать язык за зубами», — с явно притворным безразличием отозвался Тим Смит.

Барч проницательно покосился на молодого человека: «Кажется, я знаю, кого мне следует за это благодарить».

«Я хотел, чтобы вы получили то, чего заслуживаете, — стал оправдываться Тим. — Ключи от города, позолоченный крюк вместо потерянной руки, мемориал имени Роя Барча...»

Барч набычился.

«Спокойно, спокойно! — примирительно поднял ладонь Тим. — Я прекрасно знаю, что все это вам понравится».

Барч расхохотался: «Что ж, может быть, теперь я найду работу. Мне пришлось занять пятьсот долларов у брата матери. Он сказал, что я сам во всем виноват, и что мне не следовало связываться с лективанами в первую очередь».

«Кстати о лективанах, — спохватился Тим Смит. — Вы это видели?» Он указал на заметку в нижней части той же газетной страницы.

«Видел», — буркнул Барч.

Вертолет опустился на террасу из темно-синего стекла. Барч выскочил из кабины и крикнул пилоту: «Я скоро вернусь!»

«Возвращайтесь, когда хотите, — отозвался пилот, зажигая сигарету. — Вы мне платите, а ставка у меня почасовая».

Барч медленно прошелся по террасе. Справа тянулась балюстрада в стиле рококо, с белыми в голубых прожилках балясинами. Слева возвышались хрустальные стены куполов, казавшиеся прозрачными, но на самом деле только приводившие в замешательство наблюдателя, пытавшегося рассмотреть что-либо внутри. Все это было знакомо, но словно уменьшилось, как известная с детства обстановка, но воспоминания были скорее мрачными, нежели ностальгическими.

Барч прошел к алькову, где когда-то парковалась воздушная яхта Маркеля. Яхта все еще была там — сверкающая на солнце, как новенькая, словно Барч и Клод Дарран только что ее отполировали.

Он сделал еще несколько шагов: вот оно, то самое место, где ночью лежало тело Клода

Даррана. А здесь... Барч поднял глаза — к нему приближался молодой лектван с сияющей на солнце золотистой кожей. На нем были черные бриджи, мягкий черный плащ и фуражка. Барч неоднократно видел Маркеля в таком же наряде; на мгновение ему показалось, что он вернулся в прошлое.

Лектван остановился перед Барчем. «С какой целью вы приехали?» — вежливо осведомился он.

Барч недовольно обронил: «Я мог бы задать вам тот же вопрос». *«Все то же несносное лектванское снисхождение!»* — думал он. Но теперь оно вызывало не более чем легкое раздражение.

Лектван слегка поклонился: «Я — исполняющий обязанности комиссионера местного коммерческого сектора».

«А кто, собственно, комиссионер?»

«Должность комиссионера все еще не заполнена с тех пор, как нас покинул Ткз Маэркль-Элакзд».

Барч медленно произнес: «Я приехал по двум причинам. Во-первых, пять лет тому назад я оставил здесь кое-какое личное имущество».

Лектван нахмурился: «Не понимаю. Пять лет тому назад здесь жил Ткз Маэркль-Элакзд».

«Верно, но это несущественно. Вторая причина моего прибытия уже приземляется».

Лектван обернулся: «Звездолет с Лектвы! — пробормотал он. — Прошу меня извинить, вам придется приехать как-нибудь в другой раз».

«Не придется», — обронил Барч и подошел к балюстраде. Пять лет тому назад он стоял именно здесь, наблюдая за тем, как радужный шар спускался к террасе, быстро увеличиваясь в размерах. И теперь такой же шар словно прилип к террасе, переливаясь всеми цветами спектра, как огромный гляцевый мыльный пузырь, и снова из него выступила на синее стекло Комейтк-Лелианр.

Она изменилась. Нынешняя Комейтк-Лелианр не спешила к хрустальному куполу пружинистыми шагами, ее походка стала спокойной, задумчивой — как если бы она слегка постарела. И тогда, пять лет тому назад, сердце Барча не билось так сильно, как теперь.

Она заметила Барча и тут же остановилась; по сути дела, она на первом шагу обвела террасу глазами так, будто его искала. Ее губы поджались, брови и ресницы беспокойно двигались — одна стилизация быстро сменялась другой.

Поколебавшись долю секунды, Комейтк-Лелианр тоже подошла к балюстраде: «Не ожидала тебя здесь увидеть».

«Я тоже не ожидал здесь оказаться».

«Ты выглядишь неплохо. Давно вернулся?»

«Примерно две недели тому назад. А ты?»

Она осторожно произнесла: «Мы летели не так долго, как ожидалось — примерно восемь месяцев. По пути ленапи сумели соорудить гиперпространственный двигатель».

«Среди нас не было ленапи. Вся команда состояла из землян».

«Даже так? Как же вы нашли дорогу домой?»

«Очень просто. Может быть, тебе наши методы покажутся примитивными. Покинув Магарак, мы внимательно изучили звездное небо. Мы знали, что могли найти знакомые созвездия только в одном направлении — в направлении, диаметрально противоположном маршруту от земного Солнца до солнца Магарака. Мы нашли Орион — далекое, маленькое,

бледное, но знакомое созвездие. Мы повернули в ту сторону и продолжали лететь, пока не прибыли на Землю».

«Изобретательно! Я знала, что ты как-нибудь сумеешь вернуться».

Барч мрачно усмехнулся: «У меня никогда не было такой уверенности».

Комейтк-Лелианр смотрела на теплый летний пейзаж, слегка подернутый послеполуденной дымкой: «Кажется, я должна перед тобой объясниться...»

«Забудь об этом! — прервал ее Барч. — Я и так все понимаю. Ты не предлагала улететь без меня. Но инженер-ленапи сказал: «Теперь этот безумец нам не помешает. Пора попроситься не только с клау, но и с его самоубийственными затеями». И все решили, что это неплохая мысль».

«Не все, — возразила Комейтк-Лелианр. — Я так не думала».

«Нет. Но ты решила держать язык за зубами. «В конце концов, это не мое дело», — говорила ты себе. Но тебя мучила совесть. Ты колебалась. А все вокруг понукали: «Скорее, скорее! Ты с нами или нет?» И ты улетела вместе со всеми».

Она продолжала смотреть в дымчатую даль: «Примерно так оно и было. Я знала, что ты спас мне жизнь, но на Магараке жизнь ничего для меня не значила, и поэтому я ничего не была тебе должна. Теперь я понимаю, что обязана тебе свободой, теперь моя жизнь и моя свобода драгоценны». Она повернулась и встретилась с ним глазами. Барч с любопытством наблюдал за движениями ее бровей.

«Теперь я готова отблагодарить тебя, чего бы это ни стоило».

Барч улыбнулся: «Как называется эта стилизация?»

Комейтк-Лелианр гневно поджала губы: «Я говорю то, что думаю!»

Барч покачал головой: «Ты ничего мне не должна. Я пытался охранять тебя и готовил побег с Магарака, руководствуясь исключительно эгоистическими побуждениями».

«Тем не менее — благодаря тебе я многое приобрела, а ты многое из-за меня потерял. Я обязана возместить тебе потери».

«Возместить? — Барч вопросительно взглянул ей в глаза. — О каком возмещении идет речь?»

«Я могла бы дать тебе денег».

Барч кивнул: «Разумеется. Мне это почему-то не пришло в голову».

Комейтк-Лелианр взглянула туда, где молодой исполняющий обязанности комиссионера совещался с высоким, величественным лектваном в винно-красном плаще: «Если бы ты согласился прилететь на Лектву — чтобы учиться или просто из любопытства — ты мог бы гостить у меня и у моих родственников столько, сколько захочешь».

«Нет уж, спасибо! С меня хватит космических авантюр. Я рад возможности оставаться дома».

Ее золотистая кожа приобрела красновато-медный оттенок: «Обязательства обременяют. Я должна избавиться от этого бремени!»

«И какой еще способ избавления от бремени ты могла бы предложить?»

Она взглянула прямо ему в глаза: «Если хочешь, я стану твоей подружкой, твоей женой». Видно было, что она заставила себя произнести эти слова, они словно прорвались сквозь препону.

Барч крикнул: «Пять лет тому назад горький опыт научил меня не предаваться таким надеждам».

«Это было на Магараке, у меня не было другого выбора».

«Какая разница? Если бы я хотел жениться, я хотел бы жениться на женщине, а не на существе, которого я не понимаю и никогда не пойму. Мы не можем быть счастливы, мы думаем по-разному. Ты презираешь земную расу. Здесь, на Земле, мы пытаемся справиться с предубеждениями, но лектваны все еще считают свое превосходство чем-то очевидным и не подлежащим обсуждению. Как, по-твоему, я чувствовал бы себя, сопровождая женщину, которой было бы стыдно представить меня своим друзьям?»

Комейтк-Лелианр внимательно следила за ним: «Ты во многом изменился, Рой».

«Это не удивительно».

«Но в некоторых отношениях ты такой же, как всегда».

«В каких?»

«Когда мы впервые встретились, ты не любил лектванов».

«Нет, — перед внутренним взором Барча пронеслись картины прошлого. — Я подозревал, что, претендуя на превосходство, лектваны были в чем-то правы, и это уязвляло мое самолюбие. Теперь я знаю, что это не так. Я все еще не преклоняюсь перед лектванами, но теперь я не имею ничего против лектванов. Все мы — люди... О да, я изменился!»

«Может быть, я тоже изменилась».

«Ты все еще лектванка, а я как был землянином, так и остался».

«Но для тебя, судя по всему, это обстоятельство важнее».

Барч начал было возражать, но прервался на полуслове. Действительно, за все эти годы он, пожалуй, изменился меньше, чем ему хотелось бы.

«Человеческий ум — чертовски сложная штука!» — ни с того ни с сего выпалил он.

Комейтк-Лелианр пожала плечами — похоже было, что она потеряла интерес к разговору.

Барч напряженно спросил: «Как долго ты останешься на Земле?»

«Примерно пару дней. Я приехала, чтобы забрать вещи отца».

«И что дальше?»

«Что дальше? Я вернусь на Лектву, — равнодушно сказала она. — Но Лектва уже не такая, какой я ее помню. На Магараке я заразилась щемящей тревогой. Мне все время хотелось с тобой поговорить». Она задумчиво взглянула ему в лицо.

Барч отвернулся: «Я возьму свои вещи и поеду домой».

Она молчала. Он отступил на шаг: «Прощай!»

«Прощай, Рой».

Барч торопливо прошел в помещения, которые он когда-то делил с Клодом Дарраном. Там было пусто. «*Все равно мне все это не нужно!*» — подумал Барч.

Он вернулся на террасу. Комейтк-Лелианр по-прежнему стояла, облокотившись на балюстраду. Она обернулась к нему, излучая влечение — его словно подталкивала к ней непреодолимая сила. Барч сделал к ней один шаг, остановился. Она смотрела на него со странным выражением, не приглашающим и не отвергающим. Барч глубоко вздохнул: «Прощай, Эллен».

«Прощай, Рой».

Барч подбежал к вертолету, вскочил в кабину. Пилот перелистывал какой-то журнал.

«Поехали!» — сказал Барч.

Пилот лениво потянулся: «Вы уже закончили?»

«Закончил? — пробормотал Барч. — В жизни ничто не кончается, пока не кончается жизнь».

«Мне ваша философия не под силу», — признался пилот.

«Поехали!» — сухо вато повторил Барч.

Пилот взглянул на террасу: «Ваша золотистая знакомая хочет еще что-то сказать».

Барч медленно спустился из кабины. Комейтк-Лелианр тяжело дышала, ее губы плотно сжались и побледнели.

«В чем дело?»

«Я не хочу, чтобы ты уезжал».

«Но...»

«Рой, я готова рискнуть. Готова, если ты не против».

Он не стал притворяться, что не понимает: «Риск велик. Ты станешь чужой среди чужих».

«Может быть — а может быть и нет... Ты боишься?»

Барч смотрел на нее несколько долгих секунд. Внутри у него что-то сломалось, что-то потеплело: «Нет. Не боюсь».

Об авторе

Джек (Джон Холбрук) Вэнс (родился 28 августа 1916 г. в Сан-Франциско, умер 26 мая 2013 г. в Окленде) — знаменитый американский писатель, автор множества романов и рассказов в научно-фантастическом и фантазийном жанрах, а также детективных повестей. Большинство его произведений публиковалось под именем «Джек Вэнс», хотя он пользовался и другими псевдонимами. Новеллы и рассказы Вэнса посвящены самым различным научно-фантастическим идеям, но писатель уделял внимание, главным образом, загадочным явлениям и биологическим возможностям (экстрасенсорному восприятию, генетике, паразитам мозга, «переселению душ», другим измерениям, необычным культурам), а не технологическим изобретениям. К 1960-м годам Вэнс выбрал, в качестве места действия своих персонажей, подробно разработанную футуристическую Ойкумену — область Млечного пути, заселенную человеком в процессе космической экспансии. Все его последующие научно-фантастические сюжеты развиваются в более или менее строгом соответствии с условиями Ойкумены — объединенной лишь некоторыми общими представлениями о законности и цивилизации и постоянно расширяющейся федерации миров, каждый из которых отличается своей уникальной историей, своим уровнем развития и своей культурой. В пределах Ойкумены поддерживается относительная безопасность и, как правило, преобладает коммерция. Но за ее пределами, в Запределье, о безопасности во многих местах не может быть и речи.

Кларджес [Вечная жизнь, Эликсир жизни]

Кларджес, последний мегаполис Земли, простирался на пятьдесят километров вдоль северного берега реки Чант — там, где она только начинала превращаться в широкую дельту.

В древнем Кларджесе нередко встречались сооружения, монументы, усадьбы, выдавшие виды таверны, причалы и склады двух- или даже трехтысячелетнего возраста. Граждане Предела высоко ценили эти напоминания о прошлом, бессознательно приносившие им успокоение, внушавшие мистическое ощущение отождествления с непрерывностью бытия. Тем не менее, единственная в своем роде система свободного предпринимательства, в условиях которой они жили, побуждала их к изобретательности. Таким образом, Кларджес представлял собой любопытное хаотическое сочетание седой старины и дерзкой новизны, а его обитатели — как в этом, так и в других отношениях — испытывали постоянные напряжения, вызванные непоследовательностью и даже несовместимостью их эмоций.

Ни один город никогда не мог сравниться с Кларджесом величию и мрачной красотой. Башни Мерцанта возвышались, как гигантские кристаллы турмалина, утопая вершинами в плывущих облаках. Их окружали огромные торговые центры, театры и многоквартирные комплексы, а ничем не примечательные индустриальные окраины скрывались за горизонтом. Самые престижные жилые районы — Баллиасс, Эрдистон, Вандун, Храмовый Сонм — расположились на склонах холмов к северу и к югу от центра, откуда открывались прекрасные виды на реку. В Кларджесе все было в движении, все пульсировало жизненной энергией, стремлением к новым достижениям. Миллионы окон блестели в солнечных лучах, бульвары наполнились потоками машин, стаи летательных аппаратов сновали по воздушным проспектам. Мужчины и женщины ходили по улицам бодро и целенаправленно, не теряя времени.

За рекой находилось Разводье — плоская, серовато-бурая пустошь, необжитая и бесполезная, где ничто не росло, кроме скрюченных низкорослых ив и красновато-желтого тростника. Разводью вообще незачем было бы существовать, если бы не тот факт, что двести пятьдесят гектаров этой пустоши занимал Карневал.

На гнетущем фоне Разводья Карневал пламенел подобно цветку на отвале шлака. На его двухстах пятидесяти гектарах сосредоточилось разнообразие разноцветных огней и полотнищ, пышных зрелищ и процессов, изумительных изобретений и приспособлений — развлекавших, потрясавших воображение, приносивших покой и облегчение.

Собственно в городе распорядок жизни определялся деловой активностью. Но Карневал существовал в своем, особом ритме. Утром здесь царила тишина. В полдень можно было слышать шуршание и гудение уборочных и моечных машин, но лишь изредка — шаги случайного прохожего. После полудня Карневал мало-помалу просыпался, содрогаясь и прихорашиваясь, как бабочка, появившаяся из куколки. С заходом солнца наступало кратковременное затишье, тут же сменявшееся безудержной волной эмоций и наслаждений, превосходивших всякое представление о самозабвении.

По периферии Карневала мчались пассажирские «кометы» фирмы «Гранд-Пиротек»: «Санграль Раблун», «Золотая Глориана», «Таинственный изумруд», «Меланхтон» и «Ультралазурь» — каждая особой окраски, каждая с огненным хвостом особого оттенка. Павильоны переливались призматическими отражениями, с пагод ниспадали огненные каскады, воздух искрился мириадами искусственных светлячков. По широким проспектам,

по бульварам и аллеям теснилась непрерывными встречными потоками толпа. С грохотом механических аттракционов, шипящим ревом проносившихся над головой «комет», выкриками зазывал и барышников, переборами струн лютен и цитр, хриловатыми арпеджио аккордеонов, колокольным перезвоном зовелл, жалобными напевами лемурук и блестящими пассажами эктринов смешивались шуршание сотен тысяч подошв, гул возбужденного бормотания, испуганные, удивленные и радостные восклицания.

С наступлением ночи опьянение Карневала становилось вещью в себе. Празднующие во всевозможных костюмах, масках и головных уборах проталкивались сквозь шумовую завесу гудков, песен и наигрышей, вдыхая душистые туманы и облачка ароматизированной пудры. Диктуемые сдержанностью условности превращались в хрупкие препоны, преодолеваемые с наслаждением; все странное и необычное привлекало пристальное внимание, ощущения обострялись и нагнетались до головокружения и пароксизмов, испытывались границы интенсивности и спектра человеческого восприятия.

В полночь буйство Карневала достигало кульминации. Стыдливость больше не существовала, добродетель и порок не имели значения. Безудержный смех то и дело сменялся исступленными рыданиями, но эти приступы быстро проходили, будучи не более чем проявлениями психического оргазма. Мало-помалу ночь тускнела и мрачнела, уверенный энтузиазм толпы истощался, беспорядочное движение замедлялось, под ногами валялись маски, сорванные людьми в растрепанных нарядах. Сонливые, обессиленные, ошалевшие мужчины и женщины спускались, пошатываясь, на платформы скоростного подземного транспорта, развозившие их по домам — одних в Баллиасс, других в Ослиную слободу, одних в усадьбы, других в однокомнатные квартиры. Карневал посещали представители всех пяти фил — расплода, дебютантов, аспирантов, кандидатов и амарантов — а также, разумеется, гларки. Здесь, в Карневале, они смешивались без расчета, без зависти, чтобы забыть о заботах и огорчениях, чтобы разрядить повседневное напряжение соревнования. Здесь они тратили деньги и — что гораздо важнее денег — драгоценные мгновения своей жизни. **2**

Человек в бронзовой маске стоял в будке перед Дворцом Жизни и зазывал толпу. Вокруг его головы порхали искусственные светлячки в форме символов вечности; над ним красовалось изображение идеального графика жизни — яркая линия, плавной половиной параболы устремлявшаяся ввысь через уровни пяти фил.

Человек в бронзовой маске говорил с тревожной настойчивостью: «Друзья мои! Какого бы уровня вы ни достигли, выслушайте меня! Неужели ваша жизнь не стоит одного флорина? Суждены ли вам бесчисленные годы? Войдите во Дворец Жизни! Вы благословите дидактора Монкюра и его непревзойденные методы!»

Зазывала прикоснулся к переключателю; из скрытого источника послышался низкий голос, хриловатый и пульсирующий — мало-помалу голос становился все выше, все напряженнее: «Подъем! Подъем! Придите во Дворец Жизни и поднимайтесь, фила за филой! Дидактор Монкюр проанализирует ваше будущее! Вы узнаете, в чем заключается его знаменитая методика! Всего лишь один флорин — за вход во Дворец Жизни!»

Странный голос повышался октава за октавой, внушая нарастающее ощущение беспокойства и неустойчивости, пока не превратился в визгливый писк, исчезнувший за

пределами слышимости. Человек в будке, напротив, говорил успокаивающим тоном; если исходивший ниоткуда истерический голос напоминал о противоречивых напряжениях настоящего, зазывала и его слова убеждали в надежности грядущего, в способности человека контролировать свою судьбу:

«У каждого есть мозг — практически такой же, как у любого другого. Почему же тогда одни из нас остаются в расплоде, тогда как другие становятся дебютантами, а иные — аспирантами, кандидатами и амарантами?»

Зазывала наклонился вперед, словно готовый поделиться потрясающим откровением: «Секрет жизни — в методике подъема! Дидактор Монкюр обучит вас своим методам! Неужели вы упустите шанс приобрести вечность за один флорин? Заходите же! Посетите Дворец Жизни!»

Многие прохожие платили флорин; временами у входа собиралась даже небольшая толпа желающих опередить друг друга. В конце концов зал Дворца Жизни заполнился.

Человек в бронзовой маске спустился из будки. Чья-то рука взяла его за предплечье. Он яростно развернулся — так резко, что прикоснувшийся к нему человек отскочил.

«Кудеяр, ты меня напугал! Это я, Базиль!»

«Да-да, что тебе нужно?» — сухо отозвался Гэйвин Кудеяр. Низкорослый толстяк, Базиль Тинкуп напялил костюм сказочной птицы — в том числе жилет из зеленых искусственных листьев с металлическим отливом. Ноги его были покрыты красной и серой чешуей, а лицо окаймляли, как лепестки цветка, черные перья. Даже если Тинкуп заметил недружелюбную реакцию Кудеяра, он предпочел игнорировать это обстоятельство.

«Я ожидал, что ты со мной свяжешься, — пожаловался Базиль Тинкуп. — Мне казалось, что во время нашей последней беседы мне удалось тебя убедить...»

Кудеяр покачал головой: «Мне не подойдет такая профессия».

«Но подумай о будущем! — возразил Тинкуп. — Неужели ты не видишь противоречия в том, что ты призываешь других прилагать все возможные усилия, а сам остаешься гларком?»^[1]

Кудеяр пожал плечами: «Всему свое время».

«Всему свое время? Незаменимые годы проходят безвозвратно, а ты даже не начал подниматься!»

«У каждого свои планы. Я готовлюсь».

«Ты готовишься, пока другие продвигаются! Не слишком эффективная стратегия, Гэйвин».

«Позволь мне открыть тебе тайну, — сказал Кудеяр. — С тем условием, конечно, что ты никому об этом не расскажешь».

«Разве я не доказал свою надежность? — обиделся Базиль Тинкуп. — Уже семь лет...»

«Семь лет исполнится через месяц. Через месяц я зарегистрируюсь в расплоде».

«Рад слышать! Пойдем, опрокинем по бокалу, чтобы отпраздновать твой успех!»

«Я должен сторожить будку».

Базиль покачал головой, каковое усилие заставило его покачнуться — он очевидно успел изрядно нализаться: «Гэйвин, я тебя не понимаю. Прошло семь лет, а теперь...»

«Прошло *почти* семь лет».

Базиль Тинкуп несколько раз моргнул: «На месяц больше, на месяц меньше — какая разница? Все равно я тебя никак не пойму».

«Каждый человек — загадка. На самом деле я предельно прост. Если бы ты знал меня

лучше, ты сразу в этом убедился бы».

Базиль пропустил последнее замечание мимо ушей: «Заходи ко мне в Баллиасский паллиаторий». Он наклонился поближе к Кудеяру — торчавшие вокруг его физиономии перья прикоснулись к бронзовой маске. «Я пробую несколько новых, практически еще никому не известных методов, — доверительно понизив голос, сообщил Базиль. — Если все получится, нам обоим обеспечено существенное продвижение. Я у тебя в долгу и хотел бы, по меньшей мере в какой-то степени, отдать свой долг».

Кудеяр рассмеялся — бронзовая маска придавала его смеху раскатистую гулкость: «О каком долге может быть речь, Базиль?»

«Нет уж, не скажи! — взволновался Тинкуп. — Если бы не твое вмешательство, где бы я был сегодня? Все еще на палубе «Ампродекса»!»

Кудеяр пренебрежительно отмахнулся. Семь лет тому назад он и Базиль работали матросами на борту баржи-фруктовоза под наименованием «Ампродекс». Капитан судна, Геспер Уэллси, грузный человек с пышными черными усами, отличался носорожьим нравом. Уэллси был дебютантом, но никакие усилия, сколько он ни старался, не помогали ему проникнуть в филу аспирантов. Десять лет продления жизни, полагавшиеся ему как дебютанту, нисколько его не радовали — напротив, он испытывал по этому поводу ярость унижения. В один прекрасный день, когда его баржа заходила в эстуарий Чанта и в дымке горизонта уже виднелись башни Мерцанта, Геспер Уэллси поддался приступу катто.^[2] Схватив пожарный топор, капитан разрубил голову судового механика, разбил иллюминаторы кубрика и поспешил к отсеку реактора, намереваясь высадить закрытую на шифрованный замок дверь и расплющить замедлитель, чтобы его постылую баржу разнесло взрывом на тридцать километров по всей округе.

Никто не мог остановить безумца. Потрясенная убийством команда сгрудилась как можно дальше от Уэллси, на подзоре кормы. Сжимая стучавшие от страха зубы, Кудеяр двинулся вперед, надеясь улучшить момент и наброситься капитану на спину, но при виде окровавленного топора ноги отказались служить ему. Схватившись за поручень, Кудеяр видел, как Базиль Тинкуп, работавший в трюме, поднялся на палубу, посмотрел по сторонам и направился к капитану — тот замахнулся топором. Базиль отскочил. Уэллси бешено рубил воздух. Базиль ловко уворачивался, пригибаясь и перебегая с места на место — и в то же время пытался успокоить капитана чем-то вроде вежливого отвлекающего разговора. Будучи неспособен снести Базилю голову, Уэллси перешел из маниакального в кататоническое состояние и свалился без чувств на палубу, выронив топор.

Кудеяр подбежал к застывшему в столбняке телу капитана и повернулся к Базилю: «Как это у тебя получилось? Ты сотворил чудо!» Облегченно рассмеявшись, он прибавил: «Ты быстро продвинешься в паллиатории!»

Базиль сомневался: «Ты не шутишь?»

«Ни в коем случае!»

Вздохнув, Базиль покачал головой: «У меня нет никакого опыта».

«Тебе не нужен опыт, — утверждал Кудеяр. — Все, что требуется — проворство и выдержка. Они будут за тобой гоняться, пока не выдохнутся. Поверь мне, Базиль Тинкуп, тебе предстоит блестящая карьера!»

Базиль все еще не верил в себя: «Хотелось бы надеяться...»

«Попробуй! Попытка — не пытка».

Базиль попробовал — и через пять лет стал дебютантом. Теперь он испытывал к

Кудеяру безграничную благодарность. Прощаясь с зазывалой в бронзовой маске перед входом в Дворец Жизни, Базиль хлопнул его по спине: «Заходи ко мне в паллиаторий! В конце концов, я нынче — ассистент психопатолога. Мы что-нибудь придумаем, чтобы ты сразу приступил к подъему. Великих свершений поначалу ожидать не придется, конечно, но ты быстро приобретешь необходимые навыки».

Кудеяр снова рассмеялся, на этот раз иронически: «Служить мальчиком для битья в лечебнице для маньяков? Нет, это не для меня, Базиль». Он вернулся в будку, расталкивая летучие символы вечности, и принялся зазывать прохожих голосом звенящим, как труба: «Поднимайтесь круче и быстрее! Дидактору Монкюру известна тайна продления жизни! Прочтите его трактаты! Применяйте его тонизирующие препараты! Пройдите его курс подготовки! Подъем, подъем, подъем!» 3

В те времена слову «подъем» придавалось особое значение. «Подъемом» называли продвижение человека из одной филы в другую; «кривая подъема» прослеживала его прошлое и позволяла предсказать время его кончины. Строго говоря, «подъем» определялся как крутизна или угол наклона производной графика карьеры человека, отражавшей соотношение его достижений и его возраста.

Основой существовавшей системы служил действовавший уже триста лет закон «О справедливом соревновании», проведенный в эпоху Мальтузианской смуты. Неизбежность такого закона в будущем была очевидна еще со времен Левенгука и Пастера — по сути дела, он являлся логическим следствием характера развития всей истории человечества. По мере того, как болезни и вырождение сводились к минимуму благодаря все более эффективному медицинскому вмешательству, численность населения Земли увеличивалась все быстрее, удваиваясь каждые несколько лет. Если бы этот процесс продолжался непрерывно, через три столетия человеческие тела должны были покрыть всю поверхность планеты слоем толщиной в тридцать пять метров.

В принципе существовали различные способы решения этой проблемы: принудительный контроль рождаемости, крупномасштабное производство синтетических и пелагических пищевых продуктов, реclamation пустынь и болот, эвтаназия для дебилов и дегенератов. Но в мире, где люди руководствуются тысячами различных несовместимых и непримиримых представлений о жизни, практическое применение теорий невозможно. Как только в Институте Всемирного Союза разработали и усовершенствовали методы окончательного и бесповоротного предотвращения старения, начались первые беспорядки. Наступила эпоха Мальтузианской смуты, то есть, в просторечии, Великого Голода.

Мятежи вспыхнули по всему миру, набеги в поисках съестного превратились в настоящие войны местного масштаба. Города грабили и жгли, голодные толпы бежали в поля и леса, где еще можно было найти какую-то провизию. Слабые не выживали — трупов становилось больше, чем живых.

Волна насилия схлынула на фоне всеобщего опустошения. Обескровленный мир лишился трех четвертей населения. Расы и национальности смешались, политические барьеры исчезли, но затем возродились там, где сохранились экономические структуры.

Один из таких регионов, Предел Кларджеса, пострадавший меньше других, стал

оплотом цивилизации. В силу необходимости его границы были закрыты. Одичавшие банды атаковали электрические баррикады Кларджеса, надеясь преодолеть их благодаря внезапности или решительности натиска. В результате по периметру Предела по земле валялись сотни обугленных трупов.

Так возникло мифическое представление о бездушной жестокости обитателей Предела; в каждом племени кочевников каждый ребенок впитывал ненависть к Кларджесу с молоком матери.

В Кларджесе находились учреждения Института бывшего Всемирного Союза, и в них все еще проводились исследования. Ходили слухи о том, что члены Института умели продлевать себе жизнь. Слухи эти не совсем соответствовали действительности. Действительность заключалась в том, что исследователи из Института разработали методы, позволявшие им жить вечно.

Когда этот факт стал достоянием гласности, граждане Кларджеса разгневались не на шутку. Неужели уроки Великого Голода были забыты так скоро? Проводили яростные демонстрации протеста, составляли сотни заговоров, выдвигали сотни противоречивых предложений. В конце концов был подготовлен и неохотно утвержден законопроект «О справедливом соревновании». По существу, новая система общественного устройства вознаграждала полезные достижения продлением жизни на срок, пропорциональный значению таких достижений.

Законом предусматривались пять уровней вознаграждения, то есть пять «фил»: исходная, первая, вторая, третья, четвертая и пятая. Со временем исходную филу прозвали «расплodom», вторую — «дебютантами», третью — «аспирантами», а четвертую — «кандидатами». Когда первоначальная группа исследователей из Института Всемирного Союза учредила «Общество Амарантов», высшую пятую филу окрестили «амарантами».

Законом «О справедливом соревновании» тщательно определялись условия продвижения из одной филы в следующую. Рождение ребенка не давало ему никакого наследственного права на принадлежность к той или иной филе. В любое время по достижении шестнадцатилетнего возраста человек мог зарегистрироваться в исходной филе «расплoda» — и тем самым принять на себя обязательство соблюдать положения закона «О справедливом соревновании».

Отказ от регистрации никак не наказывался; «отказнику» предоставлялась возможность жить и умереть естественной смертью, не проходя курсы омоложения, разработанные Институтом Всемирного Союза. Средняя продолжительность естественной жизни составляла 82 года. Таких людей называли «гларками», и в Кларджесе они не пользовались практически никаким престижем.

По закону «О справедливом соревновании» продолжительность жизни «расплoda» приравнивалась средней продолжительности жизни «отказников», то есть примерно 82 годам. Продвинувшись в филу «дебютантов», человек проходил в Институте курс омоложения организма, продлевавший жизнь на десять лет. Достигнув третьей филы, он поощрялся еще шестнадцатью годами жизни. «Кандидат» омолаживался дополнительно на двадцать лет. Только проникнув в немногочисленную элитарную филу амарантов, кандидат получал высшую награду.

В те времена в Кларджесе проживали двадцать миллионов человек, а максимальная приемлемая численность населения оценивалась на уровне двадцати пяти миллионов. Разумеется, горожан становилось все больше, и допустимый предел был достигнут очень

скоро. Возникла пренеприятнейшая проблема: когда представитель той или иной филы доживал до конца положенного ему срока, что надлежало с ним делать? Эмиграция рассматривалась как сомнительный выход из положения. Кларджес ненавидели во всем мире; сделать шаг за границу Предела было равнозначно самоубийству. Тем не менее, с целью изучения проблемы был назначен государственный секретарь по вопросам эмиграции.

Секретарь по вопросам эмиграции представил доклад на очередном заседании Пританеона, в исключительно напряженной атмосфере.

Более или менее варварское подобие упорядоченного общественного устройства поддерживалось на Земле в пяти регионах: на Кюпре, на полуострове Су-Вантр,^[3] в Гондванской империи, в Сингалиене и в Новом Риме. Во всех этих областях иммиграция была запрещена или допускалась исключительно на основе обмена одинаковыми количествами мигрантов, что делало рассмотрение такого варианта практически бессмысленным.

Предел мог расширять свою территорию посредством аннексии окружающих земель вооруженными силами — до тех пор, пока вся планета не оказалась бы под управлением Кларджеса. В таком случае необходимость решения проблемы перенаселения только откладывалась, но сама проблема не решалась.

Пританеон выслушал доклад в мрачном молчании и внес в закон «О справедливом соревновании» соответствующие поправки. Государственному секретарю по вопросам эмиграции было поручено приводить рост народонаселения в соответствие с целями, предусмотренными законом. Другими словами, Эмиграционный секретариат был уполномочен исключать из числа обитателей Предела любого человека, достигшего положенного ему по закону максимального возраста.

Поправки были приняты не без недобрых предчувствий. Некоторые считали новое положение вещей безнравственным, но другие указывали на очевидные опасности, связанные с перенаселением. Они подчеркивали то обстоятельство, что каждый человек принимал решение самостоятельно: предстояло ли ему умереть естественной смертью или подчиниться постановлениям правительства, надеясь продвинуться до высшей филы за оставшиеся годы жизни. Принимая второе решение, он тем самым заключал безотзывный договор и в конце своей жизни не лишался ничего, что принадлежало бы ему безусловно. Он ничего не терял — и в то же время получал шанс на приобретение самого драгоценного сокровища, доступного воображению.

Закон «О справедливом соревновании» вступил в силу вместе с поправками. В «соревновании» участвовало подавляющее большинство населения. Достижение статуса «дебютанта» не было сопряжено с существенными трудностями, особенно в молодости. Достаточно было вести себя ответственно, участвовать в общественных мероприятиях и демонстрировать высокую производительность на рабочем месте. Продвинуться в следующую филу было уже не так просто, но возможно для любого целеустремленного человека, обладавшего достаточными способностями. Стимулируемые ограничениями и перспективами новой системы, такие люди нередко заявляли о себе и добивались успеха. В результате в Кларджесе наступил Золотой Век. Науки, искусства и технические изобретения — всевозможные знания и навыки — развивались и достигали неслыханных прежде рубежей.

Шли годы, и в закон «О справедливом соревновании» вносили дополнительные

изменения. Теперь срок жизни, назначаемый представителям той или иной филы, определялся с учетом переменных параметров — таких, как ежегодный объем производства, число граждан, получивших право на прохождение того или иного курса омоложения, пропорциональное соотношение численности гларков и общего народонаселения и тому подобных соображений.

С тем, чтобы предусмотренная законом формула могла применяться на основе анализа характеристик каждого индивидуального гражданина, соорудили гигантский вычислительный центр, так называемый «Актуарий». В Актуарии не только рассчитывались и регистрировались данные: в нем распечатывался, по запросу, «график жизни» любого человека, позволявший подателю запроса проверять крутизну подъема линии своей жизни, а также степень ее приближения к горизонтальной границе следующей филы или к терминатору — вертикальной границе существования.

Когда линия жизни пересекала терминатор, секретарь по вопросам эмиграции и его помощники-палачи выполняли мрачные обязанности, возложенные на них законом. Это был безжалостный, но упорядоченный и неизбежный процесс.

Система была не лишена недостатков. Творчески мыслящие люди стремились теперь работать в областях, непосредственная полезность которых демонстрировалась на практике, избегая направлений, не суливших скорейшего признания и повышения профессиональной репутации. В том, что касалось изящных искусств, преобладали академические стандарты; бунтарские, фантастические и абсурдные вещи — а также, по большей части, произведения мрачные и трагические — стали прерогативой гларков.

Конечно же, необходимость карабкаться по иерархической лестнице фил сопровождалась тревогой и разочарованиями; паллиатории переполнялись теми, кто предпочитал небытие непрерывному приложению усилий.

По мере того, как одно поколение сменялось другим, эмоциональная неизбежность «подъема» стала преобладать в представлении обитателей Предела над любыми другими целями и побуждениями. Каждый час сознательного существования был посвящен работе, планированию дальнейшей работы или изучению методов, способствовавших достижению успеха. Непрофессиональные увлечения и атлетические амбиции встречались редко, многолюдные собрания потеряли популярность. В отсутствие «предохранительного клапана», позволявшего разрядить напряжение, мало кому из рядовых граждан Кларджеса удалось бы избежать нервного срыва и заключения в паллиаторий. Таким предохранительным клапаном служил Карневал. Горожанин посещал Карневал примерно два раза в месяц, причем существенной частью его гардероба был карнавальный костюм, а у многих были несколько таких костюмов. В Карневале обычный человек, мысли которого были вечно заняты работой, мог найти отдохновение, мог удовлетворить любую подавленную страсть, забыть о любых неудачах и огорчениях.

В Карневале время от времени развлекались, в великолепных нарядах, даже амаранты. Скрываясь под анонимными масками, здесь они могли игнорировать условности, обременявшие их в связи с высоким общественным положением.

Джасинта Мартин, удостоенная звания амаранты три года тому назад и завершившая эмпатическое затворничество всего лишь две недели тому назад, решила посетить Карневал.

Джасинта трижды пыталась вырваться из расплода — сначала в качестве специалиста по средневековой оркестровке (ее переложения музыкальных произведений для ансамблей

древних инструментов пользовались популярностью среди эстетов), затем как исполнительница виртуозных концертных пьес для флейты и, наконец, будучи автором критических статей, посвященных современной музыке. Три раза линия ее жизни круто устремлялась вверх, после чего теряла первоначальный наклон и, поникнув, снова приближалась к горизонтали.

В возрасте сорока восьми лет Джасинта смело расширила сферу своей деятельности, занявшись общей историей развития музыки. Угол ее подъема решительно возрос, и она пробилась наконец в филу дебютантов, когда ей исполнились пятьдесят четыре года. (Таков был с тех пор ее «статический возраст» до тех пор, пока ей не удалось бы приобщиться к сонму бессмертных — или до тех пор, пока у ее двери не остановился бы черный лимузин Секретариата.)

Джасинта опубликовала отчет о результатах специализированного анализа современной музыки на основе оригинальной теории истолкования акустической символики. Ее работа заслужила столько похвал, что в возрасте шестидесяти семи лет она стала аспиранткой.

Она заняла должность адъюнкт-профессора теории музыки в Чартербургском университете, но уже через четыре года сложила с себя профессорские полномочия, чтобы приступить к сочинению музыки. Эмоционально напряженная оркестровая сюита «Древний Грааль», откровенно выражавшая ее страстное стремление освободиться от оков повседневности, позволила Джасинте вознестись до уровня кандидатки в возрасте девяноста двух лет. Теперь у нее оставались еще примерно тридцать лет для того, чтобы войти в почти недостижимый круг амарантов, и она посвятила один год жизни размышлениям, отдыху и поиску новых побуждений.

Ее всегда интересовала утонченная культура королевства Сингалиен и, несмотря на очевидно непреодолимые препятствия и опасности, она решила провести «отпускной год» среди островитян-сингали.

Джасинта тщательно готовилась, изучая язык, обычаи и ритуальные позы сингалезов. Она приобрела традиционную сингалезскую одежду и придала своей коже смуглый оттенок. Для нее изготовили особый аэромобиль с автономным источником энергии (обычные воздушные транспортные средства в Кларджесе потребляли энергию стационарных передатчиков и не могли вылетать за границы Предела дальше, чем на несколько километров). Закончив приготовления, она покинула Кларджес, чтобы поселиться среди варваров, почти ежеминутно подвергаясь смертельному риску.

В Кандесте она притворилась колдуньей-знахаркой, прибывшей с дальних островов, и, благодаря нескольким химическим, медицинским и технологическим трюкам, вскоре заслужила завидную репутацию. Высокопоставленный сановник из Гондваны предложил ей пропуск, гарантировавший безопасный проезд в его пиратскую империю, и она с готовностью приняла этот дар. Запланированный заграничный отпуск подходил к концу, но Джасинту заморозили гондванские художники и музыканты, отождествлявшие творческие способности с жизненной силой, и она провела за рубежом еще четыре года. Многие аспекты гондванской жизни вызывали у нее отвращение — в частности, полное отсутствие сочувствия к человеческим страданиям. Будучи восприимчивой к переживаниям других, эмоционально чувствительной женщиной, на всем протяжении своего пребывания за пределами Кларджеса Джасинте приходилось бороться с приступами тошнотворного ужаса. В Тонпенге она наивно согласилась наблюдать за церемониями у подножия Великой Ступы — и то, что она там увидела, превысило возможности ее нервной системы. В приступе

безудержного отвращения она покинула Гондвану и вернулась в Кларджес в состоянии шока. Шесть месяцев упорядоченной и безопасной жизни в Пределе позволили ей восстановить душевное равновесие, и следующие несколько лет оказались самым продуктивным периодом ее жизни. Джасинта опубликовала «Обзор гондванских искусств» и ряд кинематографических эссе, посвященных различным аспектам варварских цивилизаций — гондванской музыке, подводным коралловым садам, цветущим под присмотром сингалезских рабов, пламенеющим парусам гондванских «тигровых галер», украшенным сложнейшими орнаментами из почти микроскопических элементов, танцам на вершине горы Валакунаи, которым не суждено было остановиться, откуда не остановилось движение Солнца, Луны и звезд.

В возрасте ста четырех лет ее приняли в сонм амарантов; отныне ее надлежало величать «амарантой Джасинты Мартин».

Она удалилась в затворническую келью Института как гусеница, замкнувшаяся в куколке — и преобразилась, появившись на свет в облике возвышенно-прекрасной девятнадцатилетней девушки, более или менее напоминавшей внешне ту Джасинту Мартин, какой она была в девятнадцать лет.

Новая Джасинта в самом деле была девятнадцатилетней девушкой, а не омоложенной столетней старухой. Да, она знала все, что знала бывшая Джасинта, сохранила ее воспоминания и особенности ее личности — несмотря на то, что хорошо знающий ее человек без труда заметил бы некоторые пробелы и упущения. Тем не менее, новая Джасинта была только собой и больше никем. Все черты ее характера она унаследовала от бывшей Джасинты, но акценты сместились в ней так, что она стала совершенно новым человеком, не потеряв ничего из своей прежней жизни.

Амаранта Джасинты Мартин, девятнадцати лет от роду, обитала в грациозном взволнованном теле весьма привлекательной формы. Ей на плечи спускались пепельно-светлые волосы, гладкие и яркие. Выражение ее лица, живого и открытого, нельзя было назвать полностью бесхитростным. Придерживаясь традиции сравнения женской красоты с тем или иным цветком, амаранту Джасинты можно было бы уподобить имбирной лилии.

В годы напряженного подъема на пирамиду фил ее сексуальный опыт был ущербным и беспорядочным. Она никогда не выходила замуж, но сохраняла в этом отношении вполне разумный взгляд на вещи — когда с наступлением вечера она облачилась в гибкую и гладкую, как вторая кожа, серебристую пленку, она руководствовалась не только торжествующими инстинктами молодого здорового тела, но и психическим возбуждением, которое охватывало большинство новоиспеченных амарантов и заставляло их забыть на какое-то время о всякой сдержанности. Она приехала в Карневал без сознательного намерения или плана, не мучимая какими-либо опасениями или предчувствиями возможной вины.

Джасинта запарковала аэромобиль, быстро спустилась на диске по прозрачной трубе и вышла на Конкорс — обширный проспект в средоточии Карневала.

Там она остановилась, замороженная суматохой звуков и цветов — духом Карневала.

Усыпанные блестками головные уборы, яркие костюмы в полоску, хриплые голоса, колокольный перезвон и отрывки музыки, приглушенный рев механизмов, исходящий словно ниоткуда, повсеместный слабый запах человеческого пота, глаза, бегающие в отверстиях масок, как ошалевшие насекомые, рты — розовые и пурпурные лилии, ежесекундно готовые раскрыться, чтобы звать, смеяться и язвительно шутить, руки и ноги,

изогнутые в нелепых позах, случайно пришедшие в голову шалости и дурачества, эротические ласки украдкой и покачивания прижимающихся тел, трепетание тканей, шуршание ботинок и сандалий, светящиеся разноцветные надписи и мигающие образами экраны, плывущие в воздухе рекламные светлячки и голографические символы: Карневал! Амаранте Джасинты оставалось только смешаться и слиться с потоком празднующих, раствориться в столпотворении Карневала...

Она пересекла Конкорс, повернула к Меньшему Овалу мимо «Павильона невероятных безумств» и прошлась по Бульвару Аркад, рассматривая все вокруг с пристальным вниманием непривычно интенсивного восприятия. Цвета звенели у нее в глазах, как удары гонга. Она различала обертоны — сладостные, диковатые, вульгарные — в звуках, которые раньше показались бы ей ничем не примечательными. Она шла мимо арен и цирков шапито, где ей могли показать любые уродства и шутки природы, мимо Храма Истины, Голубого Грота, Лабиринта и Эротического Колледжа, где мужчины и женщины с телами акробатов и суровыми лицами демонстрировали разнообразные экзотические приемы совокупления.

Над головой плыли, покачиваясь, сотни орнаментальных и текстовых светящихся вывесок, в том числе вывеска Дворца Жизни. Стоявший в будке человек в бронзовой маске зазывал прохожих мощным, звенящим голосом. Почему-то в уме Джасинты возникло неприятное воспоминание о церемонии под Великой Ступой в Тонпенге — о том, как дьявольски красивый верховный жрец наставлял стонущую толпу новообращенных.

Амаранта Джасинты заинтересовалась и остановилась, чтобы послушать.

«Друзья мои! Какова крутизна вашего подъема? — восклицал Кудеяр. — Заходите во Дворец Жизни! Дидактор Бонзель Монкюр поможет вам, если вы ему позволите! Из расплода в дебютанты, из дебютантов в аспиранты, из аспирантов в кандидаты и, наконец, из кандидатов в амаранты! Зачем экономить считанные часы, если дидактор Монкюр подарит вам годы? Всего лишь один флорин, послушайте! Один флорин! Неужели вам жалко заплатить такую ничтожную цену за вечную жизнь?» Голос зазывалы резал слух, как бронзовый серп: «Поднимайтесь, все выше и все круче! Научитесь самогипнозу, улучшающему память! Закрепите навсегда полезнейшие навыки, обратитесь лицом к судьбе, полные надежд! Всего лишь один флорин за то, чтобы войти в чудесный Дворец Жизни дидактора Монкюра!»

Перед будкой собралась плотная группа слушателей. Кудеяр указал пальцем на одного из них: «Ты! Да — ты, аспирант! Почему не хочешь стать кандидатом?»

«Только не я. Я все еще в расплоде, починаю грузовые платформы».

«Ты выглядишь, как аспирант, тебе место в филе аспирантов. Попробуй режим, прописанный дидактором Монкюром — и через десять недель ты сможешь навсегда распрощаться со своим палачом... А ты?! — Кудеяр указал на женщину средних лет. — Что будет с твоими детьми, уважаемая?»

«Резвые щенки меня уже опередили!» — выкрикнула женщина и весело расхохоталась.

«У тебя есть шанс их обогнать! Не меньше сорока двух нынешних амарантов обязаны своим продвижением дидактору Монкюру». Зазывала заметил девушку в блестящей серебристой оболочке: «А ты, юная красавица? Неужели тебе не хочется обрести вечность?»

«Меня это не интересует», — рассмеялась амаранта Джасинты.

Кудеяр развел руками, изображая комическое потрясение: «Как так? Почему же?»

«Может быть потому, что меня вполне устраивает судьба гларков».

«Сегодня в твоей жизни может произойти бесповоротный перелом. Заплати один

флорин — возможно, тебе на самом деле уготована судьба амаранты. А затем, когда, родившись заново, ты смахнешь с лица желтую пену и взглянешь на себя — такую, какой тебе предстоит остаться навсегда — ты вспомнишь обо мне и поблагодаришь дидактора Монкюра и его непревзойденные методы!» Цепочка голубых искусственных светлячков-восьмерок вылетела из Дворца Жизни и окружила голову зазывалы в бронзовой маске: «Заходи же, если хочешь встретиться с дидактором Монкюром сегодня вечером — осталось всего несколько минут! Один флорин — всего один флорин, и кривая твоей жизни устремится вверх!»

Кудеяр спрыгнул из будки на землю. Его смена кончилась, он был свободен: припозднившиеся посетители Карневала редко проявляли желание зайти во Дворец Жизни. Он поискал глазами в толпе. Одна из фигур блеснула серебром — это она! Нырнув в поток теснящихся зевак, Кудеяр догнал амаранту Джасинты.

Если даже она не ожидала увидеть его снова, серебристый блеск ее лица скрыл удивление. «Неужели дидактор Монкюр терпит такие убытки, что его зазывала вынужден гоняться за возможными клиентами, проталкиваясь через толпу?» — спросила она беззаботно-игривым тоном.

«В данный момент, — ответил Кудеяр, — я сам себе хозяин и могу делать все, что хочу, до завтрашнего заката».

«Ты знаешься с кандидатами и амарантами — зачем тебе понадобилась девушка из гларков?»

«Что за вопрос? — пожал плечами Кудеяр. — Ты красива и привлекательна. Разве ты сама это не понимаешь?»

«Почему бы еще я надела ничего не скрывающий наряд?»

«И ты пришла в Карневал одна?»

Она кивнула, покосившись на собеседника — но серебряная маска не позволяла как-либо истолковать ее взгляд.

«Если ты не возражаешь, я хотел бы тебя сопровождать».

«Что, если я решила набедокурить и подстрою тебе какую-нибудь каверзу?»

«Я готов взять на себя такой риск».

Они вышли по Бульвару Аркад на звездчатую Белларминскую площадь.

«Мы на перекрестке, — сказал Кудеяр. — Колофон ведет на Эспланату. Малый Конкурс возвращается к центральному Конкурсу. По Пьяченце можно дойти до Кольца, а за Кольцом — квартал Тысячи Воров. Куда ты хотела бы направиться?»

«Не знаю, мне все равно. Я сюда прилетела, чтобы гулять, смотреть вокруг, испытывать ощущения».

«В таком случае выбирать придется мне. Я здесь живу и работаю, но разбираюсь в Карневале, скорее всего, не лучше тебя».

Амаранта Джасинты заинтересовалась: «Ты живешь в Карневале?»

«У меня есть квартира в районе Тысячи Воров. Там живут многие служащие Карневала».

Она вопросительно подняла брови: «Значит, ты — бербар?»

«О нет! Бербары — каста изгоев. Я обычный человек, такой же гларк, как ты. Зарабатываю на жизнь, вот и все».

«И тебе все это никогда не надоедает?» — она обвела рукой веселящуюся толпу.

«Надоедает. Иногда до изнеможения».

«Тогда почему же ты здесь живешь? До Кларджеса можно доехать за несколько минут».

Кудеяр смотрел вперед невидящими глазами. «Я редко навещаю Кларджес, — пробормотал он так, будто разговаривал сам с собой. — Раз в неделю, не чаще...» Встрепенувшись, он прибавил: «Вот станция «Гранд-Пиротека»! Мы можем взглянуть на весь Карневал, не утруждая себя ходьбой».

Они прошли под пульсирующей светом, взрывающейся искрами аркой; движущаяся дорожка вознесла их на высокую платформу. Одна из «комет», «Ультралазурь», круто повернула, нырнула к платформе и остановилась. Вышли тридцать пассажиров. Тридцать человек, ожидавших на платформе, заняли места. Двери закрылись — «Ультралазурь» разогналась и унеслась ввысь, оставляя за собой хвост голубого пламени.

Сначала они летели низко, лавируя между пагодами и башнями, но затем стали подниматься все выше и выше, пока весь Карневал не простерся под ними, как призматическая снежинка; в конце концов «комета» вернулась на станцию. Взволнованная полетом, амаранта Джасинты Мартин возбужденно болтала, как ребенок.

«А теперь, — сказал Гэйвин Кудеяр, — снизойдем с небесных высот в глубины океана!» Он провел спутницу к другому portalу, ведущему вниз, в просторный темный вестибюль. Там они взошли на площадку с грибовидным основанием. Сверху опустился прозрачный пузырь, окруживший их со всех сторон. Площадка приподнялась, опустилась в канал и куда-то поплыла в непроглядном мраке. Они погрузились в подводный мир, пронизанный слабыми синими и зелеными лучами, и дрейфовали среди нагромождений разноцветных кораллов и водорослевых чащ. Рыбы подплывали, чтобы посмотреть на людей в пузыре, полипы протягивали лиловые, красные и розовые щупальца. Воздушный пузырь проплыл над огромным провалом — внизу ничего не было, кроме плотной, мутно-черной бездны.

Прозрачный шар поднялся на поверхность и открылся — они вернулись в суматоху Карневала.

Кудеяр протянул руку: «Вот Дворец Снов. Растянувшись на кушетке и закрыв глаза, там можно увидеть много странных вещей».

«Боюсь, я слишком взбудоражена, чтобы спать».

«А здесь — Дворец Далеких Миров, где можно пройти по настоящему грунту Марса и Венеры, прикоснуться ко мхам со спутников Юпитера и Сатурна, полюбоваться экзотическими ландшафтами других планет. Напротив, за Конкорсом — Дворец Откровений, забавное заведение».

Они зашли в Дворец Откровений и оказались в огромном помещении, где не было ничего, кроме нескольких плоских возвышений. На каждой платформе стоял оратор. Первый был серьезен, второй — возбужден, третий — разгневан, четвертый бился в истерике. Они кричали и спорили, обращаясь к небольшим группам слушателей, внимавших с любопытством или с почтением, с удивлением или с насмешливым презрением. Каждый из ораторов разъяснял сущность того или иного культа. Первый провозглашал себя Великим Маниту; второй обсуждал дионисийские мистерии; третий требовал, чтобы люди вернулись к поклонению стихийным силам; четвертый заявлял, что он — Мессия, и приказывал слушателям преклонить перед ним колени.

Кудеяр и амаранта Джасинты вернулись на улицу. «Смехотворное, трагическое зрелище, — заметила серебристая спутница Кудеяра. — Хорошо, что этим сумасшедшим предоставили трибуны, позволяющие им высвободить внутренние напряжения».

«Что еще можно найти в Карневале? Хм... видишь этих людей?» — Кудеяр указал на

мужчин и женщин, выходявших то вдвоем, то втроем из здания неподалеку. Одни, покрасневшие и возбужденные, нервно хихикали, другие побледнели от страха. «Они покидают Дворец Таинственных Потрясений. Потрясения эти трудно назвать таинственными, они общеизвестны. Идея заключается в угрозе... — тут Кудеяр задумался, подбирая подходящий термин для описания явления, любое упоминание о котором считалось в Кларджесе неприличным. — В угрозе трансформации. Короче говоря, они платят за то, чтобы их пугали. Их сбрасывают в пропасть, они с воплями падают метров на сто, после чего их подхватывает надувная подушка. После этого над ними опрокидывается котел с расплавленным металлом; в последний момент поток металла отклоняется — но проливается так близко, что они чувствуют обжигающий жар. Великан в черной униформе, в черной шляпе и в черной маске — символизирующий палача — ведет их в темную комнату и зажимает каждого из них в своего рода гильотине. Лезвие падает и останавливается только тогда, когда его край начинает вжиматься в шею любителя острых ощущений. После чего они выходят из подземелья — бледные, смеющиеся, испытавшие катарсис. Может быть, нам такое очищение окажется полезным — напоследок. Не знаю».

«Этот дворец не для меня, — сказала амаранта Джасинты. — Мне катарсис не требуется, мне чужды страхи этих людей».

«В самом деле? — Кудеяр разглядывал ее сквозь прорези в бронзовой маске. — Ты считаешь, что тебе слишком рано думать о таких вещах?»

Она рассмеялась: «Меня одолевают другие страхи».

«В Карневале найдутся потрясения на все случаи жизни. Ты боишься нищеты?»

Амаранта Джасинты пожалала плечами: «Не хотела бы жить так, как живут кочевники».

«Может быть, тебя заинтересует аттракцион «Помоги себе разбогатеть?»»

«Возможно — в этом что-то есть».

«Тогда пойдем!»

За вход в павильон «Помоги себе» брали десять флоринов. На Кудеяра и его спутницу надели сбруи из ремней с закрепленными сзади досками; на штырьках каждой доски висели девять бронзовых колец.

«Каждое кольцо стоит один флорин, — пояснил служитель. — Как только игрок заходит в коридоры павильона, он начинает красть кольца, висящие на спинах других игроков — столько, сколько сможет. Другие крадут его кольца. Когда все кольца игрока будут украдены, звучит зуммер. Игрока ведут к расчетной кассе, где ему выплачивают по флорину за каждое из похищенных им колец. Одни выигрывают, другие проигрывают. Ловкость, бдительность и коварство выгоднее прямолинейных попыток хватать все, что попадется. Успешный вор — смысленый вор. Желаю удачи!»

Коридоры павильона на поверку оказались лабиринтом из зеркал, стеклянных перегородок и закоулков, прикрытых шторами. В центре лабиринта находился коридор со стенами, испещренными замаскированными нишами. Из-за углов выглядывали лица, из затененных альковов украдкой протягивались руки, воздух наполнился торжествующим шепотом и разочарованным шипением сквозь зубы. Время от времени светильники тускнели и начинали мигать — в такие моменты слышался шорох поспешных перебежек.

На спине Кудеяра наконец включился зуммер; тут же появился служитель, который провел его к расчетной кассе. Там его уже ждала амаранта Джасинты. Кудеяр вручил кассиру похищенные им кольца и получил двенадцать флоринов.

Джасинта огорчилась: «Из меня не получится воровка. Я украла всего три кольца. В

этом искусстве мне с тобой не сравниться».

Кудеяр ухмыльнулся: «Два кольца я стибрил у тебя».

Они вышли на улицу, и Кудеяр подвел спутницу к киоску «Стиммо»: «Какого цвета?»

«Ммм... красного».

«Красные придадут мне дерзости», — чуть отодвинув маску вверх, он положил пилюлю в рот. Амаранта Джасинты скептически посматривала то на Кудеяра, то на пилюлю: «Что, если мне и так уже хватает дерзости?»

«Стимуляция сделает тебя безрассудной».

Джасинта проглотила пилюлю.

Кудеяр торжествующе расхохотался: «Вот теперь ночь начнется, как положено!» Он сделал широкий жест рукой: «Карневал!»

Они прошли по бульвару к Эспланаде. Пришвартованные к причалам баркасы и баржи сверкали мелькающей рекламой и заставляли набережную дрожать от громкой музыки. На другом берегу Чанта высились небоскребы Мерцанта; перед ними вдоль реки выстроилась длинная полоса массивных зданий пониже. Кларджес производил суровое, монументальное впечатление. Карневал был угодлив, пикантен, опьянен страстями.

Повернув на Гранадилью, они миновали Храм Астарты с его двадцатью витражными куполами и примыкавший к нему Храм Приапа. Сотни посетителей в масках и разноцветных лентах устремлялись к низким широким воротам, откуда исходил аромат цветов и душистого дерева. Дальнейший отрезок бульвара обступили с обеих сторон гигантские уроды, демоны и чудища — они раскачивались и кивали, скалили зубы и подмигивали. За ними снова начинался Конкорс.

Сознание амаранты Джасинты раздвоилось: небольшое ядро, спокойное и холодное, ютилось посреди гораздо большего пространства, проникнутого бесшабашным духом Карневала. Все ее внимание сосредоточилось на эмоциях и ощущениях; зрачки ее широко открытых глаз почернели, она много смеялась и с готовностью соглашалась со всем, что предлагал Кудеяр. Они посетили дюжину «дворцов» и попробовали галлюциногенные препараты из автомата самообслуживания. Впечатления Джасинты смешались, как краски на старой палитре.

Неподалеку несколько человек были увлечены азартной игрой, бросая дротики в живых лягушек; при каждом попадании столпившиеся кругом зеваки шумно вздыхали от садистического наслаждения.

«Это отвратительно!» — пробормотала амаранта Джасинты.

«Почему же ты на это смотришь?»

«Не могу не смотреть. В их кошмарной игре есть что-то болезненно привлекательное».

«Ты называешь это игрой? Это не игра! Они только притворяются, что в чем-то соревнуются. На самом деле им просто нравится убивать лягушек».

Амаранта Джасинты отвернулась: «Надо полагать, это извращенцы».

«Думаю, что все мы в какой-то мере извращенцы».

«Нет! — она решительно покачала головой. — Только не я!»

Приблизившись к окраине квартала Тысячи Воров, они повернули назад и присели в кафе «Памфилия», чтобы передохнуть.

Робот-манекен принес покрытые изморосью бокалы с рыжевато-алым коктейлем «Сангре де Диос».

«Это тебя освежит, — пообещал Кудеяр, — усталость пройдет».

«Но я не устала».

Кудеяр вздохнул: «А я устал».

Бессмертная Джасинта игриво наклонилась к нему: «Но ты же настаивал на том, что ночь только начинается!»

«Придется выпить несколько таких снадобий», — приподняв маску, он опорожнил бокал.

Вечная Джасинта задумчиво разглядывала его: «Ты так и не сказал, как тебя зовут».

«В Карневале это не принято».

«Не скромничай! Как тебя зовут?»

«Гэйвин».

«Я — Джасинта».

«Приятное имя».

«Гэйвин, сними маску! — внезапно приказала амаранта Джасинты. — Я хочу видеть твое лицо».

«В Карневале лучше не показывать лицо».

«Но это несправедливо, Гэйвин. Моя серебряная пленка ничего не скрывает».

«Только очень красивая — и тщеславная — женщина осмелилась бы надеть такой костюм, — серьезно сказал Кудеяр. — Для большинства из нас очарование возможно только тогда, когда мы надеваем маски. В твоём воображении под этой маской я могу быть волшебным принцем-избавителем. Но как только я ее сниму, я превращусь в обычного работягу».

«Мое воображение не нуждается в принцах», — возразила вечная Джасинта. Положив ему руку на плечо, она настаивала: «Ну сними же маску!»

«Позже, может быть».

«Ты хочешь, чтобы я представляла тебя уродом?»

«Нет, конечно».

«Значит, ты урод?»

«Надеюсь, что это не так».

Амаранта Джасинты рассмеялась: «Ты просто хочешь дразнить мое любопытство!»

«Вовсе нет. Считаю меня жертвой не поддающихся объяснению побуждений».

«Странность, которую разделяли с тобой древние туареги».

Кудеяр удивленно взглянул на собеседницу: «Поразительно, какими познаниями блещут нынче девушки-гларки».

«Мы — поразительная пара, — согласилась вечная Джасинта. — В какой филе ты состоишь?»

«Так же, как ты, я — гларк».

«А! — она понимающе кивнула. — Кое-что из того, что ты говорил, заставило меня в этом усомниться».

Кудеяр напрягся: «Что именно? Что я сказал?»

«Всему свое время, Гэйвин, — амаранта Джасинты поднялась на ноги. — А теперь, если ты выпил достаточно, чтобы взбодриться, пойдём дальше».

Кудеяр тоже встал: «Куда тебе будет угодно».

Положив руки ему на плечи, она соблазнительно взглянула ему в глаза: «Скорее всего, тебе не понравится там, куда я хочу пойти».

Кудеяр рассмеялся: «С тобой я пойду куда угодно».

«Слова, слова!»

«Я сдержу обещание».

«Хорошо, пойдём!» — она вывела его обратно на Конкорс.

Пока они шли по бульвару, прозвенел огромный гулкий гонг: наступила полночь. Воздух стал гуще, оттенки цветов — богаче, движения празднующих — осмысленными и целенаправленными, полными ритуальной страстности торжественного танца.

На ходу Кудеяр прижался к амаранте Джасинты и обнял ее за талию. «Ты — просто чудо! — хрипло говорил он. — Сказочный цветок, легендарная красавица!»

«Ах, Гэйвин! — укоряла она его. — Какой ты все-таки лжец!»

«Я говорю правду!» — обиделся он.

«Правду? Что такое правда?»

«Этого не знает никто».

Вечная Джасинта резко остановилась: «Мы узнаем правду! Храм Истины — здесь, за углом».

Кудеяр отшатнулся: «Там нет никакой истины — только злорадные глупцы, упражняющиеся в праздном остроумии».

Она взяла его под руку: «Пойдем, Гэйвин! Мы превзойдем их в злорадстве и глупости!»

«Нет уж, лучше...»

«Как же так, Гэйвин? Ты утверждал, что пойдешь со мной куда угодно».

Кудеяр неохотно позволил подвести себя ко входному portalу.

Служитель спросил: «Что вас интересует: неприкрытая истина или пристойная истина?»

«Неприкрытая!» — заявила бессмертная Джасинта.

Кудеяр начал было протестовать — амаранта Джасинты покосилась на него: «Гэйвин, разве ты не обещал...»

«Ладно, ладно! Мне нечего стыдиться — не больше, чем тебе».

«Будьте любезны, пройдите налево», — пригласил их служитель.

«Пойдем, Гэйвин! — она провела его по коридору. — Подумай только! Ты узнаешь в точности, что я о тебе думаю!»

«Значит, ты все равно заставишь меня снять маску», — пробормотал Кудеяр.

«Конечно! Разве ты не собирался это сделать так или иначе сегодня ночью? Или ты надеялся заключить меня в объятия, не снимая бронзовую маску?»

Служитель провел их в отдельные кабинки: «Здесь вы можете раздеться. Повесьте на шею пронумерованную табличку на цепочке. Возьмите с собой микрофон и, в ответ на любое замечание со стороны тех, кто вам встретится, похвальное или критическое, называйте в микрофон номер собеседника и выражайте свое мнение — так, чтобы вас не слышали окружающие. Перед тем, как вы покинете храм, вам выдадут распечатку отзывов других посетителей храма о вас».

Через пять минут в центральный зал вышла амаранта Джасинты Мартин. У нее на шее висела табличка с номером 202, у нее в руке был маленький микрофон. На ней не было никакой одежды.

Пол центрального зала был устлан глубоким жестковатым ковром, удобным для обнаженных ступней. Полсотни голых мужчин и женщин всех возрастов бродили по залу, завязывая разговоры.

Появился Гэйвин Кудеяр, с номером 98 на табличке — человек выше среднего роста, на

первый взгляд молодежавый, хорошо сложенный, жилистый и мускулистый. У него были густые темные волосы, бледно-серые глаза и красивое, выразительное, но грубовато-суровое лицо.

Подойдя к вечной Джасинте, он посмотрел ей в глаза и спросил срывающимся от напряжения голосом: «Почему ты так пристально меня разглядываешь?»

Она резко отвернулась и обвела глазами зал: «Теперь нам полагается прохаживаться, позволяя другим оценивать нашу внешность и наше поведение».

«Здесь люди выражают мнения с неприятной откровенностью, — заметил Кудеяр, одновременно изучая ее с головы до ног. — Тем не менее, твоя внешность не заслуживает никакой критики». Он поднес микрофон ко рту и тихо произнес несколько фраз: «Теперь мое искреннее восхищение зарегистрировано».

Минут пятнадцать они бродили по ярко освещенному залу, с удовольствием погружая ступни в прохладный ворс ковра, и обменивались несколькими фразами со встречными, стремившимися делать то же самое. После этого они вернулись в свои кабинки и оделись по-прежнему. У выхода им выдали по сложенному вдвое листку бумаги с напечатанными снаружи словами «НЕПРИКРЫТАЯ ИСТИНА» Внутри содержался перечень замечаний, высказанных теми, с кем они встретились в «храме» — в общем и в целом в высшей степени откровенных, резких и прямолинейных.

Амаранта Джасинты сперва нахмурилась, затем хихикнула и покраснела, после чего продолжала читать, насмешливо и чуть раздраженно поднимая брови.

Кудеяр сначала взглянул на свой листок почти пренебрежительно — но тут же резко наклонился к тексту и стал читать с напряженным сосредоточением:

«Я вижу знакомое лицо — где и каким образом я видела этого человека? Точно не помню. Внутренний голос подсказывает имя: амарант Грэйвена Кудесника! Но Кудесник, Чудовище из Чудовищ, предстал перед судом — его приговорили, его отдали в руки палачей! Кто, в таком случае, этот человек?»

Кудеяр поднял глаза: амаранта Джасинты наблюдала за ним. Он аккуратно сложил отчет и засунул его в карман: «Ты готова?»

«Конечно».

«Тогда пойдем отсюда».

II

Гэйвин Кудеяр проклинал себя: безмозглый волокита, как он позволил себе распуститься! Легкомысленно увлеченный очаровательным личиком, он пустил коту под хвост семь лет непрерывной бдительности!

Джасинта могла догадываться о том, что происходило в уме Кудеяра. Бронзовая маска скрывала его лицо, но кулаки его непроизвольно сжимались, когда он читал отзыв, пальцы дрожали, когда он складывал листок бумаги и засовывал его в карман.

«Твое самомнение уязвлено?» — спросила амаранта Джасинты.

Кудеяр повернулся к ней; глаза его горели в отверстиях маски. Но когда он заговорил, голос его звучал тихо и сдержанно: «Меня трудно уязвить. Давай снова передохнем на

минутку в «Памфилии»».

Они пересекли бульвар и устроились за столиком приятного кафе на террасе, украшенной орхидеями, красным мускатом и жасмином. Настроение беззаботного флирта, однако, испарилось — Кудеяр и его спутница погрузились в свои мысли.

Они сидели у самой балюстрады — до веселящейся толпы было рукой подать. Робот-официант принес высокие тонкие рюмки с пряной настойкой. Некоторое время они пробовали ее в молчании.

Амаранта Джасинты тайком поглядывала на бронзовую маску, представляя себе скрывающееся за ней сардоническое пронизательное лицо. Еще один образ предстал перед ее глазами — непрошенный, как неожиданно пришедшее в голову решение задачи — образ высокого жреца в Тонпенге, запечатлевшийся в памяти прежней Джасинты и вызывавший у нее неопикуемый ужас.

Бессмертная Джасинта содрогнулась. Кудеяр быстро взглянул на нее.

Джасинта спросила: «Тебя огорчил Храм Истины?»

«Я в некотором замешательстве, — признался Кудеяр, вынимая из кармана отчет и раскрывая его. — Послушай, что тут написано». Он прочел вслух параграф, вызвавший у него волнение.

Джасинта проявила очевидный интерес: «И что же?»

Кудеяр откинулся на спинку стула: «Странно, что ты помнишь вещи, происходившие так давно — тогда, когда ты была еще подростком».

«Я?» — удивилась амаранта Джасинты.

«Во всем храме только ты знала мой номер. Как только я от тебя отошел, я повернул табличку номером к себе».

В голосе Джасинты появилась металлическая нотка: «Должна признать, что твое лицо показалось мне знакомым».

«Значит, ты меня обманула, — продолжал Кудеяр. — Ты не можешь быть гларкой, потому что семь лет тому назад тебя еще не могли интересовать политические скандалы. По той же причине можно заключить, что ты не из расплода. Значит, тебе уже сделали несколько первичных инъекций — ты по меньшей мере дебютантка, если не старше. Среди дебютантов девушки восемнадцати или девятнадцати лет встречаются редко — по сути дела, никогда не встречаются».

Амаранта Джасинты пожала плечами: «Ты возводишь величественное сооружение на фундаменте зыбких предположений».

«Ты ни в коем случае не гларка; для всех фил, кроме амарантов, ты слишком молода. Значит, ты — амаранта. Этот вывод подтверждается твоей необычной красотой: не модифицированные гены редко позволяют достигнуть такого совершенства. Могу ли я поинтересоваться, как тебя зовут на самом деле?»

«Я — амаранта Джасинты Мартин».

Кудеяр кивнул: «Мои выводы безошибочны; твои — лишь частично обоснованы. Действительно, мое лицо — лицо амаранта Грэйвена Кудесника. Мы тождественны, я — его реликт». 2

Когда амаранта принимали в Общество, ему делали последние инъекции, после чего он

удалялся в затворничество. Из его тела извлекали пять клеток. По окончании желательной модификации генов эти клетки погружали в раствор питательных веществ, гормонов и различных специализированных катализаторов, в котором клетки быстро размножались — организмы росли, проходя через стадии эмбриона, младенца, ребенка и подростка, превращаясь в пять идеализированных имитаций исходного амаранта. После загрузки в них памяти прототипа они приобретали личность прототипа, становясь, во всех отношениях, суррогатами оригинала.

В процессе развития суррогатов амарант подвергался риску случайного повреждения, в связи с чем он обеспечивал свою безопасность с осторожностью, граничившей с одержимостью. По окончании затворничества, однако, опасности жизни больше ему не угрожали: если бы он был убит, подвергнувшись насилию, его всегда могла заменить в реальном мире реплика, снабженная его собственной личностью, всеми его воспоминаниями и ощущением непрерывности самосознания.

Несмотря на все меры предосторожности, изредка случалось так, что амаранта убивали во время затворничества. В таких ситуациях его еще не полностью эмпатизированные (не сопряженные сознанием с оригиналом) суррогаты становились так называемыми «реликтами». Как правило, реликтам удавалось тем или иным способом покинуть келью, в которой их вырастили, и жить своей собственной жизнью, отличаясь от обычных людей лишь бессмертием, унаследованным от прототипа. Если реликт желал подниматься по лестнице фил, он должен был зарегистрироваться в расплоде, явившись в Актуарий — так же, как любой другой горожанин. Если реликта удовлетворял статус гларка, он мог оставаться молодым в течение неопределенного срока, но в большинстве случаев предпочитал анонимное существование, стараясь не привлекать к себе внимание, так как опознание реликта неизбежно заставляло его регистрироваться в расплоде.

Гэйвин Кудеяр утверждал, что он был именно таким реликтом. Амаранта Джасинты Мартин, с другой стороны, была женщиной-суррогатом, личность и мыслительные процессы которой отождествились и синхронизировались с личностью и мышлением первоначальной Джасинты Мартин, жизнь которой угасла, как только была достигнута полная эмпатия между ней и суррогатами. 3

«Реликт! — задумчиво повторила амаранта Джасинты. — Реликт Грэйвена... сбежавший семь лет тому назад... Для реликта, прожившего так мало, ты проявляешь недюжинный интеллект».

«Я быстро приспособился, — серьезно возразил Кудеяр. — По сути дела, в наши дни способность к обобщенной адаптации — скорее недостаток, нежели преимущество. Самым крутым подъемом вознаграждаются специалисты».

Джасинта пригубила настойку: «Грэйвен Кудесник был достаточно удачлив. В какой области он продвинулся?»

«В журналистике. Он основал газету «Перспективы Кларджеса»».

«Припоминаю. Амарант Абеля Мондевиля, издателя «Глашатая», был его конкурентом».

«И врагом. Однажды вечером они встретились на крыше Порфировой башни. Они спорили, обмениваясь гневными обвинениями. Амарант Абеля ударил амаранта Грэйвена».

Грэйвен ответил тем же, и Абель упал на Картезианскую площадь с высоты трехсот пятидесяти метров». Помолчав, Кудеяр продолжал желчным тоном: «Грэйвена объявили Чудовищем. Он стал объектом всеобщего презрения. Палачей напустили на него прежде, чем он успел достигнуть полной эмпатии со своими суррогатами». Глаза Кудеяра блеснули в отверстиях маски: «Случаи насилия среди амарантов известны. Трансформация амаранта обратима. Достаточно немного подождать — не дольше нескольких недель — и следующий суррогат заменяет потерпевшего. Но амаранта Грэйвена решили наказать в пример другим — потому что Общество не могло скрыть драку на крыше и замять этот инцидент. И Грэйвена отдали в руки палачей несмотря на то, что он только что стал амарантом».

«Амаранту Грэйвена Кудесника не следовало преждевременно покидать келью, — холодно произнесла амаранта Джасинты. — Никто не заставлял его брать на себя такой риск».

«Грэйвен был импульсивным, нетерпеливым человеком. Он не мог оставаться в затворничестве так долго. Но мстительная жестокость его врагов превзошла все его ожидания!»

Амаранта Джасинты повысила голос; теперь она говорила педантично и отрывисто: «Таковы законы Предела. Тот факт, что их иногда обходят, не означает, что они по существу несправедливы. Всякий, кто совершает непристойный акт насилия, не заслуживает ничего, кроме забвения».

Кудеяр ответил не сразу. Слегка расслабившись на стуле, он молча поигрывал рюмкой и расчетливо поглядывал на собеседницу: «И что же ты теперь намерена сделать?»

Джасинта снова пригубила ликер: «Меня не радуют полученные сведения. Мое первое инстинктивное побуждение состоит в том, чтобы уличить Чудовище, но меня, разумеется, смущает...»

«Чудовища больше нет, тебе некого уличать! — прервал ее Кудеяр. — С тех пор, как амарант Грэйвена исчез, прошло семь лет: его уже забыли».

«Да, конечно», — кивнула амаранта Джасинты.

Между балясинами балюстрады протиснулась круглая физиономия, окаймленная черными перьями: «Гэйвин! Вот он где, старина Гэйвин Кудеяр!»

Спотыкаясь, Базиль Тинкуп поднялся на террасу и уселся с преувеличенной осторожностью. Его птичий наряд растрепался, черные перья поникли, напозая на лицо.

Кудеяр поднялся на ноги: «Прошу нас извинить, Базиль. Мы как раз собирались уходить».

«Не спеши, не спеши! Я нигде тебя не вижу, кроме как в будке Дворца Жизни!» Тинкуп подозвал робота и заказал выпивку. Обратившись к амаранте Джасинты, он доверительно пояснил: «Это Гэйвин, мой старый приятель».

«Неужели? — отозвалась Джасинта. — Как давно вы его знаете?»

Кудеяр медленно опустился на стул.

«Семь лет тому назад мы вытащили Гэйвина из воды. Мы работали на барже «Ампродекс» под командованием капитана Геспера Уэллси. Мы уже почти вернулись в порт, когда у капитана случился приступ катто. Помнишь, Гэйвин? Ужасное зрелище!»

«Я все прекрасно помню», — напряженно ответил Кудеяр. Повернувшись к амаранте Джасинты, он сказал: «Пойдем, мы еще успеем...»

Она подняла ладонь: «Меня интересует рассказ твоего друга... Значит, Гэйвина Кудеяра вытащили из воды — как он оказался в воде?»

«Он заснул в автомобиле и улетел в море так далеко, что двигатель больше не принимал энергию из Кларджеса».

«И это было семь лет тому назад?» — амаранта Джасинты бросила быстрый взгляд на Кудеяра.

«Да, с тех пор прошло примерно семь лет. Гэйвин может гораздо лучше обо всем рассказать, у него крепкая память».

«Гэйвин мало рассказывает о себе».

Базиль Тинкуп понимающе кивнул: «Только посмотрите на него — в этой бронзовой маске он похож на статую!»

И Джасинта, и Базиль внимательно разглядывали Кудеяра. Их лица расплывались у него в глазах, он чувствовал странную скованность — так, словно кто-то впрыснул ему анестезирующий препарат. Приложив немалое усилие, он заставил себя протянуть руку, взять рюмку и проглотить настойку — острая ароматная жидкость прояснила его сознание.

Базиль неловко поднялся на ноги: «Прошу прощения, мне нужно кое-куда отлучиться — зов природы, сами понимаете. Только не уходите!» Пошатываясь, он удалился вглубь террасы.

Кудеяр и Джасинта сидели за столом и смотрели друг на друга.

Джасинта тихо сказала: «Семь лет тому назад амарант Грэйвена Кудесника сбежал от палачей и скрылся. Семь лет тому назад Гэйвина Кудеяра вытащили из моря. Неважно! Чудовище уничтожено».

Кудеяр промолчал.

Базиль вернулся и тяжело плюхнулся на стул: «Я много раз уговаривал Гэйвина сменить профессию — куда он может продвинуться, работая зазывалой? У меня есть кое-какое влияние, я мог бы помочь ему начать карьеру...»

«Извините!» — Кудеяр встал и направился к туалету. Завернув за угол, он тут же зашел в телефонную будку и пробежался по клавишам дрожащими пальцами.

Экран разгорелся сине-зеленым светом, но остался пустым — только в середине появился черный кружок.

Низкий глуховатый голос спросил: «Кто звонит?»

Кудеяр включил видео, чтобы показать лицо.

«А, Гэйвин Кудеяр!»

«Мне нужно поговорить с Карлеоном».

«Он занят в музее».

«Соедини меня с Карлеоном!»

Низкий голос что-то проворчал, на мгновение звук отключился.

Экран заслонило пухлое тускло-белое лицо. На Кудеяра безразлично смотрели глаза, похожие на два матовых окатыша агата.

Кудеяр разъяснил свои пожелания. Карлеон отказался их выполнить: «Я провожу экскурсию».

«Экскурсия подождет!» — отрезал Кудеяр.

Физиономия оттенка свиного сала не выражала никаких эмоций: «Две тысячи флоринов».

«Хватит одной», — торговался Кудеяр.

«Ты богат, Кудеяр».

«Хорошо. Две тысячи. Не мешкай, однако!»

«Все будет сделано без промедления».

Кудеяр вернулся к столику на террасе. Базиль серьезно объяснял Джасинте: «Вы меня неправильно поняли — я нисколько не возражаю против детализированных методов. Каждая личность — полный спектр, богатый оттенками и спелый, как готовый сорваться с ветки фрукт. Что может найти в этом спектре посторонний ум? Какую-то одну характерную линию, не более того. Но — так же, как любой спектр содержит множество линий, существует множество различных векторов воздействия на ум каждого человека».

Бросив оценивающий взгляд на Кудеяра, амаранта Джасинты ответила Базилю: «Возникает впечатление, что вы решительно ныряете с головой в омут неразборчивой путаницы. По меньшей мере, подразделение на детальные одиночные схемы — попытка упрощения ситуации».

«Ха-ха! От вашего внимания ускользает непосредственность моего подхода. Каждый из нас предпочитает те или иные векторы воздействия, с которыми мы умеем обращаться лучше всего. Я нахожу такой вектор и сосредоточиваю на нем внимание пациента, чтобы его напряжения высвобождались с максимальной эффективностью. Но в последнее время я пытаюсь обойтись без всех этих неуклюжих, не поддающихся адаптации внешних факторов. У меня возникла новая идея — если она сработает, мне удастся нанести удар прямо по источнику проблемы! Это стало бы впечатляющим прорывом, настоящим достижением!» Базиль смущенно прервался: «Прошу простить мой энтузиазм — в Карневале не место таким рассуждениям».

«Нет-нет, все это очень любопытно», — отозвалась амаранта Джасинты. Повернувшись к Кудеяру, она спросила: «Так что же теперь, Гэйвин?»

«Ты хочешь уехать отсюда?»

Как и ожидал Кудеяр, она улыбнулась и покачала головой: «Я подожду здесь, Гэйвин. Но ты устал, тебе нужно выспаться. Возвращайся домой и хорошенько отдохни». Ее улыбка задрожала, она почти смеялась: «Со мной ничего не случится, Базиль Тинкуп проводит меня домой. Или, может быть...» Поискав глазами в толпе, она позвала: «Альбер! Дени!»

Два человека в роскошных костюмах остановились и взглянули на террасу: «Джасинта! Какой приятный сюрприз!»

Оба поднялись в кафе; Кудеяр нахмурился, его кулаки сжались.

Амаранта Джасинты представила присутствующих: «Амарант Альбера Пондиферри амарант Дени Лестранжа. А это мои новые знакомые, Базиль Тинкуп и... Гэйвин Кудеяр».

Амарант Дени Лестранжа, стройный и элегантный, коротко стриг светлые волосы, что не соответствовало последней моде. Амарант Альбера Пондиферри, крепко сложенный темнокожий человек с блестящими черными глазами, говорил отрывисто и сухо. Оба ответили на представления привычными вежливыми фразами.

Насмешливо покосившись на Кудеяра, амаранта Джасинты заметила: «Воистину, Альбер и Дени, только в Карневале можно встретить по-настоящему интересных людей».

«Неужели?» Амаранты разглядывали Базиля и Кудеяра с безразличным любопытством.

«Базиль Тинкуп продвигается в Баллиасском паллиатории».

«Надо полагать, у нас много общих знакомых», — отозвался Дени.

«А Гэйвин Кудеяр — вы никогда не догадаетесь, чем он занимается!»

Кудеяр сжал зубы.

«Не стал бы и пытаться», — заявил Альбер.

«О, я попытаюсь! — сказал Дени, лениво поглядывая на Кудеяра. — Судя по его прекрасному телосложению, скорее всего, он — профессиональный акробат».

«А вот и нет! — воскликнула Джасинта. — Попробуй еще раз».

Дени развел руками: «Тебе придется нам помочь каким-нибудь намеком — в какой он филе?»

«Если бы я сообщила, в какой он филе, — наставительно произнесла Джасинта, — то никакой тайны уже не было бы».

Кудеяр застыл на стуле: столетняя старуха вела себя, как беспардонная девчонка!

«Не думаю, что Кудеяру нравится служить предметом обсуждения, — снисходительно заметил Альбер. — Нехорошо устраивать из него головоломку».

«Конечно, ему это не нравится! — забавлялась Джасинта. — Но в этой головоломке есть смысл. Тем не менее, если вы...»

Послышался едва заметный свист — настолько тихий и мимолетный, что на фоне карнавального шума его уловил только Кудеяр. Амаранта Джасинты поморщилась и приложила руку к плечу. Но микроскопическая игла пролетела и погрузилась под кожу так быстро, что Джасинта ничего больше не почувствовала и решила, что жалящее ощущение было вызвано случайным нервным тиком.

Базиль Тинкуп положил ладони на стол, переводя взгляд с лица на лицо: «Должен признаться, я страшно проголодался. Кто-нибудь еще не прочь закусить вареным крабом?»

Никто не отозвался на его предложение положительно. Слегка поколебавшись, Базиль тяжело поднялся из-за стола: «Спустишь на эспланаду и чем-нибудь закушу. В любом случае, пора возвращаться домой. Счастливицы амаранты, вам не нужно беспокоиться о завтрашнем дне!»

Амаранты Альбера и Дени вежливо пожелали ему хорошо провести остаток ночи. Амаранта Джасинты покачивалась на стуле, часто моргая в явном замешательстве — приоткрыв рот, она судорожно глотала воздух.

Кудеяр поднялся на ноги: «Пойду с тобой, Базиль. Мне тоже пора выспаться».

Джасинта опустила голову, ее плечи сотрясались судорожными глубокими вздохами. Альбер и Дени наконец заметили происходящее и смотрели на нее с удивлением.

«Что-нибудь не так?» — спросил Кудеяр.

Джасинта не ответила.

«Похоже, что ей нехорошо, — заметил Альбер. — Она перевозбудилась — и ко всему прочему, наверное, приняла стимулянт».

«С ней все будет в порядке, — лениво отозвался Дени. — Просто ей нужно немного отдохнуть и успокоиться».

Амаранта Джасинты медленно и осторожно наклонила голову еще ниже, обхватив ее руками — ее бледные волосы распустились по столу.

«Вы уверены, что с ней все в порядке?» — с сомнением спросил Кудеяр.

«Мы о ней позаботимся, — заверил его амарант Альбера. — Пусть это вас не задерживает — вы, кажется, собирались поужинать на набережной?»

Кудеяр пожал плечами: «Что ж... пойдём, Базиль?»

Перед тем, как спуститься с террасы кафе, он бросил последний взгляд через плечо. Расставив локти, амаранта Джасинты опустила лоб на стол и не двигалась. Амаранты Альбера и Дени продолжали смотреть на нее с явно возраставшим беспокойством.

Кудеяр глубоко вздохнул: «Пойдем, Базиль. Их компания не для нас».

Ш

Кудеяр чувствовал себя истощенным и отупевшим. Он попрощался с Базилем у входа в ресторан на набережной: «На самом деле я не голоден. Просто устал».

Базиль хлопнул его по плечу: «Не забудь о моем предложении! Мы всегда сможем найти для тебя какое-нибудь место в паллиатории».

Кудеяр медленно прошелся по эспланаде. Бледное зарево рассвета уже отражалось на дрожащей поверхности реки — с появлением этих первых пасмурных лучей Карневал сразу потускнел. Цветные светящиеся вывески больше не бросались в глаза, ароматные дуновения казались лишними и лишенными очарования, лица редких оставшихся прохожих осунулись, их взгляды остановились и больше никого и ничего не искали.

Кудеяр предавался горьким размышлениям. Семь лет тому назад он нанес противнику яростный удар, слишком яростный — амарант Абеля Мондевиля упал с крыши небоскреба. Сегодня для того, чтобы заставить замолчать женщину, явно намеревавшуюся его уничтожить, ему пришлось заплатить за еще одну смерть. Теперь он стал дважды Чудовищем!

Чудовище! С этим словом в представлении обитателей Предела были связаны безмерные, невыразимые позор и унижение. Само слово «смерть» считалось неприличным ругательством, а человек, причинивший смерть, был подобен ожившему призраку из кошмарного сна.

Тем не менее, Кудеяр на самом деле никого не лишил жизни. Не прошла и неделя после падения с крыши, как амарант Абеля Мондевиля возобновил существование. Новая Джасинта Мартин тоже должна была появиться на днях. Напротив, если бы семь лет тому назад палачи сумели казнить Грэйвена Кудесника, это было бы настоящим преступлением, так как у амаранта Грэйвена еще не было эмпатизированных суррогатов. Он воспользовался возможностью бежать за границу Предела в аэромобиле. По всеобщему мнению, любая попытка улететь из Кларджеса была равнозначна самоубийству — как только горожанин попадался в руки кочевников, те устраивали пышное пыточное празднество.

Не превышая максимальную дальность действия передатчиков энергии, однако, Кудесник обогнул Предел с юга, пролетев вдоль окраин пустыни Скель, над Немым озером и Корбьеном, оказавшись, таким образом, над Южным морем. Через некоторое время он заметил баржу «Ампродекс» и совершил посадку на воду, имитируя аварию. Его подняли на борт и приняли в состав команды, чтобы он отработал стоимость возвращения в порт Кларджеса. Так появился на свет Гэйвин Кудеяр.

Если палачи подозревали, что он их надул, теперь, узнав о его существовании, они стали бы действовать решительно и предусмотрительно. Семь лет Кудеяр скрывался, покидая Карневал не чаще раза в неделю, и даже в этих случаях изменял свою внешность с помощью живой маски «Альтер-Эго».

У него была квартира в районе Тысячи Воров, но и в этих трущобах, где жили подонки общества, никто не видел его без бронзовой маски или без маски «Альтер-Эго». Больше всего его огорчало то обстоятельство, что, по законам Кларджеса, всего лишь через месяц дело амаранта Грэйвена Кудесника, официально пропавшего без вести, должно было быть

окончательно закрыто, после чего Кудесник мог бы беспрепятственно начать новую карьеру под именем Кудеяра.

Не все было потеряно, однако. Он надеялся, что ему удалось устранить последствия своей легкомысленной ошибки. Через пару недель должна была появиться новая Джасинта, не подозревавшая о том, как она провела ночь в Карневале, и все должно было пойти своим чередом, как прежде.

Кудеяр прошел по опустевшим утренним улицам к своей скромной квартире и свалился в постель. 2

Забывшись на пять или шесть часов в беспокойной дреме, Кудеяр проснулся, выкупался и задумчиво приготовил себе завтрак. События проведенного накануне вечера вызывали у него в высшей степени неприятные ощущения; он решил больше о них не вспоминать — только будущее имело смысл. Цель была ясна: ему следовало снова взобраться по лестнице фил и занять свое место в сонме амарантов. Но каким образом? Грэйвен Кудесник добился успеха в журналистике. Он основал «Перспективы Кларджеса», начиная с бульварного листка, который раздавали на улицах, и кончая общеизвестной и популярной ежедневной газетой. Нельзя было не учитывать, однако, существование нового амаранта Абея Мондевиля, его неумолимого врага — о повторной карьере журналиста можно было забыть.

Самый впечатляющий подъем из одной филы в другую удавалось демонстрировать представителям творческих профессий: музыкантам, живописцам, аквифакторам, пуантилистам, вязальщикам, писателям, экспрессионистам, мимам, хронотопам. Поэтому желающих сделать карьеру в этих направлениях было слишком много. Исследования космоса неизменно вознаграждались стремительным продвижением, но смертность среди астронавтов была очень высока, в связи с чем их пропорциональная доля в числе амарантов не превосходила среднюю.

На протяжении первых пяти лет после своего бегства Кудеяр кодифицировал различные системы усвоения знаний, приобретал всевозможные навыки, тренировался в применении множества методов, запоминая ссылки на полезные источники информации и заслуживая похвалы со стороны менторов, помогавших ему готовиться. Затем, внезапно, его стали обуревать сомнения. В конце концов, разве он не брел по торной тропе, которую проложили десять поколений его предшественников? Достижение мастерства в той или иной профессии было традиционным подходом к подъему; тысячи стали амарантами, руководствуясь этим принципом. Кудеяру пришлось бы, скорее всего, встать в конец очень длинной очереди, постепенно продвигаясь, шаг за шагом, к манящему призраку успеха на горизонте. Только если бы очень многие из впереди идущих отказались от борьбы, сломленные усталостью, допущенными ошибками и паническим нервным напряжением, или нашли убежище в помешательстве и закончили свои дни в паллиаториях, Кудеяр мог рассчитывать на восстановление своего бывшего положения в Обществе Амарантов.

Должны были существовать какие-то способы сокращения этого долгого извилистого пути! Кудеяру надлежало найти эти способы. Ему следовало освободиться от инстинктивного побуждения идти по стопам других и от традиционных представлений о нравственности, руководствуясь лишь безжалостной целеустремленностью. Общество Амарантов не проявило никакого сострадания к амаранту Грэйвена Кудесника — его

принесли в жертву почти машинально, чтобы угодить возмущенным обывателям. Следовательно, Кудеяр мог беспощадно эксплуатировать Общество в своих интересах.

На то, чтобы привыкнуть к такому новому взгляду на вещи, у Кудеяра ушел целый год. Практически применить новые принципы и перейти к действию он еще не успел. Сидя за столом у себя в квартире, он открыл записную книжку и просмотрел подготовленный заранее перечень аргументов:

« № 1

I. Подъем носит непрерывный, но слишком постепенный, минимальный характер в областях социального обслуживания, связанных с образованием (в яслях, лицеях и колледжах), с психопатологией (в паллиаториях), с измерением характеристик подъема как такового (в Актуарии) и с трансформацией (в Секретариате). Практические навыки в этих областях важнее врожденных способностей.

II. Подъем в областях изящных искусств и коммуникаций носит слишком случайный характер. Врожденные способности здесь не обязательно имеют первостепенное значение.

III. Максимальная крутизна подъема наблюдается только в области космических исследований. Соответственно, космические исследования исключительно опасны.

IV. Подъем носит постоянный характер и отличается приемлемой крутизной в областях теоретических и прикладных научных и технологических исследований. Здесь врожденные способности необходимы.

V. Среди политических деятелей и должностных лиц (таких, как члены Пританеона, трибуны и работники судов) подъем носит неопределенный, ненадежный характер и зависит от общественного мнения. Здесь личные качества, характер и умение внушить другим представление о своей искренности и добросовестности (не обязательно соответствующее действительности) важнее врожденных способностей.

а) Должность канцлера — пережиток прошлого, не более чем почетное звание, не способствующее никакому подъему.

№ 2

Человек, работающий в традиционных, закоснелых учреждениях и сферах приложения усилий, больше всего рискует и подвергается угрозе подрыва репутации. К самым закоснелым учреждениям относятся Актуарий и Коллегия Палачей.»

Кудеяр отложил записную книжку. Он помнил наизусть все эти записи — плоды длительных размышлений. Семь лет планирования подходили к концу. Через месяц ему предстояло явиться в Актуарий! Гэйвин Кудеяр, безвестный гларк, мог жить вечно, не привлекая к себе никакого внимания. Но Грэйвен Кудесник поднялся на вершину пирамиды фил; значит, Гэйвин Кудеяр тоже должен был это сделать — чем скорее он зарегистрируется

в расплоде, тем скорее он прорвется в круг амарантов.

IV

Месяц прошел без нежелательных событий. Кудеяр работал в обычную смену перед входом во Дворец Жизни и еженедельно посещал Кларджес по адресу, который был известен только ему одному.

Месяц закончился, и таким образом прошли семь лет с тех пор, как амарант Грэйвена Кудесника покинул Предел. Теперь Грэйвен Кудесник официально числился мертвым.

Обладатель безопасного нового имени, Гэйвин Кудеяр мог снова ходить по улицам Кларджеса без бронзовой маски и без живой маски «Альтер-Эго». Грэйвен Кудесник умер. Жил только Гэйвин Кудеяр.

Уволившись из Дворца Жизни, Кудеяр простился со своим жилищем в квартале Тысячи Воров и снял новую просторную квартиру в переулке Фариота посреди Октагона, метрах в пятистах к югу от Мерцанта и примерно на таком же расстоянии к северу от площади Эстергази и Актуария.

Рано утром он вышел на движущийся тротуар Аллеманд-авеню, доехал до улицы Олифанта, прошел три квартала навстречу восходящему солнцу и оказался на площади Эстергази. Аккуратная дорожка вела мимо кафе «Далмация» под платанами, рассредоточенными на газонах между цветочными клумбами, на дворик перед Актуарием. Кудеяр задержался в кафе, чтобы выпить кружку чая — популярного напитка среди тех, у кого было достаточно свободного времени. На дворе Актуария всегда что-нибудь происходило: человеческие драмы разыгрывались в «потогонных кабинках», выстроившихся вдоль фронтона вычислительного центра, куда горожане и горожанки Кларджеса заходили, чтобы узнать текущий статус своего «подъема».

Кудеяр никак не мог избавиться от недобрых предчувствий. Прошедшие семь лет его жизни были относительно безмятежными. С регистрацией в расплоде многое могло измениться — ему снова пришлось бы иметь дело с напряжениями и тревогами, обуревавшими других обитателей Предела.

Сидя в теплых утренних солнечных лучах, он находил неприятной перспективу повторного продвижения по лестнице статуса. Тем не менее, покончив с кружкой чая, он поднялся из-за стола, пересек дворик и зашел в Актуарий. 2

Кудеяр приблизился к длинному прилавку, обозначенному табличкой «Справочная информация». Служащий, бледный молодой человек с горящими глазами и поджатым ртом над голубоватым подбородком, спросил: «Чем я могу быть вам полезен?»

«Я хотел бы зарегистрироваться в расплоде».

«Будьте добры, заполните эту форму».

Кудеяр взял протянутую бумагу, вставил ее в прорезь кодирующей машины и ввел с клавиатуры ответы на перечисленные в форме вопросы — ответы одновременно распечатывались на бумаге и загружались в память машины.

К стойке подошла женщина средних лет. Лицо ее морщилось от беспокойства, она слегка отворачивалась от клерка, не желая встречаться глазами с его пронзительным взглядом.

«Чем я могу быть вам полезен?»

Женщина несколько раз пыталась что-то сказать, но замолкала. В конце концов она выпалила: «Это по поводу моего мужа. Его зовут Иган Фортэм. Я отсутствовала три дня, на семинаре в другом районе. Сегодня я вернулась домой, а его нигде нет». Ее голос дрожал от беспокойства: «Я подумала, что здесь мне кто-нибудь поможет его найти».

Служащий проявил сочувствие — он самостоятельно заполнил форму запроса: «Как вас зовут?»

«Голда Фортэм».

«В какой филе вы состоите?»

«Я — дебютантка, школьная учительница».

«Будьте добры, повторите — как зовут вашего мужа?»

«Иган Фортэм».

«И он состоит...»

«Он в расплоде».

«Какой у него код в системе регистрации?»

«IXD-995-ААС».

«Ваш адрес?»

«2244, тупик Клеобери, Вибльсайд».

Клерк опустил карточку в прорезь, после чего обратил внимание на серьезного подростка лет восемнадцати, только что закончившего лицей и, подобно Кудеяру, желавшего зарегистрироваться в расплоде.

Карточка выскочила из прорези. Служащий хмуро рассмотрел ее и повернулся к учительнице: «Госпожа Фортэм, в прошлый понедельник, в 8 часов 39 минут вечера, вашего супруга посетил палач».

«Благодарю вас», — прошептала Голда Фортэм и отвернулась.

Служащий мрачно опустил голову, чтобы просмотреть заявку Кудеяра: «Очень хорошо. Будьте добры, приложите большой палец правой руки к этому стеклу».

Кудеяр выполнил указание, и клерк опустил листок с отпечатком пальца в еще одну прорезь. «Нужно проверять записи, — нервно подергивая головой, пояснил он Кудеяру. — Иначе какой-нибудь проходимец мог бы зарегистрироваться повторно, увидев, что линия его жизни приближается к терминатору».

Кудеяр задумчиво погладил подбородок. Конечно же, они должны были изъять его карточку, зарегистрированную семь лет тому назад, так как его считали умершим... Кудеяр ждал, одна за другой тянулись секунды. Клерк разглядывал ногти.

Прозвучал резкий дребезжащий звонок. Служащий с недоумением повернулся к зуммеру, после чего с подозрением уставился на Кудеяра: «Дубликат!»

Кудеяр крепко схватился за край прилавка. Клерк взял возвращенную машиной карточку и прочел примечание: «Отпечаток идентичен отпечатку пальца амаранта Грэйвена Кудесника, трансформированного палачами». Молодой человек с изумлением воззрился на Кудеяра, после чего взглянул на дату: «Это было семь лет тому назад!»

«Я — его реликт, — глухо произнес Кудеяр. — Я ждал семь лет, чтобы подготовиться к поступлению в расплод».

«О! — расслабился клерк. — Вот оно что...» Надув щеки, он объявил: «В таком случае»

все в порядке — постольку, поскольку отпечаток пальца не принадлежит ныне живущему прототипу. Нам редко встречаются реликты».

«Нас немного».

«Верно. Хорошо, получите удостоверение». Служащий передал Кудеяру металлическую карточку: «Ваш регистрационный код: КАО-321-JCR. Когда вы пожелаете просмотреть график своей жизни, введите этот код с клавиатуры любой из кабинок перед входом и прижмите большой палец к стеклу сканирующего устройства».

«Понятно», — кивнул Кудеяр.

«А теперь, будьте добры, пройдите в отдел С — мы зарегистрируем альфа-излучение вашего мозга для расчета биотелеметрических показателей».

В отделе С девушка провела Кудеяра в кабинку и посадила его на металлический стул с прямой спинкой. Техник в белой маске надел на голову Кудеяра металлический колпак — к коже черепа Кудеяра прижались сотни электродов.

Девушка привезла черную коробку, установленную на тележке с колесиками, и закрепила на висках Кудеяра пару контактных подушек, величиной с перчатки для бокса. «Нам придется вас анестезировать, чтобы излучения мозга записывались без помех, — радостно сказала она и поднесла руку к переключателю. — Это не больно. Вы просто проведете в обмороке несколько секунд».

Девушка повернула переключатель. Кудеяр потерял сознание. Очнувшись, он не знал, сколько времени провел в беспомощности.

Девушка сняла с него металлический колпак, одарив его безличной сверкающей улыбкой: «Большое спасибо! Вы можете выйти в первую дверь направо».

«Это все?»

«Да, это все. Теперь вы в расцвете».

Кудеяр покинул Актуарий, вернулся через дворик в кафе «Далмация», занял прежнее место за столиком и заказал еще одну кружку чая.

Пока Кудеяр находился в регистратуре, над входом в Актуарий вывесили клетку из чугуновых прутьев: Клеть Позора. В клетке сгорбилась старуха — по-видимому, она нарушила какие-то правила Актуария и теперь, согласно древнему обычаю, несла наказание.

За соседним столиком сидели два субъекта — тощий верзила и пучеглазый толстяк с длинными гладкими волосами. Они обсуждали происходящее. «Красота, не правда ли? — заметил толстяк. — Старая ворона пыталась надуть Актуарий!»

«Это происходит все чаще, — отозвался его собеседник. — Когда я учился в лицее, клеткой пользовались редко — может быть, раз в год». Верзила покачал головой: «Мир изменился. Как мне надоели все эти пошлые моды, не говоря уже об извращениях и авгурах!»

Толстяк издевательски покрутил выпученными глазами: «Сегодня вечером от извращенцев проходу не будет».

«Раньше никогда не было подобных демонстраций! — тощий субъект раздраженно сплюнул. — Ночные прогулки помогали стряхнуть бремя напряжения... А что теперь? Чего хотят извращенцы? Изображают из себя чудовищ? Меня от них тошнит!»

Толстяк смотрел на дворик, улыбаясь каким-то тайным мыслям, бродившим у него в голове. «По сравнению с такими, как она, никого нельзя назвать Чудовищем, — он указал кивком на старуху в клетке. — Она хотела украсть у нас годы жизни!»

Его приятель с отвращением отвернулся: «Твою жизнь никто не украдет. Ты — гларк, и больше никем никогда не будешь».

«Ты тоже гларк».

Друзья продолжали спорить, но внимание Кудеяра привлекла стройная длинноногая девушка, пересекавшая двор бодрыми целеустремленными шагами. На ней был плещущийся на ветру серый плащ, застегнутый на шее; ее яркие светлые волосы развевались над плащом.

Кудеяр узнал амаранту Джасинты Мартин.

Она прошла рядом, перед самым входом в кафе. Кудеяр хотел было встать и пойти за ней, но сдержался. Что он мог ей сказать? Девушка взглянула на него — у нее в глазах мелькнуло что-то вроде замешательства, вызванного воспоминанием, но ее мысли были заняты другими вещами. Поправив плащ, доходивший ей до щиколоток, она исчезла за углом.

Кудеяр постепенно успокоился. Странная встреча! Новая Джасинта не могла его узнать. Для него она была не более чем одной из модных городских красавиц; Джасинте его лицо могло лишь смутно напомнить о мрачной истории, случившейся много лет тому назад.

Кудеяр заставил себя забыть о ней. Его будущее заслуживало гораздо более пристального внимания.

Он подумал о предложении Базиля Тинкупа устроить его на работу в Баллиасском паллиатории. Еще одна неприятная перспектива. Ему пришлось бы подвергаться воздействиям, способным нарушить душевный покой самого нечувствительного человека. Лучше было заняться чем-то новым или делом настолько запутанным и запущенным, что оно отпугивало большинство традиционно мыслящих людей.

Кудеяр заметил рядом стойку с газетами и журналами. Как и в любые другие времена, газетные статьи в Пределе были посвящены главным образом катастрофам, бедствиям, преступлениям и скандалам. Так или иначе, любое чтение могло подстегнуть его интеллект.

Подойдя к стойке, Кудеяр просмотрел заголовки. Улыбнувшись, он вынул свежий номер «Глашатая». Своего рода торжество поэтической справедливости! Вернувшись за столик в кафе, Кудеяр начал внимательно изучать последние новости.

Несмотря на техническое совершенство промышленных процессов, применявшихся в Пределе, на уровне обслуживания машин людьми все еще случались нарушения. Например, социологов беспокоила волна так называемых «самопроизвольных трансформаций». Кудеяр прочел:

«На долю дебютантов, в расчете на душу населения, приходится наибольшее число таких инцидентов. От дебютантов в этом отношении ненамного отстают аспиранты, а третье место занимает расплод. Кандидаты и гларки наименее подвержены этому невероятному надругательству над собой. Амарантов, разумеется, это не касается».

Кудеяр задумался. Изобретение способов опознания, задержания и наказания еще не состоявшихся самоубийц позволило бы заслужить переход в следующую филу...

Кудеяр обратил внимание на другую статью. Двух амарантов, Блэйда Дукермана и Фиделии Басби, закидали виноградом во время винодельческого фестиваля в Мейнарде, небольшом пригороде выше по течению Чанта. Судя по всему, практически все население городка присоединилось к этой забаве — швыряющая виноград толпа гонялась за амарантами по всему городку с гиканьем и улюлюканьем. Местные власти неприятно пораженные этой постыдной вспышкой злорадного преследования, не могли ее объяснить ничем, кроме легкого массового помешательства, вызванного опьянением. Они принесли свои извинения, с достоинством принятые амарантами Блэйда и Фиделии.

«Скорее всего, амаранты вели себя чванливо», — подумал Гэйвин Кудеяр. Что ж, их заляпали виноградом. Подумаешь! Жаль, что его там не было, он охотно принял бы участие во всеобщей забаве. Нельзя ли заслужить несколько баллов, организовав развлекательные погони такого рода? Вряд ли... Кудеяр просмотрел другие столбцы. Трудности в Госпорте собирались снести, чтобы расчистить путь для нового шестиуровневого высотного шоссе. Кто-нибудь заработает на этом несколько баллов. Интервью с дидактором Тальбертом Фальконе, выдающимся психопатологом из филы кандидатов.

Дидактора Фальконе возмущала «...непрерывно возрастающая частота психических заболеваний. Девяносто два процента больничных мест заняты пациентами с психологическими нарушениями. Одного человека из шести в том или ином возрасте принимают в паллиаторий. Очевидно, что наша методика нуждается во всесторонней реформе. Почти никто, однако, не занимается изучением этой проблемы. Психопатология — настолько неопределенная, полная противоречий область деятельности, что она не дает практически никакой надежды на приобретение известности или на последовательное накопление баллов профессиональной карьеры. Наши лучшие умы заняты другими вещами».

Кудеяр снова прочитал этот отрывок. Слова дидактора практически совпадали с его наблюдениями! Он продолжил изучение интервью:

«Маниакально-кататонический синдром — самое распространенное из психологических нарушений. Причина этого синдрома — ни для кого не тайна. Умный, прилежно работающий и предусмотрительный человек обнаруживает, что линия его жизни неизбежно приближается к терминатору. Никакие усилия, никакие затраты времени или умственные упражнения ему уже не помогут. Как колесница, под которую бросались отчаявшиеся в древней Индии, на него надвигается мрачная судьба. Он сдается. Он сдается окончательно и бесповоротно. Он впадает в более или менее бессознательное состояние, напоминающее гипнотический транс. Время от времени, подчиняясь неизвестному побуждению, он превращается в истерически вопящего маньяка и разрушает все вокруг, пока на него не наденут смирительную сбрую, после чего он снова впадает в кататоническое оцепенение.

Это проблема, характерная для нашей эпохи. К сожалению должен заметить, что она наблюдается все чаще, так как продвижение вверх по иерархической лестнице фил становится все более затруднительным. Неужели вы не осознаете чудовищные размеры этой трагедии? Мы подсмотрели секреты строения веществ, мы преодолели межзвездные пространства, мы построили небоскребы, утопающие вершинами в облаках, мы победили старость — мы знаем так много и можем так много! Но мы беспомощны перед преградами человеческой психики».

Кудеяр задумчиво положил газету обратно в отделение стойки. Слишком возбужденный для того, чтобы сидеть, он покинул кафе, пересек площадь Эстергази и медленно прогулялся по улице Рамбольда в направлении Мерцанта.

Вот оно, занятие, полностью удовлетворявшее его требованиям! Причем только вчера вечером Базиль Тинкуп обещал ему возможность закрепиться на первой ступеньке подъема в области психопатологии. Конечно, он не мог надеяться, что поначалу ему предложат что-нибудь лучше работы фельдшером. Неприятная работа, что и говорить. У него не было никакого опыта, ему нужно было учиться, осваивать профессиональный жаргон — может

быть, даже посещать вечернюю школу. Но Базиль Тинкуп преодолел эти препятствия и теперь уже подумывает о проникновении в филу аспирантов.

Кудеяр взошел на ползущий тротуар и поехал на север. У входа в небоскреб компании «Океанические предприятия» лифт вознес его к высотному проспекту Солнечных Лучей, популярному среди любителей панорамных видов. Оттуда действительно открывался великолепный вид на речное пространство Чанта протяженностью километров семьдесят: на унылые пустоши Разводья, на Карневал, блестящий отражениями, как скомканный лист разноцветной фольги, на эстуарий Чанта и на далекий морской горизонт. Внизу разверзлись бездны города, откуда доносился приглушенный низкий рев; над головой было только небо. Кудеяр ехал по тротуару, повернув лицо навстречу порывистому ветру.

Глядя на простирающийся перед ним великий город, он почувствовал внезапный прилив безудержного энтузиазма. Будущее вдохновляло его. Кларджес, Предел — славная цитадель цивилизации в одичавшем мире! Он, Гэйвин Кудеяр, однажды уже достиг непревзойденных высот.

И он покорит их снова.

V

К северу от Мерцанта широкие извилины реки огибали Семафорный холм и скрывались в долине Ангельского Логова, после чего, вынырнув из долины, миновали Вандунский хребет, высоты которого считались самым престижным районом Кларджеса. На северном склоне Вандунского хребта находился Баллиасс — там жилье все еще стоило довольно дорого, хотя Баллиасс уже не рассматривали как цитадель городской элиты. Там обосновались, главным образом, кандидаты и некоторые самые успешные аспиранты, а также богачи-гларки, возмещавшие отсутствие подъема экстравагантным образом жизни.

Паллиаторий находился в нижней части утеса, всего лишь метрах в трехстах над Прибрежной дорогой. Кудеяр вышел из подземки на станции «Баллиасс» и, поднявшись на поверхность, очутился на бетонной платформе под обширной крышей из зеленого и синего стекла. Стрелка с надписью «Баллиасский паллиаторий» указывала на движущийся тротуар. Кудеяр вступил на ползущую дорожку, и она стала поднимать его вверх по приятному для глаз наклонному парку, засаженному деревьями, цветущим кустарником и вьющимися растениями. Тротуар плавно нырнул в короткий туннель, затем снова поднялся и высадил его в вестибюле учреждения.

Кудеяр направился к стойке регистратуры и объяснил, что хотел бы видеть Базиля Тинкупа. Ему предложили подняться на третий этаж и зайти в кабинет № 303. Поднявшись по эскалатору, Кудеяр с некоторым трудом нашел кабинет № 303. На двери красовалась размашистая надпись, пульсирующая зеленой подсветкой:

«БАЗИЛЬ ТИНКУП

Ассистент клинического психопатолога-резидента»

Ниже, буквами поменьше, было написано:

«СЕТ КАДДИГАН

Психотерапевт»

Кудеяр отодвинул дверь и зашел внутрь.

За столом сидел человек, прилежно и сосредоточенно строивший кривые с помощью схемографа. Очевидно, это был Сет Каддиган. Высокий и жилистый, со скуластым лицом и редкими рыжими волосами, Каддиган отличался непропорционально коротким носом, в связи с чем кончик носа находился на необычном расстоянии от верхней губы. Психотерапевт нетерпеливо взглянул на Кудеяра.

«Я хотел бы видеть господина Базиля Тинкупа», — объяснил Кудеяр.

«Базиль проводит собеседование, — Каддиган вернулся к работе. — Присаживайтесь, он вернется через несколько минут».

Кудеяр, однако, подошел к стене, чтобы рассмотреть висевшие на ней фотографии — групповые снимки персонала лечебницы, по-видимому сделанные во время ежегодных загородных поездок. Каддиган, краем глаза наблюдавший за посетителем, внезапно спросил: «По какому вопросу вы решили обратиться к господину Тинкупу? Вероятно, я мог бы оказать вам содействие. Вы желаете, чтобы вас приняли в паллиаторий?»

Кудеяр рассмеялся: «Я выгляжу, как псих?»

Каддиган рассматривал его с профессиональным равнодушием: «Псих — термин, вызывающий ненаучные ассоциации. Как правило, мы его не применяем».

«Прошу прощения, — извинился Кудеяр. — Значит, вы — ученый?»

«По меньшей мере считаю себя таковым».

На столе психотерапевта лежал лист серого картона с каракулями, нанесенными красным карандашом. Кудеяр приподнял это произведение: «Кроме того, вы еще и художник?»

Каддиган взял рисунок, свысока взглянул на него и снова положил на стол. «Это изображение, — сдержанно произнес он, — нарисовал пациент. Оно используется в диагностических целях».

«Надо же! — отозвался Кудеяр. — А я было подумал, что это ваших рук дело».

«Почему вы так подумали?» — поинтересовался Каддиган.

«Как вам сказать... В этом рисунке есть что-то характерное для графиков, которыми иллюстрируют научные статьи...»

Каддиган наклонился к листу картона, чтобы внимательнее рассмотреть каракули, после чего взглянул на Кудеяра: «Вы действительно так считаете?»

«У меня возникло такое впечатление».

«Можно предположить, что вас посещают галлюцинации, сходные с видениями несчастного безумца, водившего карандашом по этому картону».

Кудеяр снова рассмеялся: «Что он пытался изобразить?»

«Пациента попросили нарисовать свой мозг».

Кудеяр заинтересовался: «У вас есть еще такие рисунки?»

«Огромное множество».

«Надо полагать, вы их как-то классифицируете?»

Каддиган указал на схемограф: «В настоящее время я занимаюсь именно этим».

«И после того, как они будут классифицированы — что дальше?»

По-видимому, Каддиган не хотел отвечать на этот вопрос. В конце концов он сказал: «Скорее всего, вам известно — это известно большинству образованных людей — что психология отстает в развитии от многих других наук».

«Таким образом, можно допустить, — задумчиво заметил Кудеяр, — что первоклассные умы, как правило, предпочитают не заниматься психологией».

Каддиган бросил быстрый взгляд на дверь в боковой стене приемной: «Трудность заключается, прежде всего, в сложности структуры человеческой нервной системы, а также в недоступности живого мозга как объекта непосредственного изучения. В библиотеках и в базах данных хранится огромное количество опубликованных работ и результатов исследований — в том числе относящихся к диагностике, основанной на анализе рисунков». Каддиган повертел в руках лист картона: «Я занимался таким анализом несчетное количество раз. Тем не менее, я все еще убежден в том, что мой подход в какой-то степени оригинален и может оказаться полезным».

«Значит, в этом направлении наблюдается застой?»

«О нет, ничего подобного! Психологические исследования ведутся во всевозможных направлениях и с самых различных точек зрения. Но все они неизменно привязаны, как арканом, к одному и тому же исходному препятствию — структура и функции мозга слишком сложны, отсутствуют методы их точного определения. Конечно, и в этой области может наблюдаться стремительный подъем — некоторым удалось стать ныне живущими амарантами благодаря переформулировке выводов Арбуана, Сачевского, Коннелла и Меллардсона. Но все это подобно перетаскиванию опавших листьев граблями из одного угла двора в другой — сегодня паллиативы так же забиты пациентами, как раньше, и применяемые нами методы лечения мало чем отличаются от древнего шарлатанства Фрейда и Юнга. Все делается по эмпирическим правилам, которые любой прилежный студент помнит так же хорошо, как знаменитый дидактор». Психотерапевт устремил на Кудеяра пронзительный взор: «Вы хотите стать амарантом?»

«Несомненно!»

«Решите одну из двадцати основных проблем психологии. И ваш подъем уже никто не остановит». Каддиган нагнулся над каракулями, тем самым показывая, что разговор закончен. Кудеяр улыбнулся, пожал плечами и стал расхаживать по приемной.

Сквозь стены проник отголосок ужасного визгливого вопля. Кудеяр покосился на Каддигана. «Привычный и знакомый переход из кататонического в маниакальное состояние, — пояснил психотерапевт. — Нам платят за то, чтобы мы это терпели».

Дверь в боковой стене отодвинулась. На какое-то мгновение Кудеяр увидел внутреннее помещение, разделенное стеклянной перегородкой; за перегородкой находилась просторная камера. В дверном проеме стоял Базиль Тинкуп в строгой серой униформе. 2

Вечером Кудеяр покинул паллиаторий, нанял воздушное такси и полетел обратно над

городом — солнце опускалось в оранжевую дымку за унылыми пустырями Разводья. Башни Мерцанта блеснули отражениями последних лучей заката, вспыхнув на несколько секунд пламенем печальным и торжественным, как погребальный костер — и потускнели. Начинали зажигаться городские огни; за рекой уже искрился всеми цветами радуги Карневал.

Кудеяр размышлял о новой карьере. Базиль был рад его видеть и заявил, что Кудеяр сделал самый мудрый выбор из всех возможных: «Ты представить себе не можешь, сколько у нас работы, Кудеяр! Горы работы! Так работай же — и продвигайся!»

Каддиган, между тем, покусывал нижнюю губу — видимо, представляя себе Кудеяра как очередного дилетанта, не способного предложить психопатологам ничего, кроме самоуверенного невежества.

«Было бы полезно, — думал Кудеяр, — хотя бы поверхностно познакомиться с профессиональным жаргоном». Но при этом нельзя было забывать о поставленной цели — во что бы то ни стало избегать путей, уже проложенных сотнями тысяч предшественников.

Следовало подойти к делу критически, не упуская из вида противоречия, отбрасывая слишком педантичные методы и слишком расплывчатые наблюдения.

Необходимо было изначально отказаться от почтения как к классическим, так и к современным авторитетам.

Он должен был научиться распознавать теории и методы, до сих пор не приносившие почти никакой пользы, и сторониться таких окаменелостей.

Но до тех пор, пока ему не представилась возможность продвижения — или до тех пор, пока он сам не создал такую возможность — он должен был выражаться на языке, способном заслужить одобрение вышестоящего персонала и Комиссии по медицинской этике. Подъем, подъем — несмотря ни на что! Пусть проигравший плачет!

Такси опустилось на платформу Флориандера, в самом центре Октагона. Отсюда, спустившись на лифте и проехав на ленте тротуара, до его квартиры можно было добраться за три минуты.

Кудеяр задержался у газетного киоска, где, помимо прочего, был установлен экран электронного каталога Центральной библиотеки, и просмотрел указатель. Он выбрал два трактата, посвященных общим вопросам психологии, и один справочник, содержащий подробное описание организационной структуры психиатрических учреждений и порядка управления ими. Набрав кодовые номера этих книг, он опустил флорин в прорезь автомата и уже через минуту получил три микрофильма в прозрачных пластиковых конвертах.

Продолжив спуск на лифте до уровня земли, Кудеяр вступил на движущийся тротуар Аллеманд-авеню и доехал до переулка Фариота.

Утреннее радостное возбуждение иссякло; Кудеяр устал и проголодался. Приготовив ужин, он поел, лег на кушетку и задремал на пару часов.

Когда он проснулся, квартира показалась ему безрадостной, тесной и неудобной. Взяв с собой микрофильмы и очки для их просмотра, он вышел под вечернее небо.

Прогулявшись по площади Эстергази, он повернул — просто по привычке — в направлении кафе «Далмация». Дворик перед Актуарием, темный и пустой в этот поздний час, казалось, наполнился отраженными шорохами шагов дневных прохожих. Клеть Позора все еще висела над двориком, в ней все еще сидела сторбленная старуха. Ее должны были освободить в полночь.

Кудеяр заказал чай с печеньем, приправленным горечавкой, и занялся изучением

трактатов.

Через некоторое время он оторвался от чтения и с удивлением заметил, что кафе почти заполнилось. Было одиннадцать часов вечера. Кудеяр вернулся к просмотру текстов.

За пятнадцать минут до полуночи все столики были заняты мужчинами и женщинами, смотревшими куда угодно, но только не друг другу в лицо.

Кудеяр больше не мог игнорировать происходящее. Он взгляделся в тени на площади Эстергази. Там ничто не шелохнулось. Но все знали, что там прятались извращенцы.

Наступила полночь. Разговоры в кафе умолкли.

Клеть Позора покачнулась и опустилась. Стоявшая в ней старуха схватилась обеими руками за чугунные прутья, выглядывая наружу.

Клеть прикоснулась к мостовой, ее передний сегмент откинулся вверх — узницу освободили. Срок ее публичного наказания истек.

Все сидевшие в кафе чуть наклонились вперед и задержали дыхание.

Старуха вышла из клетки и стала осторожно пробираться вдоль фасада Актуария в направлении Бронзовой улицы.

Рядом с ней на мостовую упал камень, за ним — второй и третий. Четвертый попал старухе в бедро.

Несчастливая побежала — из темноты на нее обрушился целый камнепад. Один из камней, величиной с кулак, ударил ее в затылок. Старуха споткнулась и упала.

Камнепад продолжался — она лежала и вздрагивала от каждого попадания.

Но вскоре она сумела подняться на ноги, нагнулась, закрывая голову руками, бросилась к Бронзовой улице и скрылась за углом.

«Ммф! — отреагировал свидетель расправы, сидевший за соседним столиком. — Так-таки сбежала».

Другой отозвался голосом, полным укоризны: «И ты об этом сожалеешь? Чем, после этого, ты лучше извращенца?»

«Сколько их там? Камни падали градом!»

«Извращенцев становится все больше».

«Извращенцы, авгуры, пифии, хрен с маком... Что с нами будет? Не знаю, не знаю...»

VI

На следующее утро Кудеяр явился в паллиаторий без опоздания, каковое обстоятельство заставило его с горечью подумать: «Я уже такой же, как остальные ничтожества, жаждущие статуса!»

Базиль Тинкуп был чем-то занят и отсутствовал; Кудеяру пришлось иметь дело с курносым психотерапевтом.

Каддиган, сидевший за столом, продвинул к нему какой-то распечатанный документ: «Будьте добры, заполните эту форму».

Кудеяр просмотрел эту бумагу и нахмурился. Каддиган рассмеялся: «Заполните. Это ваше заявление с просьбой о приеме на работу».

«Но я уже работаю фельдшером», — возразил Кудеяр.

Психотерапевт с трудом сдерживал нетерпение: «Нет никаких причин для беспокойства

— заполните форму, и дело с концом».

Кудеяр нацарапал несколько слов в пробелах, проставил прочерки и вопросительные знаки напротив тех вопросов, на которые он предпочитал не отвечать, и бросил документ на стол: «Вот, пожалуйста — история моей жизни».

Каддиган взглянул на заявление: «Возникает впечатление, что вся ваша жизнь — один вопросительный знак».

«Это не имеет практически никакого значения».

Каддиган пожал костлявыми плечами: «Вы очень скоро обнаружите, что местное руководство придирается к любым нарушениям правил. Это, — он указал на заявление Кудеяра, — подействует на них, как красная тряпка на быка».

«Возможно, местное руководство нуждается в стимуляции».

Психотерапевт ответил пристальным холодным взглядом: «Фельдшеры редко стимулируют руководство, не сожалея о последствиях».

«Надеюсь, я недолго останусь фельдшером».

Каддиган бледно усмехнулся: «В этом я не сомневаюсь».

Наступило краткое молчание, после чего Кудеяр спросил: «Вам приходилось работать фельдшером в свое время?»

«Нет. Я закончил психиатрический колледж в Хорсфройде. Работал два года стажером в приюте для сумасшедших преступников в Осоковой Низине. Таким образом, — Каддиган слегка развел тощими руками, — мне удалось избежать самой неприятной работы». Он смерил Кудеяра язвительно-вопросительным взглядом: «Вам не терпится узнать, в чем будут заключаться ваши обязанности?»

«По меньшей мере не помешало бы».

«Хорошо. Откровенно говоря, обязанности фельдшера отвратительны, а иногда и опасны. Если вы нанесете травму кому-либо из пациентов, из оценки вашей профессиональной пригодности вычтут несколько баллов. Никакое насилие или проявление эмоций не допускается — если, конечно, мы сами не поддадимся маниакальному приступу». Глаза Каддигана сверкнули: «А теперь, будьте добры, следуйте за мной...» 2

«Вот наша маленькая империя», — иронически произнес Каддиган, обводя рукой помещение, по какой-то непонятной причине вызвавшее у Кудеяра ассоциацию с музеем. По обеим сторонам палаты стояли рядами больничные койки. Стены были бледно-бежевыми, постельное белье — снежно-белым, пол покрывали, в шахматном порядке, коричневые и серые квадраты линолеума. Каждую койку отделяли от соседних перегородки из прозрачного пластика, образуя по сторонам центрального прохода вереницы отделений, напоминавших стойла коровника. Несмотря на исключительную прозрачность пластика, отделения в дальнем конце помещения выглядели уже расплывчатыми и потемневшими, как множественные отражения в противопоставленных зеркалах. Пациенты покоились на спине, безвольно вытянув руки по бокам. Одни лежали с открытыми глазами, другие зажмурились. Все больные были мужчинами лет двадцати-тридцати. Постели были безукоризненно заправлены, чисто выбритые лица пациентов розовели.

«Тишина, чистота и порядок, — заметил Каддиган. — В этой палате содержат больных, находящихся в глубоком кататоническом шоке — они редко шевелятся. Но в какой-то

момент, рано или поздно, что-то переключается у них в мозгу. Вы заметите, что пациент начнет беспокойно двигаться, жевать губами, судорожно вздрагивать. Так начинается переход к маниакальной стадии».

«После чего они буйствуют?»

«Последствия носят индивидуальный характер. Иногда пациент просто лежит и корчится. Другие вскакивают с постели и бродят по коридорам, торжественно маршируя, как боги, и разрушая все на своем пути. То есть, — усмехнулся психотерапевт, — они этим занимались бы, если бы им позволили. Обратите внимание на эти отверстия, — он указал на участок пола рядом с обращенной к проходу спинкой ближайшей койки. — Как только пациент встает с постели, срабатывает датчик, регистрирующий отсутствие веса, и из пола мгновенно выдвигаются трубчатые стержни, образующие непреодолимую преграду. Пациент не может выйти из своего отделения, он может только рвать простыни в клочья. Мы провели множество экспериментов и разработали простыни из ткани, которая рвется, производя максимальное количество шума и вибрации. Пациент вырабатывает таким образом существенную часть накопившейся в нем энергии, после чего мы заходим в его отделение, пеленаем его в смирительную сбрую и снова укладываем на койку». Психотерапевт помолчал, глядя в пространство: «Глубокая кататония — это еще ничего. Есть палаты похуже». Он взглянул на потолок: «Выше у нас держат визгунов. Они тоже лежат, как статуи, но регулярно, как по часам, начинают вопить. Фельдшерам трудно это выдерживать. В конце концов, они тоже люди, а человеческий мозг очень чувствителен к некоторым тембрам голоса». Каддиган прервался — казалось, он о чем-то размышлял. Кудеяр с сомнением поглядывал на ряды застывших лиц. «Мне нередко приходит в голову, — нарушил молчание Каддиган, — что, если бы у меня был враг — человек в своем уме, способный адекватно воспринимать окружающее — самой изощренной пыткой для него было бы содержание в палате визгунов, откуда он не мог бы убежать и где ему приходилось бы постоянно слышать своих соседей».

«Разве вы не используете успокоительные средства?»

Каддиган пожал плечами: «Если маниакальная стадия продолжается слишком долго, приходится применять седативные препараты. В остальных случаях мы руководствуемся теорией — капризом, если хотите — главного врача-психиатра. Этой палатой заведует — номинально — дидактор Альфонс Клу. Но дидактор Клу занят подготовкой издания трактата, посвященного синхронизации функций головного мозга двойников — или, если вы предпочитаете другой термин, симбиотов, неспособных существовать в отсутствие напарника. Клу отвергает возможность телепатической связи, что, на мой взгляд, просто смехотворно. Тем не менее, я в расцвете, а дидактор Клу может проникнуть в филу кандидатов, если отзывы на его трактат будут положительными. Так как у дидактора нет времени на руководство больничным обслуживанием, эти обязанности возложены на Базиля Тинкупа; таким образом, палата глубоких кататоников стала вотчиной Тинкупа. Базиль не потчует пациентов лекарствами. Его идеи носят нетрадиционный характер. Он придерживается того достопримечательного принципа, что общепринятые методы ошибочны, и что на самом деле следует придерживаться диаметрально противоположного подхода. Несмотря на то, что тщательные исследования указывают на полезность умеренного массажа для больных с истерическими галлюцинациями, Базиль закутывает их в ригорид или надевает на них сбрую с механическим поводком, заставляющим их бегать до упада по круговой дорожке с препятствиями. Базиль — экспериментатор. Он пробует все,

что ему приходит в голову, безжалостно и не испытывая никаких сожалений».

«И каковы результаты его экспериментов?» — поинтересовался Кудеяр.

Каддиган скорчил насмешливо-скорбную гримасу: «Пациентам это не вредит. Некоторые даже чувствуют себя лучше... Но, конечно же, Базиль не имеет никакого представления о том, что он делает».

Они прошли между рядами коек. Все лица пациентов были разными, но отличались одним общим свойством: выражением глубочайшей меланхолии, безнадежного уныния.

«Боже ты мой! — пробормотал Кудеяр. — Только посмотрите на них... Они в сознании? Они о чем-то думают? Их лица отражают то, что они чувствуют?»

«Они живы. На каком-то уровне их мозг продолжает функционировать».

Кудеяр покачал головой.

«Не рассматривайте их, как человеческих существ, — посоветовал Каддиган. — Это возложит на вас непосильное бремя. С нашей точки зрения пациенты — не более чем элементы процесса продвижения, манипуляция которыми позволяет заслуживать баллы по шкале подъема... Пойдемте, я покажу, что вам придется делать». 3

Кудеяр находил свои обязанности в высшей степени неприятными. Будучи фельдшером, он должен был мыть полы, проветривать палату, принудительно кормить тридцать шесть коматозных пациентов, менять их постельное белье и удалять их испражнения и мочу — при том, что каждый из пациентов мог в любой момент перейти в буйное маниакальное состояние. Кроме того, Кудеяр был обязан вести записи, а также оказывать помощь Каддигану и Базилю Тинкупу в том, что касалось любых особых методов лечения или физических упражнений.

Базиль Тинкуп заглянул в палату примерно в обеденное время и, судя по всему, находился в отличном настроении. Хлопнув Кудеяра по спине, он посоветовал: «Не слишком обижайся на насмешки Сета — в сущности он достаточно сообразительный парень».

Каддиган поджал губы и посмотрел куда-то в угол: «Пожалуй, мне пора пообедать». Сухо кивнув, он вышел из палаты размашистыми шагами. Базиль потянул Кудеяра за руку: «Пойдем, я покажу тебе нашу столовую — мы хорошенько закусим и посмотрим, что еще нужно будет сделать».

Кудеяр обернулся к рядам больничных коек: «А как быть с пациентами?»

Базиль скорчил комическую гримасу: «В самом деле, как быть с пациентами? Куда они денутся? Что с ними может случиться? Они лежат себе, как трупы в морозильнике, а даже если они, паче чаяния, оттают и воскреснут — что с того? Прутья выскочат из пола и никуда их не выпустят; они разорвут в клочья свои постели, устанут и снова заснут».

«Пожалуй, с практической точки зрения твой подход имеет смысл».

«Не только — это единственно возможный разумный подход!»

Столовая занимала прозрачную полусферу, выступавшую из основного здания паллиатория — отсюда открывался вид на синевато-серую реку и окружающий ее солнечный пейзаж. Столы образовывали концентрические полуокружности, а стулья были расставлены так, чтобы все сидели спиной к зданию. Базиль подвел Кудеяра к столу в дальнем конце одной из внутренних полуокружностей — его выбор места в столовой был сделан по привычке и без расчета, но соответствовал его скромному положению в больничной

иерархии. Другие посетители столовой отнесли к появлению Базиля с прохладцей.

Усаживаясь, Базиль подмигнул Кудеяру: «Как видишь, всюду процветает ревнивый карьеризм».

Кудеяр неопределенно хмыкнул.

«Они знают, что я продвигаюсь, — беззаботно продолжал Базиль. — Можно сказать, выхватываю у них из-под носа награду, на которую они рассчитывали. Их это исключительно раздражает».

«Их можно понять».

«Весь этот народец, — Базиль обвел помещение широким жестом, — полон подозрений и мучается приступами зависти. Так как крутизну моего подъема невозможно не замечать, они порочат меня за спиной, как деревенские сплетницы. Не сомневаюсь, что, разговаривая с тобой, Сет Каддиган осуждал мои методы — не так ли?»

Кудеяр рассмеялся: «Не совсем так. Он сказал, что ты руководствуешься нетрадиционными принципами, и что это его беспокоит».

«И правильно! Пусть беспокоится! Мы начали работать в паллиативии на равных основаниях. Каддиган забил себе голову гипотезами, основанными на классических исследованиях, о которых он узнал из четвертых или пятых рук. Я игнорирую все это устаревшее барахло и, если можно так выразиться, играю на слух».

К каждому из них подплыло голографическое меню с четким текстом, словно набранным буквами из тонкой светящейся проволоки. Базиль заказал салат-латук, маринованную сельдь и сухарики, заметив, что после слишком плотного обеда он обычно тяжелоат себя чувствует: «Сет Каддиган все время тревожится, его снедает жалость к себе — и он оттачивает остроумие вместо того, чтобы развивать практические навыки психиатрии. А я, хм... может быть, я слишком много болтаю. Они считают, что я — пустобрех. Что ж, с меня как с гуся вода. Наше общество — самое устойчивое социальное образование в истории человечества, в нем не заметно никаких признаков грядущих изменений. Тем не менее, можно ожидать, что самое характерное для этого общества заболевание, маниакально-кататонический синдром, будет наблюдаться все чаще. Это наш враг, на него нужно нападать агрессивно, без экивоков». Кудеяр, занятый отбивной с кресс-салатом, понимающе кивал.

«Говорят, что я использую пациентов, как подопытных кроликов, — жаловался Базиль. — Но это не так! Я пытаюсь применять различные режимы терапии по мере того, как они приходят мне в голову. Одним живым трупом больше, одним меньше — какая разница? Ведь они никому не нужны, даже самим себе. Пусть из-за меня пострадают двадцать, тридцать или сто кататоников — что с того?»

«Капля в море», — отозвался Кудеяр.

«Вот именно! — Базиль набил рот капустой. — Мои методы можно было бы осуждать на том основании, что они не дают результатов, но — ха-ха!» Базиль чуть не подавился от смеха, прикрывая рот рукой: «К вящему огорчению критиков, состояние кое-кого из моих пациентов улучшается! Я уже выписал из паллиативии несколько человек, за что меня еще больше презирают. Удачливых новичков никто не любит!» Базиль похлопал Кудеяра по плечу: «Страшно рад видеть тебя здесь, Гэйвин! Кто знает? Мы еще им покажем и вместе станем амарантами! Игра стоит свеч, а?»

После обеда Базиль сопровождал Кудеяра обратно в палату № 18 и оставил его там. Кудеяр без всякого энтузиазма вернулся к выполнению своих обязанностей, прикасаясь к

каждому из пациентов по очереди наконечником инъектора, впрыскивавшего через кожу в кровеносную систему дозу витаминов и стимулянтов.

Кудеяр остановился и взглянул на параллельные ряды коек. Перед ним лежали тридцать шесть человек, объединенных только одной общей чертой: отсутствием подъема кривой на графике жизни. Причина их психоза была общеизвестна. И здесь, в этой палате, им предстояло провести остаток своих дней до тех пор, пока их не увезут в черном лимузине с затемненными стеклами.

Он прошелся по центральному проходу, задерживаясь, чтобы рассмотреть то одно, то другое лицо. У каждой койки он спрашивал себя: *«Какой стимул, какую терапию я мог бы применить?»*

Кудеяр подошел к лежавшему с закрытыми глазами тощему человеку, выглядевшему безвольным и слабым. На табличке были указаны имя пациента, Олаф Геремпский, и его фила — дебютант. На той же табличке содержались еще какие-то, непонятные Кудеяру пометки с кодами.

Прикоснувшись к щеке пациента, Кудеяр тихо позвал: «Олаф! Олаф, проснись! Ты в полном порядке, Олаф, ты здоров. Ты можешь вернуться домой».

Кудеяр внимательно наблюдал за лицом Олафа Геремпского — лицо это, осунувшееся и заостренное, как мордочка белой крысы, не шелохнулось. По-видимому, осторожные заверения в благополучии не производили никакого эффекта.

«Олаф Геремпский! — строго сказал Кудеяр. — Линия твоей жизни достигла филы аспирантов. Поздравляю, Олаф Геремпский! Ты уже аспирант!»

Лицо кататоника оставалось неподвижным, даже глаза его не двигались. Но Кудеяру показалось, что где-то под маской бесконечной скорби затеплилась какая-то толика сознания. «Олаф Геремпский, аспирант! Олаф Геремпский, аспирант! — повторял Кудеяр звенящим голосом, которым он зазывал прохожих из будки перед Дворцом Жизни. — Олаф Геремпский, ты достиг филы аспирантов. Олаф Геремпский, ты уже аспирант!» Но едва уловимый намек на оживление опять утонул в бездне безразличия.

Кудеяр отступил на шаг и нахмурился, после чего наклонился к уху Олафа.

«Жизнь! — прошептал он. — Жизнь! Жизнь! Вечная жизнь!»

Лицо Олафа оставалось скорбно-неподвижным. Но откуда-то, каким-то образом, Кудеяру передалось ощущение невыразимого сожаления — печали, подобной пламени гаснущего заката. Этот проблеск сознания постепенно растворился и пропал. Кудеяр наклонился еще ближе, к самому уху пациента, и поджал губы.

«Смерть! — глухо произнес он. — Смерть! Смерть! Смерть!»

Кудеяр наблюдал за бледным лицом. Все еще неподвижное, оно словно чем-то наполнялось изнутри. Кудеяр чуть распрямылся, продолжая неотрывно наблюдать за происходящим.

Глаза Олафа Геремпского внезапно распахнулись. Посмотрев направо и налево, пациент сосредоточил взгляд на Кудеяре. Взгляд этот вспыхнул, как будто Олаф смотрел не на фельдшера, а на пламя жаркого костра. Губы пациента искривились: верхняя прижалась к носу, нижняя опустилась, обнажив сжатые зубы. В надувшемся горле кататоника возникло клокотание, его рот раскрылся — набрав воздуха, Олаф Геремпский испустил оглушительный, устрашающий вопль. Вскочив с койки без малейшего усилия, словно подброшенный пружинами, он протянул руки к горлу Кудеяра. Кудеяр инстинктивно отскочил — и почувствовал спиной прохладные трубчатые прутья светящейся решетки,

автоматически поднявшейся из отверстий в полу.

Геремпский набросился на Кудеяра, судорожно впиваясь в него пальцами-клещами. Кудеяр хрипло закричал, отбиваясь от рук маньяка, но мышцы Олафа затвердели — с таким же успехом можно было отбиваться от железных рычагов. Кудеяр уперся ладонями в лицо Олафа и оттолкнул его — тот свалился на пол. Схватившись за светящиеся прутья, Кудеяр закричал: «Помогите!»

Геремпский вскочил на ноги и снова бросился на Кудеяра. Кудеяр пытался отпихнуть его руками и ногами, но маньяк вцепился в новую форменную куртку Кудеяра и тянул ее к себе. Кудеяр упал на пол — Геремпский навалился ему на спину, разрывая куртку пополам. Кудеяр пытался приподняться на четвереньки, но маньяк прилип к нему, как присосавшийся спрут. Кудеяр перевернулся и вырвался из разорванной куртки, оставшейся в руках Геремпского. Кудеяр поспешно забежал за койку, продолжая громко звать на помощь. Захлебываясь диким смехом, Геремпский прыгнул на него. Кудеяр нырнул под койку. Геремпский задержался, чтобы закончить превращение фельдшерской куртки в мелкие клочки, после чего заглянул под койку. Кудеяр откатился подальше — Геремпский не смог его достать. Маньяк перескочил через койку, чтобы поймать Кудеяра с другой стороны. Кудеяр снова перевернулся и оказался вне досягаемости.

Игра продолжалась несколько минут. Геремпский скакал вокруг койки, а Кудеяр уворачивался от него под койкой. В конце концов Геремпский взобрался на постель и неподвижно встал на ней. Кудеяр, лежавший под койкой, оказался в западне — он не мог одновременно следить за происходящим с обеих сторон; пока он находился посередине, однако, маньяк мог внезапно спрыгнуть с той или с другой стороны и схватить его.

Кудеяр услышал голоса и чьи-то шаги. «Помогите!» — закричал он.

Увидев ноги Сета Каддигана, он позвал: «Я здесь!»

Ноги остановились, ботинки повернулись носками к нему.

«Этот маньяк хочет меня задушить! — кричал Кудеяр. — Я не смею пошевелиться!»

«Подождите, все будет в порядке», — покровительственно произнес Каддиган. К его ногам присоединились еще чьи-то ноги. Путь светящейся решетки исчезли. Геремпский зарычал и бросился к выходу из палаты. Его поймали полотнищем из не рвущегося материала, туго спеленали и положили обратно на постель.

Тем временем Кудеяр выбрался из-под койки и поднялся на ноги. Пока он поправлял и обтряхивал одежду, Каддиган вставил наконечник инжектора в рот Геремпского и впрыснул какой-то препарат. Геремпский обмяк и прекратил попытки сопротивления. Каддиган отвернулся от пациента, бросил мимолетный взгляд на Кудеяра, кивнул с подчеркнуто безразличной вежливостью, прошел мимо и удалился из палаты.

Глядя в спину психиатру, Кудеяр сделал было пару быстрых шагов, чтобы догнать его, но сдержался. Сохраняя все возможное достоинство, он неспешно последовал за Каддиганом в приемную. К тому времени психиатр уже погрузился в груды скопированных документов, делая пометки и сверяя ссылки. Кудеяр опустился на стул и пригладил ладонью волосы: «Я оказался в опасной ситуации».

Каддиган пожал плечами: «Вам повезло. Геремпский — слабак».

«Слабак? Он вцепился в меня железной хваткой! Никогда не видел ничего подобного!»

Каддиган кивнул — у него на губах дрожало некое подобие улыбки: «Истерические

маньяки делают самые невероятные вещи, противоречащие, казалось бы, устройству и возможностям человеческого организма. Опять же, известны многие другие явления такого рода». Помолчав, психиатр наставительно продолжал: «Достаточно упомянуть о хождении по горящим углям — оно практиковалось в древности и до сих пор наблюдается среди варваров. А маздаисты из Чинцзина демонстрируют еще более впечатляющие трюки».

«Да-да, — беспокожно отозвался Кудеяр. — Несомненно».

«Как-то раз мне привелось наблюдать способности человека по прозвищу Фосфор Магниотес. Он контролировал полет птиц, приказывая им подниматься, спускаться, лететь направо или налево — по отдельности или всей стаей. Вы мне не верите?»

Кудеяр пожал плечами: «Все может быть».

Каддиган снова кивнул: «Одно не подлежит сомнению: такие люди пользуются источником энергии, еще не поддающимся определению. Можно предположить, что эмпатия между амарантами и их суррогатами также достигается благодаря излучению, которое не регистрируется существующими приборами. Кто знает?»

«Вполне вероятно», — отозвался Кудеяр.

«Маньяки, по всей видимости, беспрепятственно получают доступ к такой энергии. Олаф Геремпский, человек хилый от природы, в маниакальном состоянии становится в шесть раз сильнее. Вам следовало бы полюбоваться на достижения наших маньяков-силачей, Максимилиана Герцога и Фидо Веделиуса. Каждый из них проткнул бы койку одним движением руки и вытащил бы вас через проделанное отверстие. Зачем я все это объясняю? — усмешка Каддигана становилась очевидной. — Для того, чтобы вас предупредить: находясь рядом с пациентом, соблюдайте исключительную осторожность. Они очень опасны, какими бы мирными и безмятежными они ни казались на первый взгляд».

Кудеяр придержал язык. Каддиган откинулся на спинку стула, сложив кончики пальцев: «В сегодняшнем отчете я не смогу выставить вам высокую оценку. Само собой, я придерживаюсь принципа беспристрастной справедливости. Вы не смогли вовремя отреагировать на изменение состояния пациента, хотя, судя по всему, сами его спровоцировали. Не знаю, с какой целью вы это сделали — и не хочу знать».

Кудеяр снова сдержался: «Думаю, что вы неправильно понимаете ситуацию».

«Вполне возможно! — с издевательским добродушием воскликнул Каддиган. — Надо полагать, я опасаясь того, что вы и Базиль Тинкуп станете предтечами нового направления психиатрии, которое получит известность под наименованием «доктрины молотка и щипцов»».

«Я нахожу ваш юмор неуместным», — сказал Кудеяр.

В приемную зашел Базиль Тинкуп. Он остановился, переводя взгляд с одного из собеседников на другого: «Так-так! Негодяй Каддиган уже действует тебе на нервы?» Базиль сделал шаг вперед: «Когда я только начинал работать в Баллиассе, он мне проходу не давал. Пришлось продвигаться в филу дебютантов хотя бы для того, чтобы избавиться от его насмешек».

Каддиган промолчал. Базиль повернулся к Кудеяру: «Говорят, у тебя сегодня были приключения».

«Ничего особенного, — отозвался Кудеяр. — В следующий раз буду начеку».

«Правильно! — похвалил Базиль. — Так держать!»

Сет Каддиган поднялся на ноги: «Прошу меня извинить — пора идти. Вечером мне

предстоит провести два занятия, нужно подготовиться». Наклонив продолговатую голову, он удалился.

Покровительственно улыбнувшись, Базиль Тинкуп покачал головой: «Бедняга Сет продвигается с трудом, забивая себе голову бесполезной чепухой. Сегодня вечером — дай-ка взглянуть на расписание — он прочтет две лекции, «Закономерности размножения вирусов» и «Хирургическое вмешательство при температуре абсолютного нуля». Завтра он выступит с докладом «Социологические и эволюционные последствия эмбрионального развития». Послезавтра он придумает что-нибудь еще».

«Каддиган — очень занятый человек», — прокомментировал Кудеяр.

Базиль со вздохом уселся, раздувая румяные щеки: «Что ж, мир велик, у каждого из нас свои странности и причуды». Вспомнив о чем-то, он тут же встал: «Твоя смена почти закончилась — иди домой. Завтра у нас будет много работы».

«С радостью последую твоему совету, — отозвался Кудеяр. — Мне нужно прочесть пару статей».

«Ага! Ты серьезно подумываешь о продвижении?»

«Заберусь на самый верх! — пообещал Кудеяр. — Не мытьем, так катаньем!»

Базиль поморщился: «Смотри, не переусердствуй — не то станешь таким, как они» — он указал большим пальцем в сторону палаты.

«У меня нет такого намерения».

VII

Вернувшись к себе в квартиру, Кудеяр задержался в небольшой прихожей, с недовольством глядя по сторонам. Комнаты представлялись ему тесными, мебель — безвкусной. Кудеяр с сожалением вспомнил просторную усадьбу Грэйвена Кудесника в Храмовом Сонме. Она все еще должна была ему принадлежать — на как он мог туда вернуться?

Кудеяр слегка проголодался. Заглянув в холодильную кладовую, однако, он не нашел там ничего привлекательного. Раздраженный, он взял свои микрофильмы и очки для их просмотра, после чего спустился на улицу.

Он поужинал в шумном ресторане с чрезмерно пышным интерьером; ресторан этот обслуживал главным образом гларков. Пока он ел, мысли его блуждали — он вспомнил амаранту Джасинты такой, какой она выглядела в Храме Истины: изысканной, как драгоценное украшение, изящной, как котенок, неестественно прекрасной. В нем проснулось пламенное, настойчивое стремление позвонить ей сию минуту. Но что он мог ей сказать? Кудеяру не следовало упоминать о том, что он был одним из последних людей, говоривших с ее погибшей версией. Кто знает, какого рода расследование велось по делу о ее трансформации — хотя Гэйвина Кудеяра вряд ли рассматривали в качестве одного из подозреваемых. Новая Джасинта его не знала; приятели прежней Джасинты, амаранты Альбера и Дени, могли только засвидетельствовать непричастность Кудеяра к приступу, случившемуся в их присутствии. Было бы предусмотрительно оставить вещи такими, какими они представлялись всем заинтересованным лицам.

Чем же он мог заняться? Подумав об участии в каких-нибудь многолюдных

развлечении, он отверг эту идею. Он нуждался в дружеской беседе, в ощущении человеческого взаимопонимания. Кафе «Далмация»? Нет. Базиль Тинкуп? Нет. Сет Каддиган? Отнюдь не самый дружелюбный из людей, не стеснявшийся выражать свою неприязнь к Кудеяру. И все же — почему нет?

Кудеяр никогда не сопротивлялся внезапным побуждениям. Он зашел в телефонную будку и быстро просмотрел бегущие по экрану столбцы справочника. В нем значился только один Сет Каддиган. Кудеяр выбрал его имя и нажал кнопку вызова.

Появилось лицо Каддигана: «О! Кудеяр?»

«Привет, Каддиган! Надеюсь, лекции закончились удачно?»

«Примерно так же, как обычно», — Каддиган говорил сухо и осторожно.

Кудеяр изобрел повод для своего звонка: «Вы не очень заняты сегодня вечером? Я столкнулся с проблемой и подумал, что вы могли бы что-нибудь посоветовать».

Каддиган не слишком гостеприимно предложил Кудеяру заехать к нему, и Кудеяр с готовностью принял приглашение. Каддиган жил в Воконфорде, восточном пригороде, пользовавшемся довольно-таки богемной репутацией. Стены его квартиры были выкрашены в ярко-коричневый, арбузный красный, черный и горчичный тона, без какой-либо модной инкрустации или позолоты. Мебелью служили старинные экспонаты — нарочито упрощенные сочетания плоскостей из стекла, металла, полированного дерева и обшитого тканью материала. Гостиную освещали три плавающих в воздухе шара, излучавших бледно-желтое зарево; на стенах висели картины дисторсионистов, на полках длинных приземистых стеллажей стояли любопытные керамические изделия. На взгляд Кудеяра, интерьер производил несколько причудливое впечатление.

Еще одной неожиданностью для Кудеяра оказался тот факт, что Каддиган был женат. Супругу психиатра, такую же высокую, как ее муж, никак нельзя было назвать красавицей, но она отличалась исключительной живостью, очарованием и доброжелательностью.

Представив ее гостю, Каддиган тут же пожаловался: «Пладж меня опередила, она уже дебютантка. Она занимается дизайном сценических декораций и, судя по всему, преуспевает».

«Театральный декоратор! — воскликнул Кудеяр. — Этим объясняется этот... это...»

«Изобилие антиквариата? — рассмеялась Пладж Каддиган. — Не смущайтесь. Нас все считают чужаками. В этих древних вещах нам нравятся простота форм, неприкрытая текстура материала и массивность, вот и все. В них гораздо больше вкуса, чем в нынешних завитушках и финтифлюшках».

«Ваш интерьер исключительно оригинален», — похвалил Кудеяр.

«Да, мы стараемся придерживаться одного и того же стиля. Но теперь прошу меня извинить — мне нужно заниматься, я учусь пользоваться калейдохромом. Потрясающий, но самый сложный аппарат, он требует непрерывного внимания к деталям».

Нескладная долговязая фигура Пладж удалась из гостиной — Каддиган смотрел ей вслед с выражением мрачной гордости. Психиатр повернулся к Кудеяру, изучавшему участок стены, раньше им не замеченный: здесь висели размещенные в виде приятного для глаз беспорядочного орнамента многочисленные отчеты Актуария, испещренные ломаными линиями, кривыми и отрывками текста.

«Извольте полюбоваться, — язвительно произнес Каддиган, — на историю наших побед и поражений, выставленную на всеобщее обозрение. Наша биография, сублимат нашей жизни. Иногда мне кажется, что я предпочел бы остаться гларком. Лучше прожить

короткую, но беззаботную жизнь». Тон его голоса изменился: «Что ж, вы здесь. Расскажите, в чем заключается ваша проблема».

«Надеюсь, вы умеете хранить тайну?» — спросил Кудеяр.

Каддиган покачал головой: «Я не скрытный человек. Конечно, мне было бы полезно уметь держать язык за зубами, но у меня это не получается».

«По меньшей мере, вы не станете разглашать сущность нашего разговора?»

«Честно говоря, — сказал Каддиган, — не могу ничего гарантировать. Прошу меня извинить, если я произвожу впечатление непокладистого невежи, но будет лучше, если между нами не будет никаких недоразумений».

Кудеяр кивнул. Его такое положение вещей вполне устраивало, так как на самом деле никакой проблемы у него не было: «В таком случае мне придется остаться при своем мнении».

Каддиган тоже кивнул: «Мудрое решение, во всех отношениях. Хотя угадать, в чем состоит ваша проблема, совсем не трудно».

«Я не успеваю за вашими выводами, Каддиган», — заметил Кудеяр.

«Прекрасно — меня такое положение вещей вполне устраивает. Желаете ли вы, чтобы я сформулировал вашу так называемую «проблему?»»

«Попробуйте».

«Очевидно, что вас беспокоит Базиль Тинкуп. От кого еще, по-вашему, мне следовало бы хранить в тайне то, что вы хотели сообщить? А теперь — по поводу какой проблемы вы не можете обратиться непосредственно к Базилю? Какая проблема, касающаяся Базилия, может быть решена ни в коем случае не Базилем, а кем-то другим, кто хорошо знает Базилия? Вы — человек с амбициями и даже, пожалуй, способный безжалостно расправиться с теми, кто стоит на вашем пути».

«В наши дни все безжалостно», — отозвался Кудеяр. Каддиган пропустил эти слова мимо ушей.

«Надо полагать, вы спрашиваете себя: как тесно вам следует сотрудничать с Базилем? Поднимется ли он или сорвется? Вы готовы подниматься вместе с ним, но не желаете, чтобы из-за него пострадала ваша репутация. Вы хотите, чтобы я оценил дальнейшие перспективы подъема Базилия Тинкупа. Выслушав мое мнение, вы сами сделаете окончательный вывод, потому что знаете, что я представляю направление психиатрии, не совпадающее с энергичным прагматизмом Базилия. Тем не менее, вы считаете меня достаточно честным и наблюдательным специалистом, который сможет справедливо оценить шансы Базилия Тинкупа на быстрый подъем. Не так ли?»

Кудеяр с улыбкой покачал головой.

Рот Каддигана иронически покривился — больше обычного: «А теперь, когда мы покончили с условностями, могу ли я предложить вам чашку чая?»

«Разумеется, благодарю вас, — Кудеяр осторожно присел на стеклянный стул и откинулся на его прямую спинку. — Каддиган, совершенно очевидно, что вы меня недолюбливаете или, по крайней мере, предубеждены против меня. Почему?»

«Нельзя сказать, что я вас недолюбливаю, это не так, — Каддиган говорил с педантичной отчетливостью. — «Предубеждение» — более приемлемый, хотя и не совсем точный термин. Я не думаю, что вы на самом деле хотите заниматься психиатрией. Я думаю, что научные исследования и расширение сферы человеческих знаний вас несколько не интересуют, что вы рассматриваете карьеру психиатра как направление, в котором вам будет

проще всего набирать баллы и делать карьеру. Уверяю вас, — самым сухим тоном прибавил Каддиган, — это не так просто, как вы себе представляете».

«Каким образом Базилю удалось так быстро стать дебютантом?»

«Ему повезло».

Кудеяр притворился, что размышляет над этим ответом.

Через некоторое время Каддиган сказал: «Позвольте намекнуть на одно обстоятельство, которое, насколько я понимаю, ускользает от вашего внимания».

«Я вас слушаю».

«Базиль умеет пускать пыль в глаза. Нынче он излучает жизнерадостность и оптимизм. Но вам полезно было бы знать, каким он был раньше, пока не проник в филу дебютантов. Он изнывал от меланхолии, не находил себе места — вел себя почти так же, как наши пациенты».

«Я не имел представления о том, что его состояние было настолько тяжелым».

«Одно можно сказать в пользу Базиля: он искренне стремится к тому, чтобы этот мир стал лучше». Каддиган бросил на Кудеяра пронзительный взгляд: «Ему удалось выписать девять пациентов — что, в общем и в целом, совсем неплохо. Но он убежден в том, что, если его подход позволил помочь девяти кататоникам, то гораздо более интенсивное применение тех же методов позволит ему исцелить девятьсот пациентов. Он ведет себя, как имбецил с перечницей, считающий, что, так как добавление щепотки перца делает суп вкуснее, следует высыпать в миску все содержимое перечницы».

«Так что вы не считаете, что Базиль далеко продвинется?»

«Все возможно, нельзя исключать такую вероятность».

«И в чем заключается та эффективная терапия, на которую он намекает в последнее время?»

Каддиган пожал плечами: «В том, чтобы опорожнить в суп всю перечницу».

В гостиную зашла Пладж, позвякивая дюжиной бронзовых браслетов на щиколотках и еще дюжиной браслетов на руках. Она надела сари из красного батика, пестрящего золотистыми, черными и коричневыми узорами, а также пару абсурдных красных сандалий, инкрустированных зелеными стеклянными шариками.

«Я думал, — сухо прокомментировал Каддиган, — что ты ушла заниматься архитектурной тектоникой... Или калейдохроматикой?»

«Калейдохроматикой. Но у меня возникла чудесная идея, и мне пришлось переодеться, чтобы попробовать ее на себе».

«Капризная игра воображения не способствует крутому подъему», — заметил психиатр.

«А, подъем! Брехня и чушь собачья».

«Ты запоешь другую песню, когда я стану дебютантом, а потом и аспирантом».

Пладж подняла глаза к потолку: «Иногда я сожалею о том, что меня сделали дебютанткой. Кто хочет быть амарантом?»

«Я!» — ухмыльнулся Кудеяр. Ему нравилась Пладж — и его забавляло раздражение заметившего это обстоятельство Каддигана.

«Я тоже хочу стать амарантом, — серьезно обратился к жене психиатр. — И ты тоже. Зачем говорить глупости только для того, чтобы поддержать разговор?»

«Зачем называть глупостями здравый смысл? В старину все боялись смерти...»

«Пладж!» — строго оборвал ее Каддиган, бросив опасливый взгляд на Кудеяра.

Пладж повертела в воздухе звенящими бронзой руками: «Не притворяйся блюстителем

нравов! Все мы смертны — кроме амарантов».

«Об этом не принято рассуждать при людях».

«Не понимаю, почему. Я предпочла бы называть вещи своими именами».

«Пусть мое присутствие вас не смущает, — заявил Кудеяр. — При мне вы можете говорить о чем угодно и как угодно».

Пладж опустила на один из плоских древних стульев: «Мне пришла в голову любопытная мысль. Хотите знать, в чем она заключается?»

«Разумеется».

«Пладж!» — протестовал Каддиган, но жена его игнорировала.

«Я считаю, что в каждом из нас кроется влечение к прекращению существования. Если бы мы открыто и честно признавали этот факт, в паллиаториях, наверное, было бы меньше пациентов».

«Чепуха! — воскликнул Каддиган. — Я — дипломированный психиатр. Влечение, о котором ты говоришь, не имеет почти ничего общего с кататоническим синдромом. Кататоники — жертвы тревоги и меланхолии».

«Все может быть — но посмотри, как люди себя ведут в Карневале!»

Каддиган указал кивком на Кудеяра: «Вот кто в этом разбирается лучше нас с тобой — он работал в Карневале семь лет».

Пладж одарила Кудеяра взором радостного восхищения: «Как это должно быть замечательно — жить в калейдоскопе цветов и огней, видеть людей такими, какими они действительно хотят быть!»

«Это было достаточно любопытно», — кивнул Кудеяр.

«Скажите! — Пладж дрожала от нетерпения. — Про Карневал ходят слухи — наверное, вы сможете их подтвердить или опровергнуть».

«Какие слухи?»

«Говорят, что действие законов на Карневал фактически не распространяется — так ли это?»

Кудеяр пожал плечами: «В какой-то степени. В Карневале люди делают вещи, за которые в Кларджесе их арестовали бы»

«Или вещи, которые в Кларджесе они постыдились бы делать», — пробормотал Каддиган.

Пладж игнорировала его: «И до чего доходит это беззаконие? Я имею в виду... я слышала, что в одном из «дворцов» — в каком-то тайном «театре» для извращенцев, куда очень трудно попасть, люди платят за то, чтобы посмотреть на казнь! Чтобы полюбоваться на то, как убивают юношей и девушек!»

«Пладж! — отчаянно крикнул Сет Каддиган. — О чем ты говоришь? Ты с ума сошла?»

«Я слышала еще и не такое, — наклонившись вперед, продолжала хриплым шепотом Пладж. — Говорят, они не только предлагают посмотреть на трансформацию за деньги, но — если клиент достаточно богат — за тысячу или несколько тысяч флоринов он может купить жизнь человека и покончить с ним — или с собой — таким способом, какой ему больше нравится».

«Пладж! — Каддиган судорожно схватился за ручки стула. — То, что ты говоришь, просто отвратительно, совершенно неуместно!»

Пладж отрезала: «Сет, город полнится ужасными слухами — я хочу знать, что господин Кудеяр скажет по этому поводу. Если он подтвердит, что в Карневале такое действительно

возможно, думаю, следовало бы что-нибудь предпринять по этому поводу!»

«Не могу с вами не согласиться, — сказал Кудеяр, вспомнив о Карлеоне и его Музее, о Рубеле и его Пыточном подвале, о Лориоте и прочих бербарах. — Мне тоже приходилось об этом слышать, но я считаю такие слухи... не более, чем слухами. По меньшей мере, я никогда не встречал человека, который непосредственно наблюдал бы такие зрелища или платил бы за такие извращения. Как вам известно, посетители Карневала развлекаются... как бы это выразиться? Заигрыванием с трансформацией. Они кидают дротики в лягушек, прикасаются к рыбам удочками, оглушающими электрическими разрядами — и так далее. Но я не думаю, что они делают это сознательно. Это своего рода инстинктивное высвобождение накопившихся напряжений».

Каддиган с отвращением отвернулся: «Чепуха!»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Чепухой занимаешься ты, Сет! — возмутилась его супруга. — Ты называешь себя ученым, но при этом отмахиваешься от идей, которые тебе не по нраву».

Немного помолчав, Каддиган ответил издевательски-галантным тоном: «Уверен, что господин Кудеяр составит о тебе неправильное мнение».

«Нет-нет! — возразил Кудеяр, обращаясь к Пладж. — Я очарован — и меня заинтересовали ваши вопросы».

«Вот видишь? — Пладж торжествующе показала мужу язык. — Я так и знала. Господин Кудеяр выглядит как человек без предрассудков».

«Господин Кудеяр, — угрюмо отозвался Каддиган, — откровенно говоря, хищник. Он стремится к подъему любой ценой. На чьи плечи и головы он при этом наступает, его несколько не беспокоит».

Кудеяр усмехнулся и только поудобнее устроился на стуле.

«По меньшей мере он не лицемерит! — заявила Пладж. — Мне он нравится».

«Привлекательная внешность и хорошие манеры еще не...»

«Сет, ты не боишься оскорбить гостя?»

Каддиган улыбнулся: «Кудеяр — прагматичный человек. Он вряд ли боится услышать правду».

Тем не менее, Кудеяр чувствовал себя неудобно, хотя старался никоим образом это не показывать. «Вы правы только наполовину, — сказал он. — Конечно, у меня есть амбиции...»

Его прервал музыкальный звонок; на экране над доской искусственного камина появилось изображение человека, стоявшего за дверью квартиры. На нем была служебная униформа палача, в том числе черный цилиндр.

«Ну вот! — всплеснула руками Пладж. — За нами уже пришли! Я так и знала, что сегодня мне нужно было заниматься, а не болтать!»

«Тебе бы все шутки шутить! — разозлился Каддиган. — Сходи узнай, что ему нужно».

Пладж открыла дверь; палач вежливо произнес: «Госпожа Пладж Каддиган?»

«Это я».

«Согласно нашим записям, вы все еще не подали официальную декларацию своего статуса дебютантки. Насколько мне известно, мы уже отправили вам несколько уведомлений по этому поводу».

«О! — Пладж беззаботно рассмеялась. — Наверное, у меня просто руки не дошли. Но вы же знаете, что я — дебютантка?»

«Разумеется».

«Тогда зачем нужна еще какая-то декларация?»

Палач сдержанно пояснил: «Каждое из наших правил предназначено предотвращать нежелательные недоразумения того или иного рода. Вы могли бы значительно упростить нашу работу, сотрудничая с нами вместо того, чтобы...»

«Конечно, конечно! — безразлично отмахнулась Пладж. — Не будем переходить на личности... Вы принесли с собой форму декларации?»

Палач передал ей конверт. Пладж захлопнула дверь и бросила конверт на стол: «Вечно они создают проблемы на пустом месте... Что ж, так устроена жизнь. Две стороны одной фальшивой монеты. Без палачей не было бы амарантов. А так как все мы жаждем бессмертия, приходится терпеть палачей».

«Совершенно верно», — заметил Каддиган.

«Безысходный заколдованный круг! Мы кусаем себя за хвост, как спятившие змеи! Чем все это кончится? Что с нами будет?»

Каддиган покосился на Кудеяра: «С тех пор, как Пладж стала пифией, я только это и слышу: чем все это кончится?»

«Пифией?»

«Авгурами и пифиями обзывают тех, кто пытается предсказывать судьбу Предела, — объяснила Пладж. — Теперь мы сами так себя называем. Вот и все. Мы сформировали общество, собираемся вместе и спрашиваем друг друга: чем все это кончится? Что дальше? Куда мы идем? Приходите как-нибудь на наше собрание».

«Не откажусь. Где вы собираетесь?»

«О, в самых разных местах. Иногда в Карневале, во Дворце Откровений».

«Самое подходящее место для чокнутых», — пробормотал психиатр.

Пладж не обиделась: «Это удобно, там на нас никто не обращает особого внимания. Иногда нам удается представить себе будущее».

Наступило молчание. Кудеяр поднялся на ноги: «Мне пора домой».

«Вы так и не упомянули о сущности своей проблемы», — наставительно напомнил Каддиган.

«Проблема подождет, — сказал Кудеяр. — По сути дела, я ее уже решил, пока я тут сидел, смотрел и слушал». Повернувшись к Пладж, он слегка поклонился: «Спокойной ночи!»

«Спокойной ночи, господин Кудеяр. Надеюсь, вы к нам еще заглянете?»

Кудеяр взглянул на психиатра, хранившего угрюмое молчание: «Не премину это сделать». 2

Утром, когда Кудеяр прибыл в паллиаторий, Сет Каддиган уже сидел за своим столом. Психиатр приветствовал Кудеяра не более чем кивком, и Кудеяр приступил к выполнению фельдшерских обязанностей. На протяжении следующих четырех часов Каддиган успел несколько раз пройтись по палате, критически поглядывая по сторонам, но Кудеяр соблюдал осторожность, и Каддиган ни к чему не смог придраться.

Незадолго до полудня в палату ворвался запыхавшийся Базиль Тинкуп. Увидев Кудеяра, он сразу остановился: «Трудимся в поте лица?» Базиль посмотрел на часы: «Пора обедать —

пойдем, закусим вместе, а Каддиган пусть пока присмотрит за пациентами».

В столовой они уселись там же, где обедали в прошлый раз. Из прозрачной полусферы открывался потрясающий вид. С гор неожиданно надвинулась буря; по небу летели разорванные тучи, речную гладь полосовали темные шквалы ливня, деревья в парке вздрагивали, потревоженные порывами ветра.

Базиль взглянул на грозовой пейзаж, но тут же отвел глаза — его мысли явно были заняты чем-то, что не терпело отлагательства. «Гэйвин! — сказал он. — В этом трудно признаться, но ты — единственный человек в паллиативной, кому я могу доверять. Все остальные считают меня сумасшедшим». Базиль рассмеялся: «Откровенно говоря, мне нужна твоя помощь».

«Это мне льстит, — отозвался Кудеяр. — Кроме того, это меня удивляет. Ты — нуждаешься в *моей* помощи?»

«Таков результат простого процесса исключения всех неподходящих кандидатов. При всем моем уважении к твоим способностям, я предпочел бы, конечно, сотрудничать с кем-нибудь, кто уже накопил существенный практический опыт». Базиль покачал головой: «Но это не получится. Вышестоящие специалисты называют меня «эмпириком», нижестоящие — те, кому следовало бы относиться ко мне с уважением, такие, как Сет — подражают руководству. Таким образом, мне остается полагаться только на себя».

«В наши дни каждый полагается только на себя».

«Ты прав!» — многозначительно поднимая палец, изрек Базиль. Наклонившись к Кудеяру, он похлопал его по руке: «Так что же, ты мне поможешь?»

«Буду рад возможности тебе помочь».

«Прекрасно! — Базиль выпрямился. — По сути дела, я хотел бы испробовать новый метод лечения. На примере Максимилиана Герцога, нашего отборного кататоника».

Кудеяр вспомнил, что Сет Каддиган упоминал это имя.

«Случай исключительно глубокого, преувеличенного отказа от восприятия действительности, — продолжал Базиль. — Герцог — живой труп, застывший, как мраморная статуя. Но его редкие маниакальные приступы ужасны».

«Какого рода помощь от меня потребуется?» — осторожно спросил Кудеяр.

Перед тем, как ответить, Базиль Тинкуп опасно посмотрел по сторонам. Никто не прислушивался к их разговору. «Гэйвин, — сказал Базиль глуховатым, напряженным голосом, — на этот раз я нашел ответ. Я нашел конкретный способ исцеления маниакально-кататонического психоза. Эффективный, насколько я понимаю, в восьмидесяти процентах случаев».

«Гм! — Кудеяр задумался. — Хотел бы я знать...»

«Хотел бы ты знать — что именно?»

«Если мы выпустим из паллиативной больницы большинство пациентов, плотность основного населения увеличится, конкуренция станет еще интенсивнее».

Базиль нахмурился — он еще не рассматривал такое возражение: «Ты имеешь в виду, что нам не следует даже пытаться лечить психически больных людей?»

«Не совсем так, — ответил Кудеяр. — Но мне представляется вероятным, что более жесткая конкуренция приведет к обратному эффекту, к дальнейшему распространению психических расстройств».

«Возможно», — без энтузиазма согласился Базиль.

«Таким образом, благодаря исцелению нынешних пациентов в паллиативной может

нахлынуть еще более многочисленная волна пораженцев, поддавшихся приступам катто».

Базиль поджал губы и нетерпеливо выпалил: «Зачем тогда вообще кого-то лечить? Мы несем ответственность за пациентов — по сути дела, они могли бы стать такими же людьми, как мы, если бы не...» Базиль колебался, пытаясь найти подходящее выражение, и Кудеяр вспомнил намеки Каддигана на одолевавшую Базиля меланхолию. «Так или иначе, в любом случае нам не дано судить других — это обязанность Актуария. Нам остается только делать все возможное в избранном нами направлении приложения усилий».

Кудеяр пожал плечами: «Как ты правильно заметил, это не наша проблема. Наш долг сводится к лечению пациентов. Пританеон определяет общественную политику, Актуарий взвешивает полезность нашего существования, палачи обеспечивают равноправие — таковы их функции».

«Верно! — Базиль придал физиономии подобающую случаю торжественность. — Что ж, как я уже говорил, я проверил пару раз новую методику лечения и достиг определенного успеха. В случае Максимилиана Герцога наблюдается тяжелая — можно сказать, даже экстремальная форма синдрома. Если мне удастся вылечить Герцога или, как минимум, существенно облегчить его состояние, думаю, что я смогу доказать свою правоту». Базиль гордо откинулся на спинку стула.

«Возникает впечатление, — заметил Кудеяр, — что, если у тебя все получится, ты вполне можешь стать аспирантом».

«Аспирантом, а может быть и кандидатом. Это было бы достопримечательным достижением!»

«Если твой метод работает».

«Именно это я и намерен доказать с твоей помощью!»

«Не мог бы ты объяснить, в общих чертах, характер твоей новой терапии?»

Базиль опасливо отвел глаза в сторону: «Я еще не готов обсуждать этот вопрос. Скажу только, что, вопреки традиционным методам, мой подход отличается быстротой и натиском — это шоковая терапия. Естественно, состояние Герцога может даже ухудшиться. В каком случае, — Базиль скорбно улыбнулся, — меня ожидают крупные неприятности. Меня обвинят в самых ужасных вещах — в использовании людей в качестве подопытных кроликов. И, надо полагать, такие обвинения будут справедливы. Но, спрашивается, в каком еще качестве можно было бы использовать этих несчастных? Какой еще цели может послужить ничемная жизнь кататоника?» Базиль сменил жалобный тон на деловитый: «Мне нужна твоя помощь. Если я добьюсь успеха, тебе это будет выгодно как моему сотруднику. По той же причине, однако, ты рискуешь».

«Каким образом?»

Базиль обвел презрительным взглядом обедающих работников паллиатория: «Руководство не выразило никакой симпатии по поводу моего проекта».

«Я тебе помогу», — сказал Кудеяр. **3**

Базиль Тинкуп вел Кудеяра по коридорам паллиатория; одну за другой они миновали палаты с одинаковыми рядами коек, и на каждой койке было обращено к потолку неподвижное белое лицо. Наконец они приблизились к двери из гофрированного магния, усеянного контактами электрических разрядников. Базиль наклонился к микрофону и назвал

себя — дверь отодвинулась в сторону.

Они прошли по короткому, выложенному белой плиткой туннелю в палату № 101 — обширное пятиугольное помещение с разделенными пластиковыми перегородками капсулами по периметру. Пациенты лежали под прозрачными колпаками на обтянутых белой материей дисках, окаймленных металлическими обручами на опорах. Над каждым пациентом висел еще один обруч с натянутой на нем сеткой эластичных ремней, готовый мгновенно упасть и сомкнуться с нижним обручем при первом появлении признаков перехода больного в маниакальное состояние. На пациентах не было никакой одежды, кроме окружавшей поясицу и верхнюю часть бедер оплетки из перфорированного металла, по словам Базиля не позволявшей маньяку нанести себе увечья в приступе бешенства.

«Отчаянные усилия этих людей невероятны! Видишь смирительный диск над койкой?»

«Он выглядит эффективным средством сдерживания», — заметил Кудеяр.

«Он эффективен. Каждый ремень выдерживает усилие, равное более чем шести тысячам килограммов. По-твоему, этого должно быть достаточно?»

«Вполне достаточно».

«Рой Альтвенн, в приступе ярости, порвал три таких ремня. Максимилиан Герцог трижды разорвал по два ремня!»

Кудеяр только покачал головой: «Кто из них — Герцог?»

Базиль указал на одну из капсул, в которых пациенты напоминали насекомых в огромных прозрачных куколках. Герцог, человек невысокий, но исключительно широкий в плечах, весь бугрился мышцами, напоминавшими спутанные корни лиственницы.

«Потрясающе! — с почтением заметил Базиль. — Как им удается сохранять такой мышечный тонус в полной неподвижности? Казалось бы, следовало ожидать общей атрофии — но они поддерживают форму цирковых атлетов!»

«Вероятно, этот вопрос заслуживает отдельного изучения, — отозвался Кудеяр. — Может быть, мозг кататоника способствует выделению гормона, укрепляющего мышцы — что-нибудь в этом роде?»

Базиль поджал губы: «Возможно, возможно...» Он нахмурился и кивнул: «Да, придется этим заняться. Любопытная гипотеза... Скорее всего, однако, мышечный тонус поддерживается постоянным внутренним напряжением. Обрати внимание на выражение лиц этих пациентов — они существенно отличаются от других кататоников».

Кудеяр не мог не заметить, что наблюдение Базиля соответствовало действительности. Каждое из бледных неподвижных лиц казалось маской застарелого отчаяния — их зубы были плотно сжаты, носы выглядели заостренными и обескровленными, словно вырезанными из кости. Самой дикой, самой отчаянной маской было лицо Максимилиана Герцога: «И ты думаешь, что сможешь его вылечить?»

«Да-да. Но прежде всего нужно переместить его ко мне в лабораторию».

Кудеяр взглянул на плотное тело Герцога — сжавший кулаки силач, вытянувшийся, как по струнке, явно готов был взорваться в любую минуту подобно котлу, едва выдерживающему внутреннее давление. «Это безопасно?» — приглушенным голосом спросил Кудеяр.

Базиль рассмеялся: «Само собой, мы принимаем все возможные меры предосторожности. Например, тридцать миллиграммов мейорала сделают его расслабленным и податливым, как и подобает подопытной крысе».

Базиль зашел в отделение Герцога, раскрыл его капсулу и приложил к его шее

наконечник подкожного инъектора. Послышалось тихое шипение успокоительного средства, вливаемого в артерию. Базиль отступил от капсулы и подал знак.

Два фельдшера принесли носилки, протиснули их в капсулу и закрепили ремнями плечи, бедра и колени Герцога. Один из фельдшеров передал Базилю какую-то справку — тот подписал ее, и с формальностями было покончено. Фельдшеры включили левитационный привод — носилки приподнялись, покачиваясь под весом пациента, после чего их передвинули в камеру лифта, особый трубопровод которого тянулся под полом палаты.

«Мы можем уйти отсюда, — сказал Базиль Тинкуп. — Герцога доставят в мою лабораторию». 4

Базиль и Кудеяр прошли через приемную, где Сет Каддиган сидел за столом, заваленным папками и графиками. Психиатр поднял голову и тут же вернулся к работе. Открыв боковую дверь своего внутреннего кабинета, Базиль провел Кудеяра к еще одной двери в стене, противоположной входу, и набрал код, нажимая на кнопки — дверь сдвинулась в сторону, и они зашли в лабораторию.

С одной стороны этого небольшого, скромно меблированного помещения стояла койка, обитая белым санифлексом, с другой находились конторка с приборами, экранами и прочим больничным оборудованием, а также застекленный шкаф, содержащий бутылки, склянки, коробки и справочники.

Базиль пересек лабораторию и раздвинул панель в стене — за ней, в озаренной бледно-голубым светом трубе, покоилось на висящих в воздухе носилках безвольное тело Максимилиана Герцога.

Базиль потирал руки: «Вот он, катализатор нашего крутого подъема! Надеюсь, что бедняге Герцогу этот процесс тоже окажется полезен».

Они сняли Герцога с носилок и уложили его на койку. Базиль ослабил стягивавшие пациента ремни, а Кудеяр полностью удалил их. «А теперь, — объявил Базиль, — перейдем к процедуре как таковой. В каком-то смысле она...» Базиль помолчал, выбирая слова: «Что ж, точнее всего ее можно определить, как нападение на первоисточник синдрома».

Базиль распрямил тяжелый торс Максимилиана Герцога, поправил положение его рук и ног. После инъекции седативного препарата выражение напряженного отчаяния на лице Герцога чуть смягчилось, он слегка расслабился. Базиль зашел за конторку и повернул несколько переключателей на приборной панели, после чего вернулся к пациенту и прижал к его широкой груди металлический цилиндр. На экране мелькнули огоньки, под ними появилось число «38».

«Пульс слабоват, — заметил Базиль. — Придется подождать несколько минут. Мейорал выдыхается довольно быстро».

«И что потóm? — поинтересовался Кудеяр. — В каком состоянии он очнется — кататоническом или маниакальном?»

«Скорее всего, в кататоническом. Присаживайся, Гэйвин — я попробую объяснить, в чем заключается мой метод».

Кудеяр сел на табуретку, а Базиль прислонился к спинке койки. Цилиндрический пульсометр оставался на груди Герцога; данные на экране обновились — теперь в нижней

строке светилось число «41».

«В уме шизофреника, — начал Базиль, — в той или иной мере нарушены или повреждены синаптические связи. В уме кататоника наблюдается другая картина. По своему характеру она напоминает двигатель, заглухший при попытке преодолеть препятствие, кажущееся непреодолимым».

Кудеяр понимающе кивнул. Огоньки на экране мелькали чуть быстрее, регистрировался пульс «46».

«Естественно, — продолжал Базиль, — предлагались всевозможные теории и методы. Все они, в общем и в целом, относятся к той или иной основной категории — анализа, применимого только в начальной стадии невроза, когда еще сохраняется возможность общения с пациентом, или гипнотического внушения, представляющего собой, в сущности, попытку возвести надстройку на изначально ненадежном фундаменте. Лекарственные средства во многом способствуют лечению двумя перечисленными методами, а также могут оказывать полезное действие сами по себе. Их воздействие, однако, можно уподобить лишь временному обезболиванию неправильно функционирующих органов — оно не приводит к долгосрочным положительным результатам. Кроме того, применяются электрошоковые процедуры, химическое регулирование функций гормональных желез, а также другие электрические, механические и даже духовные средства воздействия. В некоторых обстоятельствах электрический шок позволяет добиваться поразительных успехов, но в большинстве случаев эта процедура сама по себе наносит пациенту дополнительную травму.

Возможно хирургическое вмешательство, то есть удаление возбуждающей синдром части мозга. Некоторые специалисты рекомендовали поэтапное временное или необратимое прерывание синаптических контуров. Кроме того, предлагался так называемый «вортекс» — случайная перестановка всех мозговых структур в надежде на то, что нормальные психические функции инстинктивно «перезапустятся». Наконец, Гоствальд Певишевский предложил систему, сходную с процессом, благодаря которому становится возможной подготовка суррогатов амарантов: ускоренное выращивание нового индивидуума из эмбриональной клетки пациента — но такую дорогостоящую процедуру, несмотря на ее эффективность, вряд ли можно назвать «лечением». Разумеется, я внимательно рассмотрел все эти методы, но ни один из них меня не удовлетворил. Ни один из них не направлен на уничтожение первопричины кататонического состояния, а именно, просто-напросто, подавленности, раздражения, депрессии, меланхолии — называйте это как хотите. Для того, чтобы исцелить кататоника, мы должны устранить непреодолимое препятствие — то есть либо изменить всю структуру нашего общества, что практически неосуществимо, либо изменить восприятие кататоника так, чтобы препятствие больше не казалось ему непреодолимым».

Кудеяр снова кивнул: «Пока что все понятно».

Базиль Тинкуп отозвался почти скорбной усмешкой: «Казалось бы, проще простого, не так ли? Так оно и есть — но, самым поразительным образом, авторы большинства предлагаемых терапевтических подходов не принимают во внимание столь очевидные умозаключения. Как удалить из ума кататоника подавляющее его безысходное раздражение? Последствия гипнотического внушения неудовлетворительны и кратковременны. Хирургическое вмешательство невозможно оправдать, так как в организме кататоника нет никаких физиологических нарушений. Электрический шок и хаотический «вортекс» также неприменимы, потому что синаптические связи и структуры в мозгу кататоника ничем не

отличаются от нормальных. Поэтапное прерывание нежелательных замкнутых нейронных контуров, в сочетании с лечением успокоительными препаратами, представляется более перспективным. Задача состоит в том, чтобы сделать воздействие таких методов выборочным».

Кудеяр покосился на экран: пульс Герцога участился до 54.

«Я нашел важнейший ключ к разгадке этой головоломки в работах Хельмута и Жерара из Нейрохимического института, — продолжал Базиль. — Я ссылаюсь, разумеется, на их анализ химических характеристик синаптических связей. По сути дела, они разобрались в том, что происходит, когда импульс передается от одного нервного окончания к другому. Передача таких импульсов — основа нашего мышления. Заключение Хельмута и Жерара исключительно любопытно. Когда стимул передается от одного нервного окончания к другому, в области синапса имеют место более двадцати последовательных химических реакций. Если какая-либо из этих реакций подавляется, стимул не передается».

«Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь», — вставил Кудеяр.

«Химический анализ синаптических связей позволяет предположить, что существуют средства, позволяющие контролировать мыслительные процессы кататоника. Цель заключается в том, чтобы стереть воспоминания о непреодолимом препятствии, об основной проблеме пациента. Как осуществить такой выборочный контроль? Очевидно, что следует нейтрализовать какое-либо из химических соединений в одном или нескольких синапсах, участвующих в нежелательном мыслительном процессе — или катализатор реакции такого соединения. Для того, чтобы наше воздействие было выборочным, мы должны атаковать химически неустойчивое вещество, появляющееся лишь кратковременно и непосредственно в процессе передачи мыслительного импульса. В списке участвующих в синаптической цепной реакции веществ, выявленных Хельмутом и Жераром, значится именно такое характерное соединение, которое они называют «гептантом». Оставалось только сформулировать хелат, способный связывать гептант и необратимо прерывать реагирование гептанта в активном синаптическом контуре. Я поручил решение этой задачи дидактору Воксину Туддерштеллю из биохимической клиники Максарта». Базиль подошел к застекленному шкафу и вынул из него склянку из темно-оранжевого стекла: «Вот он — антигептант! Растворяется в воде, не токсичен, высокоэффективен. Пока это вещество содержится в кровеносных сосудах мозга пациента, оно действует, как лазерный луч, стирающий часть записи на цифровом диске, прерывая любые активированные синаптические связи, но не повреждая бездействующие контуры».

«Базиль, это просто гениальная идея!» — чистосердечно заявил Кудеяр.

«Оставалась одна серьезная проблема, — улыбнулся Базиль. — Мы не хотели бы стирать какую-либо часть лексикона пациента — что стало бы, с первого взгляда, неизбежным побочным действием такого лечения. К счастью, антигептант не воздействует на хранящийся в памяти словесный запас. Почему это так, я не знаю, но в данный момент эта очередная загадка меня мало беспокоит — ее существование меня только радует».

«И ты уже проверял действие антигептанта?»

«В ограниченном объеме, на пациенте, невроз которого только начинал проявляться. Возможность положительного воздействия на Герцога будет иметь решающее значение».

«Частота его пульса приближается к нормальной, — заметил Кудеяр. — Нужно соблюдать осторожность, иначе...»

Базиль беззаботно отмахнулся: «Не беспокойся! Мы всегда можем сбросить на него

смирительную сбрую». Он указал на переплетение ремней в трубчатом обруче, подвешенное над койкой: «По сути дела, нам предстоит стимулировать его переход в маниакальную стадию».

Кудеяр поднял брови: «На мой взгляд, следовало бы во что бы то ни стало предотвращать такое развитие событий».

Базиль покачал головой: «Нужно, чтобы все его мысли были поглощены непреодолимым препятствием, трагедией его жизни. В этот момент мы впрыснем ему антигептант. Абракадабра! Гептант, благодаря которому продолжается короткое замыкание, ведущее к буйному помешательству, будет нейтрализован. Злополучная последовательность мыслей прервется, и вместе с ней исчезнет проклятое препятствие. Человек станет психически нормальным».

«Простое решение сложнейшей задачи!»

«Простое и элегантное». Базиль наклонился к лицу Герцога: «Он приходит в сознание. Теперь, Гэйвин, будь готов в любой момент опустить смирительные ремни и регулируй дозировку антигептанта».

«Как это делается?»

«Прежде всего нужно определить оптимальную концентрацию антигептанта в мозгу пациента. Если концентрация будет слишком высокой, процесс будет продолжаться слишком долго, и мы сотрем слишком большое количество информации». Базиль вынул из шкафа контактные зажимы и закрепил их на голове Герцога: «Антигептант слегка радиоактивен, что позволяет без труда проследивать его поступление в мозг и последующее разложение с образованием нейтральных веществ... Сперва откалибруем прибор». Базиль подсоединил длинный тонкий провод к гнезду в основании экрана. Небольшой участок экрана загорелся темно-лиловым светом. Базиль повернул циферблатный регулятор — освещенный участок экрана стал малиновым, красным, рыжим и снова красным. Базиль оставил регулятор в последнем положении: «Это наш калибр. Антигептант должен поступать в кровь пациента в количестве, достаточном для того, чтобы индикатор стал желтым, но недостаточном для того, чтобы на экране появился зеленоватый оттенок. Ты меня понимаешь?»

«Хорошо понимаю».

«Прекрасно!» Теперь Базиль приготовил шприц и без дальнейших церемоний воткнул его иглу в сонную артерию Герцога. Герцог вздрогнул; его пульс участился до 70.

Базиль подсоединил шприц длинной тонкой трубкой к темно-оранжевой склянке: «Видишь эту кнопку? Каждое ее нажатие высвобождает в мозг Герцога миллиграмм антигептанта. Вот переключатель, сбрасывающий смирительную сбрую. Как только я подам команду, сбрасывай ремни. Но постарайся сделать это так, чтобы я не запутался в ремнях вместе с Герцогом. Когда я подниму руку, нажимай кнопку, подающую антигептант. Все ясно?»

Кудеяр кивнул.

Базиль взглянул на экран: «Я введу ему стимулирующий препарат, чтобы восстановить его обычное кататоническое состояние». Он выбрал в шкафу еще один инъектор и впрыснул возбуждающее средство в шею пациента.

Грудь Максимилиана Герцога всколыхнулась, его дыхание стало тяжелым и глубоким, мышцы его лица напряглись и застыли знакомой маской мрачного отчаяния. Кудеяр заметил, однако, что Герцог мелко дрожал всем телом, что его пальцы сжимались и

разжимались. «Осторожно! — предупредил Кудеяр. — Он сейчас начнет буйствовать».

«Очень хорошо! — отозвался Базиль. — Это как раз то, что нам нужно». Базиль проверил правильность всех приготовлений: «Если потребуется, не мешкай — сбрасывай ремни!»

Кудеяр кивнул: «Я готов».

«Хорошо!» — повторил Базиль. Наклонившись над массивным телом Герцога, он позвал: «Герцог! Максимилиан Герцог!»

Пациент, казалось, медленно набирал воздух в легкие.

«Герцог! — громко и настойчиво восклицал Базиль Тинкуп. — Максимилиан Герцог! Очнись!»

Пациент вздрогнул.

«Герцог! Тебе пора проснуться. У меня есть для тебя новости — хорошие новости. Максимилиан Герцог!» Ресницы пациента затрепетали. Базиль обернулся к Кудеяру и поднял руку: «Антигептант».

Кудеяр нажал на кнопку. Трубка, соединенная со шприцем, слегка колыхнулась — вещество вливалось в шею пациента. Через несколько секунд красный индикатор на экране стал оранжевым и, продолжая светлеть, желто-оранжевым. Базиль, следивший за экраном, кивнул и снова повернулся к пациенту: «Герцог! Очнись! Хорошие новости!»

Глаза пациента чуть приоткрылись. Желтый индикатор стал краснеть. «Антигептант!» — поднял руку Базиль. Кудеяр нажал на кнопку — индикатор снова пожелтел.

«Герцог! — Базиль говорил низким, внушительным голосом. — Ты провалился, ты ничего не достиг. Тебе не удастся стать аспирантом — *антигептант, Гэйвин!* — Ты старался изо всех сил, Герцог, но ты делал ошибки. И в этом тебе остается винить только самого себя. Ты пустил свою жизнь коту под хвост, Герцог!»

Из гортани Герцога послышался тихий звук, похожий на подывивание ветра. Базиль снова поднял руку, Кудеяр увеличил дозу антигептанта. «Максимилиан Герцог! — поспешно и настойчиво повторял Базиль. — Ты — неудачник, ты недостойн продвижения. Другие станут аспирантами — но только не ты. Ты провалился на экзамене жизни. Вся твоя жизнь — бесполезная потеря времени. Ты применял ошибочные методы, ты сделал неправильный выбор».

На лбу пациента вздулись вены. Он хрипел, он хотел что-то сказать.

«Антигептант, Гэйвин!»

Кудеяр нажал на кнопку — на экране светился ярко-желтый индикатор. Пациент конвульсивно вздрагивал; Базиль говорил ему: «Герцог! Ты помнишь, как бесполезно ты тратил годы жизни? Ты помнишь, как ты упускал возможности, одну за другой? Помнишь людей, которые ничем не умнее и не способнее тебя, но сумели стать аспирантами и кандидатами? А тебе уже не на что надеяться, тебе остается только ждать, пока не подъедет черный лимузин!»

Максимилиан Герцог медленно приподнялся и сел на койке. Покосившись на Базиля, он повернул голову и сосредоточил взгляд на Кудеяре.

Наступило молчание. Базиль пригнулся, готовый отскочить. Кудеяр застыл, прикоснувшись к переключателю смирительной сбруи. Индикатор на экране снова покраснел.

«Больше антигептанта?» — спросил Кудеяр.

«Нет! — тревожно отозвался Базиль. — Еще нет... Мы не хотим стереть слишком

много».

«Стереть слишком много чего?» — спросил Максимилиан Герцог. Подняв руки, он нащупал контактные зажимы на голове и трубку, висящую на воткнутом в шею шприце: «Что это? Зачем это все?»

Базиль успокаивающе приподнял ладони: «Пожалуйста, не снимайте эти устройства. Они необходимы для лечения».

«Для лечения? — Герцог явно находился в замешательстве. — Разве я заболел? Я хорошо себя чувствую». Он провел ладонью по лбу: «Никогда не чувствовал себя лучше. Вы уверены, что мне нужно было явиться в врачу? Я...» Пациент нахмурился: «Меня зовут...»

Базиль многозначительно встретился глазами с Кудеяром. Антигептант заставил Герцога забыть свое имя.

«Вас зовут, — сказал Базиль, — Максимилиан Герцог».

«А! Да-да, именно так, — Герцог посмотрел по сторонам. — Где я?»

«Вы в больнице, — успокоительно объяснил Базиль. — Вам стало нехорошо, и мы вас лечим».

Максимилиан Герцог бросил на Базиля пронизательный недружелюбный взгляд. Базиль продолжал: «Думаю, что вам лучше прилечь и еще немного отдохнуть. А через несколько дней вас выпишут, и вы снова сможете заниматься своими делами».

Герцог опустил на койку, но продолжал с подозрением переводить взгляд с Базиля на Кудеяра и обратно: «Где я? Что со мной случилось? Я все еще не имею никакого представления». Он заметил смирительную сбрую над головой: «Что...» Быстро повернувшись к Кудеяру, он присмотрелся к небольшой нашивке фельдшерской униформы с надписью «Баллиасский паллиаторий».

«Паллиаторий! — прохрипел Герцог. — Вот что случилось! Я стал живым трупом!» Жилы на его шее напряглись, голос стал срываться: «Пустите меня отсюда, я в полном порядке! Я в своем уме — не хуже любого другого!» Он сорвал с головы контактные зажимы, схватился за подающую препарат трубку и выдернул ее вместе со шприцем.

Базиль попытался вмешаться: «Нет-нет! Успокойтесь!»

Герцог оттолкнул Базиля в сторону одним взмахом руки и стал подниматься на ноги.

Кудеяр повернул переключатель; ремни придавили Герцога к койке — тот взревел и принялся вопить с пеной у рта, бешено извиваясь и брыкаясь. Протиснув руки сквозь отверстия смирительной сбруи, он хватал ими воздух и судорожно размахивал ими, как перевернутый жук, старающийся зацепиться за что-нибудь конечностями.

Улучив момент, Базиль подскочил к нему с инжектором в руке, и вскоре Герцог снова затих.

«Несколько минут он вел себя вполне рационально, — осторожно заметил Кудеяр. — Есть надежда, что твой метод окажется успешным».

«Надежда? — возмутился Базиль Тинкуп. — Гэйвин, еще ни один метод никогда не приводил к такому невероятному успеху!»

Они подняли сплетение ремней с распластавшегося на койке тела, привязали Максимилиана Герцога к носилкам и вставили носилки в транспортный трубопровод.

«Завтра, — сказал Базиль, — мы глубже прозондируем перекрестные связи. Нужно не только искоренить самые непосредственные стимулы — мы должны избавить его психику от обременяющих ее вторичных ассоциаций».

Когда они вернулись через внутренний кабинет Базиля в приемную, Сет Каддиган все

еще сравнивал какие-то графики. «Так что же, господа? — спросил психиатр. — Как продвигаются исследования?»

«Потихоньку, помаленьку», — скрытно обронил Базиль.

Каддиган скептически покосился на ассистента дидактора, начал было что-то говорить, но пожал плечами и отвернулся.

Базиль и Кудеяр спустились к одной из древних таверн, приютившихся у самой реки по другую сторону Прибрежной дороги. Опустившись на сиденья в кабинке между перегородками из вощеного темного дерева, они попросили принести им пива.

Кудеяр провозгласил поздравительный тост в честь эпохального достижения Базиля, а Базиль, в свою очередь, выразил уверенность в том, что Кудеяра ожидают блестящие успехи.

«Несомненно, ты принял самое правильное решение, избавившись от Карневала, — заметил Базиль. — Кстати, вчера вечером мне позвонила твоя приятельница, амаранта Джасинты Мартин».

Кудеяр насторожился.

«Понятия не имею, чего она от меня хотела, — продолжал Базиль, покручивая в воздухе кружкой с остатками пива. — Мы поболтали пару минут, после чего она меня поблагодарила и отключила экран. Обворожительное создание!» Базиль опорожнил кружку и со стуком поставил ее на стол: «Гэйвин, мне пора вернуться домой и выспаться».

Выйдя из таверны, два приятеля попрощались. Базиль спустился в подземку, чтобы доехать до своей скромной квартиры на Семафорном холме, а Кудеяр задумчиво прогулялся вдоль Прибрежной дороги.

Амаранту Джасинты явно интересовали обстоятельства ее кончины в Карневале. Что ж, у Базиля трудно было что-либо разузнать об этих обстоятельствах, а Кудеяр не собирался распространяться по этому поводу.

Чудовище! Кудеяр невесело усмехнулся. Если бы он сказал правду, в глазах всех обитателей Кларджеса он превратился бы в вызывающее ужас существо из ночного кошмара, в похитителя жизни.

Власти скрывали факт убийства амаранты Джасинты Мартин — как это делалось в большинстве случаев, когда совершались преступления против амарантов. Кудеяр хорошо помнил, какое всеобщее ожесточение вызвала семь лет тому назад невозможность скрыть гибель амаранта Абея Мондевиля.

Кудеяр подошел к еще одной старой речной таверне под наименованием «Тузитала», стоявшей на сваях над темными водами Чанта. Она зашел туда, выпил еще кружку пива и съел кулебяку из слоеного теста с жареными креветками.

На большом настенном экране комментатор обсуждал последние новости. Закусывая, Кудеяр успел узнать обо всем, что происходило в этот день в Кларджесе и его окрестностях. Комиссия по контролю эксплуатации природных ресурсов утвердила проект мелиорации болот вокруг Пропащего озера к югу от Разводья, тем самым обеспечив возможность эксплуатации более чем сорока тысяч гектаров дополнительных пахотных земель. Учитывая ожидаемое в результате увеличение выхода сельскохозяйственной продукции, Пританеон мог допустить прирост населения в размере ста двадцати трех тысяч человек, тем самым открывая дополнительные вакансии в каждой из фил. На экране продемонстрировали сцену получения поздравлений в связи с принятием этого решения автором проекта, Гаем Лэйлом. По словам диктора, благодаря такому успеху Гай Лэйл должен был почти неизбежно стать амарантом.

Другая новость: канцлер Клод Аймиш совершил древний обряд созыва заседания Пританеона. Аймиш, крупный субъект с развинченной походкой и притворно-обаятельной улыбкой, не отличался особыми талантами; впрочем, для выполнения его архаических обязанностей никакие особые таланты не требовались.

«Из глубокого космоса вернулся домой звездолет «Отважный»! — объявил диктор. — Бесстрашные астронавты посетили Плеяды, изучили «собачью звезду» Сириус и десять ее «собачьих планет». Они привезли на Землю груз любопытнейших артефактов, доступность которых для обозрения будет зависеть от подтверждения их безопасности».

Затем комментатор перешел к двухминутному интервью с Каспаром Джарвисом, генеральным директором Коллегии Палачей, высоким человеком с бледным лицом, густыми черными бровями и жгучими черными глазами. Джарвис упомянул о вызывающей беспокойство деятельности извращенцев на площади Эстергази и бербаров, кишевших в мало посещаемых кварталах окраин Карневала. По его мнению, в том случае, если условия не улучшатся в ближайшее время, требовалось сформировать в Карневале правоохранительный «отряд особого назначения». В последнее время поступали сообщения о невыразимых преступлениях, совершавшихся в Карневале. Общественность Кларджеса настаивала на восстановлении порядка и законности.

Диктор закончил выпуск новостей виталистическим отчетом — сплетнями о том, кому удалось прорваться в следующую филу, намеками на конфиденциальную информацию, слухами о новых трюках и приемах, которые могли бы способствовать скорейшему «подъему» слушателей.

Когда Кудеяр вышел из «Тузиталы», на Кларджес уже спустились сумерки. В темном туманном небе смутно отражались городские огни. Стоя на тротуаре, он ощущал доносящийся отовсюду, но почти беззвучный трепет огромного города, соревнование десяти миллионов умов.

Южнее, в нескольких километрах, находились Эльгенбург и космопорт. Кудеяр подавил в себе желание взглянуть на вернувшийся звездолет и проехал по тротуару Прибрежной дороги вниз по течению реки, мимо верфей и доков, мимо темных складов Вибльсайда, в район Марбона. Там он спустился на Марбонскую станцию подземки, зашел в капсулу и набрал код станции Эстергази. Через несколько минут он поднялся на поверхность поблизости от кафе «Далмация».

Вскоре после того, как Кудеяр опустился на стул за своим любимым столиком, к нему присоединился знакомый регулярный посетитель кафе — худосочный молодой человек с круглыми желтыми глазами по имени Óдин Ласло, занимавшийся статистической математикой в Актуарии. Кроме того, Ласло делал параллельную карьеру в качестве хореографа.

Узнав о том, что Кудеяр продвигался в Баллиасском паллиатории, Ласло разволновался: «Подумать только! А я как раз замышляю единственный в своем роде жутковатый балет, посвященный жизни кататонических маньяков! На темной сцене светает — танцоры символизируют мозг кататоника, неподвижный и прозрачный, как хрусталь. Постепенно нарастает напряжение, кульминирующее в приступе маниакального буйства, за которым следуют принудительное смирение и достойное жалости, не находящее выхода мучительное отчаяние. Наступает ночь — танцоры страдают в беспросветном одиночестве. Наконец — постепенно, мало-помалу — снова наступает рассвет».

Кудеяру не хотелось обсуждать эту тему. «Вы заставляете меня вспоминать о

неприятной работе, а я сюда пришел, чтобы о ней забыть», — пожаловался он.

Покончив с привычной чашкой чая, он пожелал спокойной ночи знакомым, проехал по тротуару Аллеманд-авеню к переулку Фариота, поднялся к своей квартире и открыл дверь.

На диване в его гостиной молча сидела амаранта Джасинты Мартин.

VIII

Амаранта Джасинты поднялась на ноги: «Надеюсь, вы извините мое вторжение. Дверь была открыта, и я решила зайти».

Кудеяр хорошо помнил, что, уходя, он закрыл дверь на замок. «Рад, что ты меня навестила! — сказал он, сделал пару размашистых шагов вперед, обнял ее и тепло поцеловал. — Я тебя ждал».

Амаранта Джасинты высвободилась из объятий и смерила Кудеяра неуверенно-возмущенным взглядом. На ней были белая туника поверх бледно-голубого трико, белые сандалии и темно-синий плащ с белой подкладкой. Ее волосы распустились серебристо-золотистой волной, ее зрачки расширились, из-за чего глаза казались необычно большими и темными.

«Ты выглядишь неотразимо! — развел руками Кудеяр. — Если бы ты снова зарегистрировалась в расплоде, тебя сразу сделали бы амарантой только благодаря твоей красоте».

Он снова попытался ее обнять, но она отступила на шаг. «Позвольте мне вас разочаровать, — холодно сказала амаранта Джасинты. — Каковы бы ни были ваши взаимоотношения с предыдущей Джасинтой, они не распространяются на меня. Я — новая Джасинта».

«Джасинта? Но тебя зовут не так! По меньшей мере, ты представилась мне под другим именем».

«Поверьте мне, я лучше знаю, как меня зовут». Она отступила еще на шаг и снова смерила его взглядом с головы до ног: «Вы — Гэйвин Кудеяр?»

«Разумеется!»

«Вы очень похожи на другого человека — на Грэйвена Кудесника».

«Грэйвен Кудесник покинул этот бранный мир. Я его реликт».

Брови амаранты Джасинты взметнулись: «В самом деле?»

«В самом деле. Но я не понимаю... если ты — новая Джасинта, зачем ты ко мне пришла?»

«Я все объясню, — деловито отозвалась красавица. — Я — амаранта Джасинты Мартин. Месяц тому назад моя предыдущая версия претерпела трансформацию в Карневале. По всей видимости, вы меня сопровождали вечером того дня — по меньшей мере в течение некоторого времени. Мы прибыли вместе в кафе «Памфилия», где к нам присоединились Базиль Тинкуп, а затем амаранты Альбера Пондиферри и Дени Лестранжа. Непосредственно перед моей кончиной вы и Базиль Тинкуп ушли из кафе. Я правильно описываю события?»

«Мне нужно собраться с мыслями, — ответил Кудеяр. — Насколько я понимаю, ты не Мира Мартин, и ты не из сословия гларков?»

«Я — амаранта Джасинты Мартин».

«И тебя подвергли необратимой трансформации?»

«Разве вам это не известно?»

«Я помню, что ты положила руки на стол и опустила голову на руки. Так как перед этим ты приняла пилюлю «Стиммо» и выпила несколько коктейлей, мы решили, что ты перевозбудилась. Амаранты Альбера и Дени пообещали, что позаботятся о тебе. После чего мы с Базилем ушли». Кудеяр пригласил ее жестом: «Присаживайся, я принесу вина».

«Нет. Я пришла только для того, чтобы получить информацию».

«Очень хорошо! Что еще, в таком случае, ты хочешь знать?»

Глаза бессмертной Джасинты вспыхнули: «Я хочу знать, как закончилась моя жизнь! Кто-то подло и безжалостно лишил меня жизни! Во что бы то ни стало я узнаю, кто это сделал, и он дорого заплатит за свою развращенную низость!»

«Ни о какой низости не может идти речь, — вежливо напомнил ей Кудеяр. — Ты все еще жива. Ты стоишь передо мной, ты дышишь, в твоих жилах течет кровь, ты излучаешь молодость и красоту».

«Именно таким образом Чудовище оправдывало бы свое преступление».

«Ты считаешь, что я — Чудовище? Ты считаешь, что я отнял у тебя жизнь?»

«Я еще ни в чем вас не обвиняла. Но ваш образ мыслей позволяет сделать такое предположение».

«Тогда мне придется отказаться от всякого образа мыслей, — пожал плечами Кудеяр. — В любом случае, мне приходит в голову гораздо более приятное времяпровождение». Он снова попытался ее обнять.

Она снова отступила, покраснев от гнева и смущения: «Каковы бы ни были ваши взаимоотношения с моей предшественницей, они остались в прошлом. Для меня вы — незнакомец».

«Но я с удовольствием познакомлюсь с тобой снова! — заверил ее Кудеяр. — Неужели ты откажешься выпить со мной по бокалу хорошего вина?»

«Я не хочу ничего пить. Я хочу знать! Я должна узнать, как меня лишили жизни! — Джасинта трясла в воздухе кулаками. — Я должна это узнать и я это узнаю! Скажите правду!»

Кудеяр пожал плечами: «Что еще я могу сказать?»

«Мы встретились — вы и я. Где мы встретились? Когда? Разве вы не работали в Карневале, зазывалой в будке перед Дворцом Жизни?»

«Заметно, что ты успела посплетничать с Базилем Тинкупом».

«Успела. Месяц тому назад вы работали зазывалой в Карневале. Внезапно вы бросили это дело, которым занимались семь лет, зарегистрировались в расплоде и полностью изменили распорядок своей жизни. Почему?»

Кудеяр надвигался на Джасинту — та продолжала отступать, пока не уперлась спиной в стену. Кудеяр положил руки ей на плечи: «Ты задаешь неуместные вопросы и лезешь не в свое дело».

«Даже так! — низким, глухим голосом выдавила она. — Как просто было тебя найти! Как безошибочно читается вина на твоём лице!»

«Ты уже сделала бесповоротные выводы. Ты настаиваешь на том, что я — Чудовище».

Она взяла его за кисти рук и сбросила его ладони со своих плеч: «Не прикасайся ко мне!»

«В таком случае тебе незачем здесь оставаться».

«Так ты не ответишь на мои вопросы — добровольно и без утайки?»

«Нет — под давлением твоих допущений я на стану ни о чем говорить».

«Тогда тебя заставят отвечать! Детектор лжи позволит установить истину, ты не отвертись!» Протиснувшись мимо Кудеяра, она промаршировала к двери. Перед тем, как выйти, она остановилась и снова взглянула на него. **2**

Кудеяр прислушивался к удаляющимся звукам ее шагов. Несколько минут он стоял неподвижно, глубоко задумавшись. Если она его подозревала, как она осмелилась явиться к нему одна, так поздно вечером?

Ему в голову пришла внезапная догадка: посмотрев по сторонам, он стал поспешно обыскивать квартиру. Под диваном он нашел передатчик — маленькую коробочку, гораздо меньше ладони. Кто-то несомненно прослушивал их разговор, готовый вмешаться при первых признаках нападения. Тем самым объяснялась ее смелость.

Кудеяр раздавил передатчик каблуком и выбросил его остатки в мусоропровод.

Отломив колбу вина от черенка, он растянулся на диване и попытался спокойно проанализировать ситуацию.

Амаранте Джасинты Мартин достаточно было подписать и подать официальную жалобу. В таком случае палачи проведут его в камеру для допроса. На допросе будут присутствовать три трибуна, следящих за тем, чтобы не выяснились какие-либо посторонние вопросы, но любую относящуюся к обвинению информацию из него рано или поздно выудят.

Если ему удастся продемонстрировать невиновность, амаранта Джасинты Мартин понесет ответственность за возмещение ущерба. Если его вина будет доказана, расправа будет скорой и безжалостной: существованию Гэйвина Кудеяра придет конец.

Кудеяр неприязненно поглядывал на стены квартиры. Его подведет собственный ум — утаить что-либо от детектора лжи невозможно... Кудеяр вскочил на ноги. Детектор лжи? Пусть копаются у него в памяти! Ничего они не найдут! Тот факт, что он стал Чудовищем, явно способствовал высвобождению мыслительных процессов. Табу сдерживают ум, как плотина — натиск штормового моря. Проломи плотину — и через нее прорвется весь океан!

Он расшагивал из угла в угол, яростно вырабатывая план действий. Прошло полчаса. Кудеяр присел за стол, поставив перед собой диктофон, и записал на два диска две продолжительные речи. Первый диск он запаковал в коробку; второй оставил в диктофоне, снабдив его краткой пояснительной запиской, адресованной самому себе.

После этого он запрограммировал часы, чтобы они разбудили его в семь утра, и улегся на постель. **3**

Кудеяр прибыл в паллиаторий раньше обычного, пропуская выходявших навстречу медсестер и фельдшеров, закончивших ночную смену.

Регистратор в приемной потребовал, чтобы он предъявил удостоверение. Кудеяр выполнил его требование и поднялся в лифте на третий этаж.

На столе в кабинете Базиля мигала лампочка автоответчика. Кудеяр нажал на клавишу,

чтобы прослушать сообщение.

«К сведению Базиля Тинкупа, — авторитетно произнес женский голос. — Вам звонят из управления главного врача Бенберри». Наступила непродолжительная пауза, после чего послышался дребезжащий старческий тенор Бенберри: «Базиль, будьте добры, зайдите ко мне без промедления. Я чрезвычайно обеспокоен. Нам следует сформулировать какие-то правила, чтобы ваши исследования не вызывали такое раздражение в комиссии. Вашим недисциплинированным экспериментам нужно положить конец. Обсудите со мной этот вопрос прежде, чем приступите к какой-либо дальнейшей работе».

Кудеяр подошел к двери лаборатории, набрал код, введенный при нем Базилем, и зашел внутрь. Там он выбрал подходящий инжектор и заправил его антигептантом из темно-оранжевой склянки. Препарата оставалось мало, но репрессированному комиссией по биомедицинской этике Базилею Тинкупу он больше не понадобился бы. Тем более, что в той ситуации, в какой оказался Кудеяр, антигептант был незаменим.

Кудеяр перелил раствор антигептанта в другой сосуд, а в темно-оранжевую емкость налил воды. Вернувшись во внутренний кабинет Базиля, он сел за стол и вставил первый из своих дисков в стоявший на столе диктофон.

Приподняв инжектор, Кудеяр приложил его наконечник к шее. Поколебавшись, он опустил инжектор, набросал записку для самого себя и положил ее перед собой на стол, после чего снова поднял инжектор, приложил его к артерии и нажал на курок.

Он ждал, сосредоточивая мысли на поставленной задаче. *«Ни о чем не думай!»* — внушал он себе. Он должен был избавиться от любых мыслей, от любых воспоминаний. *«Ни о чем не думай! Ни о чем!»* Но его мозг пульсировал, как кровоподтек, как ожог, чувствительный к солнечному свету... *«Меня зовут Гэйвин Кудеяр»*...

Эта мысль промелькнула лишь однажды — и после этого он больше не мог вспомнить свое имя. У него на лбу выступили мелкие капли пота, он заставлял себя больше ни о чем не вспоминать. «Ни о чем, ни о чем, ни о чем». Диктофон начал воспроизводить запись. Он услышал свой голос, подробно описывавший обстоятельства смерти первой амаранты Джасинты Мартин и предшествовавшие события.

Запись кончилась. Кудеяр закрыл глаза и откинулся на спинку стула, погрузившись в летаргическую теплоту полного расслабления. Антигептант расщеплялся, разлагался, выдыхался. Мозг Кудеяра начал снова функционировать, мысли появлялись и исчезали, неясные, как силуэты в тумане... Он выпрямился на стуле. Прямо перед ним лежала записка. Он взял ее и прочел:

«Я только что стер из своей памяти всю информацию об определенной последовательности событий. Возможно, это привело к тому, что я забыл о некоторых других вещах. Меня зовут Гэйвин Кудеяр. Если кто-нибудь об этом спросит, я — реликт Грэйвена Кудесника. Я живу в квартире № 820 дома 414 в переулке Фариота».

Записка содержала другие сведения и напоминания. Она заканчивалась следующим образом:

«...Следует ожидать дополнительных пробелов в памяти. Не следует любопытствовать по поводу стертых воспоминаний. Возможно, что к тебе явятся палачи из отряда особого назначения. Они могут отвести тебя на допрос, чтобы попытаться

установить с помощью детектора лжи обстоятельства кончины первой амаранты Джасинты Мартин, о каких обстоятельствах ты ничего не знаешь.

ПРИМЕЧАНИЕ. Сотри последние пятнадцать минут записи на диске, вставленном в диктофон. Не слушай эту запись, так как это сведет на нет последствия очистки памяти. Не забудь стереть запись, вставленную в диктофон!»

Кудеяр прочел записку дважды, после чего задумчиво стер запись на диске. Теперь он помнил свое имя: Гэйвин Кудеяр. Оно ему подходило, в нем было что-то знакомое...

Положив инжектор обратно в застекленный шкаф, он старательно уничтожил все следы своего пребывания в лаборатории.

Уже через несколько секунд прибыл Сет Каддиган. С удивлением взглянув на Кудеяра, психиатр спросил: «Что привело вас в паллиаторий до начала смены?»

«Прилежание, — ответил Кудеяр. — Чувство ответственности».

«Поразительно! — Каддиган сел за стол и просмотрел лежавшие на нем бумаги. — Кажется, все на месте».

Кудеяр игнорировал оскорбительные замечания. Уже через минуту Каддиган поднял голову и сказал: «В паллиатории ходят слухи. Дни Базиля Тинкупа сочтены. Его уволят на основании обвинений в профессиональной некомпетентности. Разумеется, вашей карьере тоже придет конец. На вашем месте я рассмотрел бы возможность продвижения в другой области».

«Благодарю вас, — отозвался Кудеяр. — Честно говоря, Каддиган, я нахожу в вашей откровенной неприязни достоинство новизны. Притворное дружелюбие мне давно уже претило».

Каддиган мрачно улыбнулся и вернулся к работе.

Вскоре послышались шаги Базиля Тинкупа. Он весело заскочил в приемную: «Доброе утро, Сет! Доброе утро, Гэйвин! Потрудимся на славу еще один денек! Сразу перейдем к делу. Потерянное время укорачивает кривую жизни!»

«Какой заразительный оптимизм!» — язвительно произнес Каддиган.

Базиль наставительно покачал указательным пальцем: «Вы еще вспомните о советах старого доброго Базиля, когда к вам постучится палач. Гэйвин, пойдем работать!»

Кудеяр неохотно последовал за Базилем во внутренний кабинет и стоял, смущенно переминаясь с ноги на ногу, пока Базиль выслушивал указания Бенберри, записанные автоответчиком. На какое-то мгновение Базиль Тинкуп осунулся и обмяк, но тут же расправил плечи и глубоко вздохнул: «Еще чего!» Повернувшись спиной к диктофону, он направился к двери в лабораторию: «Я ничего этого не слышал. Ты тоже не слышал никаких инструкций Бенберри, Гэйвин! Ты понимаешь?»

Кудеяр не торопился с ответом. В емкости из-под антигептанта теперь содержалась вода. «Нам нельзя останавливаться! — говорил Базиль. — Мы на краю гигантского прорыва! Если мы позволим запугивать себя бюрократическими препонами, мы все потеряем!»

«Возможно, лучше было бы...» — начал Кудеяр. Базиль резко прервал его: «Тебе придется поступать так, как ты считаешь правильным, Гэйвин. Я намерен завершить эксперимент. Если ты предпочитаешь находиться в другом месте, я обойдусь без тебя».

Кудеяр прикусил язык. Угрозы главного врача для него практически ничего не значили. Но отсутствие антигептанта он вряд ли смог бы объяснить.

Базиль уже наклонился к микрофону внутренней связи, приказывая доставить Максимилиана Герцога к нему в лабораторию.

Кудеяр тянул время. Вливание воды не причинило бы Герцогу никакого вреда; возможно, он вообще не очнулся бы из кататонического забытья. А если очнется — что ж, на этот случай была предусмотрена сбруя.

Последнее смущенное предложение Кудеяра повременить с экспериментом не произвело никакого эффекта — Базиль был твердо намерен приступить к работе: «Если ты не хочешь мне помогать, Гэйвин, уходи — и я только пожелаю тебе всего наилучшего. Но обязан закончить то, что начал. Это имеет для меня огромное значение. Я им покажу, этим ничтожествам! Я выставлю напоказ позорную несостоятельность их методов! Бенберри? Смехотворный старый орангутанг!»

Прозвенел колокольчик. Базиль отодвинул панель больничного трубопровода и потянул на себя левитационные носилки с грузным телом Максимилиана Герцога.

Базиль занялся приготовлениями. Кудеяр неуклюже стоял посреди лаборатории. Если бы он признался в хищении антигептанта, ему пришлось бы объяснить, какими побуждениями он руководствовался. Но в его памяти не осталось никаких следов этих побуждений — ничего, кроме угрожающего намека в записке, которую он написал самому себе.

Базиль истолковал его присутствие, как молчаливое согласие сотрудничать: «Ты помнишь свои обязанности?»

«Да-да», — пробормотал Кудеяр. Сбруя из ремней теперь казалась ему хрупкой и ненадежной. Он приоткрыл дверь в соседнюю кладовую.

«Зачем ты это сделал?» — удивился Базиль.

«На тот случай, если сбруя его не удержит».

«Ммф! — Базиль погладил подбородок. — Сегодня сбруя нам не понадобится. А теперь, если ты готов — начинай подавать антигептант!»

Кудеяр прикоснулся к кнопке — в артерию Герцога поступило небольшое количество чистой воды.

Базиль наблюдал за индикатором интенсивности радиоактивного излучения: «Больше, больше!» Он проверил состояние подкожной иглы: «Что за черт? Почему сегодня все не работает?»

«Может быть, антигептант выдохся и больше не излучает».

«Ничего не понимаю! Вчера все было правильно». Базиль повертел в руках темно-оранжевую склянку: «Раствора еще достаточно... Как бы то ни было, мы обязаны сделать все, что можем». Он наклонился к неподвижной фигуре на койке: «Максимилиан Герцог! Очнись! Максимилиан Герцог! Сегодня тебя выпишут из паллиатория! Очнись!»

Герцог оказался в сидячем положении так неожиданно, что Базиль отскочил и налетел на Кудеяра, спешившего к выходу. Герцог смахнул с головы контакты и вырвал иглу из шеи. С утробным мычанием он вскочил на ноги и стал покачиваться, переступая с ноги на ногу и поглядывая по сторонам.

«Сбрую!» — закричал Базиль.

Герцог наклонился, чтобы схватить Базиля — тот бочком отбежал в сторону, как испуганный краб. Кудеяр опрокинул лабораторный стол, чтобы преградить путь Герцогу, схватил Базиля за руку и потащил его, ошеломленного и спотыкающегося, в кладовую.

Герцог пинком отшвырнул стол и бросился за ними. Дверь кладовой захлопнулась у

него перед носом. Герцог надавил плечом; дверь подалась, но Базиль и Кудеяр налегли на нее с другой стороны.

«Мы не можем здесь оставаться, его нужно связать!» — пыхтел Базиль.

«Как?»

«Не знаю — но это нужно сделать! Иначе вся моя карьера кончена!»

Снаружи послышится какой-то слабый звон и звуки шагов — тяжелых, но в то же время необычно упругих. Шаги затихли, после чего донеслись приглушенный рев и крик, полный ужаса — крик Сета Каддигана.

Кудеяр почувствовал тошноту и головокружение. Крик превратился в жалобное бульканье и умолк. Последовали глухой удар, треск ломающейся мебели, взрыв громогласного хохота и протяжный торжествующий вопль: «Я — Герцог! Убийца Герцог! Максимилиан Герцог!»

Базиль упал на колени. Глядя на него сверху, Кудеяр знал, что стыдиться следовало не Базилью, а ему. Он приоткрыл дверь кладовой и осторожно выглянул из лаборатории во внутренний кабинет и, через еще один дверной проем, в приемную.

Сет Каддиган был мертв. Кудеяр не мог оторвать взгляд от неподвижного растерзанного тела психиатра. В этот момент он воистину почувствовал себя пресловутым Чудовищем. Слезы навернулись ему на глаза.

Базиль Тинкуп, пошатываясь, направился в приемную. Заметив Каддигана, он отвернулся, закрыв лицо руками. Из коридора донеслись визгливый завывающий вопль, хриплое восклицание, а затем — звуки, подобные тем, какие раздаются, когда собака рвет зубами еще живую добычу.

Кудеяр забежал в лабораторию и наполнил инжектор анестетическим препаратом мгновенного действия. Но в качестве оружия инжектор — небольшая металлическая трубка с наконечником — был бесполезнее кухонного венчика для взбивания яичных желтков. Кудеяр схватил жесткую пластиковую трубку длиной метра полтора, примотал инжектор к ее концу клейким пластырем и привязал длинный шнурок к курку инжектора. Теперь, наконец, он был чем-то вооружен.

Кудеяр пробежал через внутренний кабинет в приемную, чуть не натолкнулся на оступевшего от шока Базиля, перескочил через тело Каддигана и опасно выглянул в коридор.

О местонахождении Герцога свидетельствовал дрожащий, плачущий женский голос. Кудеяр пробежал по коридору и заглянул в распахнутую настежь дверь. Герцог стоял на чьем-то трупе.

К стене прижалась спиной пожилая медсестра — она застыла, ее глаза остекленели. Одной рукой Герцог держал ее за волосы, а другой игриво поворачивал ее подбородок то налево, то направо, словно собираясь свернуть ей шею одним резким движением. Из-за хрустальной перегородки за происходящим наблюдали несколько смертельно потрясенных лиц с открытыми, как розовые бутоны гвоздики, ртами.

Кудеяр задержался в дверном проеме, глядя вниз на лицо убитого. Это был главный врач Бенберри.

Глубоко вздохнув, Кудеяр бросился вперед, сделал выпад пластиковой трубкой, как рапирой, приставив наконечник инжектора к углублению между мышцами шеи под затылком Герцога, и дернул за шнурок. Послышалось шипение — инжектор сработал.

Герцог отпустил голову медсестры и развернулся на месте. Хлопнув себя по шее, он

уоставился на Кудеяра ничего не выражающими глазами и тут же прыгнул на него. Кудеяр ткнул сумасшедшего в лицо инжектором на конце трубки, отскочил назад и принялся хлестать Герцога трубкой по рукам.

«Ты пытаешься меня остановить? — почти удивленно буркнул Герцог. — Подожди, сейчас я разорву тебя на части голыми руками. Убью всех и каждого в этом проклятом городе — начиная с тебя!»

Кудеяр отступал, протянув перед собой полутораметровую трубку. «Почему ты не хочешь сотрудничать? — импровизировал он на ходу. — Если ты будешь слушаться, тебя выпустят!»

Пританцовывая, Герцог продвинулся вперед, схватил трубку и вырвал ее из рук Кудеяра. «А теперь сотрудничай! — рявкнул Герцог. — Отдай мне свою жизнь!» С этими словами он пошатнулся и растянулся на полу коридора: препарат наконец парализовал его мозг.

Кудеяр подобрал трубку, отошел в сторону и ждал, пока не прибыли другие фельдшеры. Вместе с ними явился дидактор Сэм Юдалл, заместитель главного врача. Остановившись, Юдалл и фельдшеры смотрели на трупы и на тело Герцога с ужасом, напоминая почтение.

Кудеяр прислонился спиной к стене. Ему казалось, что переключка голосов скрылась где-то вдаль — он слышал только тяжелые биения своего сердца. Сет Каддиган и главный врач Бенберри — оба перешли в мир иной...

«Все это не пройдет даром, — говорил кто-то неподалеку. — Предстоит нешуточная перетряска персонала. Ох, не хотел я бы оказаться на месте Тинкупа!» 4

Тело Каддигана унесли. Базиль стоял у окна, ломая руки: «Бедняга Каддиган...» Он повернулся лицом к Кудеяру, мрачно сидевшему в сторонке: «Что случилось? Гэйвин, ведь сначала все было в порядке! Что случилось?»

«Где-то что-то не сработало», — глухо ответил Кудеяр.

Базиль отошел от окна и остановился, глядя на Кудеяра; на какое-то мгновение в его глазах появилась искорка подозрения. Но она тут же погасла; Базиль отвернулся, скрещивая и разнимая пальцы, сжимая и разжимая ладони.

Кудеяра посетила еще одна неприятная мысль: «Надо полагать, кому-то придется позвонить жене Каддигана?»

«А? — Базиль нахмурился. — Юдалл, наверное, уже ее известил». Базиль поморщился: «Хотя, конечно, я обязан принести ей соболезнования и узнать ее новый адрес». По традиции, родственники погибшего переезжали куда-нибудь подальше от прежнего места жительства.

«Если хочешь, я ей позвоню, — предложил Кудеяр. — Я с ней недавно познакомился».

Базиль с облегчением согласился.

Кудеяр вызвал Пладж Каддиган, пользуясь ближайшим телеэкраном. Ее уже известили о трагедии, и один из врачей паллиатория прислал ей пакет «утешительных» таблеток-антидепрессантов, которыми она очевидно воспользовалась неоднократно. Ее продолговатое лицо порозовело, глаза стали яркими и блестящими, голос — высоким и возбужденным.

Кудеяр утешил ее несколькими оптимистическими прогнозами, в его эпоху заменявшими соболезнования, а Пладж, прилежно следуя тем же традициям, сообщила ему о

своих планах энергичного продолжения карьеры, после чего отключила телефон.

Несколько минут Базиль и Кудеяр сидели в молчании. Затем Базиля вызвал дидактор Сэм Юдалл, отныне временно исполнявший обязанности главного врача паллиатория: «Тинкуп, следственная комиссия уже собралась, чтобы провести предварительный допрос. Вам надлежит явиться в управление главного врача».

«Разумеется, — отозвался Базиль. — Явлюсь сию минуту».

Громкоговоритель системы внутренней связи выключился; Базиль поднялся на ноги. «Вот таким образом», — сказал он, тяжело вздохнув. Взглянув на помрачневшее лицо Кудеяра, он прибавил с притворным оптимизмом: «Не беспокойся обо мне, Гэйвин. Я как-нибудь выпутаюсь». Устало похлопав Кудеяра по плечу, он удалился.

Кудеяр вернулся в лабораторию. Там все было в полном беспорядке. Он отыскал темно-оранжевую склянку, вылил ее содержимое в рукомойник, разбил сосуд и выбросил осколки в мусоропровод. После этого он вышел в приемную и сел за стол Каддигана.

Его одолевали недобрые предчувствия, вызванные не только трагическими событиями этого дня, но и другими размышлениями — в частности, об амаранте Джасинты Мартин. Что с ней? Они изрядно повеселились в Карневале... Больше он ничего не помнил.

Кудеяр встал и принялся расхаживать из угла в угол, стараясь сбросить бремя подавленности. «Почему я чувствую себя виноватым? — спрашивал он себя. — В чем я виноват?» Все обитатели Кларджеса ежеминутно руководствовались соображениями безжалостной конкуренции. Каждый, кому удавалось проникнуть в филу дебютантов, тем самым укорачивал на несколько секунд жизни всех, кто зарегистрировался в расплоде. Гэйвин Кудеяр видел жизнь такой, какой она была — жестокой игрой, в которую он играл по своим жестоким правилам. Он убеждал себя, что правда была на его стороне — общество обошлось с ним жестоко и несправедливо, тем самым заслуживая возмездия. Грэйвен Кудесник однажды уже пересек заветный рубеж — статус амаранта принадлежал ему по праву. Следовательно, любые средства восстановления этого статуса были оправданы.

Дверь приемной открылась — опустив плечи, медленно зашел Базиль Тинкуп. «Меня уволили, — сообщил он. — Я больше не занимаю никакой должности в Баллиасском паллиатории. Как мне сказали, мне еще повезло — меня могли объявить виновником всей этой катастрофы и вызвать палачей». 5

Насильственная трансформация дидактора Руфуса Бенберри и Сета Каддигана вызвала большое волнение в Кларджесе. Гэйвина Кудеяра превозносили за изобретательность и «беспримерную отвагу». Базиля Тинкупа, напротив, называли «непримиримым механистом, использовавшим несчастных кататоников, находившихся на его попечении, в качестве приставной лестницы для иерархического возвышения».

Когда Базиль окончательно прощался с Кудеяром, он был сломленным, пропащим человеком. Его щеки обвисли, глаза блестели едва сдерживаемыми слезами. Он все еще был ошеломлен провалом и жалобно вопрошал: «Что случилось? Что я сделал не так?» В конце концов он решил, что в его умозаключения вкралась какая-то фундаментальная ошибка: «Возможно, мне не суждено было найти панацею, Гэйвин. Возможно, согласно великому принципу справедливости мы обречены страдать от маниакально-кататонического синдрома, ниспосланного, чтобы наказать нас за необузданную гордыню».

«Что ты намерен делать?» — спросил Кудеяр.

«Найду себе какое-нибудь другое занятие. Надо полагать, психиатрия оказалась для меня не лучшим поприщем. Мне уже предложили другую работу и, если я с ней справлюсь, может быть... — Базиль не стал продолжать. — Все это в будущем».

«Желаю тебе удачи», — сказал Кудеяр.

«И тебе того же, Гэйвин».

IX

Новым главным врачом Баллиасского паллиатория назначили дидактора Джейсона Гладеллу, работавшего раньше в одном из пригородных диспансеров и не знакомого с Баллиассом. Непропорционально сложенный человек с грузным торсом и костлявыми тощими руками и ногами, он был обладателем большой и тщательно причесанной головы, его пронизательные глаза сверлили собеседника.

Гладелла объявил, что проведет личные интервью с каждым из работников паллиатория, и что в результате возможно назначение некоторых служащих на другие должности. Он приступил к проведению интервью безотлагательно, начиная с врачей-резидентов.

Из кабинета, где проводились интервью, никто не выходил с улыбкой, и никто не проявлял желания рассказывать о том, что там происходило. На второй день, поздно вечером, Гладелла вызвал Гэйвина Кудеяра. Когда Кудеяр зашел в кабинет главного врача, тот предложил ему сесть. Без лишних слов Гладелла опустил в прорезь смотрового экрана полоску микрофильма — досье Кудеяра.

«Гэйвин Кудеяр, расплод, — прочел Гладелла, поднял маленькие коричневатые-черные глаза и посмотрел Кудеяру в лицо. — Вы не так давно поступили на работу в паллиаторий, Кудеяр».

«Верно».

«И вы работаете фельдшером».

«Именно так».

«Почему вы решили не заканчивать учебное заведение и не получили диплом?»

«Я надеялся, что сумею себя показать на деле».

Гладеллу такой ответ не впечатлил: «Некоторым удается подниматься из филы в филу, не демонстрируя никаких достижений, кроме способности блефовать. В моем учреждении ничего подобного не будет. Ваша квалификация, указанная в досье, совершенно недостаточна».

«С этим я не могу согласиться».

Гладелла откинулся на спинку кресла: «Не сомневаюсь! И каким образом вы намерены доказать обратное?»

«Что такое психиатрия? — с вызовом спросил Кудеяр. — Это изучение психических заболеваний и методов их лечения. Когда вы говорите о «квалификации», вы очевидно имеете в виду теоретическую подготовку в высшем учебном заведении. Тем не менее, так называемые «квалифицированные специалисты», прошедшие такую подготовку, на деле оказываются, как правило, неспособными исцелять психические заболевания или даже

смягчать их симптомы. Таким образом, упомянутая вами «квалификация» иллюзорна. Настоящая квалификация демонстрировалась бы способностью лечить неврозы и психозы. Вы сами можете продемонстрировать такую квалификацию?»

Реакция Гладеллы была почти радостной: «Нет — если руководствоваться вашим определением, не могу. Поэтому, надо полагать, вы считаете, что мне следует быть фельдшером, а вам — главным врачом?»

«Почему нет? Не вижу в этом ничего невозможного».

«Боюсь, что пока что вам придется удовлетвориться нынешней должностью. Имейте в виду, что за вами будут внимательно следить, а результаты вашей работы будут регулярно проверяться».

Кудеяр откланялся и вышел из кабинета. 2

В тот же вечер, когда Кудеяр уже вернулся домой и занимался чтением ученых трактатов, его прервал звонок у входной двери. За дверью стоял человек в черной униформе: «Насколько нам известно, вы — Гэйвин Кудеяр, состоящий в расходе?»

Перед тем, как отвечать, Кудеяр смерил говорившего взглядом с головы до ног. Лицо этого человека казалось преувеличенно вытянутым: подбородок был необычно тонким и острым, а лоб выглядел, как узкий бледный выступ под шапкой тускло-коричневой шерсти. Мешковатая черная одежда этого субъекта, по-видимому, действительно была униформой, так как на его нашивке значился символ отряда палачей особого назначения.

«Я — Кудеяр. Что вам нужно?»

«Если желаете, можете проверить мое удостоверение. Я — палач. Прошу вас проследовать за мной в районное отделение с целью кратковременного допроса. Если в настоящее время для вас это неудобно, я готов согласовать с вами более подходящее время допроса».

«Допроса? По какому поводу?»

«Мы расследуем обстоятельства гнусного преступления — насильственной кончины амаранты Джасинты Мартин. Нам предоставлена информация, позволяющая включить вас в число подозреваемых. Мы желаем определить, связаны ли вы каким-либо образом с этим преступлением».

«Могу ли я поинтересоваться, кто предоставил вам эту информацию?»

«Личность информатора не подлежит разглашению. Рекомендую не откладывать участие в допросе. Тем не менее, по вашему усмотрению, допрос может быть проведен в другое время».

Кудеяр пожал плечами: «Мне нечего скрывать».

«В таком случае, будьте добры, проследуйте за мной. Нас ожидает служебная машина».

Кудеяра отвезли в массивному старому зданию с невзрачной надписью «Перментер» над входом. Они поднялись по узкой каменной лестнице на второй этаж. В продолговатом помещении с белеными стенами палач представил Кудеяра молодой распорядительнице с отливавшими оловянным блеском глазками. Та усадила его на стул с высокой прямой спинкой и предложила ему выпить аперитив или стакан минеральной воды.

Кудеяр отказался от напитков. «Где трибуны? — неприязненно спросил он. — Я не хочу, чтобы в моих мыслях копались в отсутствие понятий».

«Три трибуна уже прибыли. Если вы считаете это необходимым, вы можете назначить и вызвать любого дополнительного представителя ваших интересов».

«Кто эти трибуны?»

Распорядительница назвала их имена. Кудеяр был удовлетворен — каждое из упомянутых лиц заслужило высокую репутацию благодаря добросовестности и длительному опыту.

«Они скоро присоединятся к нам, как только закончится другой допрос».

Прошло минут пять — дверь отодвинулась в сторону; в помещение зашли трибуны, а за ними — инквизитор, высокий человек со впалыми щеками и широким ртом, слегка дрожавшим и словно готовым иронически усмехнуться в любой момент.

Инквизитор сделал официальное заявление: «Гэйвин Кудеяр, вы будете подвергнуты допросу по делу о кончине амаранты Джасинты Мартин, с целью выяснения ваших поступков на протяжении того периода времени, когда имела место эта кончина. У вас есть какие-либо возражения?»

Кудеяр задумался: «Вы упомянули о «том периоде времени, когда имела место кончина». Думаю, что это слишком расплывчатый термин. Какова продолжительность такого периода: несколько секунд, несколько минут, час, сутки, месяц? Вы можете допросить меня о том, что я делал именно в тот момент, когда имела место кончина амаранты — ничто иное не имеет отношения к цели вашего допроса».

«Интересующий нас период времени еще не определен окончательно. Поэтому мы вынуждены настаивать на возможности продления этого срока».

«Если я виновен, — возразил Кудеяр, — мне будет известна точная продолжительность периода времени, на протяжении которого было совершено преступление. Если я невиновен, излишнее вмешательство в мою личную жизнь не может быть оправдано на основании неопределенности такого срока».

Инквизитор улыбнулся: «Вы не учитываете тот факт, уважаемый, что мы — государственные служащие, обязанные хранить в тайне личную информацию. Или ваша личная жизнь носит настолько незаконный характер, что вы считаете нужным ее скрывать?»

Кудеяр повернулся к трибунам: «Вы выслушали мое возражение. Обеспечите ли вы соответствующую юридическую защиту моих прав?»

Трибуны поддержали Кудеяра. Один из них сказал: «Мы разрешаем задавать вопросы, относящиеся исключительно к периоду времени, который начался за три минуты до кончины амаранты Джасинты Мартин и закончился через три минуты после ее кончины. Таково обычное ограничение».

«Очень хорошо, — отозвался Кудеяр. — Приступайте к допросу». Он поудобнее устроился на стуле; распорядительница тут же принесла пару контактных наушников с мягкой подкладкой и закрепила их у него на голове. Послышалось тихое шипение; к углублению его шеи под затылком прикоснулось что-то влажное и холодное: распорядительница приложила к этому месту наконечник подкожного инжектора.

Наступила тишина. Инквизитор беспокойно расхаживал взад и вперед; трибуны сидели, неподвижно выпрямившись, и наблюдали за происходящим.

Прошли две минуты; инквизитор прикоснулся к кнопке. Контактные наушники наполнились пульсирующим звоном. Перед глазами Кудеяра опустился экран — на нем высветились смутные контуры; контуры стали сливаться в медленно кружащуюся спираль, будто стремящуюся к центру экрана, но в то же время остававшуюся на месте.

«Следите за экраном, — говорил инквизитор. — Расслабьтесь... это все, что от вас требуется. Просто расслабьтесь... скоро все это кончится».

Светлые пятна на экране сжались в плотный яркий узел, превратившийся затем в одинокую белую точку. Вместе с контурами сознание Кудеяра растворилось, словно провалившись в бездонное пространство за экраном, и больше не возвращалось. Тем не менее, Кудеяр слышал смутное бормотание то приближавшихся, то удалявшихся голосов, замечал краем глаза какие-то движения.

Сознание вернулось. Рядом стоял инквизитор, мрачно изучавший лицо Кудеяра. Было очевидно, что допрос не привел к ожидаемым результатам. Трибуны безразлично смотрели в пространство, убежденные в том, что неукоснительное соблюдение правил будет способствовать их дальнейшему подъему. За трибунами стояла амаранта Джасинты Мартин.

Кудеяр приподнялся на стуле и гневно указал на нее пальцем: «Почему этой женщине позволили здесь находиться? Вы допустили серьезнейшее нарушение моих прав, я требую возмещения по суду! Никто из вас не избежит наказания!»

Главный трибун, Джон Фостер, устало поднял руку: «Присутствие этой женщины выходит за рамки стандартной процедуры, ваше возмущение вполне оправдано. Тем не менее, оно не является нарушением закона».

«Почему бы тогда не допрашивать людей прямо на улице, без лишних формальностей? — не сдавался Кудеяр. — Каждый встречный и поперечный сможет удовлетворять свое нездоровое любопытство».

«Вы неправильно понимаете ситуацию. Амаранта Джасинты находится здесь потому, что имеет на это право. Она сама поступила в Колледж палачей — хотя, справедливости ради, должен заметить, что она это сделала в самое последнее время».

Кудеяр посмотрел в глаза своей обвинительнице. Амаранта Джасинты кивнула и холодно улыбнулась: «Да, я веду расследование своей собственной трансформации. Какое-то Чудовище похитило мою жизнь, и я хотела бы знать, кто это сделал».

Кудеяр отвернулся: «Ваша одержимость этим делом носит болезненный, неестественный характер».

«Возможно, но я не намерена оставить преступление без последствий».

«И вам уже удалось что-нибудь выяснить?»

«Я считала, что мне это удалось — пока мы не столкнулись с наличием любопытных пробелов в вашей памяти».

Инквизитор прокашлялся: «Вы не желаете сознательно и добровольно предоставить дополнительную информацию?»

«Как я могу это сделать? — развел руками Кудеяр. — Я ничего не знаю об интересующем вас преступлении».

Инквизитор кивнул: «Мы установили этот факт. Ваша память не содержит сведений, относящихся к важнейшему периоду времени».

«В таком случае, что я тут делаю?»

«Возникает впечатление, однако, что существуют периферийные ассоциативные связи, вызывающие подозрения».

«Боюсь, что я не понимаю, о чем вы говорите».

«Трудно было бы ожидать, что вы меня поймете», — обронил инквизитор. Он отступил на пару шагов; трибуны поднялись на ноги. «Благодарю вас, господин Кудеяр, — инквизитор чуть поклонился. — Вы оказали нам полезное содействие».

Кудеяр тоже поклонился, но только трибунам: «Благодарю вас за помощь».

«Мы всего лишь выполняем свой долг».

Бросив жгучий презрительный взгляд на амаранту Джасинты, Кудеяр решительно вышел из тесного помещения с белеными стенами и спустился по лестнице в приемную. У него за спиной послышались поспешные шаги — шаги Джасинты. Кудеяр обернулся и подождал ее. Она приблизилась, заставив себя натянуто улыбнуться: «Гэйвин Кудеяр, я хотела бы поговорить с вами».

«О чем?»

«Что за вопрос? Вы знаете, о чем».

«Я не могу вам сказать ничего, кроме того, что вам удалось узнать, прибегнув к принуждению».

Амаранта Джасинты прикусила губу: «Но вы сопровождали меня тем вечером — и я даже не знаю, как долго это продолжалось! Что мы делали тогда? О чем мы говорили? Я ничего не знаю. Но именно в этом скрывается разгадка».

Кудеяр ответил ни к чему не обязывающим жестом.

Она подошла ближе и серьезно взглянула ему в глаза: «Гэйвин Кудеяр, вы не откажетесь со мной поговорить?»

«Как вам будет угодно». 3

Они нашли свободный столик в дальнем углу древней полуподвальной таверны «Голубой Боболинк» с потемневшими от времени деревянными щитами на стенах. На щитах висели фотографии атлетически сложенных людей в странных разноцветных костюмах — спортивных героев давно минувших дней. Официант принес пару кружек пива и блюдо с небольшими солеными печеньями, сыром и анчоусами, после чего удалился, не сказав ни слова.

«А теперь, Гэйвин Кудеяр, — сказала амаранта Джасинты, — расскажите о том, что происходило тем вечером».

«Рассказывать, в сущности, не о чем. Я познакомился с вами. Мы понравились друг другу — по меньшей мере, так мне казалось. Мы посетили несколько «дворцов» и развлекательных заведений Карневала, после чего решили отдохнуть в кафе «Памфилия». Остальное вы знаете благодаря усердию ваших коллег-палачей».

«Где мы были перед тем, как зашли в «Памфилию»?»

Кудеяр сообщил ей об их маршруте — в той мере, в какой он его помнил. Когда речь зашла о событиях, стертых из его памяти, он поколебался и сразу перешел к описанию происходившего непосредственно перед тем, как он и Базиль Тинкуп покинули кафе.

Амаранта Джасинты продолжала настаивать: «Но вы многое пропустили! В вашем рассказе явно чего-то не хватает!»

Кудеяр нахмурился: «Больше ничего не помню. Наверное, я был пьян или под воздействием стимулянтов».

«Нет-нет! — убежденно возразила Джасинта. — Амаранты Дени и Альберт утверждают, что вы вели себя совершенно трезво».

Кудеяр пожал плечами: «По-видимому, не происходило ничего, что произвело бы на меня достаточное впечатление».

«Любопытно также, — продолжала амаранта Джасинты, — что вы не упомянули о нашем посещении Дворцы Истины».

«Неужели? Еще одно обстоятельство, ускользнувшее от моего внимания».

«Странно, не правда ли? Служащий этого заведения хорошо нас помнит».

Кудеяр согласился с тем, что проявил в этом отношении необычную забывчивость.

«Хотите знать, что я думаю по этому поводу?» — тихо и нежно спросила амаранта Джасинты.

«Если вам так угодно, я вас выслушаю».

«Насколько я понимаю, в какой-то момент во время наших развлечений в Карневале — скорее всего, во Дворце Истины — я приобрела сведения, разглашения которых вы не могли допустить. Для того, чтобы эти сведения остались в тайне, потребовалось меня уничтожить. Что вы можете сказать по этому поводу?»

«Ничего».

«Вам было нечего сказать и на допросе, — ее голос приобрел агрессивно-издевательский оттенок... — Удивительным образом, именно те обстоятельства, о которых я упомянула, исчезли из вашей памяти. Как вам удалось добиться такого эффекта, мне неизвестно. Так или иначе, я намерена узнать правду. Тем временем я позабочусь о том, чтобы вы не могли извлечь никакой выгоды из вашего преступления».

«Что вы имеете в виду?»

«Мне вам больше нечего сказать».

«Вы — странное существо», — заметил Кудеяр.

«Я ничем не отличаюсь от любого другого человека, испытывающего сильные чувства».

«Я тоже испытываю сильные чувства», — сказал Кудеяр.

Амаранта Джасинты застыла: «Что вы подразумеваете?»

«Только то, что конфликт между нами может привести к нежелательным последствиям».

Джасинта рассмеялась: «По сравнению с вами я неуязвима!»

«Чем большей опасности подвергается человек, тем решительнее он действует».

Джасинта поднялась на ноги: «Мне пора идти. Но я не думаю, что вы меня забудете».

Она быстро прошла к выходу из таверны, взбежала по лестнице и скрылась.

На следующее утро Кудеяр явился в паллиаторий. Не прошло и часа, как его вызвал к себе дидактор Гладелла.

Главный врач говорил резко, холодно и откровенно: «Я пересмотрел свое решение. У вас нет достаточных рекомендаций для того, чтобы вы могли занимать должность фельдшера. С этой минуты вы уволены».

Х

На следующий день после увольнения Кудеяру позвонил Базиль Тинкуп: «А, Гэйвин! Я боялся, что не застаю тебя дома».

«Ты зря беспокоился. Меня выгнали из Баллиасского паллиатория».

Розовое лицо Базиля сморщилось, как у готового заплакать младенца: «Ай-ай-ай, Гэйвин! Какая неудача!»

Кудеяр пожал плечами: «Мне не особенно нравилась эта работа. Возможно, мне лучше подойдет что-нибудь другое».

Базиль горестно покачал головой: «Завидую твоему оптимизму».

«Так у тебя все еще нет определенных планов?»

Базиль вздохнул: «В молодости я подавал надежды в качестве начинающего стеклодува. Может быть, мне удастся внести несколько усовершенствований в процесс изготовления художественного стекла. Или, может быть, я снова наймусь матросом на баржу. Я все еще не нахожу себе места и ни в чем не уверен».

«Не хватайся за первую подвернувшуюся работу», — посоветовал Кудеяр.

«Конечно, конечно. Но мне нужно думать о дальнейшем продвижении, а в филу аспирантов не так уж легко попасть».

Кудеяр налил себе еще одну чашку чая: «Давай немного подумаем о сложившейся ситуации».

Базиль обреченно махнул рукой: «Не беспокойся обо мне. Я удержусь на ногах, так или иначе. Тем не менее, провал в паллиатории нанес мне ощутимый удар».

«Посмотрим, посмотрим... Тебе удалось продемонстрировать, что для улучшения методов психотерапии требуется оригинальное, нетрадиционное мышление».

Базиль Тинкуп устало покачал головой: «И какую пользу это мне принесло?»

«Существует еще одно закосневшее учреждение, в чем-то напоминающее паллиаторий, — продолжал Кудеяр. — А именно Актуарий. Возможно, нам не следовало бы воспринимать его функции как нечто само собой разумеющееся».

Базиль скептически потянул себя за нос: «Любопытное наблюдение. У тебя возникают самые неожиданные идеи».

«Актуарий — не божество. Мы не обязаны ему поклоняться».

«Актуарий — всего-навсего краеугольный камень нашей общественной структуры!»

«Верно. Рассмотрим, однако, этот краеугольный камень. Основные функции Актуария были запрограммированы триста лет тому назад. С тех пор общество претерпело множество изменений. Но Актуарий оперирует все теми же уравнениями, все теми же пропорциональными соотношениями численности фил, все теми же предпосылками ограничения рождаемости».

Базиль сомневался: «Почему бы оказалось полезным изменение его функций?»

«Ну, предположим — чисто гипотетически — что применяемое в настоящее время ограничение численности населения было рассчитано с учетом оценочного максимального значения продуктивности Предела. В связи с повышением производительности можно было бы допустить увеличение пропорциональной доли кандидатов и амарантов. Тот, кому удалось бы фактически обосновать этот тезис, несомненно продвинулся бы в вышестоящую филу».

Базиль сосредоточенно смотрел в объектив видеофона: «Но эти факторы, несомненно, контролируются авторитетными специалистами?»

«Проявлял ли дидактор Бенберри какое-либо стремление способствовать исцелению кататоников твоими методами?»

Базиль снова покачал головой: «Бедняга Бенберри!»

«Есть и другие очевидные возможности внедрения улучшений. Как насчет Клетки Позора, например?» — напомнил Кудеяр.

«Отвратительный обычай!» — пробормотал Базиль.

«Жестокое наказание, вызывавшее возмущение даже до того, как на сцене появились извращенцы».

Базиль улыбнулся: «Тот, кому удалось бы избавить Кларджес от извращенцев, поднялся бы высоко!»

Кудеяр кивнул: «Несомненно. Но тот, кто возьмет на себя инициативу и предложит отменить наказания в Клетях Позора, будет пользоваться существенной поддержкой населения и заслужит крутой подъем».

Базиль почесал в затылке: «Не стал бы судить об этом с такой уверенностью. Кто протестует, когда Клеть Позора вывешивают над входом в Актуарий? Никто. А когда узника выпускают в полночь, многие так называемые «уважаемые люди» собираются, чтобы полюбоваться на избивание камнями».

«Или даже смешиваются с извращенцами, чтобы оставаться, так сказать, в первом ряду».

Базиль глубоко вздохнул: «Возможно, ты нащупал что-то на самом деле перспективное». Он внимательно взглянул Кудеяру в глаза: «Ты делишься со мной идеями — редкое в наши дни благородство».

«Обсуждение идей выгодно нам обоим — в этом нет никакого особенного благородства».

«Так что же ты собираешься делать?»

«У меня сложилось какое-то представление о дальнейшем направлении действий: неплохо было бы провести клиническое исследование извращенцев, их психологии, побуждений и привычек, их распределения по филам, а также определить их общую численность».

«Интересно! Хотя это очень трудно — и опасно».

Кудеяр блекло улыбнулся: «Любая публикация на эту тему привлечет внимание».

«Но где ты найдешь необходимые данные? Никто не признаётся в том, что он — извращенец. Потребуется бесконечное терпение, тайное проникновение в их круги, умение нагло притворяться...»

«Я прожил семь лет в квартале Тысячи Воров. Я мог бы нанять сотни бербаров — если им хорошо заплатить, они сделают все, что нужно».

«Значит, нужны деньги! Тысячи флоринов!»

«Деньги у меня есть».

Базиль был впечатлен, но не вполне убежден: «Что ж, нам обоим пора заняться делами. Будем поддерживать связь».

Коммуникационный экран потемнел. Кудеяр вернулся к столу и подготовил приблизительную программу. Исследование как таковое должно было занять шесть месяцев, а подготовка отчета к публикации — еще три месяца. Результат вполне мог продвинуть его в филу дебютантов.

Кудеяр позвонил в одно из известнейших издательств, согласовал время приема и уже через несколько часов представил свое предложение.

Интервью оправдало его надежды. Веррет Хоскинс — говоривший с ним редактор — не преминул указать на трудности, отмеченные раньше Базилем Тинкупом, но Кудеяр выдвинул те же возражения, и Хоскинс заразился новой идеей. Такое исследование, по его словам, могло бы оказаться очень полезным и пролить свет на вопрос, до сих пор окутанный туманом недостойных доверия намеков и непристойных слухов. Он готов был подписать

контракт уже на следующий день.

Кудеяр вернулся в свою квартиру, охваченный радостным волнением. Вот проект, заслуживающий приложения его способностей! Зачем он вообще связался с паллиаторием? Семь лет бездействия притупили его воображение. Но теперь он снова был в форме, и ничто не могло его остановить — он откроет новое направление социологических исследований, он изумит и потрясет занятых повседневными заботами обитателей Кларджеса...

Вечером того же дня Кудеяру позвонил Веррет Хоскинс. Он выглядел подавленным и никак не хотел встретиться глазами с собеседником: «Дело выглядит так, что я поспешил принять ваше предложение, господин Кудеяр. Судя по всему, мы никак не сможем опубликовать отчет такого рода».

«Как так? — воскликнул Кудеяр. — Что помешает вам это сделать?»

«Как вам сказать... Возникли некоторые препятствия, в связи с которыми мои руководители наложили вето на ваш проект».

В порыве холодной ярости Кудеяр выключил экран. На следующий день он обратился в несколько других издательств. Ни в одном из них его не пожелали даже выслушать.

Вернувшись к себе, он долго размышлял, расхаживая из угла в угол. Наконец он присел за стол, нашел в указателе номер амаранты Джасинты Мартин и позвонил ей.

На экране расцвела персональная эмблема Джасинты: сплетение черных и красных блестящих бус на синем фоне. Вскоре появилось лицо Джасинты, холодное и прекрасное.

«Вы вмешиваетесь в мои дела!» — без экивоков перешел к делу Кудеяр.

Несколько секунд она молча смотрела на него; на ее губах дрожала усмешка: «В данный момент у меня нет времени с вами говорить, Гэйвин Кудеяр».

«Вам будет очень полезно услышать то, что я хочу сказать».

«Позвоните мне как-нибудь в другой раз».

«Хорошо. Когда именно?»

Амаранта Джасинты ответила не сразу. По всей видимости, ей неожиданно пришла в голову какая-то забавная мысль: «Сегодня вечером я буду в зале «Союза всех искусств». Там вы сможете сказать мне все, что пожелаете». Она тихо прибавила: «Возможно, я тоже смогу вам кое-что сообщить».

На экране снова засветилась красочная эмблема, после чего он погас. Кудеяр откинулся на спинку стула и глубоко задумался...

Палачи следили за его передвижениями, Общество Амарантов преграждало ему все пути к успеху — незачем было предаваться наивным иллюзиям. Вчерашние розовые перспективы оказались именно такой наивной иллюзией. Кудеяра охватил приступ глубокой, пугающей меланхолии — дальнейшая борьба представлялась безнадежной, он не видел никаких оснований для оптимизма. Как приятно было бы сдать, погрузиться в блаженную немоту небытия...

Кудеяр моргнул, вздрогнул, судорожно вздохнул. Как он решился помыслить о подчинении, даже на долю секунды?

Поднявшись на ноги, он стал неторопливо переодеваться в вечерний костюм, темно-синий с серыми лацканами. Он решил навестить «Союз всех искусств» и встретиться со своей гонительницей там, где она его ожидала.

В какой-то момент он застыл: не прозвучала ли в последних словах Джасинты какая-то зловещая угроза? Кудеяр крикнул и поправил пиджак, глядя в зеркало — неприятное ощущение опасности не покидало его.

Он внимательно обыскал все помещения квартиры, проверяя, не появились ли за время его отсутствия какие-нибудь потайные видеокамеры или микрофоны, после чего достал свою старую маску «Альтер-Эго» и натянул ее на голову. Теперь его лицо стало мясистым и осунувшимся, рот — красным и безвольным, на щеках появился нездоровый румянец, на голове выросла плотная темно-коричневая шапка жестких волос. Изменив наружность, он надел горчичного цвета куртку поверх строгого вечернего костюма и закрепил на шевелюре претенциозную трехконечную серебряную брошь. 2

В переулке Фариота было тихо и сумрачно. По тротуарам бесцельно блуждали несколько темных фигур. Несколько минут Кудеяр наблюдал за ними из окна. Практиканты, постигавшие начала искусства слежки — от них он мог уйти без особого труда. Более серьезная слежка велась с помощью аэромобилей и сложной системы связи; от нее тоже можно было ускользнуть, но это было гораздо труднее. Где-нибудь неподалеку мог парить в воздухе тускло светящийся шар, оборудованный камерой наблюдения с дистанционным управлением; опытный агент мог незаметно нанести на одежду радиоактивную метку или закрепить на ней микроскопический передатчик — так называемую «пиявку». Изобретательный человек всегда мог придумать способ нейтрализовать подобные устройства. От слежки с помощью телевектора — биотелеметрического приемника — уйти было невозможно, но она была запрещена законом, и даже отряд особого назначения не мог пользоваться такими средствами.

Для того, чтобы его маскарад не разгадали, Кудеяр должен был исчезнуть из поля зрения наблюдателей. Важнейшим участком в этом отношении был вестибюль — широкий коридор непосредственно за дверью квартиры. Слегка приоткрыв дверь, Кудеяр внимательно изучил этот коридор. Он не заметил ничего подозрительного — но в дальнем конце вестибюля могла быть установлена потайная камера.

Отступив внутрь, Кудеяр снял маску «Альтер-Эго» и яркую куртку, сложил их в аккуратный сверток и, засунув сверток под мышку, вышел из квартиры.

Он направился по переулку Фариота к станции подземки на Аллеманд-авеню, спустился на платформу и, внимательно следя за тем, чтобы никто с ним не столкнулся и не приблизился настолько, чтобы опрыскать его или закрепить на нем «пиявку», зашел в капсулу и набрал случайный код — капсула помчалась в направлении Гарстанга. Кудеяр снова изменил внешность, напялив маску «Альтер-Эго». После этого он ввел другой код — направление движения капсулы изменилось, и он прибыл к платформе Флориандера, будучи убежден в том, что ему удалось уйти от слежки.

В автоматическом киоске он приобрел трубочку «Стиммо-ассорти»^[4] и, поразмышляв несколько секунд, проглотил желтую, зеленую и лиловую пилюли.

Впереди вдоль реки возвышались блестящие огнями склоны нескольких последовательных холмов, дальше — Храмовый Сонм и Вандунские высоты, а за ними — Баллиасс и Баллиасский паллиаторий над Прибрежной дорогой. Ближе, в другом направлении, над Ангельским Логовом начинался Семафорный холм, где снимал квартиру Базиль Тинкуп. На хребте Семафорного холма занимал высоту, с которой открывался вид на весь город, зал «Союза всех искусств».

Поднявшись на платформу для воздушного транспорта, Кудеяр сел в одно из ожидавших

там такси. Машина поднялась, пристроилась к потоку аэромобилей и пролетела между небоскребами Мерцанта. Вверху, внизу и со всех сторон горели тысячи огней. Карневал, переливавшийся за Чантом всеми цветами спектра, покрывал черную ленту реки радужными бликами.

XI

Аэротакси опустило Кудеяра на площадку, сплошь заполненную частными летательными аппаратами — роскошными игрушками, баловаться которыми могли позволить себе только амаранты и богатые гларки. К огромному залу вела широкая, напоминавшая черный ковер дорожка. Как только Кудеяр ступил на эту дорожку, микроскопические волокна, вибрировавшие так часто, что их движение не ощущалось, плавно понесли его вверх по склону. Он проскользнул под отделанным золотом светящимся стеклянным порталом и оказался в вестибюле.

Прямо перед ним висело полотнище с праздничной надписью:

«СЕГОДНЯ: АКВЕФАКТЫ РАЙНХОЛЬДА БИБЮРССОНА»

За небольшим столом у входа лениво развалилась на стуле дебелая женщина; перед ней стояла карточка с надписью: *«Пожертвования принимаются с благодарностью»*. Женщина явно скучала; она вязала крючками ленту с хитроумным орнаментом из металлических нитей. Когда Кудеяр положил на стол флорин, она грубовато произнесла «Спасибо!», не отрывая глаз от крючков и ленты. Раздвинув портьеры из винно-красного бархата, Кудеяр вступил в приемный зал.

Вдоль стен на пьедесталах мерцали аквефакты Райнхольда Бибюрссона — сложные сооружения из сгущенной воды. Наскоро осмотрев эти опусы, Кудеяр нашел их странными и суровыми до уныния; в любом случае, его интересовали посетители, а не модная скульптура.

Присутствовали не меньше двухсот человек. Они собирались небольшими группами и разговаривали или прохаживались мимо блестящих аквефактов. Сам Райнхольд Бибюрссон стоял неподалеку от входа — худощавый человек более чем двухметрового роста. Он производил впечатление скорее мученика, смирившегося с неизбежностью страданий, нежели почетного гостя. Выставка-продажа его произведений должна была иметь для него какое-то значение — как момент торжества, самоутверждения или хотя бы возможности обогащения — но, судя по выражению его лица, Бибюрссон мог бы с таким же успехом бродить в одиночестве по зимнему лесу. Только когда кто-нибудь обращался к нему непосредственно, он опускал глаза, прекращая созерцание непостижимых пространств, и немедленно становился внимательным и вежливым.

Амаранта Джасинты стояла в дальнем конце зала, беседуя с молодой женщиной в дерзком серо-зеленом акробатическом трико, слегка прикрытом полупрозрачным длинным покрывалом, оттенок которого точно соответствовал цвету ее прически в стиле аквитанских уличных танцовщиц, торчавшей прямо над головой наподобие пламени свечи. Глаза Джасинты скользнули по лицу Кудеяра, как только он раздвинул портьеры, но не было

никаких признаков того, что она его узнала.

Кудеяр перемещался по периметру круглого зала вместе с медленным потоком посетителей. Амаранта Джасинты больше не смотрела на него, но время от времени поглядывала на входной портал. Ее подруга, невысокая женщина с привлекательной фигурой, тоже бдительно следила за всеми входящими. Ее пикантное лицо с маленьким узким подбородком и широкими скулами, с огромными темными глазами и ворохом темных волос, казалось Кудеяру смутно знакомым — где-то он уже видел это лицо.

Он прошел за спиной дух подруг и остановился так близко от них, что до его ушей доносились отрывки их разговора.

«Когда же он явится, наконец? Ты думаешь, он придет?» — капризно спросила амаранта Джасинты.

«Конечно, придет, — отозвалась ее темноволосая собеседница. — Смехотворный юнец осмеливается за мной волочиться».

Кудеяр поднял брови. Значит, подруги ожидали кого-то другого. Он почувствовал себя в какой-то степени униженным.

Амаранта Джасинты нервно рассмеялась: «И до чего доходит его смелость? Ты его полностью контролируешь?»

«Если я захочу, Винсент помчится распространять душеспасительные памфлеты среди кочевников... А! Вот и он!»

Проследив направление ее взгляда, Кудеяр тоже посмотрел на человека, только что вошедшего в зал. Этот молодой человек — уже не юнец, однако — выглядел, как типичный представитель одной из средних фил. На нем был дорогой, но не слишком бросающийся в глаза костюм; он держался с несколько натянутым достоинством. Небольшие мутноватые светло-карие глаза, длинный, необычно заостренный нос и раздвоенный маленький подбородок придавали его лицу нравоучительно-угрожающее и в то же время вопросительно-любопытствующее выражение.

Джасинта отступила на шаг и повернулась вполоборота: «Он не должен видеть нас вместе».

«Как тебе угодно», — пожалала плечами ее темноволосая подруга.

Теперь Кудеяр оказался непосредственно в поле зрения Джасинты — он решил пройти дальше и не слышал никаких дальнейших слов. Темноволосая женщина тоже повернулась, чтобы отойти, и почти столкнулась с двумя пожилыми мужчинами, направлявшимися к Джасинте. Очаровательно извинившись, женщина в трико вприпрыжку направилась к своему знакомому, но по пути ее перехватил другой молодой человек, которому не терпелось что-то ей сказать — ей пришлось его внимательно выслушать. Тем временем пожилые субъекты присоединились к Джасинте и завязали с ней разговор.

Кудеяр продолжил свой путь мимо аквифактов. Молодой человек, которого подруги называли Винсентом, по всей видимости играл какую-то роль в махинациях амаранты Джасинты Мартин — было бы полезно с ним познакомиться.

Винсент уже направлялся к стройной женщине в трико, но, заметив, что она занята беседой, сразу остановился, явно раздраженный. Рядом стоял Райнхольд Бибюрссон, и Винсент решил обратиться к аквифактору с каким-то вопросом.

Кудеяр подошел к ним поближе.

«Стыжусь признаться, — говорил остроносый молодой человек, — что я практически незнаком с вашими работами».

«Они малоизвестны», — ответил Бибюрссон гортанным, почти сдавленным голосом; он очевидно не привык много говорить.

«Меня приводит в некоторое замешательство — хотя я сам занимаюсь технологическими разработками — использование вами этой стекловидной, напоминающей кварц субстанции, которую в просторечии называют «сгущенной водой». Как вам удастся создавать такие сочетания форм, такие сложные кривые, в то же время удерживая и отверждая воду мезонным излучателем?»

Бибюрссон улыбнулся: «Это не так уж трудно, учитывая естественные преимущества среды, в которой я работаю. Я — астронавт. В отсутствие ускорения силы притяжения не оказывают никакого влияния, причем у меня более чем достаточно времени для размышлений».

«Чудесно! — воскликнул Винсент. — Но, казалось бы, бесконечные пространства космоса должны скорее ошеломлять, нежели сосредоточивать и стимулировать».

Бибюрссон снова улыбнулся своей серьезной улыбкой: «Пустота — голодный рот, молящий о том, чтобы его накормили, мозг в беспомощности, жаждущий возвращения мыслей, растекающийся флюид, стремящийся приобрести форму. Отсутствием подразумевается присутствие».

Кудеяр спросил: «Где вы побывали в последнем полете, господин Бибюрссон?»

«В системе Сириуса, на «собачьих» планетах».

«А! — поднял указательный палец Винсент. — Значит, вы были на борту «Отважного»?»

«Мне поручили обязанности главного навигатора», — ответил Бибюрссон.

К разговору присоединился коренастый мужчина средних лет, судя по выражению лица склонный к шаловливому юмору. «Позвольте представиться, — сказал шутник. — Меня зовут Джейкоб Найл».

Кудеяру показалось, что остроносый молодой человек слегка напрягся, услышав это имя. «Меня зовут Винсент Роднэйв», — отозвался он.

Кудеяр промолчал; Бибюрссон смотрел на трех собеседников с безмятежной отстраненностью.

Джейкоб Найл обратился к аквифактору: «Мне еще никогда не приходилось говорить с астронавтом. Вы не возражаете, если я задам несколько вопросов?»

«Почему бы я стал возражать?»

«Насколько мне известно, в просторах Вселенной — бесконечное множество планет».

Бибюрссон кивнул: «Им несть числа».

«Надо полагать, вам встречались миры, где человек может ходить, дышать и жить?»

«Я видел такие миры».

«И вы изучаете эти миры, когда у вас есть такая возможность?»

Бибюрссон улыбнулся: «Изредка. Я — навигатор, то есть не более чем водитель звездолета. Я лечу туда, куда приказывает лететь владелец корабля».

«Но вы можете что-нибудь рассказать о таких пригодных для жизни мирах, не так ли?» — не отставал Найл.

Бибюрссон снова кивнул: «Есть одна планета, о которой я обычно не люблю говорить. Свежая и прекрасная, как первозданный райский сад. Это моя планета. Никто другой не предъявляет на нее права. Весь этот девственный мир, с его полярными шапками льда, континентами и океанами, лесами, пустынями, реками, песчаными пляжами и горами —

мой. Я стоял в степи над рекой; справа и слева виднелись голубоватые леса, а далеко впереди высился огромный горный хребет. Все это — мое. И ни одного человека вокруг — в радиусе пятнадцати световых лет».

«Значит, вы богаты, — заметил Найл. — Вам остается только позавидовать».

Бибюрссон покачал головой: «Этот мир я нашел только однажды — так, как человек замечает любимое лицо в толпе. Но лицо потерялось. Я потерял свой мир. Может быть, я больше никогда его не найду».

«Есть и другие планеты, — возразил Найл. — Возможно, каждому из нас досталась бы своя планета, если бы мы решились отправиться на поиски».

Бибюрссон безразлично кивнул.

«Мне следовало выбрать такую жизнь», — сказал Кудеяр.

Джейкоб Найл рассмеялся: «У обитателей Предела нет инстинктивной предрасположенности к космическим исследованиям. Райнхольд Бибюрссон — не такой, как мы. Он — человек из прошлого. Или из будущего».

Бибюрссон взглянул на Найла с меланхолическим любопытством, но ничего не сказал.

«Мы живем в крепости, — продолжал Найл. — Мы возвели стены, чтобы оградить себя от кочевников. Мы — остров в океане варварства, и это нас вполне устраивает. Подъем! Подъем! Подъем! Ни о чем другом никто в Кларджесе не говорит». Найл иронически всплеснул руками и куда-то поспешил, скрывшись за фигурами других посетителей.

Роднэйв тоже направился дальше, мимо выставленных по окружности аквифактов. Кудеяр подождал несколько секунд, после чего присоединился к нему. Они завязали разговор.

«Я все еще не понимаю, — беспокоился Роднэйв, указывая на очередную скульптуру из сгущенной воды, — каким образом, пусть даже в невесомости, сохраняются настолько сложные контуры. Под влиянием поверхностного натяжения вода стремится немедленно принимать сферическую форму».

Кудеяр нахмурился: «Возможно, он использует реагент, нейтрализующий поверхностное натяжение — или, наоборот, затвердевающую под влиянием воздуха прозрачную поверхностную пленку. Или заливает воду в форму, а затем кристаллизует воду излучателем».

Винсент Роднэйв признал существование таких возможностей, но не был окончательно убежден. Они прошли мимо Джасинты, все еще находившейся в компании двух пожилых господ.

«Вот амаранта Джасинты Мартин, — как бы между прочим заметил Кудеяр. — Вы с ней знакомы?»

Роднэйв бросил на Кудеяра проницательный взгляд: «Я знаком с ее репутацией, не более того. А вы ее хорошо знаете?»

«Мы встречались», — ответил Кудеяр.

«Я пришел сюда по приглашению амаранты Анастасии де Фанкур», — самодовольно, но с некоторой дрожью в голосе заявил Роднэйв.

«С ней я не знаком». Вот почему Кудеяр узнал темноволосую женщину в акробатическом трико — это была амаранта Анастасии де Фанкур, знаменитой исполнительницы пантомим!

Винсент Роднэйв расчетливо покосился на Кудеяра: «Она — ближайшая подруга Джасинты».

Кудеяр рассмеялся: «Среди амарантов нет настоящей дружбы. Они самодостаточны и не нуждаются в посторонней помощи».

Роднэйв слегка обиделся: «Надо думать, вы тщательно изучали психологию амарантов».

Кудеяр пожал плечами: «Не слишком тщательно». Взглянув в сторону, он спросил: «В какой филе состоит Райнхольд Бибюрссон?»

«Он — кандидат. Космические полеты позволяют быстро продвигаться. Надежное средство подъема, не требующее длительной подготовки или напряженной многолетней практики...»

«Но смертность среди астронавтов очень высока».

Продолжая разговор, Винсент Роднэйв сообщил собеседнику свой собственный статус аспиранта. Винсент работал техническим руководителем в одном из отделов Актуария. Кудеяр поинтересовался: «В чем, собственно, заключаются ваши функции?»

«Я занимаюсь общими статистическими исследованиями. Кроме того, в мои обязанности входят поиск и устранение ошибок. В прошлом году мне поручили модернизацию биотелеметрической системы. Раньше оператор должен был интерпретировать код и только после этого вводить координаты личностного объекта в матрицу карты Предела. Теперь информация наносится непосредственно на микрофильм, который становится частью матрицы. Кстати, именно это усовершенствование позволило мне продвинуться в филу аспирантов».

«Примите мои поздравления! — сказал Кудеяр. — Один мой приятель переходит на работу в Актуарии. Он будет рад услышать, что в сфере демографической статистики все еще существуют возможности подъема».

Лицо Роднэйва слегка потемнело — он не хотел оказывать услуги приятелю нового знакомого: «В каком отделе он намерен работать?»

«Думаю, что его назначат координатором связей с общественностью».

«Там далеко не продвинешься!» — Роднэйв презрительно фыркнул.

«Разве возможности для улучшений нельзя найти в любой области? — пожал плечами Кудеяр. — Мне тоже приходило в голову, что можно было бы попытать счастья в Актуарии».

Роднэйв находился в некотором замешательстве: «Почему вдруг зашла речь о какой-то массовой миграции в Актуарий? Мы занимаемся очень прозаической работой — нам не приходится сталкиваться с опасностями, с персоналом у нас не возникают особенные проблемы, текучки кадров практически нет — короче говоря, возможностей для крутого подъема мало».

«Но вы сами достигли существенного успеха», — возразил Кудеяр.

«Решение технических задач — другое дело, — согласился Роднэйв. — Если человек умеет мыслить логически, если у него фотографическая память и если он в какой-то степени дотошный педант — да, он может добиться какого-то успеха, хотя я должен заметить, что в свое время продвинулся в филу дебютантов только благодаря одному изобретению».

Кудеяр обвел глазами разгуливающую по залу толпу; амаранта Джасинты все еще разговаривала с двумя седовласыми субъектами: «Любопытно! О каком изобретении идет речь, если не секрет?»

«О, я не сделал ничего особенного. Но коммерческая популярность... Вы, наверное, сами грелись где-нибудь у камино-экрана?»

«Разумеется!» — отозвался Кудеяр. Каминным экраном называли встроенный в стену экран — как правило, под каминной доской. Включение экрана приводило к появлению

запрограммированного изображения камина — трескучего пламени или тихо тлеющих углей за решеткой, в то время как инфракрасные прожекторы излучали количество тепла, соответствовавшее интенсивности изображенного огня. «Надо полагать, это изобретение существенно помогло вам и в финансовом отношении?» — предположил Кудеяр.

Роднэйв крикнул: «Кому нужны деньги, если жить осталось так мало? Вместо того, чтобы шляться по этому залу и глазеть на аквифакты, мне следовало бы сидеть дома и заниматься логарифмами».

Кудеяр не понял: «Заниматься логарифмами? Зачем?»

«Я неправильно выразился. Я хотел сказать: запоминать логарифмы. Я запоминаю логарифмы всех важнейших физических и математических постоянных, а также всех целых чисел до ста».

Кудеяр недоверчиво улыбнулся: «Вы помните логарифм сорока двух?»

«Какой логарифм? Натуральный или десятичный? Я помню оба».

«Десятичный».

«62325».

«А восьмидесяти пяти?»

Роднэйв покачал головой: «Еще не помню. Я добрался только до семьдесят первого».

«Хорошо, семьдесят первый».

«85126».

«Как вам это удается?» — спросил Кудеяр.

Роднэйв беззаботно махнул рукой: «Само собой, я пользуюсь мнемонической системой. Каждой цифре соответствует та или иная смысловая категория или часть речи. «1» — имя собственное; «2» — наименование животного; «3» — наименование растения; «4» — наименование минерала; «5» — глагол; «6» — прилагательное или наречие эмоционального или интеллектуального свойства; «7» — цвет; «8» — направление; «9» — размер или масштаб; нуль — отрицательная частица.

Таким образом, каждому числовому значению соответствует закодированное предложение, вот и все. Это очень просто. «Осторожный медведь траву и рыбу ест». Это значение 62325 десятичного логарифма числа 42».

«Замечательно!»

«Сегодня вечером, — беспокоился Роднэйв, — мне нужно было добраться по меньшей мере до 74 или даже до 75. Если бы не амаранта Анастасии...» Он прервался: «А вот и она!» Винсент был явно заморожен Анастасией, как сказочным видением.

Амаранта Анастасии весело подбежала к нему, игривая и бесхитростная, как котенок: «Добрый вечер, Винсент!» У нее был ясный певучий голос. Кудеяра она практически не заметила, а Роднэйв о нем полностью забыл.

«Я достал то, о чем ты просила, — сказал ей Роднэйв. — Это оказалось непросто, пришлось серьезно рисковать».

«Превосходно, Винсент!» — амаранта Анастасии взяла Роднэйва за предплечье и наклонилась к нему так близко, так нежно, что он весь напрягся и слегка побледнел: «Приходи ко мне в гардеробную после представления».

Заикаясь, Роднэйв пообещал непременно придти. Анастасия еще раз одарила его мимолетной улыбкой, искоса смерила взглядом Кудеяра и упорхнула. Кудеяр и Роднэйв проводили глазами ее пританцовывающую грациозную фигуру. «Восхитительное создание!» — пробормотал Роднэйв.

Амаранта Анастасии приблизилась к амаранте Джасинты — та забросала ее нетерпеливыми вопросами. Анастасия указала небрежным жестом на Винсента Роднэйва. Джасинта повернулась и взглянула на Роднэйва и Кудеяра, стоявших вместе.

Ее глаза удивленно раскрылись. Она нахмурилась и отвернулась. Кудеяр тоже нахмурился — не удалось ли ей разгадать его маскарад?

Этот обмен взглядами не ускользнул и от внимания Винсента Роднэйва. Он с любопытством покосился на Кудеяра: «Вы так и не сказали, как вас зовут».

«Меня зовут Гэйвин Кудеяр», — с жестокой откровенностью ответил он.

Брови Роднэйва взметнулись, его челюсть отвисла: «Как вы сказали? Гэйвин Кудеяр?»

«Вы не ослышались».

Глаза Роднэйва забегали, после чего сосредоточились на ком-то: «Вот идет Джейкоб Найл. Мне лучше с ним не встречаться».

«Чем вам не понравился Найл?» — поинтересовался Кудеяр.

Роднэйв посмотрел Кудеяру в лицо и тут же отвел глаза: «Разве вы не слышали об авгурах?»

«Говорят, они собираются во Дворце Откровений».

Роднэйв сухо кивнул: «Я не желаю снова выслушивать банальные рассуждения Найла. Он — гларк до мозга костей!»

Роднэйв поспешно отошел в сторону. Кудеяр взглянул на амаранту Джасинты — ее все еще занимали разговорами два пожилых субъекта.

Джейкоб Найл пристроился к Кудеяру и посмотрел вслед Винсенту Роднэйву с издевательской усмешкой: «Можно подумать, что этот молодой человек меня избегает».

«Насколько я понимаю, его пугает ваша философия — в чем бы она ни состояла».

Джейкоб Найл начал было говорить, но Кудеяр извинился и поспешил вслед на Роднэйвом, теперь пытавшимся спрятаться за одним из аквефактов. Заметив приближение Кудеяра, Роднэйв быстро повернулся к нему спиной.

Кудеяр прикоснулся к его плечу; Роднэйв неприязненно обернулся.

«Роднэйв, я хотел бы с вами поговорить».

«Прошу прощения, — заикаясь, пробормотал Винсент, — в данный момент...»

«Может быть, мы будем привлекать меньше внимания, если выйдем наружу».

«Я не хочу никуда выходить!» — заявил Роднэйв.

«Тогда давайте зайдем вот в это боковое помещение — возможно, нам удастся решить один вопрос, имеющий большое значение как для вас, так и для меня», — схватив Роднэйва под локоть, Кудеяр повел его в альков между двумя аквефактами.

Как только они зашли за угол, Кудеяр протянул руку: «Давайте сюда!»

«Что вам от меня нужно?»

«По поручению Анастасии вы достали материалы, имеющие ко мне самое непосредственное отношение. Покажите их!»

«Вы ошибаетесь!» — Роднэйв попробовал уйти, но Кудеяр грубо схватил его за плечо: «Давайте сюда, я сказал!»

Винсент Роднэйв явно намеревался бурно протестовать, но Кудеяр опередил его, засунув руку за пазуху молодого человека — в его внутреннем кармане был конверт. Кудеяр выхватил конверт; Винсент попытался его перехватить, но не успел и гневно топнул ногой.

Кудеяр вскрыл запечатанный конверт. В нем лежали три маленьких квадратных кусочка пленки. Кудеяр вынул один из них и рассмотрел его на свет. Столбцы данных были слишком

мелкими, но он сумел прочесть заголовок: «АМАРАНТ ГРЭЙВЕНА КУДЕСНИКА».

«Ага! — сказал Кудеяр. — Все понятно». Роднэйв, испуганный и обиженный, виновато потупился.

Второй микрофильм был озаглавлен «ГЭЙВИН КУДЕЯВ, третий — «АМАРАНТА АНАСТАСИИ ДЕ ФАНКУР».

«Насколько я понимаю, это биотелеметрические микрофильмы, — заключил Кудеяр. — Было бы неплохо, если бы вы потрудились объяснить...»

«Ничего я не стану объяснять!» — с горящими от гнева глазами заявил Роднэйв.

Кудеяр с любопытством разглядывал молодого человека: «Неужели вы не понимаете, что с вами произойдет, если я предъявлю обвинения?»

«Я допустил оплошность — только и всего! Шутка, мелочь, не заслуживающая внимания».

«Мелочь? Шутка? Вы попытались вмешаться в мою жизнь! Даже палачам не разрешают пользоваться телевекторами!»

«Вы преувеличиваете серьезность происходящего», — пробормотал Роднэйв.

«А вы преувеличиваете расстояние, отделяющее вас от Клетки Позора!»

Роднэйв дерзко протянул руку: «Если вы закончили, отдайте микрофильмы».

Кудеяр не мог поверить своим ушам: «Вы с ума сошли?»

Роднэйв попытался занять более скромную позицию: «В конце концов, я всего лишь хотел сделать одолжение амаранте Анастасии».

«Зачем ей понадобилась эта информация?»

«Не знаю».

«Насколько мне известно, она собиралась передать микрофильмы амаранте Джасинты».

Роднэйв упрямо пожал плечами: «Это не мое дело».

«Вы намеревались предоставлять ей и другие биотелеметрические данные?» — вкрадчиво спросил Кудеяр.

Встретившись с Кудеяром глазами, Роднэйв отвернулся: «Нет».

«Будьте любезны проследить за тем, чтобы ничего подобного больше никогда не было».

Роднэйв смотрел на конверт: «Что вы намерены сделать с этими пленками?»

«В той мере, в какой это касается вас — ничего. Благодарите судьбу за то, что вы отделались так легко».

Винсент Роднэйв повернулся на каблуках и удалился из алькова.

Некоторое время Кудеяр не сходил с места — ему нужно было подумать. После этого он снял маску «Альтер-Эго» и куртку горчичного цвета, бросил их в углу алькова и вышел в выставочный зал.

Амаранта Джасинты заметила его почти мгновенно. Их глаза встретились — воздух между ними словно наэлектризовался напряжением взаимной ненависти. Кудеяр направился прямо к ней. Джасинта ждала его с холодной усмешкой. 2

«Хальдеман так-таки нашел руины на дне Бискайского залива, — говорил амаранте Джасинты один из пожилых господ. — Стену, бронзовую стелу, участки мозаики и, что самое удивительное, панель синего стекла!»

Другой седовласый субъект восторженно хлопнул в ладоши: «Знаете ли, там столько потрясающих находок! Если бы мне не приходилось торчать на работе, клянусь голубыми небесами, я присоединился бы к их экспедиции!»

Амаранта Джасинты положила руку Кудеяру на плечо: «Вот настоящий искатель приключений! Готовый и способный на все!» Она представила ему своих знакомых: «Господин Сиздон Кэм...» Подтянутый старик с обветренным лицом слегка поклонился. «И его честь, канцлер Пританеона Клод Аймиш». Упитанный ветеран политических интриг отозвался снисходительным кивком.

Кудеяр вежливо поздоровался с обоими; амаранта Джасинты, очевидно понимая, что Кудеяру приходилось сдерживать внутреннее кипение, продолжала беззаботно болтать: «Мы обсуждали недавние достижения господина Кэма. Он занимается подводной археологией».

Канцлер Аймиш усмехнулся, обводя взором аквифакты Бибюрссона: «Сегодня Кэм оказался в своей тарелке. Эти статуи вокруг нас — что это, как не реликты первозданного моря, унаследованные со времен ледникового периода?»

«Невероятно — не правда ли, Гэйвин Кудеяр? — спросила амаранта Джасинты. — Древние города на дне морском!»

«Выдающиеся, эпохальные открытия!» — вторил ей канцлер Аймиш.

«Как назывался этот город? Кто его построил?» — интересовалась Джасинта.

Кэм покачал головой: «Кто знает? Может быть, водолазы скоро найдут что-нибудь определенное — теперь у нас будет гидравлическая драга».

«И кочевники вас не беспокоят?» — спросил Аймиш.

«Время от времени. Но они научились осторожности».

Кудеяр больше не мог сдерживать нетерпение и обратился к Джасинте: «Не могу ли я отвлечь вас на минутку?»

«Да-да, конечно», — извинившись перед Кэмом и Аймишем, амаранта Джасинты отошла на пару шагов в сторону: «Что ж, Гэйвин Кудеяр, как продвигается ваш подъем?»

«Зачем вы пригласили меня на эту выставку?» — резко спросил Кудеяр.

Она притворилась удивленной: «Вы же сами хотели со мной поговорить?»

«Я могу сказать только одно: если вы будете вмешиваться в мои дела, я вмешаюсь в ваши».

«Вы мне угрожаете, Гэйвин Кудеяр?»

«Нет, — ответил он. — Я не стал бы вам угрожать, пока нас подсматривают и подслушивают». Кудеяр указал кивком на напоминающее пуговицу устройство, которым амаранты нередко пользовались, чтобы делиться зрительными и слуховыми впечатлениями со своими суррогатами.

«Если бы только я догадалась взять с собой эту камеру, когда отправилась в Карневал, где меня лишили жизни!» — вздохнула амаранта Джасинты. Она взглянула куда-то за спину Кудеяру, ее зрачки возбужденно расширились: «Вот еще один мой знакомый! Вам совершенно необходимо с ним познакомиться. Он нынешний любовник Анастасии — по меньшей мере, один из них».

Кудеяр обернулся: перед ним стоял амарант Абеля Мондевиля. Они пристально посмотрели друг другу в глаза.

«Грэйвен Кудесник!» — воскликнул амарант Абеля.

Кудеяр отреагировал холодно и вежливо: «Меня зовут Гэйвин Кудеяр».

«Гэйвин утверждает, что он — реликт Кудесника», — пояснила амаранта Джасинты.

«Что ж, прошу прощения, если... — Абель прищурился. — Реликт? Не суррогат?»

«Реликт», — кивнул Кудеяр.

Амарант Мондевиля следил за каждым движением Кудеяра, за мельчайшими изменениями выражения его лица: «Вероятно. В самом деле, почему нет? Но вы не реликт. Вы — амарант Грэйвена Кудесника, и тот факт, что вам удалось избежать заслуженного наказания, возмутителен!» Он повернулся к Джасинте: «Разве с этим ничего нельзя сделать? Разве мы не можем приструнить еще одно Чудовище?»

«У нас есть такая возможность», — задумчиво ответила амаранта Джасинты.

«Зачем, в таком случае, вы общаетесь с этим подонком?» — Абель кипел праведным гневом.

«Должна признаться, что он... меня интересует. Возможно, что он — суррогат...»

Амарант Абеля прервал ее, разрубив воздух мясистой красной ладонью: «Где-то, кто-то допустил непростительную ошибку! Когда человека предают в руки палачей, он должен быть уничтожен во всех ипостасях, Предел должен быть очищен от всех следов его оскверняющего жизнь пребывания!»

«Абель! — сказала Джасинта, игриво покосившись на Кудеяра. — Зачем вспоминать несправедливости прошлого? Разве нынешних недостаточно?»

Амарант Мондевиля взъярился пуще прежнего: «Даже так? С каких это пор я должен проявлять снисхождение к Чудовищу?» Развернувшись на месте, он промаршировал прочь.

Амаранта Джасинты и Кудеяр смотрели ему в спину, пока он поспешно продвигался к выходу. «Сегодня вечером он необычно раздражителен, — заметила Джасинта. — Всему виной ветреность Анастасии — ревность сдает его, как желудочная язва».

«Вы пригласили меня, чтобы познакомить с амарантом Абеля Мондевиля?» — спросил Кудеяр.

«Вы проникательны, — ответила она. — Да, я хотела засвидетельствовать нашу встречу. Я хотела бы понять, что заставило вас лишиться меня жизни. Я практически убеждена, что вы — Грэйвен Кудесник».

«Меня зовут Гэйвин Кудеяр».

Она отмахнулась от этого напоминания: «Бездоказательное утверждение! Исходная Джасинта вами совершенно не интересовалась. Ей и всем ее суррогатам были известны лишь самые общие сведения, относящиеся к делу Мондевиля против Кудесника».

«Даже если бы вы были правы, почему бы я стремился нанести ущерб вашей предшественнице?»

«Прошло семь лет. Грэйвен Кудесник официально исключен из числа живущих. Человек, называющий себя его реликтом, может безопасно появляться на людях. В Карневале я вас опознала. Вы боялись, что я донесу на вас палачам».

«И — допуская, что ваши гипотетические предположения соответствуют действительности — вы на меня донесли бы?»

«Несомненно! Вы совершили неопишимо отвратительное преступление, и в Карневале вы совершили его повторно!»

«Вы просто одержимы этой идеей, — пробормотал Кудеяр. — Детектор лжи опроверг ваши домыслы — и вы все еще доверяете своим фантазиям больше, чем фактам!»

«Не принимайте меня за дуру, Гэйвин Кудеяр».

«Даже если бы я был виновен — в чем я никогда не признаюсь — почему вы считаете, что мое преступление чудовищно? Ни вы, ни Абель не потерпели никакого серьезного

ущерба».

«Ваше преступление, — тихо сказала амаранта Джасинты, — носит принципиальный и фундаментальный характер: вы лишены врожденной неспособности к похищению жизни».

Кудеяр тревожно посмотрел по сторонам. Мужчины и женщины разговаривали, прогуливаясь мимо аквифактов, жестикулировали, смеялись, красовались друг перед другом. Его разговор с амарантой Джасинты казался нереальным. «Было бы излишне спорить с вами об определениях юридических терминов, — сказал он. — Тем не менее, должен отметить, что, если похищение жизни — преступление, то в этом преступлении повинны все, кроме гларков».

Амаранта Джасинты прошептала с притворным ужасом: «Как вы смеее говорить такие вещи! Объясните — в чем состоит мое преступление? Не покуситесь на отвратительные, кровавые подробности».

Кудеяр кивнул: «Разрешенное законами пропорциональное соотношение — один амарант на каждые две тысячи населения. Когда вас приняли в Общество Амарантов, Актуарий зарегистрировал этот факт. Две тысячи черных лимузинов двинулись по улицам Кларджеса, открылись две тысячи дверей, две тысячи несчастных, лишенных любых надежд и упований, покинули свои дома и поднялись по трем ступенькам в зияющую темноту — две тысячи раз...»

Голос амаранты Джасинты стал резким, как звуки скрипки под смычком неумелого мужлана: «В этом нет моей вины. Все продвигаются на равных основаниях».

«Да-да, — усмехнулся Кудеяр. — Ты умри сегодня, а я — завтра. Всего-навсего борьба за выживание — пусть даже сегодня она яростнее и безжалостнее, чем когда-либо в истории человечества. Вы ослепили себя. Вы руководствуетесь лживыми теориями, внушили себе позорную одержимость — и не только вы, но и все вокруг. Если бы вы посмели взглянуть в лицо действительности, городские паллиатории не были бы битком набиты».

«Браво! — воскликнул канцлер Аймиш, незаметно оказавшийся сзади. — Неортодоксальный взгляд на вещи. Редко приходится слышать столь энергичное и убежденное изложение очевидно ошибочной теории!»

Кудеяр поклонился: «Благодарю вас». Кивнув амаранте Джасинты, он скрылся в толпе.

3

Кудеяр присел на скамью в тихом уголке. Амаранта Джасинты пригласила его сюда, чтобы удостовериться его личность — если не с помощью амаранта Абея Мондевиля, то с помощью биотелеметрических данных, которые она упростила добыть Анастасию де Фанкур при посредстве поклонника Анастасии, Винсента Роднэйва.

Кудеяр вынул микрофильмы и попытался разобраться в данных настолько, насколько это было возможно без специальных очков. Изображение на каждой пленке было слегка размытым — так, как если бы накладывались один на другой два сегмента матрицы координат. На каждом микрофильме было два красных крестика, один — четкий и яркий, другой — блеклый и немного расплывчатый. Судя по всему, биотелеметрические показатели Гэйвина Кудеяра и амаранта Грэйвена Кудесника были совершенно идентичны. Кудеяр разорвал эти две пленки на мелкие кусочки.

После этого он снова внимательно изучил пленку с данными амаранты Анастасии. Так

же, как на его собственных микрофильмах, в этом случае имело место явное наложение двух изображений. «Почему это так?» — пытался понять Кудеяр. Очевидно, какой-то механизм воспроизведения личной информации в Актуарии был неисправен. Возникло впечатление, что одновременно распечатывались характеристики двух людей. Но это было невозможно! Характеристики альфа-волн, излучаемых мозгом каждого человека, неповторимы.

Ему пришло в голову возможное объяснение загадки — и, почти одновременно, его осенило потрясающее подозрение: концепция настолько невероятных масштабов, что сперва она показалась ему подсознательной насмешкой над своей склонностью фантазировать...

«Но если моя гипотеза справедлива, где именно допущена ошибка?»

Кудеяра охватило возбуждение. Детали не так уж трудно было продумать — уже через несколько секунд ему был ясен план дальнейших действий.

Стройное стаккато фанфар прервало его размышления. Шум разговоров смолк, светильники выставочного зала почти погасли. 4

Часть стены отодвинулась — открылась авансцена с черным занавесом. На авансцене появился молодой человек приятной наружности:

«Уважаемые друзья и покровители искусств! Мы рады предложить вашему вниманию редчайшее выступление самой знаменитой исполнительницы пантомим в истории человечества. Само собой, я имею в виду амаранту Анастасии де Фанкур!

Сегодня она позволит нам заглянуть за фасад видимости и разоблачит подлинное! Ее программа, разумеется, непродолжительна, и Анастасия попросила меня заранее принести извинения за импровизационный характер ее выступления — но извиняться тут не за что. Ассистировать знаменитой артистке будет прилежный, но, по существу, неуклюжий новичок, Адриан Босс — то есть ваш покорный слуга».

Откланявшись, молодой человек отступил за занавес; в зале стало темно.

Черный занавес дрогнул, перед ним зажглось пятно света, но в освещенном овале никого не было.

Из темной правой кулисы выбежала бледная фигура — Пьеретта; остановившись, она зажмурилась, на мгновение ослепленная светом. Боязливо приблизившись к занавесу там, где сосредоточились лучи прожекторов, она с любопытством чуть раздвинула портьеры. Что-то большое и невидимое набросилось на занавес с обратной стороны — Пьеретта тут же отпустила портьеры, отскочила и попыталась убежать со сцены за кулису, но овал света догнал ее, и она оцепенела в безжалостном зареве. Пьеретта повернулась к зрителям лицом — белым, как мел, с черными губами. Волосы ее закрывала белая шапочка с черным помпоном на мягком шнурке. На Пьеретте были просторные белые панталоны и свободная белая блуза с маленькими черными помпончиками вместо пуговиц. У нее были большие черные глаза; ее брови — беленые, как все ее лицо — отбрасывали изумленно-вопросительную тень. Она больше походила на призрака, нежели на паяца.

Подойдя к крайнему левому концу сцены, она повернулась лицом к занавесу и наклонила голову набок в ожидании какого-то события. Левая часть занавеса поднялась, одновременно отодвигаясь в глубину сцены.

Так началась пантомима, продолжавшаяся пятнадцать минут и состоявшая из трех эпизодов, праздновавших торжество превратностей судьбы над допущениями, утверждавших

мудрость легкомыслия. Каждый эпизод был обезоруживающе прост, но его простоту осложняло странное очарование Пьеретты, ее черного рта с опущенными уголками, ее больших черных глаз, подобных наполненным чернилами устричным раковинам. Каждому эпизоду был свойствен собственный характерный ритм; каждый эпизод сопровождался особой последовательностью аккордов, разрешавшейся только в конце.

Действие первого эпизода разворачивалось в производственном помещении «Мозамбикской парфюмерной компании». Пьеретта надела черный резиновый фартук, превратившись в лаборантку, и приступила к работе, смешивая сиропы, масла и эссенции — бергамота, жасмина, лавра, мирики — но каждый раз у нее получались жидкости, испускавшие вонючие пары, расплывавшиеся по всему залу. Раздраженно всплеснув руками, она проконсультировалась с толстым справочником, после чего нашла большой химический стакан и бросила в него сначала рыбью голову, а затем пригоршню розовых лепестков. Стакан озарился зеленым светом. Пьеретта была зачарована. Она осторожно опустила в стакан свой носовой платок — из стакана вырвался роскошный фонтан цветных искр, и гармоническая последовательность аккордов разрешилась.

Во втором эпизоде Пьеретта выращивала цветы в саду с бесплодной каменистой почвой. Она проделывала отверстия в почве металлическим прутом, и в каждое отверстие заботливо сажала цветок — розу, подсолнечник, белую лилию. Один за другим цветы превращались в сорняки — неопрятные, уродливые, отвратительные. Пьеретта стала отчаянно бегать кругами и трясти руками в воздухе. Разбрасывая растения пинками, она отшвырнула прут — тот воткнулся в землю, и в этом месте сразу выросло ветвистое дерево с пышной зеленой листвой, золотыми яблоками и красными гранатами.

Третий эпизод начался с полной темноты. Заметить можно было только висящий над большой сценой циферблат часов со слабо светящимися зелеными стрелками, часовой и минутной, и ярко-красной меткой сверху, в положении, соответствующем полудню или полуночи. Выйдя на сцену, Пьеретта некоторое время смотрела на небо, после чего приступила к постройке дома. При этом она использовала самые неподходящие материалы: обломки досок и фанерных щитов, металлолом, осколки стекла. Но каким-то чудом весь этот неказистый мусор складывался в растущее сооружение. Пьеретта снова взглянула на небо и стала работать поспешнее; тем временем зеленые стрелки часов приближались к полуночной метке.

Строительство закончилось. Немного поразмышляя, Пьеретта подобрала шланг с наконечником и выпустила из него искрящийся белый туман. Сначала ее сооружение полностью скрылось в тумане, но, когда туман рассеялся, на сцене уже стоял маленький беленый домик. Пьеретта радовалась от души. Но домик стал раскачиваться сбоку набок, круто наклонился и, чуть задержавшись в последний момент, обрушился. Капризно взмахнув рукой, Пьеретта схватила другой шланг и направила его наконечник на груды обломков. Шланг высосал всю белую краску из этой груды, а обломки снова сложились в прежнее сооружение. Пьеретта собралась было зайти в домик, но не могла сразу открыть дверь. С силой потянув дверь на себя, она приоткрыла ее, засунула руку внутрь, вытащила из-за двери и пинками прогнала прочь оборванного бродягу — Адриана Босса, а затем принялась выгонять из домика, размахивая руками, целую стаю птиц. Пока она всем этим занималась, стрелки часов сошлись на красной метке.

Пьеретта оцепенела, после чего стала двигаться так, словно ей приходилось с трудом проталкиваться через воздух, превратившийся в густое желе. Она снова взглянула на часы —

стрелки ползли обратно, отодвигаясь от красной метки. Пьеретта рассмеялась. Но стрелки часов снова двинулись вперед с непреклонностью судьбы: настала полночь. Сцену озарила вспышка лилового света, прогремел гром, волна белого пламени смела все на своем пути — с ревом и грохотом, с торжествующим воплем. На фоне отголосков этого ужасного шума прозвучали заключительные аккорды.

Зажглись светильники выставочного зала. Сцену закрывал неподвижный черный занавес; секция стены медленно задвинулась — авансены больше не было. 5

Амаранта Анастасии де Фанкур вернулась в гардеробную и плотно закрыла за собой дверь. Она чувствовала приятное возбуждение усталости, подобное ощущению пловца, вернувшегося на солнечный пляж из пронзительно-холодного прибойя. В целом и в общем пантомима удалась, хотя не обошлось и без запинок. Кроме того, возможно, следовало бы добавить четвертый эпизод...

Анастасия настороженно напряглась. Вместе с ней в помещении был кто-то еще, какой-то незнакомец. Она заглянула за перегородку, отделявшую будуар от небольшой приемной. На софе в глубине приемной сидел, сгорбившись и обняв колени, очень высокий человек с большой высоколобой головой.

Амаранта Анастасии подошла к нему, снимая на ходу белую шапочку с помпоном и распуская ворох темных локонов: «Господин Райнхольд Бибюрссон! Ваше посещение для меня — большая честь».

Бибюрссон медленно покачал головой: «Нет-нет. Вся честь принадлежит вам, а мне следовало бы извиниться за непрошеное вторжение. Но я не буду извиняться. Астронавты редко подчиняются условностям».

Амаранта Анастасии рассмеялась: «Я могла бы с вами согласиться, если бы знала, какие условности вы имеете в виду».

Бибюрссон задумчиво отвел глаза в сторону. Анастасия подошла к зеркалу будуара и увлажнила кремом полотенце. Стирая белый грим с лица, она вернулась туда, где сидел Бибюрссон.

«Я не умею красиво говорить, — произнес астронавт. — Я мыслю не словами, а образами, и передать эти образы словами очень трудно. Мне приходится нести вахту — днями, неделями, месяцами. Я обязан следить за тем, чтобы на корабле все было в порядке, пока ученые и прочие звездоплаватели спят в своих ячейках. Так оно лучше для всех».

Амаранта Анастасии скользнула в кресло: «Надо полагать, вам очень одиноко».

«Мне есть чем заняться. На корабле много работы. Кроме того, я делаю аквефакты. И слушаю музыку. Сегодня вечером я увидел ваше представление, и оно меня удивило. Потому что только в музыке я находил красноречивую возвышенность, изысканную сложность...»

«Этого и следовало ожидать. Пантомима во многом напоминает музыку. И мим, и композитор пользуются символами, абстрагированными из действительности».

Бибюрссон кивнул: «Совершенно верно».

Амаранта Анастасии наклонилась поближе к астронавту и заглянула ему в лицо: «Вы — странный человек, гениальный человек. Почему вы пришли ко мне?»

«Я пришел, чтобы позвать вас собой, — с величественной простотой сказал Бибюрссон. — В космос. «Отважный» загружают провизией и топливом; мы скоро вылетим

к Ахернару. Я мог бы взять вас с собой, чтобы мы жили в черных небесах, усыпанных звездами».

Анастасия скорбно улыбнулась: «Я такое же подлое животное, как все остальные».

«Мне трудно в это поверить».

«Но это так». Она встала и положила руки ему на плечи: «Кроме того, я не могу покинуть своих суррогатов. Эмпатия прервется, наши души безвозвратно разойдутся в разные стороны — больше не будет отождествления, непрерывности сознания. И я не посмела бы взять их с собой — риск тотальной трансформации слишком велик. Таким образом... — она устало махнула рукой, — меня сковывают цепи моей свободы».

В коридоре послышались шаги; дверь распахнулась — раздался резкий голос: «Красивая картина, ничего не скажешь!»

В дверном проеме стоял, обзревая гардеробную, амарант Абеля Мондевиля. Он сделал шаг вперед: «Якшаешься с бородатым пугалом огородным! Обнимаешься с ним!»

Амаранта Анастасии разозлилась: «Абель! Ты выходишь за границы дозволенного!»

«Подумаешь! Моя прямота в тысячу раз лучше твоей ненасытной похоти!»

Бибюрссон поднялся из кресла и печально сказал: «Боюсь, я вам испортил вечер».

Мондевиль издал короткий лающий смешок: «Не задирайте нос! Вам и вам подобным давно пора указать на место!»

Послышался третий мужской голос — из-за спины Абеля выглянул Винсент Роднэйв: «Анастасия, мне нужно с тобой срочно поговорить!»

Амарант Абеля обернулся: «Еще один?»

Винсент напрягся, его остроносое лицо поморщилось: «Уважаемый, вы ведете себя оскорбительно!»

«Разве тебя можно оскорбить? Что ты тут делаешь?»

«Не вижу, почему бы я должен был перед вами объясняться».

Абель шагнул к молодому человеку; Винсент Роднэйв, на голову ниже и в два раза уже в плечах, не отступил. Анастасия бросилась к ревнивцам и протиснулась между ними: «Вы ведете себя, как петухи! Сейчас же прекратите! Абель, убирайся!»

Амарант Абеля пришел в ярость: «Ты это мне говоришь?»

«Тебе!»

«Хорошо, я уйду, но только после них! — Абель ткнул указательным пальцем в сторону Бибюрссона и Роднэйва. — Мы еще обменяемся парой слов — с тобой, сопляк, и с тобой, астронавт!»

«Все вон! — закричала амаранта Анастасии. — Пойдите прочь!»

Райнхольд Бибюрссон нескладно, но почтительно поклонился и вышел.

Винсент Роднэйв нахмурился: «Может быть, мы сможем увидаться позже? Я должен сообщить...»

Анастасия опустила уголки губ: «Не сегодня, Винсент. Мне нужно отдохнуть».

Поколебавшись, Роднэйв неохотно удалился.

Анастасия повернулась к Мондевилю: «А теперь, Абель, будь так добр — мне нужно переодеться...»

Абель набычился и не сдвинулся с места: «Мы должны наконец объясниться».

Голос амаранты Анастасии внезапно изменился — он стал надменным и повелительным: «Разве я не сказала? Все убирайтесь вон! Ты что, не понимаешь, Абель? С тобой покончено — бесповоротно. Знать тебя больше не хочу! Пошел вон — сию минуту!»

Повернувшись на каблуках, Анастасия де Фанкур вернулась к будуару, села и принялась нервно стирать с лица остатки крема. У нее за спиной послышались два тяжелых шага; последовали резкий вздох, стон и равномерно повторяющийся звук падающих на пол тяжелых капель. Вскоре этот звук прекратился.

XII

В воскресенье, на следующий день после выставки, Кудеяр проснулся в мрачном, безнадежном настроении. Он медленно оделся, спустился на улицу, прошелся на юг в тени небоскребов, пересек площадь Эстергази и поднялся на набережную озера у Перламутрового павильона. На террасе он выбрал место за столом, откуда можно было видеть и озеро, и пешеходную аллею вдоль набережной, и заказал кружку крепкого чаю, булочки и варенье из айвы.

На набережной, залитой ярким солнечным светом, было необычнолюдно. Неподалеку, среди деревьев, дети шумно бегали наперегонки, обзывая проигравших «гларками». На скамье под террасой тесно сгрудились три юнца; они обменивались шутками, вся соль которых заключалась в нарочитом использовании неприличных слов: «Ты слышал про наездника, сломавшего ногу? Лошадь подумала, что он разбился *на смерть!*» Или: «Палачи-первокурсники приехали на своем *труповозе* по неправильному адресу. Там жил не кто-нибудь, а генеральный директор Джарвис собственной персоной. Джарвиса вытащили из постели и зашвырнули в *труповоз...*»

Настроение Кудеяра только ухудшилось. Подростки на скамье глупо хихикали, стараясь перещеголять друг друга в употреблении непечатного лексикона. Кудеяр мрачно усмехнулся: ему следовало перегнуться через парапет и сказать этим идиотам: «Взгляните на меня! Я — Чудовище! Я убил — и не раз, а дважды! Причем я замышляю преступление, из-за которого могут умереть многие другие!» Как они уставились бы на него! Как бы у них отвисли челюсти! Как застрял бы у них в глотках дурацкий похотливый смех!

Солнце грело Кудеяра — его пессимизм начинал рассеиваться. Ужасное событие предыдущего вечера, в конце концов, только подтверждало его правоту — это могла признать даже амаранта Джасинты. Если бы только она прекратила свои преследования, он мог бы забыть о своем кошмарном замысле. И все же — замысел привлекал его, по меньшей мере, своей неповторимостью.

Он вынул из кармана конверт Винсента Роднэйва и, пользуясь очками для просмотра микрофильмов, изучил данные амаранты Анастасии де Фанкур.

«*Не так уж трудно, — думал он. — разделить два почти совпадающих изображения.*» Достаточно было определить какой-нибудь заметный ориентир, позволявший точно измерить величину смещения. После этого, пользуясь методами цифровой обработки фотографий или компьютерного анализа, можно было удалить один из снимков и оставить только второй — ясный и четкий.

Вложив микрофильм в конверт, он опустил конверт в карман. Надеясь заслужить расположение Анастасии, Винсент Роднэйв осмелился на очень рискованный поступок. В случае задержания ему грозило суровое наказание — как минимум увольнение, если не заключение в Клету Позора. Он уже рискнул однажды — и не получил обещанную награду.

Оставалось выяснить, рискнет ли Винсент снова, руководствуясь еще более амбициозными надеждами.

В солнечном сквере дети забавлялись играми, предвещавшими их будущее; мужчины и женщины спешили по аллее к Актуарию и уходили оттуда, в равной степени отягощенные оправданием надежд или разочарованием. Кудеяр взял со стойки газету. Обведенное траурной рамкой, с первой страницы смотрело лицо амаранты Анастасии, хрупкое и тонкое, как портрет сказочной сильфиды — ее трансформация стала сенсацией. Причем это был «Глашатай», газета самого Абея Мондевиля!

Кудеяр перешел к просмотру других новостей. Миллионер-гларк предложил половину своего состояния за статус амаранта, но его предложение гневно отвергли. Статья о Баллиасском паллиатории поддерживала взгляды нового главного врача, дидактора Леона Гладеллы. Лига защитников гражданской нравственности выступала против того, что они называли «неприличными играми и развлечениями» в Карневале, где животные «подвергались отвратительным мучениям в руках садистов».

Кудеяр зевнул и отложил газету. Мимо по аллее шла странная пара: торжественно-суровый высокий молодой человек и столь же высокая женщина с продолговатым лицом, напоминавшим формой скрипку. Одежда женщины — ядовито-зеленая блуза и желтая юбка столь же вызывающего оттенка — сразу бросалась в глаза; у нее на руке позвякивала дюжина бронзовых браслетов.

Кудеяр узнал ее: Пладж Каддиган. Она встретилась с ним глазами. «Гэйвин Кудеяр!» — воскликнула Пладж, взмахнув рукой и звеня браслетами. Она взяла молодого человека под локоть и потащила его на террасу павильона, к столу Кудеяра.

«Роджер Бизли — Гэйвин Кудеяр, — представила она своих знакомых. — Можно к вам присоединиться?»

«Разумеется!» — пригласил Кудеяр. Даже если Пладж все еще испытывала скорбь по поводу кончины Сета, она хорошо умела контролировать свои эмоции.

Пладж уселась; высокий молодой человек последовал ее примеру.

«Я искренне надеюсь, Роджер, сделать Гэйвина одним из нас», — сказала Пладж.

«Одним из кого?» — спросил Кудеяр.

«Одним из авгуров, само собой. В наши дни каждый, кто что-то собой представляет, становится авгуром или пифией».

«Никак не возьму в толк: что именно делает человека авгуром или пифией?»

Пладж подняла глаза к небу, изображая отчаяние: «Определений столько же, сколько авгуров и пифий. В принципе, мы — люди в состоянии протеста. Мы попытались сформировать нечто вроде коалиции, чтобы избрать координационный совет».

«С какой целью?»

Пладж выглядела удивленной: «Чтобы организовать, стать влиятельными и что-нибудь сделать по поводу нашей системы управления!»

«Что, конкретно?»

Пладж отозвалась одним из своих самых экстравагантных жестов: «Если бы мы все согласились друг с другом, остальное было бы достаточно просто. Существующие условия невыносимы, мы все хотим изменений — то есть все, кроме Роджера Бизли».

Бизли добродушно улыбнулся: «Мы живем в несовершенном мире. Я считаю, что существующая система настолько эффективна, насколько можно было бы ожидать. В ней определены общие стандарты, она предлагает людям цель и оправдывает самые сокровенные

надежды рода человеческого. Любое вмешательство в эту систему не привело бы ни к чему хорошему и только лишило бы нас ее огромных преимуществ».

Пладж скорчила ироническую гримасу: «Видите, каким несносным консерватором умеет быть глубокоуважаемый Роджер?»

Кудеяр внимательно посмотрел на Бизли: «Но, тем не менее, вы причисляете себя к авгурам?»

«Почему нет? Я — авгур среди авгуров. Они настойчиво спрашивают друг друга: «К чему идет этот мир? Чем все это кончится?» А я спрашиваю в ответ: «К чему придет этот мир и чем все это кончится, если доверить управление чокнутым авгурам и пифиям?»»

«Он не предлагает ничего конструктивного, — пожаловалась Кудеяру Пладж. — Он только придирается и сует палки в колеса».

Бизли возмутился: «Ничего подобного! Я выдвигаю весьма конструктивное предложение — моя идея настолько проста, что ее простота раздражает и подавляет Пладж и ее невразумительно рассуждающих друзей. Я прихожу к логическому выводу в три этапа. Этап первый: каждый хочет жить вечно. Этап второй: мы не можем подарить вечную жизнь каждому — это привело бы к возвращению Мальтузианской смуты, хаоса и разрушения. Этап третий: очевидное решение проблемы заключается в том, чтобы дарить вечную жизнь только тем, кто это заслужил. Такова наша нынешняя система».

«Но ты не принимаешь во внимание огромный ущерб, который наносит эта система! — взволновалась Пладж. — Ты равнодушен к бесконечному напряжению, к страданиям и скорби, к ужасу и смятению миллионов людей? Ты нисколько не сочувствуешь несчастным, заполняющим палаты паллиаториев? Маньяки-кататоники составляют уже двадцать пять процентов зарегистрированного Актуарием населения — гларки не в счет, само собой».

Бизли пожал плечами. «Мы живем в несовершенном мире, — повторил он. — Скорбь и ужас существовали всегда. Все, чего мы хотим, все, что мы можем — сводить их к минимуму. И я считаю, что эта цель достигается».

«О Роджер! Не может быть, чтобы ты на самом деле в это верил!»

«В отсутствие доказательства обратного, я в это верю». Повернувшись к Кудеяру, Бизли сказал: «В любом случае, таковы мои взгляды. Меня презирают, разумеется, но я служу этим сумасшедшим в качестве удобной мишени для сарказма, что помогает им не свихнуться окончательно».

«Надо полагать, вы выполняете полезную функцию, — ответил Кудеяр. — Вчера вечером я встретил одного авгура. Его звали Джейкоб Найл...»

«Джейкоб Найл! — Пладж подскочила от энтузиазма и ткнула Роджера Бизли пальцем в бок. — Роджер, позвони ему! Джейкоб живет неподалеку — может быть, он к нам присоединится».

Роджер Бизли не проявил никакого желания звонить Найлу, несмотря на то, что Пладж издавала жалобно-умоляющие звуки.

«Очень хорошо! — с величественным высокомерием заявила Пладж. — Тогда я сама ему позвоню».

Она поднялась из-за стола и направилась к телефонной будке.

«До чего упрямая женщина!» — заметил Бизли.

«Женщина с характером», — согласился Кудеяр.

Вернулась торжествующая Пладж: «Он как раз собирался прогуляться и скоро придет».

Уже через несколько минут появился Джейкоб Найл. Когда его представили Кудеяру,

он нахмурился: «Кажется, я вас где-то видел? Мы уже знакомы?»

«Мы встретились вчера вечером, в выставочном зале «Союза всех искусств»».

«Неужели? — Найл продолжал хмуриться. — Может быть. Но я что-то не припомню...

Какая кошмарная трагедия!»

«Да уж, такое случается редко».

«О чем вы? — вмешалась Пладж. — Что случилось?» Она не успокаивалась, пока ей не сообщили все подробности. После этого разговор вернулся к вопросу об авгурах и пифиях. Найл пространно рассуждал о разложении и вырождении застойного общества. Кудеяр смотрел в пространство над озером, чуть повернувшись на стуле.

Роджер Бизли увещевал Найла: «Джейкоб, вы мудрствуете лукаво! Для того, чтобы что-то изменить, нужно хотя бы знать, чего вы хотите добиться».

«Если существование проблемы будет общепризнано, мы чего-нибудь добьемся!»

«Проблемы? В чем заключается проблема?»

«Проблема заключается во всей нашей жизни! Человечество победило последнего врага, мы узнали секрет вечной жизни. Каждый должен получить право на вечную жизнь!»

«Ха-ха! — Бизли развеселился. — Под личиной сострадания вы предлагаете самое жестокое вмешательство. Вы хотите, чтобы Кларджес был населен одними амарантами, а те будут плодиться и размножаться. И после этого хоть потоп — спасайся, кто может!»

«Такое положение вещей представляется неизбежным, — задумчиво сказал Кудеяр. — Предел перенаселен, мы пытаемся расширить его границы. Кочевники объявили нам джихад — мы отбиваемся, лишаем их жизни. Тем временем численность населения растет. Мы орошаем пустыни, осушаем болота, строим плотины, чтобы отгородиться от моря, рубим таежный лес — и при этом постоянно воюем с варварами-террористами».

«Империя! — пробормотал Роджер Бизли. — Сооружение из человеческих костей, сцементированных кровью и устланное ковром из погибших душ».

«И чем все это кончится? — спросил Кудеяр. — Предел охватит весь мир. Спустя еще одно столетие бессмертные люди будут толпиться плечом к плечу на каждом клочке земли, способном их поддерживать, а миллионы других будут искать спасения в плавучих городах».

Джейкоб Найл вздохнул: «Именно это я называю стагнацией. Мы признаём существование проблемы, мы болтаем, предлагая неосуществимые или неэффективные решения, после чего в отчаянии разводим руками и продолжаем жить как прежде, утешаясь тем, что, по меньшей мере, мы не молчим и не отворачиваемся от судьбы». В голосе Найла появилась язвительная нотка: «Уж лучше развлекаться в Карневале — это здоровее».

Наступило молчание.

«Наверное, я стану извращенкой», — сообщила Пладж.

«Извращенцы не менее популярны, чем авгуры», — заметил Кудеяр.

«Если бы у меня была власть, — сказал Джейкоб Найл, — я не пытался бы приспособить будущее к своей идеологии. Каждый должен почувствовать необходимость перемен, это побуждение должно охватить массы и стать непреодолимым, мы должны подчиниться самопроизвольному порыву».

«Но в этом и состоит проблема, Джейкоб! — возразила Пладж. — Каждый беспокоится, каждый готов к переменам, каждый ищет способа избежать катастрофы!»

Джейкоб Найл пожал плечами: «Мне известен такой способ — но последуют ли за мной другие? Кто я такой, чтобы указывать другим?»

«Может быть, вы снизойдете к разъяснению вашего решения проблемы?» — вежливо

предложил Роджер Бизли.

Найл улыбнулся и поднял руку к небу: «Вот он, наш путь — к звездам! Нас ждет Вселенная».

Снова наступило молчание — почти смущенное молчание. Продолжая улыбаться, Джейкоб Найл переводил взгляд с лица на лицо: «Вы считаете меня фантазером? Может быть, я — фантазер. Прощу извинить мою одержимость переселением в космос».

«Нет-нет!» — Пладж не возражала.

«Вполне возможно, что вы предлагаете самое разумное решение, — серьезно сказал Роджер Бизли. — Но только не для нынешних обитателей Кларджеса. Мы обеспокоены прежде всего нашими карьерами и обычаями, в Пределе мы чувствуем себя в безопасности...»

«Мироощущение беженцев, прячущихся в последнем бастионе», — устало отозвался Найл. Он указал рукой на длинный фасад Актуария: «Вот он — последний бастион, средоточие нашего безумия!»

Пладж вздохнула: «Кстати, мне пора проверить кривую подъема. Я уже две недели этого не делала. Кто-нибудь еще не прочь заглянуть в потогонную кабинку?»

Бизли согласился ее сопровождать. Все присутствующие встали из-за стола, покинули террасу павильона и разошлись по своим делам. Кудеяр купил распечатку последних новостей и стал читать ее на ходу. Одна из заметок заставила его остановиться.

Амарант Абеля Мондевиля совершил второе неопишное преступление: он лишил себя жизни. Предполагалось, что это было вызвано трансформацией бывшей Анастасии. Окружной начальник палачей, Обри Харват, засвидетельствовал самоуничтожение амаранта Абеля, каковое он тщетно пытался предотвратить с целью проведения допроса. Редакторская заметка заканчивалась следующим образом:

«Мы надеемся — и настоятельно это рекомендуем — что те, кому предстоит иметь дело с новым амарантом Абеля Мондевиля, проявят великодушие, терпимость и снисхождение. Разумеется, от него невозможно будет утаить преступление, совершенное его прототипом; нет необходимости, однако, рассматривать нового Абеля Мондевиля как потенциально опасную и порочную личность. Предоставим ему возможность заново выстроить свою жизнь и попытаемся обращаться с ним так же, как мы обращаемся с любым другим». 2

На следующий день, рано утром, Кудеяр явился в отдел кадров Актуария и подал заявление с просьбой о приеме на работу. Проводившая интервью деловитая девушка была не расположена высказывать обнадеживающие замечания: «Естественно, вы имеете право делать карьеру где угодно, но я рекомендовала бы вам пересмотреть свое решение. Человек с амбициями выбрал бы другую работу».

Кудеяр отказался отступать; девушка направила его в боковое помещение, где его подвергли проверке на профессиональную пригодность. Когда он вернулся в приемную отдела кадров, деловитая девушка уже просматривала и кодировала результаты проверки.

Теперь она взглянула на него с явным интересом: «Ваша итоговая оценка относится к подразделу D категории A. Тем не менее, я все еще не могу предложить вам ничего существенного. Ваш технический опыт недостаточен для работы в лаборатории или в отделе

проектирования... Ваши навыки могли бы пригодиться в отделе связей с общественностью и, насколько мне известно, в ближайшее время один из наших выездных инспекторов должен... хм, выйти на пенсию. Я наведу справки».

Кудеяр уселся на скамью, а девушка вышла из комнаты.

Тянулись минуты — десять, двадцать минут, полчаса. Кудеяр начинал беспокоиться. Еще через десять минут девушка вернулась. Она медленно прикрыла за собой дверь, стараясь не встречаться глазами с Кудеяром.

Он подошел к ее конторке: «Так что же?»

Она поспешно проговорила: «Очень сожалею, господин Кудеяр, но я ошиблась. Вакансия, о которой я упомянула, отсутствует. Я могла бы предложить вам три должности: помощника механика, ответственного за техническое обслуживание, помощника хронометриста в отделе ликвидации устаревших данных и ученика смотрителя помещений вычислительного центра. Заработная плата во всех трех случаях примерно одинакова».

Заметив выражение лица Кудеяра, она придала голосу притворную бодрость: «Может быть, со временем приобретенная квалификация позволит вам продвинуться по службе».

Кудеяр молчал и не сводил глаз с ее лица.

«Любопытная ситуация! — сказал он наконец. — С кем вы говорили?»

«Ситуация такова, какой мне ее объяснили».

«Кто поручил вам предложить такое объяснение?»

Девушка отвернулась: «Прошу меня извинить. Мне нужно заняться другими делами».

Кудеяр наклонился над конторкой. Девушка не могла избежать его взгляда и замерла, как замороженная.

«Отвечайте! С кем вы советовались?»

«Как обычно, я навела справки, обратившись к начальнику отдела кадров».

«И что он сказал?»

«Он сказал, что должность выездного инспектора вам не подходит».

«Отведите меня к вашему начальнику».

«Как вам будет угодно, сударь», — с облегчением согласилась она.

Руководителем отдела кадров был Клеран Тисвольд, дебютант — пухлый маленький человечек с грубоватой румяной физиономией и ежиком жестких волос песочного оттенка. При виде Кудеяра он сразу прищурился.

Разговор продолжался пятнадцать минут. С начала до конца Тисвольд отрицал существование какого-либо постороннего влияния, но при этом его голос был чрезмерно напряженным и резким — начальник отдела кадров с презрительной усмешкой отверг предложение подвернуть его допросу с помощью детектора лжи. Он не мог не признать тот факт, что Кудеяр получил исключительно высокую оценку при проверке профессиональной пригодности и что, как правило, такая оценка позволила бы заявителю занять ответственную должность. «Тем не менее, — сказал Тисвольд, — Истолкование результатов проверки поручено мне, а я взвешиваю достоинства каждого заявителя на индивидуальной основе».

«Как вы могли взвесить мои достоинства, если вы меня еще никогда не видели?»

«У меня больше нет свободного времени, — заявил Тисвольд. — Вы намерены занять одну из предложенных вам должностей или нет?»

«Намерен! — с вызовом ответил Кудеяр. — Я согласен занять должность помощника механика». Поднявшись на ноги, он прибавил: «Завтра утром я приступлю к работе. А теперь я обращаюсь к трибунам и предъявлю вам обвинение. Желаю вам приятно провести

остаток дня. Вполне может быть, что завтра вы сюда уже не вернетесь».

Покидая Актуария, Кудеяр старался не спешить. Небо затянули угрюмые тучи. Порыв холодного ветра бросил ему в лицо брызги дождя, и Кудеяру пришлось отступить в вестибюль вычислительного центра.

Двадцать минут он простоял за высокими стеклянными панелями — мысли его были мрачнее туч.

Положение вещей отличалось исключительной простотой и становилось невыносимым. Если амаранта Джасинты Мартин и ее приятели из Общества не прекратят свои преследования, Кудеяру оставалось только принять жесткие меры противодействия.

Он должен был объяснить амаранте Джасинты, к чему могли привести ее мстительные интриги.

Кудеяр зашел в телефонную будку и позвонил Джасинте домой. На экране появилась ее эмблема; амаранта Джасинты ответила, но не стала включать видеокамеру.

«Гэйвин Кудеяр! Вы сегодня явно не в настроении», — издевательски пропела она.

«Мне нужно с вами поговорить».

«Ничего не хочу слышать. Если вам не терпится поговорить, обратитесь к Каспару Джарвису, признайтесь ему в том, что вы лишили меня жизни, и объясните, каким образом вам удалось обмануть детектор лжи. Таков ваш долг».

«Вы легкомысленны. Вы не придаете значения...» — Кудеяр прервался; эмблема на экране мигнула и погасла. Амаранта Джасинты выключила телефон.

Кудеяра охватил приступ уныния и подавленности. Кто мог за него заступиться? Кто мог оказать давление на Джасинту? По-видимому, на нее мог повлиять президент Общества, амарант Роланда Зигмонта. Кудеяр просмотрел справочник и позвонил по адресу Роланда.

На экране вспыхнула эмблема Роланда Зигмонта. Послышался голос: «Вы связались с усадьбой амаранта Роланда Зигмонта. Кто звонит, и по какому вопросу?»

«Вас беспокоит Гэйвин Кудеяр. Я хотел бы поговорить с амарантом Роланда Зигмонта по вопросу, связанному с амарантой Джасинты Мартин».

«Одну минуту, пожалуйста».

Через некоторое время на экране возникло изображение амаранта Зигмонта, президента Общества Амарантов — человека с пронизательным задумчивым лицом, не выражавшим никаких эмоций.

«Не могу не узнать старого знакомого, — произнес Роланд. — А именно Грэйвена Кудесника».

«Как бы то ни было, — буркнул Кудеяр. — Это не имеет отношения к тому, что я хочу вам сказать».

Амарант Роланда приподнял ладонь: «Мне известно все, что вы можете сказать по этому поводу».

«Тогда вы обязаны приструнить ее!»

Роланд изобразил удивление: «Чудовище прекратило существование амаранты Джасинты. Насильственное прекращение существования амаранта недопустимо — надеюсь, это предельно ясно».

«Значит, такое преследование следует считать официальной политикой Общества Амарантов?»

«Ни в коем случае. Наша официальная политика предусматривает лишь строжайшее соблюдение законов. Рекомендую вам подчиниться этим законам. В противном случае вы не

сможете надеяться на дальнейшую карьеру».

«Вы отвергаете результаты допроса с помощью детектора лжи?»

«Результаты этого допроса нельзя считать юридическим доказательством невиновности. Я прослушал материалы, относящиеся к вашему делу. Совершенно очевидно, что вы изобрели какой-то способ заблокировать часть своей памяти. Такое изобретение создает угрозу для общества, и в этом заключается еще одна причина, по которой вы должны быть подвергнуты справедливому наказанию».

Кудеяр без лишних слов выключил телефон. Игнорируя дождь, с шумом заливавший дворик перед Актуарием, он пересек площадь Эстергази, вступил на ленту тротуара и вернулся домой.

Сбросив промокшую насквозь одежду, он принял душ, вытерся насухо и свалился на диван. Забывшись беспокойным сном, он то и дело морщился и бормотал, не открывая глаз.

Когда он проснулся, уже вечерело. Дождь кончился; между черными и серыми ключьями туч образовался огромный золотисто-голубой разрыв.

Кудеяр заварил кофе и выпил его без всякого удовольствия. Ему непременно нужно было поговорить с амарантой Джасинты и объясниться. Должен был существовать какой-то выход из положения!

Он надел новый темно-синий костюм и вышел под вечернее небо. 3

Новая амаранта Джасинты жила на скалистом уступе Вандунских высот, откуда открывалась обширная панорама города. У нее был небольшой, но элегантный дом. За ним возвышались создававшие классический фон кипарисы; перед ним были устроены несколько аккуратных цветочных клумб.

Кудеяр прикоснулся к пластинке на двери; дверь отодвинула сама амаранта Джасинты. Она явно кого-то ждала — радостно-приветственное выражение на ее лице сразу сменилось удивлением: «Зачем вы пришли?»

Кудеяр сделал шаг вперед: «Вы позволите мне зайти?»

Несколько секунд она преграждала ему путь, но затем резко обронила: «Что ж, заходите». Повернувшись, она провела его в гостиную, обставленную мебелью с золочеными лепными украшениями и украшенную экзотическими экспонатами из далеких земель — керамическими изделиями альтамирских кочевников, фетишами из павлиньих перьев, привезенными из Хотана, резное стекло с Додеканезских островов.

Амаранта Джасинты выглядела великолепно. На ней было тонкое длинное платье; ее солнечно-светлые волосы свободно спускались на плечи, глаза светились умом. Она с подозрением разглядывала незваного гостя: «Так что же, зачем вы пришли?»

Кудеяру трудно было не обращать внимания на ее привлекательность. Она холодно усмехнулась: «В ближайшее время придут мои гости. Если вы задумали снова насильственно лишить меня жизни, вам не удастся незаметно скрыться, а ваши похотливые надежды — о каковых можно судить по выражению вашего лица — не оправдаются».

«Я не замышляю насилие и не надеюсь удовлетворять похоть с вашей помощью, — спокойно сказал Кудеяр. — Несмотря на то, что ваше поведение заслуживает первого, а ваша внешность — второго».

Амаранта Джасинты рассмеялась: «Раз уж вы решили меня развлекать,

присаживайтесь».

Кудеяр сел на низкую софу у окна: «Я пришел, чтобы с вами поговорить — чтобы уговорить вас — даже, если потребуется, чтобы умолять вас». Он сделал паузу, но амаранта Джасинты всего лишь молча стояла перед ним и ловила каждое слово.

Кудеяр продолжал: «За последние две недели вы как минимум три раза нарушили мое право начать профессиональную карьеру».

Амаранта Джасинты начала было что-то говорить, но промолчала.

Кудеяр проигнорировал эту несостоявшуюся попытку возражения: «Вы подозреваете, что я — преступник. Но если вы ошибаетесь, вы подвергаете меня вопиющей несправедливости. А если вы правы... в таком случае я — изобретательный и отчаянный человек, который не уступит вам без сопротивления».

«А! — низким голосом произнесла амаранта Джасинты. — Вы мне угрожаете?»

«Я никому не угрожаю. Если вы прекратите попытки наносить мне ущерб, каждый из нас сможет жить в свое удовольствие. Но если вы будете упорствовать, станут неизбежными последствия, отвратительные для меня и еще более отвратительные и пагубные для вас».

Амаранта Джасинты взглянула в окно, на серовато-голубой «Селестин», опускавшийся на площадку перед ее усадьбой: «Мои друзья уже прибыли».

Двое мужчин и женщина вышли из аэромобилия и приблизились к входной двери. Кудеяр поднялся на ноги. Амаранта Джасинты неожиданно сказала: «Оставайтесь — давайте объявим перемирие на пару часов».

«Я был бы не прочь объявить постоянное перемирие. И приветствовал бы от всей души еще более близкие отношения».

«Подумать только! — воскликнула амаранта Джасинты. — Он не только Чудовище, он еще и завзятый ловелас! Никогда не знаешь, задушит он тебя или поцелует?»

Прежде чем Кудеяр успел ответить, у двери прозвучал колокольчик, и амаранта Джасинты поспешила пригласить в гостиную своих гостей.

К ней пришли композитор Рори Макклахерн, реставратор древних музыкальных инструментов Малон Керманец, а также напоминавшая бледного призрака рыжая девушка из сословия гларков, представившаяся только как «Фамфинелла». Через некоторое время прибыли и другие посетители, в том числе канцлер Клод Аймиш и его секретарь, замкнутый темнолицый молодой человек по имени Рольф Эйвершем.

Амаранта Джасинты подала приятный ужин. Завязалась веселая беседа о пустяках. «Почему бы так не могло быть всегда?» — спрашивал себя Кудеяр. Подняв голову, он встретился глазами с Джасинтой. Его настроение улучшилось; он выпил больше вина, чем, пожалуй, следовало бы, и принял живое участие в разговоре.

После ужина Рори Макклахерн демонстрировал свое новое сочинение: семичастную сюиту, вдохновенную сказочными легендами седой старины. Сюита еще никогда не исполнялась публично — на диске, вставленном композитором в воспроизводящее партитуру устройство, все еще сохранились черновые поправки, внесенные в оркестровку. Когда сонофон шипел и дребезжал в этих местах, Макклахерн нервно смеялся: «Мусор и отпечатки пальцев! Эти инструменты не предусмотрены автором».

Музыка скоро наскучила канцлеру Аймишу. Пристроившись с Кудеяром поодаль от остальных, он заметил — тихо, чтобы не мешать другим: «Мы где-то недавно встречались, но я не припомню, где именно».

Кудеяр напомнил ему об обстоятельствах их знакомства.

«Да-да, конечно! — сказал Аймиш. — Попрошу меня извинить, мне трудно запоминать всех, с кем мне приходится встречаться: слишком много лиц, слишком много имен».

«Понятное дело, — отозвался Кудеяр. — Вы занимаете достопримечательную должность».

Канцлер рассмеялся: «Я закладываю краеугольные камни, поздравляю новых амарантов, читаю обращения в Пританеоне». Он презрительно махнул рукой: «Все это никому не интересно. Тем не менее, круг моих полномочий, в их полном объеме — если бы я решил ими воспользоваться — в самом деле впечатляет».

Кудеяр вежливо согласился, хотя прекрасно знал, что уже через сутки после того, как канцлер осмелился бы воспользоваться даже самой незначительной из своих прерогатив, Пританеон единогласно подверг бы его импичменту. Должность канцлера была анахронизмом — не более чем символом исполнительной власти, унаследованным с тех времен, когда чрезвычайные ситуации возникали практически ежедневно.

«Внимательное прочтение положений Великой Хартии показывает, что канцлер должен выполнять функции верховного трибуна, защитника интересов населения в высшей инстанции. Мои полномочия — и, по существу, мой долг — заключаются в том, чтобы инспектировать государственное имущество и общественные учреждения. Я могу созывать внеочередные заседания Пританеона и временно распускать законодательное собрание. Кроме того, я — главнокомандующий Коллегии Палачей, — Аймиш язвительно усмехнулся. — При всем при том моя должность отличается одним крупным недостатком. Она не обеспечивает никакого подъема». Нахмурившись, канцлер взглянул на приехавшего вместе с ним темнокожего сутулого молодого человека: «А этот нахальный подонок делает мое положение еще более тягостным. Он бесконечно меня раздражает!»

«Кто он?»

«Мой секретарь, заместитель, мальчишка на побегушках и козел отпущения. Официально этот бездельник занимает должность вице-канцлера, еще более бессмысленную, чем моя». Аймиш с неприязнью поглядывал на своего помощника: «Тем не менее, Рольф настаивает на том, чтобы его рассматривали как незаменимого мастера на все руки». Канцлер пожал плечами: «А вы где делаете карьеру, Кудеяр?»

«В Актуарии».

«В самом деле? — Аймиш заинтересовался. — Любопытнейшее учреждение! Может быть, в один прекрасный день мне следует его проинспектировать».

Музыка кончилась, слушатели разразились похвалами и аплодисментами. Рори Макклахерн пытался скрыть свое удовольствие, покачивая головой с самоуничижительным неодобрением. Завязался продолжительный разговор.

К полуночи гости начали уходить. Кудеяр ненавязчиво пристроился на диване в углу гостиной, и в конечном счете он и Джасинта остались вдвоем. 4

Амаранта Джасинты присела на тот же диван с другой стороны, подложив под себя ногу и раскинув руки на спинке дивана. Вопросительно подняв брови, она спросила: «Так что же? Вы собирались меня уговаривать и умолять — помните?»

«Не уверен, что это мне поможет».

«Вряд ли».

«Почему вы так настойчиво меня преследуете?»

Она проворно повернулась к нему, опираясь рукой на боковой валик дивана: «Вы никогда не видели того, что привелось видеть мне — иначе вы могли бы понять, что я чувствую». Бросив на него быстрый оценивающий взгляд — словно для того, чтобы подтвердить некий внутренний образ — она продолжала: «Иногда память возвращает меня в Тонпенг, в Гондвану. Каждый день там разжигают огромный жаркий костер перед Великой Ступой, и жрецы танцуют вокруг костра. Каждый день там совершают ужасное жертвоприношение...»

«А! — отозвался Кудеяр. — Этим может объясняться, конечно, лихорадочный характер вашей одержимости».

«Если демоны существуют, — прошептала амаранта Джасинты, — все они собрались в Тонпенге». Она посмотрела Кудеяру прямо в глаза: «Все, кроме одного».

Кудеяр предпочел не рассматривать это замечание как личное оскорбление: «Вы преувеличиваете, представляя себе гондванских жрецов как исчадия ада. Не забывайте о том, что они живут в контексте своей, а не нашей культуры. Они совершают жертвоприношения вполне невинно; в конце концов, вся история человечества — бесконечный перечень подобных злодеяний. Мы — результат эволюции, потомки хищников. За исключением нескольких синтетических пищевых продуктов, каждый кусочек съестного, потребляемый человеком, он отнимает у других живых существ. Мы — убийцы от природы, мы убиваем, чтобы жить!»

Ужасные слова заставили амаранту Джасинты побледнеть, но Кудеяр игнорировал ее реакцию: «Подобные поступки не вызывают у нас никакого инстинктивного отвращения — их осуждение вызвано лишь воспитанием, культурой самого последнего времени».

«Вот именно! — воскликнула аватара Джасинты. — Неужели вы не понимаете, что именно в этом заключается священное предназначение Предела? Мы обязаны совершенствовать себя. Допуская существование Чудовища, мы грешим против наших детей, против нашего будущего».

«И вы решили, что ради будущего ваших детей меня следует исключить из числа живущих».

Она смотрела на него, возбужденно дыша, но ничего не ответила.

Помолчав несколько секунд, Кудеяр спросил: «Как насчет извращенцев? Как насчет амаранта Абея Мондевиля? Он не только лишил жизни вашу подругу, он покончил с собой».

«Будь моя воля, — процедила она сквозь зубы, — каждое Чудовище, к какой бы филе оно не принадлежало, было бы уничтожено раз и навсегда!»

«Постольку, поскольку это выходит за пределы ваших возможностей, зачем меня преследовать?»

Она наклонилась к нему — ей не терпелось, чтобы он ее понял: «Я не могу остановиться. Я не могу отступить. Я не могу предать свои идеалы».

Их глаза встретились — на мгновение они замерли, как замороженные.

«Гэйвин Кудеяр! — хрипло сказала она. — Вам следовало довериться мне в Карневале! Теперь вы — мое персональное Чудовище, и я не могу игнорировать этот факт».

Кудеяр взял ее за руку и ласково сказал: «Насколько любовь лучше ненависти!»

«И насколько жизнь лучше ее отсутствия!» — сухо отозвалась она.

«Я хотел бы, чтобы вы меня поняли полностью, окончательно! — напряженно произнес

Кудеяр. — Я буду драться, я выживу. Я способен на безжалостность, превосходящую ваше воображение».

Ее кулаки сжались: «Значит, вы никогда не подчинитесь принципу справедливости!» Она вырвала руку: «Вы — дикий зверь, рудимент далекого прошлого! Ваш генотип должен быть уничтожен, пока вы не наплодили тысячу таких же хищников!»

«Подумайте еще раз, прошу вас! — настаивал Кудеяр. — Я не хочу начинать войну».

«Почему бы я передумала? — амаранта Джасинты холодно усмехнулась. — В любом случае, не мне вас судить: я представила ваше дело на рассмотрение Совета Амарантов, и они приняли решение».

Кудеяр поднялся на ноги: «Значит, вас невозможно переубедить?»

Она тоже встала — ее прекрасное лицо горело воодушевлением: «Конечно, нет».

Кудеяр горестно произнес: «В таком случае дальнейшие события могут повлиять и на вашу судьбу, не только на мою».

Амаранта Джасинты отвела глаза, на мгновение охваченная сомнением, но тут же приказала: «Гэйвин Кудеяр, уходите из моего дома. Мне вам больше нечего сказать».

XIII

В понедельник утром Кудеяр явился на работу в Актуарий. Ему ввели подкожный идентификационный кристалл, после чего его познакомили с руководителем — механиком Беном Ривом, низеньким темнокожим человеком со светлыми безразличными глазами жвачного животного. Рив рассеянно приветствовал Кудеяра, после чего отступил на пару шагов и задумался: «Придется начинать с азов. Но, конечно, ничего другого от вас не ожидают».

Кудеяр прибегнул к общепринятому объяснению побуждений: «Я хочу продвинуться. И сделаю все возможное, чтобы показать себя с лучшей стороны».

«Так держать! — без особого энтузиазма похвалил Рив. — Вам будет предоставлена такая возможность. Что ж, пойдете — посмотрим, что я могу для вас сделать».

Он провел Кудеяра через множество помещений и коридоров, они поднимались по наклонным пандусам и движущимся вертикальным лестницам. С удивлением, граничащим с почтением, Кудеяр рассматривал кажущиеся бесконечными ряды механизмов, стеклянных корпусов, компьютеров и серверов баз данных. В некоторых помещениях их оглушало ревущее гудение силовых блоков со шелкающими и щебечущими, как болтливые сплетницы, контактами тысяч реле; они шли мимо стометровых резервуаров, заполненных жидким воздухом с плавающими в нем лентами силиконовых кристаллов. Следуя вдоль помеченного белой полосой прохода, они пересекли пространство между башнями телевекторов, в которых таинственно перемещались подсвеченные изнутри длинные обмотки, а затем — огромный зал, где из платформ выступали корреляционные сферы — каждая сфера пела свою особую песню.^[5]

Три раза их останавливали охранники в черных униформах, проверявшие удостоверения и пропускавшие их после того, как Рив кратко упоминал о причине их появления в той или иной зоне. Эти меры предосторожности впечатлили Кудеяра: он не ожидал подобной бдительности.

«Как видите, охрана не дремлет, — словно угадав его мысли, прокомментировал Бен Рив. — Не заблудитесь и не выходите из своей зоны — иначе хлопот не оберетесь».

В конце концов они вышли на мостки, тянувшиеся вдоль фасада здания над «потогонными кабинками». Здесь Рив разъяснил Кудеяру его обязанности. Он должен был пополнять запас бланков в пятидесяти шести накопителях принтеров, распечатывавших кривые жизни. Два раза на протяжении смены он должен был проверять показания нескольких циферблатных индикаторов и смазывать полдюжины подшипников, изолированных от централизованной системы смазки. При этом ему надлежало поддерживать чистоту и порядок в коридоре, ведущем к мосткам, а также на мостках, очищая их от любого мусора и грязи. Обязанности эти были настолько просты, что их мог бы выполнять подросток, закончивший краткий курс технической подготовки.

Проглотив готовое сорваться с языка раздраженное замечание, Кудеяр взялся за работу. Рив наблюдал за ним несколько минут, и Кудеяру показалось, что он заметил на апатичной физиономии механика признаки насмешки. «Я понимаю, что у меня еще не все получается достаточно быстро, — сказал Кудеяр, — но со временем я усвою необходимые практические навыки».

Рив откровенно ухмыльнулся: «Каждому приходится с чего-то начинать — не вы первый, не вы последний. Если вы хотите продвинуться, учитесь». Механик перечислил несколько курсов подготовки, доступных помощнику механика. Через некоторое время он ушел по своим делам.

Кудеяр работал без особого прилежания, и, закончив смену, неспешно возвращался к себе в квартиру. Его недавний разговор с амарантой Джасинты казался теперь нереальным и нелепым... Он быстро обернулся. Конечно же, кто-то за ним следил — или, может быть, где-то высоко над головой парил прозрачный шар с камерой наблюдения? Ему следовало соблюдать исключительную осторожность — лучше всего было вообще ни с кем не разговаривать, выходя за пределы Актуария, куда устройства слежения проникнуть не могли.

На следующий день он попытался встретиться с Винсентом Роднэйвом, но тот отсутствовал. Вместо этого он пообедал в подвальной столовой вычислительного центра в обществе Базиля Тинкупа.

«Как обстоят дела на твоей новой работе?» — спросил Кудеяр.

«Неплохо, неплохо! — глаза Базиля блеснули. — Мне уже обещали продвижение по службе, а на следующей неделе собираются испробовать одну из моих идей».

«Какую именно?»

«Я всегда считал, что графики жизни, получаемые посетителями в «потогонных кабинках», выглядят слишком официально, что в них нет человеческой теплоты. При этом на каждом графике достаточно свободного места для какого-нибудь сообщения, вдохновляющего призыва, для подходящей случаю рекомендации или, возможно, просто для веселого стишка».

«Такое сообщение могло бы соответствовать характеру индивидуального продвижения, — предположил Кудеяр. — В каком-то случае это может быть предупреждение или наставление, в другом — поздравление или утешение, в зависимости от ситуации».

«Вот именно, несомненно! — воскликнул Базиль. — Мы хотим, чтобы люди относились к Актуарию, как к человеческому учреждению, существующему во имя всеобщего благополучия. И короткие сообщения такого рода будут способствовать такой перемене

отношения». Базиль проникся дружеским расположением: «Кудеяр, я страшно рад, что...»

Его слова потонули в гвалте сирен и пронзительных звонков. Все окружающие замерли, побледнели и обмякли, как если бы аварийная сигнализация пробудила в каждом скрытое чувство вины.

Кудеяр о чем-то спросил Базиля, но тот его не расслышал — сирены продолжали пронзительно завывать. В обеденный зал проскользнул худощавый человек со впалыми щеками и взъерошенной шевелюрой оттенка жженого сахара; он панически задыхался, как испуганная птица. Каждый его заметил — и каждый отвел глаза в сторону.

Человек этот сел за стол и словно расплавился, замкнувшись в себе — положив руки на стол, он закрыл глаза и опустил голову, рот его то открывался, то закрывался.

В столовую ворвались три охранника в черных униформах. Пристально посмотрев по сторонам, они промаршировали к беглецу, подхватили его под локти, заставили встать и вытолкнули из помещения.

Сирены смолкли. Тишина казалась оглушительной. Никто не говорил, никто не двигался. Наконец кто-то осторожно пошевелился, завязались разговоры вполголоса.

«Бедняга!» — сказал Базиль.

«Его посадят в клеть?» — спросил Кудеяр.

Базиль пожал плечами: «Думаю, что сперва его изобьют. Кто знает? Попытка надуть Актуарий рассматривается скорее как святотатство, нежели как преступление».

«Да уж, — пробормотал Кудеяр. — Актуарий — божество Кларджеса».

«И это непростительное заблуждение! — возмущенно заявил Базиль. — Нельзя одушевлять, а тем более обожествлять машину!»

Минут через двадцать к их столу подсел Альвар Гадалкин, работавший в отделе Базиля. Его лицо подергивалось от возбуждения.

«Вы можете себе такое представить? Каков наглец! — говорил он, переводя взгляд с Кудеяра на Тинкупа и обратно. — Нельзя терять бдительность ни на секунду!»

«Мы еще ничего не знаем — что случилось?» — спросил Базиль.

«Он работал в отделе каскадной обработки входных данных. Придумал простой, но изобретательный трюк. Он нашел отчет о своей производительности перед тем, как его загрузили в считывающее устройство, и попробовал замаскировать десятичную точку магнетисконом».

«Неплохая идея!» — задумчиво произнес Базиль.

«Не он первый это придумал — такие попытки случались и раньше. Пробовали уже все, что можно было придумать. Но ни у кого ничего не получается. Включается сигнализация, и умника препровождают в Клеть Позора».

«Сигнализация включается только тогда, когда мошенник совершает ошибку, — заметил Кудеяр. — Успешное мошенничество проходит незамеченным».

Длинноносый Альвар Гадалкин смерил Кудеяра надменно-удивленным взглядом и повернулся к Базилю: «Так или иначе, его уже допрашивают палачи-резиденты — ему предстоит сидеть в Клетке Позора и бежать под градом камней в полночь. Думаю, ему придется несладко — он слишком слаб и слишком испуган».

«Меня при этом не будет», — сдержанно произнес Базиль.

«Конечно, меня при этом тоже не будет», — Гадалкин поднялся на ноги и перешел к соседнему столу, чтобы посплетничать с другими.

Ближе к вечеру, незадолго перед окончанием смены, Кудеяр снова позвонил Винсенту

Роднэйву — на этот раз тот оказался на рабочем месте. Роднэйв приветствовал его весьма неприязненно и, как только Кудеяр попросил о встрече с глазу на глаз, стал уклоняться: «Сегодня у меня уже не будет времени».

«Я должен срочно с вами поговорить», — настаивал Кудеяр.

«Прошу прощения, но...»

«Вызовите меня к себе в кабинет».

«Ни в коем случае, это невозможно!»

«Надеюсь, вы не забыли о том, что вы сделали по поручению покойной амаранты Анастасии?»

Роднэйв испуганно привстал, глядя на экран, поморщился и медленно опустился на стул. «Хорошо! — напряженно сказал он. — Я вас вызову».

Кудеяр подождал около телефонной будки. Вскоре к нему подошла задорная девушка-посыльная: «Гэйвин Кудеяр, помощник механика?»

«Он самый».

«Не могли бы вы, пожалуйста, последовать за мной?»

Она провела Кудеяра в кабинет Роднэйва. Винсент прикоснулся к пластинке, которую ему протянула посыльная, тем самым подтверждая свою ответственность за присутствие Кудеяра в «лиловой зоне».

Кудеяр уселся: «Здесь можно говорить, не опасаясь прослушивания?»

«Да! — Роднэйв смотрел на посетителя, как домохозяйка — на дохлую крысу под ковром. — Я лично проверил этот кабинет — здесь нет никаких микрофонов и камер».

«И вы не записываете наш разговор?»

«Нет».

«Это имеет большое значение, — продолжал Кудеяр, — так как я намерен говорить правду: о том, как вы обратились ко мне в выставочном зале по вопросу о ваших видах на амаранту Анастасии, после чего предложили вторично нарушить ваши должностные обязанности...»

«Довольно! — оборвал его Роднэйв, прикоснувшись к кнопке. — Запись больше не ведется».

Кудеяр ухмыльнулся — Винсент Роднэйв заставил себя ответить смущенной улыбкой.

«Насколько я понимаю, ваша пылкая привязанность к амаранте Анастасии еще не охладела?» — спросил Кудеяр.

«Я больше не готов рисковать ради нее головой, как последний дурак — если вы это имеете в виду, — ответил Роднэйв. — Не хочу, чтобы меня закидали камнями». Взглянув на Кудеяра с откровенным подозрением, он поинтересовался: «Особа, ради которой я решился сделать глупость, не имеет к вам никакого отношения — зачем вы пришли?»

«Мне от вас кое-что нужно. Чтобы это получить, мне придется отдать вам то, чего хотите вы».

Винсент Роднэйв скептически хмыкнул: «Что из того, чего я хочу, вы могли бы мне дать?»

«Амаранту Анастасии де Фанкур».

Роднэйв осторожно прищурился: «Чепуха!»

«Скажем так: одну из амарант Анастасии — в конце концов, их несколько. С тех пор, как нас покинула предыдущая, прошла неделя. Вскоре келья откроется, и оттуда выйдет новая Анастасия. За ней могут последовать другие суррогаты».

Роднэйв смерил Кудеяра тяжелым, враждебным взглядом: «И что же?»

«Я предлагаю вам один из ее суррогатов».

Роднэйв пожал плечами: «Никому не известно местонахождение ее кельи».

«Мне оно известно», — возразил Кудеяр.

«Но даже в этом случае вы мне, в сущности, ничего не предлагаете. Каждый из суррогатов — амаранта Анастасии. Если меня отвергнет один из них, меня отвергнут остальные».

«Если вы не воспользуетесь препаратом, вызывающим амнезию».

Роднэйв изумленно уставился на Кудеяра: «Это невозможно!»

«Вы все еще не спросили меня: чего хочу я?»

«Хорошо: чего вы хотите?»

«Вы сумели добыть микрофильм с биометрическими данными. Мне нужны другие».

Роднэйв неубедительно рассмеялся: «Теперь совершенно ясно, что вы сошли с ума. Неужели вы не понимаете, о чем вы просите? Насколько это опасно для моей карьеры?»

«Вы хотите получить амаранту Анастасии или нет? Или, точнее говоря, одну из них?»

«Я не осмелился бы ни на что подобное».

«На прошлой неделе вы осмелились».

Роднэйв встал: «Нет. Окончательно и бесповоротно: нет!»

«Вы похитили не один, а целых три микрофильма, — мрачно сказал Кудеяр. — Тем самым вы нанесли мне личный ущерб. До сих пор я не предъявлял вам никаких обвинений».

Винсент Роднэйв снова опустился на стул. Целый час он придумывал всевозможные уловки, возражал, покрываясь холодным потом, и угрожал, пытаясь найти какой-нибудь выход из западни. В конце концов его возражения свелись исключительно к критике деталей плана, предложенного Кудеяром.

Кудеяр, однако, не соглашался на какие-либо изменения основного замысла: «Я не прошу вас делать что-либо, чего вы не делали раньше. Если вы будете со мной сотрудничать, вы получите то, что потеряли в прошлый раз. Если вы откажетесь со мной сотрудничать, вам просто-напросто придется понести наказание за предыдущее хищение».

Винсент Роднэйв сдался: «Мне нужно подумать».

«Не возражаю. Я тут посижу и подожду, пока вы думаете».

Роднэйв обжег Кудеяра укоризненным взглядом, и на протяжении следующих пяти минут в его кабинете царила тишина.

Наконец, устроившись на стуле поудобнее, Роднэйв заключил: «У меня нет выбора».

«Когда вы сможете передать мне микрофильмы?»

«Вам нужны только микрофильмы членов Общества Амарантов?»

«Только они».

«Мне придется скопировать их одновременно и взвесить весь комплект. Это можно сделать за одну смену. На следующий день я принесу в Актуарий пакет с пленкой — точно такого же веса, той же плотности и такого же размера. После этого я смогу вынести ваши микрофильмы через пропускной пункт, где установлены просвечивающие экраны».

«Сегодня понедельник. Значит, в среду вечером?»

«Только не в среду. В среду мы принимаем важных посетителей — канцлера Аймиша и его помощников».

«Неужели? — Кудеяр припомнил свой разговор с Аймишем; по всей видимости, канцлер заинтересовался Актуарием. — Хорошо, в четверг. Я приду к вам на квартиру,

чтобы забрать пакет».

Лицо Винсента Роднэйва исказила гневная гримаса: «Я передам вам пакет в кафе «Далмация». Надеюсь, после этого я вас больше никогда не увижу».

Кудеяр улыбнулся и поднялся со стула: «Я вам понадобится для того, чтобы вы могли получить свою награду».

По пути домой Кудеяр остановился на дворике Актуария под Клетью Позора. В ней уже сидел безутешный узник, время от время с отчаянием поглядывавший на проходивших внизу людей. Кудеяр был необычно возбужден долгим спором с Роднэйвом, и зрелище тощего темно-рыжего человека со впалыми щеками, сгорбившегося в клетке, почему-то глубоко врезалось ему в память. **2**

Расписание работы Кудеяра еще не было окончательно определено — ему приходилось работать то по утрам, то по вечерам, в зависимости от доступности персонала. В среду его отпустили в полдень.

Он прошел по дворику в кафе «Далмация» и неспешно пообедал, просматривая последний выпуск «Глашатая».

Вечером предыдущего дня в городке Кобек, в верховьях долины Чанта, неподалеку от границы Предела, произошло нечто ужасное. Жители этого городка занимались, главным образом, распилом и шлифованием ценного розового мрамора и прозябали самым безмятежным образом — но примерно в пять часов пополудни, во вторник, их внезапно охватила массовая истерика. Многочисленная толпа с громкими криками высыпала из города и бросилась к штабу пограничной охраны. Они высадили дверь, подожгли здание и тем самым уничтожили начальника охраны и нескольких пограничников, забаррикадировавшихся на верхнем этаже.

Подача электроэнергии к пограничным заграждениям прекратилась впервые за несколько столетий. Толпа вырвалась в лес, принадлежавший кочевникам. Жителей городка окружили, завязалась жестокая бойня, и жители Кобека погибли — все до одного. Полчище кочевников пересекло границу Предела и стало продвигаться вниз по долине Чанта, уничтожая все на своем пути. Их наконец заставили отступить, но жители Предела понесли огромные потери, как имущественные, так и человеческие.

Что заставило горожан Кобека перейти в маниакальное состояние? Подъем им давался с трудом, однообразная ежедневная работа продвигалась медленно; в окрестностях Кобека не было Карневала, и напряжение накапливалось многие годы. По меньшей мере высказывались такие предположения.

Кудеяр поднял глаза и отложил газету. По дворику, обычно закрытому для транспорта, подъехал длинный правительственный лимузин, серый с золотистыми обводами.

Из машины выскользнул канцлер Аймиш в расшитом золотом алом сюртуке, неотступно сопровождаемый темнолицым секретарем. Их встретили руководители Актуария. Обменявшись формальными приветствиями, все они скрылись в здании вычислительного центра.

Кудеяр вернулся к чтению газеты.

Канцлер Аймиш стоял на площадке полуэтажа, обозревая сверху Архивный зал. Его окружали Хемет Гаффенс, заместитель генерального директора Актуария, пара должностных лиц рангом пониже и, разумеется, Рольф Эйвершем, секретарь Аймиша. Из находившегося под ними зала раздавался режущий уши подвывающий звук, наплывавший волнами — то отчетливый, то едва уловимый. Звук этот производили машины, обрабатывавшие и регистрировавшие информацию. Чуть наклонившись над парапетом, Гаффенс смотрел на гладкие, как китовый ус, корпуса, на вибрирующие металлические шары, на подвешенные с потолка стеклянные пьезостаты: «Они пересвистываются — но о чем? Никто не знает».

Канцлер Аймиш покачал головой: «Я не представлял себе всей величественной сложности аппаратуры Актуария».

Один из не столь высокопоставленных чиновников назидательно произнес: «Такова величественная сложность нашей цивилизации в миниатюре».

«Да-да, надо полагать, это именно так», — отозвался Аймиш.

Хемет Гаффенс беззвучно выругался себе под нос: «Не желаете ли продолжить экскурсию?» Повернувшись, он прикоснулся к пластинке у двери в стене, разделявшей обозначенные цветовыми кодами зоны. Палачи-резиденты проверили пропуски всей группы руководителей.

«Здесь у вас не шутят с охраной!» — подивился Аймиш.

«Необходимая мера предосторожности», — сухо отозвался Гаффенс.

Они прошли через следующий портал, обозначенный надписью:

«ЛАБОРАТОРИЯ БИОМЕТРИЧЕСКОГО СЛЕЖЕНИЯ

Телевекторы»

Гаффенс подозвал Норманда Неффа, начальника отдела, и Винсента Роднэйва, его заместителя; присутствующие представились друг другу.

«Мне знакомо ваше лицо, — сказал Роднэйву канцлер. — Но я не могу запомнить все имена, их слишком много».

«Насколько я помню, мы встретились на выставке Бибюрссона».

«Да-да, конечно! Вы — приятель драгоценной Анастасии».

«Можно сказать и так», — церемонно отозвался Роднэйв.

Норманду Неффу не терпелось вернуться к работе; он вмешался: «Винсент, будьте добры, покажите канцлеру некоторые из наших новейших проектов».

«С удовольствием! — слегка поклонился Роднэйв и принялся поглаживать подбородок так, словно погрузился в глубокие размышления. — Возможно... Да, почему бы нет? Давайте взглянем на систему телевекторов».

У двери, ведущей в модуль телевекторов, их снова остановили охранники, после чего они прошли через вестибюль, где их персональные характеристики регистрировались

просвечивающими экранами, излучателями и прочими приборами.

«К чему такие предосторожности? — наивно удивился Аймиш. — Неужели кому-то придет в голову явиться сюда без пропуска?»

Гаффенс натянуто улыбнулся: «В данном случае, канцлер, мы защищаем конфиденциальность личных данных наших граждан. Даже генеральный директор Коллегии Палачей Джарвис не может запрашивать информацию, содержащуюся в этом модуле, если гражданин, к которому относятся биометрические данные, не продолжает существовать дольше положенного срока».

Канцлер Аймиш кивнул: «Достойный всяческой похвалы подход! А в чем, если не секрет, заключаются принципы функционирования этой системы?»

«Думаю, что Роднэйв сможет продемонстрировать вам эти принципы».

«Да-да, — кивнул Роднэйв, — разумеется».

Они прошли по выложенному белой плиткой коридору к фасаду огромной машины. Мельком взглянув на посетителей, техники снова сосредоточили внимание на приборных панелях. Подошел бригадир модуля; Гаффенс пробормотал ему на ухо несколько слов. Роднэйв подвел Аймиша и Эйвершема к телевектору; другие продолжали стоять поодаль.

«Каждый человек на Земле отличается уникальными характеристиками мозгового излучения — не менее уникальными, чем отпечатки пальцев. Когда гражданин Кларджеса регистрируется в расплоде, свойственное ему сочетание этих характеристик регистрируется и хранится в базе данных».

«Понятно», — кивнул Аймиш.

«Для того, чтобы определить местонахождение того или иного человека, управляющая станция и две подчиненные станции телевектора настраиваются в соответствии с частотами мозгового излучения этого человека и передают волны, вызывающие интерференцию. Возникает столкновение волн — едва заметное возмущение, сопровождающееся отражением волн. Значения интенсивности и направленности отраженного излучения, то есть векторы, регистрируются всеми станциями, после чего методом триангуляции рассчитываются координаты, которые вносятся в матрицу карты Предела, и на карте появляется точка, обозначающая местонахождение субъекта слежения. Таким образом... — Роднэйв просмотрел указатель и нажал несколько клавиш. — Вот, например, ваш персональный код, канцлер. Красным прямоугольником на синей координатной сетке обозначен Актуарий. А черная точка внутри этого прямоугольника показывает, что вы находитесь здесь».

«Весьма изобретательно!»

Роднэйв продолжал говорить, нервно поглядывая на Гаффенса и на бригадира модуля. Снова упомянув имя амаранты Анастасии, он как бы невзначай ввел ее код, после чего, согласно уговору с Кудеяром, задал функцию распечатки микрофильмов всей категории амарантов. В лоток выпал плотный серый столбик прямоугольных кусочков пленки.

Руки Роднэйва дрожали, как листья на ветру. «Как вы можете видеть, — запинаясь, объяснял он, — это биотелеметрические данные амарантов, но они, разумеется, размыты в связи с наложением координат нескольких суррогатов...» Столбик микрофильмов выскользнул из его пальцев и рассыпался на полу.

Гаффенс раздраженно воскликнул: «Роднэйв, у вас вечно все валится из рук!»

Канцлер Аймиш поспешно вступился за молодого человека: «Ничего страшного, давайте их соберем». Опустившись на колени, он принялся подбирать блестящие маленькие кусочки пленки.

«В этом нет необходимости, канцлер! — вмешался Винсент Роднэйв. — Мы их просто подметим и выбросим».

«О! В таком случае...» — Аймиш поднялся на ноги.

«Если вы узнали все, что хотели узнать о телевекторах, канцлер, мы можем перейти в другой отдел», — сказал Гаффенс.

Группа руководителей направилась обратно в контрольно-пропускной вестибюль. Рольф Эйвершем отстал от других. Подобрал один из микрофильмов, он прищурился, рассмотрел его на свет и нахмурился. Повернувшись к уже выходявшему из помещения Гаффенсу, Эйвершем позвал его: «Одну минуту, господин заместитель директора!» 4

Кудеяр сидел в кафе «Далмация», поигрывая кружкой из-под чая. Он не находил себе места, но не мог придумать, куда еще он мог бы пойти — в данный момент у него не было никаких срочных дел.

Из Актуария послышались приглушенные звуки знакомого гвалта сирен и звонков. Повернувшись на стуле, Кудеяр взглянул на дворик.

Фасад огромного здания ничего ему не объяснил. Сигнализация выключилась. Большинство проходивших по дворику людей, остановившихся, чтобы с любопытством взглянуть в сторону вычислительного центра, разошлись по своим делам; некоторые, однако, остались и продолжали наблюдать за Клетью Позора.

Прошло полчаса. Послышалось поскрипывание шкивов: клеть скрылась в проеме фасада, а затем снова выдвинулась, повиснув над входом.

Кудеяр приподнялся со стула — он не мог поверить своим глазам. В Клетке Позора сидел Винсент Роднэйв; его горящий взгляд словно проникал в тень под навесом кафе «Далмация», обжигая Кудеяра волной неуголимой ненависти.

XIV

С наступлением ночи на улицах Кларджеса стало тихо — можно было слышать только отдаленный гул подземки. Прохожих оставалось мало. Учащиеся вечерних классов профессиональных училищ возвращались домой, чтобы снова раскрыть учебники и прилежно совершенствовать усвоенные навыки. Так называемой «ночной жизни» в городе практически не было, открыты были лишь несколько кабаре и театров, посещаемых гларками. Все нуждавшиеся в срочной разрядке напряжения уже собрались на другом берегу реки, в Карневале.

На дворике перед Актуарием тоже было пусто, на площади Эстергази — темно, как в пустыне. Полночные посетители редко заходили в кафе «Далмация»; как правило, за столиками можно было заметить лишь несколько темных фигур — припозднившегося работника Актуария, палача, выполнившего очередное задание, неудачника, страдающего бессонницей из-за неспособности продолжать подъем, а иногда и парочку любовников. Сегодня ночью все места в кафе были заняты — людьми, старавшимися, однако, держаться как можно незаметнее.

Легкий туман напознал с моря, образуя ореолы вокруг уличных фонарей. Клеть Позора чуть покачивалась над входом в Актуарий, как уродливое ржавое напоминание о древности, а сидевший в ней узник, неподвижно смотревший в пространство, казался плоским декоративным силуэтом — флюгером или вывеской.

В полночь откуда-то со стороны реки донесся далекий скорбный гудок. Клеть Позора со скрипом опустилась на мостовую и раскрылась — из нее вышел освобожденный Винсент Роднэйв.

Повернувшись к черным теням площади Эстергази, он прислушивался — казалось, эти тени шуршали. Винсент осторожно шагнул направо. Тут же из мрака вылетел камень, ударивший его в бок. Винсент отступил назад, широко расставил ноги и развел руки в стороны, дерзко повернувшись лицом к своим мучителям. Из парка на площади донесся низкий хриплый рев голосов — беспрецедентный случай, так как извращенцы обычно делали свое дело в мертвом молчании.

Роднэйв понял, что возбудил своим поведением какую-то неистовую страсть, и со всех ног пустился в направлении кафе. Но ему навстречу посыпался шквал камней, падавших с темного неба подобно метеорам. Извращенцы были настроены мрачно и яростно.

В небе возник смутный силуэт аэромобиля без габаритных огней. Машина приземлилась, распахнулась дверь. Роднэйв нырнул в кабину головой вперед, аэромобиль тут же взлетел. Камни стучали по корпусу машины; из теней выбежали темные фигуры — они остановились на дворике и задрали лица к небу. Проводив глазами летательный аппарат, они стали смотреть по сторонам, осторожно разглядывая друг друга — извращенцы еще никогда раньше не показывались на людях. Недовольно бормоча и ругаясь, они вернулись в темноту площади и растаяли в ней; дворик Актуария снова опустел. 2

Роднэйв сгорбился, опираясь локтями на бедра, его глаза напоминали осколки мутного стекла. Глухо выдавив несколько слов, он погрузился в молчание.

Кудеяр запарковал аэромобиль и отвел Роднэйва к себе. Перед дверью квартиры Роднэйв задержался, не решаясь войти, но, взглянув по сторонам, прошел в гостиную и уселся на стул. «Вот таким образом, — хрипло выдавил он. — Я обещен. Я — изгой. Я обречен». Он взглянул на Кудеяра: «Вы ничего не говорите. Что заставляет вас молчать — стыд?»

Кудеяр молчал.

«Вы спасли мне жизнь, — продолжал Роднэйв. — Но мне от этого не лучше. Где я теперь смогу продвинуться? Мне суждено закончить жизнь аспирантом. Для меня это катастрофа».

«Для меня тоже», — отозвался Кудеяр.

Роднэйв крикнул: «Вам-то что? Вы не понесли никакого ущерба. Ваши микрофильмы в целости и сохранности».

«Как так?!»

«Ну, по меньшей мере временно».

«Что случилось? Где пленки?»

На физиономии Роднэйва появилось лукавое выражение: «Теперь моя очередь вас шантажировать».

Кудеяр поразмышлял несколько секунд и сказал: «Если вы сдержите свое обещание и отдадите мне микрофильмы, я тоже сделаю то, что обещал».

«Но я стал неприкасаемым! Теперь какое мне дело до очаровательных женщин?»

Кудеяр усмехнулся: «Привязанность Анастасии может вас утешить. И вы не все потеряли. Вы — опытный, талантливый специалист. Мир все еще лежит у ваших ног. Есть множество других профессий, обеспечивающих быстрый подъем».

Роднэйв только хрюкнул.

«Где микрофильмы?» — вкрадчиво спросил Кудеяр.

Двое смотрели друг другу в глаза — Роднэйв не выдержал и отвернулся первый: «Под манжетой мундира канцлера».

«Как вы сказали?»

«Сигнализация сработала из-за чертова секретаря. Он прошел через пропускной контроль с микрофильмом в руке. Как только зазвучали сирены, я решил срочно избавиться от пленок. Я взял канцлера за руку и засунул микрофильмы ему под манжету».

«И что случилось после этого?»

«Гаффенс взглянул на пленку, протянутую ему секретарем канцлера. На пленке не было никаких данных. Гаффенс сразу проникся подозрениями. Он вернулся в модуль телевекторов и просмотрел другие пленки, упавшие на пол. Все они не содержали никаких данных. На некоторых остались мои отпечатки пальцев. Вывод был очевиден даже для такого тупицы, как Гаффенс. Меня допросили палачи, после чего меня посадили в клетку».

«А канцлер?»

«Аймиш ушел вместе с пленками».

Кудеяр вскочил на ноги и взглянул на часы. После полуночи прошел уже час. Тем не менее, Кудеяр позвонил в усадьбу канцлера, находившуюся в Трианвуде, пригороде Кларджеса.

После длительной задержки на экране появилось лицо Рольфа Эйвершема: «Я вас слушаю?»

«Мне нужно поговорить с канцлером».

«Канцлер отдыхает и просил его не беспокоить».

«Это займет не больше одной минуты».

«Очень сожалею, господин Кудеяр. Я мог бы назначить вам время приема».

«В таком случае — завтра, в десять утра».

Эйвершем сверился с расписанием: «Завтра в десять канцлер будет занят».

«Хорошо — когда он сможет меня принять?»

Эйвершем нахмурился: «Кажется, я мог бы выделить вам десять минут в десять часов сорок минут».

«Превосходно!» — отозвался Кудеяр.

«Не желаете ли вы сообщить, по какому вопросу вы намерены обратиться к канцлеру?»

«Нет, не желаю».

«Как вам угодно», — сказал Эйвершем. Экран погас.

Кудеяр повернулся и встретился глазами с Роднэйвом.

«Вы так и не объяснили мне, зачем вам понадобились эти проклятые пленки», — проворчал тот.

«Сомневаюсь, что вам было бы полезно это знать», — ответил Кудеяр. 3

В усадьбе на Вандунских высотах амаранте Джасинты Мартин тоже не спалось. После полуночи потеплело — она вышла на террасу, перед ней распростерся весь город. Она дрожала, ее глаза увлажнились — ее охватило неизъяснимое ощущение скорби. Нельзя было допустить, чтобы величественный Кларджес погиб, необходимо было призвать на помощь человеческий гений, создавший этот город. На пути истерических мятежей и преступных происков нужно было водрузить преграду, нерушимую цитадель великих традиций цивилизации.

Утром она собиралась позвонить амаранту Роланда Зигмонта, нынешнему президенту Общества Амарантов. Человек проницательный и чувствительный, он разделял ее тревогу и уже принял, по ее просьбе, меры против Гэйвина Кудеяра.

Джасинта намеревалась настоять на созыве конклава. Все Общество должно было собраться, обсудить ситуацию, принять решение и действовать с тем, чтобы необычное беспокойство, охватившее Предел, улеглось, чтобы ничто не угрожало дальнейшему процветанию Золотого Века.

XV

Усадьба канцлера расположилась посреди обширного парка с газонами, аккуратно подстриженными деревьями и античными статуями. Собственно здание было построено в старинном стиле «бижу», еще более вычурном, чем преобладавшая в последнее время манера. Над крышей возвышались шесть башенок, каждая под ажурным навершием из цветного стекла. Между башенками блестели несколько куполов, окруженных балконами; широкую веранду обрамляли чугунные арабески. Единственный проход между посадочной площадкой и крыльцом усадьбы преграждали ворота, охраняемые часовым.

Как только Кудеяр вышел из аэротакси, охранник поднялся на ноги и впился в прибывшего автоматически враждебным взглядом: «Что вам угодно, сударь?»

Кудеяр назвал себя; привратник проверил список приглашенных и позволил Кудеяру пройти в усадьбу.

Когда Кудеяр поднялся на террасу, швейцар открыл перед ним двустворчатую дверь четырехметровой высоты, и Кудеяр зашел в фойе. Точно в центре фойе, непосредственно под громадной старинной люстрой, напоминавшей взрыв хрустала, стоял Рольф Эйвершем: «Доброе утро, господин Кудеяр».

Кудеяр отозвался вежливым приветствием, на что Эйвершем сухо кивнул: «Должен уведомить вас о том, что канцлер не только занят, но и не очень хорошо себя чувствует».

«Очень жаль. Я выражу ему свои соболезнования».

«Как вам может быть известно, я — заместитель канцлера. Вы могли бы обсудить интересующий вас вопрос со мной».

«Не сомневаюсь в том, что вы способны эффективно решить практически любой вопрос. Но в данном случае я предпочел бы поговорить лицом к лицу с моим хорошим знакомым, канцлером Аймишем».

Эйвершем поджал губы: «Будьте добры, пройдите за мной».

Открыв дверь с лепными украшениями, он провел Кудеяра по пустынному коридору, после чего они поднялись в лифте на верхний этаж. Эйвершем пригласил Кудеяра зайти в небольшое боковое помещение. Глядя на часы, он демонстративно выждал тридцать секунд, после чего постучал в еще одну дверь.

Послышался приглушенный голос Аймиша: «Заходите!»

Эйвершем отодвинул дверь в сторону и отступил на пару шагов. Кудеяр зашел внутрь. Канцлер Аймиш сидел за столом, со скучающим видом перелистывая страницы древнего тома в кожаном переплете. «А! — воскликнул он, увидев Кудеяра. — Как поживаете? Присаживайтесь!»

«Очень хорошо, благодарю вас», — ответил Кудеяр.

Эйвершем уселся в дальнем углу кабинета. Кудеяр игнорировал его.

Захлопнув старинный том, канцлер Аймиш откинулся на спинку кресла, ожидая, что Кудеяр объяснит причину своего визита. На нем был свободный полотняный пиджак канареечного желтого цвета — очевидно не тот сюртук, в котором он инспектировал Актуарий.

«Господин канцлер, — начал Кудеяр, — сегодня я пришел не для того, чтобы просить вас о личном одолжении, но скорее в качестве рядового представителя общественности, в достаточной степени обеспокоенного, чтобы на некоторое время отвлечься от забот, связанных с подъемом».

Аймиш выпрямился в кресле и недовольно нахмурился: «В чем состоит затруднение?»

«Я не могу сказать, что полностью осведомлен о всех подробностях происходящего. Вполне возможно, однако, что может существовать угроза».

«Что именно вы имеете в виду?»

Кудеяр очевидно колебался: «Допускаю, что вы полностью доверяете своим служащим? Они умеют хранить строжайшую тайну?» Кудеяр старательно сдерживал желание взглянуть в сторону Эйвершема: «Могут возникнуть обстоятельства, в которых один намек, один взгляд, даже многозначительное молчание могут привести к катастрофе».

«Вы говорите какую-то чепуху», — пробормотал Аймиш.

Кудеяр пожал плечами: «Возможно, вы правы». Рассмеявшись, он прибавил: «Ничего больше не скажу — пока не произойдет что-нибудь, что подтвердит мои подозрения».

«Пожалуй, так будет лучше для всех».

Кудеяр с видимым облегчением устроился на стуле поудобнее: «Жаль, что ваше посещение Актуария закончилось столь плачевно. В какой-то мере я в этом виноват».

«Каким образом?»

«Хотя бы потому, что именно я предложил вам проинспектировать Актуарий».

Аймиш нервничал: «Забудьте об этом. Да, я оказался в неудобном положении».

«У вас чудесная, любопытнейшая усадьба. Но разве вас не подавляет вся эта роскошь?»

«В высшей степени! Я ни в коем случае не стал бы здесь жить, если бы от меня это не требовалось».

«Сколько лет этому дому?»

«Он был построен за несколько столетий до начала Хаоса».

«Великолепный памятник старины!»

«Несомненно». Аймиш внезапно обернулся к своему секретарю: «Рольф, возможно, вам пора разослать приглашения на торжественный ужин, о котором вы мне напомнили».

Эйвершему пришлось подняться и выйти из кабинета. Аймиш тут же сказал: «А теперь,

Кудеяр — что происходит? О чем вы хотите меня предупредить?»

Кудеяр посмотрел по сторонам: «Здесь нет микрофонов, камер?»

Канцлер изобразил комическую гримасу сомнения и оскорбленного достоинства: «Кому понадобилось бы за мной шпионить? В конце концов, — с горестным смешком прибавил он, — я всего лишь канцлер, то есть, по существу, никто!»

«Но вы — почетный председатель Пританеона».

«Ха! Я не могу даже проголосовать, чтобы обеспечить перевес той или иной стороне. Если бы я воспользовался любой из моих так называемых «прерогатив», меня тут же заключили бы тюрьму или в паллиаторий».

«Возможно. Но...»

«Но — что?»

«Вы не могли не заметить, что в последнее время в городе растет число недовольных».

«Недовольство — как прибой: то нахлынет, от отхлынет».

«И вам не приходило в голову, что за последними беспорядками стоит некая организация?»

Аймиш наконец заинтересовался: «На что вы намекаете?»

«Вам приходилось, наверное, слышать об авгурах и пифиях?»

«Само собой. Какая-то ассамблея чокнутых».

«С первого взгляда может так показаться. Но их вдохновляют и ведут за собой очень практичные, здравомыслящие люди».

«Ведут — в каком направлении?»

«Кто знает? Говорят они считают своей первоочередной задачей смещение канцлера».

«Смехотворно! — воскликнул Аймиш. — Никто не может сместить меня с должности, пока не закончится срок моего пребывания в этой должности, а это произойдет только через шесть лет».

«Что, если будет иметь место трансформация?»

«Ваш способ выражаться меня шокирует».

«Но рассмотрите этот вопрос, чисто гипотетически. Что произойдет в такой ситуации?»

«Канцлером станет Эйвершем. Но каким образом...»

«Вот именно», — прервал канцлера Кудеяр.

Аймиш изумленно уставился на собеседника: «Надеюсь, вы не подозреваете, что Рольф...»

«Я ничего не подразумеваю. Я всего лишь делаю предположения, из которых вы можете извлечь свои собственные выводы».

«Почему вы мне об этом говорите?» — потребовал объяснений Аймиш.

Кудеяр уселся на стуле поглубже: «У меня есть надежды на будущее. Я верю в стабильность. Я могу способствовать сохранению стабильности и в то же время обеспечить себе дополнительный подъем».

«А! — слегка ироническим тоном отозвался канцлер. — Наконец тайное становится явным».

«В своих пропагандистских материалах авгуры используют вас как символ паразитического сибаритства и незаслуженного автоматического подъема».

«Автоматического подъема? — канцлер рассмеялся от всей души. — Если бы только они знали, как обстоит дело!»

«Было бы полезно дать им знать, как обстоит дело — это привело бы к уничтожению

символа».

«Но как это сделать?» — поинтересовался Аймиш.

«Думаю, что самой эффективной контрпропагандой было бы распространение видеозаписи — своего рода исторического обзора функций канцлера и биографического очерка, посвященного вашей карьере и вашему характеру».

«Сомневаюсь, что это кого-нибудь заинтересует. Канцлер — не более чем символическая фигура».

«За исключением чрезвычайных ситуаций, когда канцлер обязан встать на защиту правопорядка и принимать решения».

Аймиш улыбнулся: «В Кларджесе не бывает чрезвычайных ситуаций. Мы — слишком цивилизованный народ».

«Времена меняются — как говорили когда-то, в воздухе пахнет порохом. Агитация авгуров — только одно из проявлений нарастающего напряжения. Упомянутая мной видеозапись могла бы проткнуть парочку пропагандистских пузырей, подзуживающих авгуров, извращенцев и прочих хулиганов. Если мы успешно поддержим ваш престиж, и мне, и вам обеспечен дополнительный подъем».

Поразмыслив некоторое время, Аймиш уступил: «У меня нет возражений против такой видеозаписи, но, естественно...»

«Естественно, я настаиваю на том, чтобы вы сами ее отредактировали».

«В сущности... действительно, в этом не будет никакого вреда», — рассуждал сам с собой Аймиш.

«В таком случае я начну делать заметки уже сегодня».

«Я хотел бы все-таки еще подумать, обсудить этот проект прежде, чем принимать окончательное решение».

«Разумеется».

«На мой взгляд, вы преувеличиваете в одном отношении. Особенно в том, что касается Рольфа... Не могу этому поверить».

«Не будем судить опрометчиво, — согласился Кудеяр. — Но лучше всего не посвящать его в наши планы».

«Пожалуй, что так, — канцлер поднялся из кресла. — Каков, по-вашему, должен быть сценарий такого видеофильма?»

«Основная цель, — ответил Кудеяр, — заключается в том, чтобы изобразить вас представителем устоявшихся традиций, как человека, сознающего свою ответственность, но в то же время придерживающегося простых и скромных вкусов и привычек».

Аймиш усмехнулся: «Внушить такое представление будет непросто. Я известен щедрым расточительством».

«Особый интерес, — задумчиво продолжал Кудеяр, — может вызывать ваш гардероб: церемониальные костюмы, различные регалии».

Аймиша это предположение привело в некоторое замешательство: «Я полагал, что...»

Кудеяр поднялся на ноги: «Если это возможно, я хотел бы взглянуть на ваш гардероб — возможно, это позволит мне сделать несколько заметок по поводу съемок вступительной части».

«Как вам будет угодно, — Аймиш протянул руку к кнопке. — Я вызову Рольфа».

Кудеяр схватил его за предплечье: «Я предпочел бы, чтобы господин Эйвершем не вмешивался в творческий процесс. Просто скажите мне, как туда пройти — я найду дорогу».

Аймиш забавлялся: «Использовать мой гардероб в целях контрпропаганды — какой нелепый парадокс! Что ж, раз уж на то пошло...» Канцлер начал вставать из-за стола.

Кудеяр поспешно возразил: «Нет-нет! Я не хотел бы отнимать у вас больше времени, чем это необходимо. Кроме того, когда я один, мне легче сосредоточиться».

Аймиш уступил: «Как хотите». Он объяснил, как пройти в гардеробную.

«Я скоро вернусь», — пообещал Кудеяр. 2

Кудеяр прошел по коридору и остановился у двери, указанной канцлером. Вокруг никого не было. Отодвинув дверь, Кудеяр проскользнул внутрь.

Образ жизни Аймиша — как он сам охотно признавал — никак нельзя было назвать аскетическим. Стены были выложены черным мрамором, инкрустированным малахитом и киноварью, пол выстлан глянцевым белым пеноматериалом. Под порывами ветра развевались и трепетали шелковые портьеры открытых высоких окон. Вдоль левой стены выстроились зеркальные серванты из вощеного дерева с перламутровыми вставными панелями. Дверь в противоположной стене вела в параллельное помещение, где хранилась одежда.

Поколебавшись какую-то долю секунды, Кудеяр зашел туда.

Он очутился в лесу стоек, муляжей, платяных шкафов и стеллажей. Вокруг висели всевозможные плащи, мантии, туники, портупей и накидки, бриджи и брюки. На полках выстроились сотни пар ботинок, туфель, сапог и сандалий. Можно было насчитать не менее двадцати униформ различного покроя и стиля, не говоря уже о карнавальных костюмах и спортивной одежде... Глаза Кудеяра рыскали по всему этому нагромождению в поисках расшитого золотом алого сюртука, замеченного им на канцлере, когда тот выходил из лимузина, направляясь в Актуарий.

Перемещаясь вдоль прохода, он слегка раздвигал висевшие на плечиках пиджаки и мундиры, заглядывая между ними. Искомый сюртук висел в предпоследнем отделении. Кудеяр вытащил его — и тут же замер. В конце прохода стоял Рольф Эйвершем. Секретарь медленно приближался, поблескивая глазами.

«Никак не мог понять, почему вас интересует гардероб канцлера, пока не увидел предмет ваших поисков», — произнес Эйвершем, указывая кивком на алый сюртук.

«Судя по всему, — отозвался Кудеяр, — вы понимаете, в чем заключается моя цель».

«Я понимаю, что вы держите в руках сюртук, в котором канцлер инспектировал Актуарий. Не могли бы вы передать мне этот предмет одежды?»

«Могу ли я поинтересоваться, из каких побуждений вы за мной следите?»

«Из любопытства».

Кудеяр отступил за конец стойки, засунул пальцы под манжету сюртука и нащупал микрофильмы, но не успел их вынуть — Эйвершем торопливо подошел к нему сзади и потянул к себе сюртук. Кудеяр резко повернулся, чтобы вырвать сюртук из руки секретаря, но тот бросился вперед и крепко держался за плечики. Кудеяр ударил Эйвершема локтем в лицо — тот попытался пнуть Кудеяра в пах. Кудеяр схватил его за ногу и изо всех сил дернул ее вверх. Пытаясь сохранить равновесие, Эйвершему пришлось скакать на другой ноге

спиной вперед. Наклонившись назад и размахивая руками, секретарь хотел за что-нибудь схватиться, но Кудеяр стремительно толкал его к открытому высокому окну. Эйвершем сорвал портьеру из драгоценного шинарского шелка и с хриплым возгласом перевалился спиной через подоконник. Потрясенный Кудеяр стоял и смотрел на пустой светлый прямоугольник окна. Снизу слышались дребезг, еще один хриплый вопль, а затем — странный ритмичный металлический перестук.

Подскочив к окну, Кудеяр посмотрел вниз — на тело Рольфа Эйвершема, проткнутое остриями чугунной ограды. Судорожно дергающиеся ноги секретаря пинали слегка покосившееся от удара звено ограды; вскоре Эйвершем затих, и перестук прекратился.

Кудеяр вернулся к упавшему на пол сюртуку, яростно развернул манжету и вынул микрофильмы, после чего повесил сюртук обратно на стойку.

Уже через несколько секунд запыхавшийся Кудеяр ворвался в кабинет канцлера. Аймиш поспешно выключил экран, на котором обнаженные мужчины и женщины кривлялись и кувыркались, изображая какую-то порнографическую комедию: «Что такое? Что случилось?»

«Я был прав! — заявил Кудеяр. — Эйвершем напал на меня в гардеробной! Он слышал весь наш разговор!»

«Но... но... — Аймиш поднялся из кресла. — Где он?»

Кудеяр объяснил, где находился секретарь. 3

Пухлые щеки канцлера Аймиша побледнели до оттенка скисшего молока и мелко дрожали. Он диктовал отчет начальнику отряда палачей округа Трианвуд:

«Он не справлялся со своими обязанностями. Кроме того, я обнаружил, что он постоянно за мной шпионит. Я его уволил и нанял на его место моего друга, Гэйвина Кудеяра. Эйвершем ворвался ко мне в гардеробную и напал на меня. К счастью, Гэйвин Кудеяр оказался неподалеку. Последовала драка, во время которой Эйвершем выпал из окна. Таким образом, это был несчастный случай, вызванный поведением погибшего».

Через некоторое время начальник палачей удалился. Аймиш устало вернулся в кабинет, где его ждал Кудеяр. «Дело сделано, — сообщил канцлер, пристально глядя на Кудеяра. — Надеюсь, что вы правы».

«Другого способа не было, — пожал плечами Кудеяр. — Любое другое изложение событий могло повлечь за собой кучу неприятностей, настоящий скандал».

Аймиш покачал головой, все еще ошеломленный неожиданной катастрофой.

«Кстати, раз уж мы затронули этот вопрос. — напомнил Кудеяр. — Когда мне следует приступить к выполнению функций секретаря?»

Канцлер удивился: «Вы действительно намерены занять место Рольфа?»

«Работать в Актуарии мне не особенно нравится. Кроме того, я хотел бы сделать все, что в моих силах, чтобы вам помочь».

«Перескакивать с одной работы на другую не рекомендуется — это плохо отражается на крутизне подъема».

«Меня это не слишком беспокоит», — отозвался Кудеяр.

Аймиш развел руками: «Быть секретарем канцлера — все равно, что быть секретарем пустого места. Вы хотите занять пустое место поменьше рядом с пустым местом побольше?»

«Я всегда хотел, чтобы у меня был какой-нибудь цветистый титул. Будучи вашим секретарем, я стану «его превосходительством вице-канцлером». Не забывайте также, что вы сообщили палачам о том, что назначили меня на должность уволенного Эйвершема».

Аймиш поджал губы: «Это не проблема. Вы можете отказаться от должности».

«Боюсь, что такой отказ не будет способствовать популярности вашего управления. В конце концов, как вы сегодня окончательно убедились, необходимо учитывать угрозу со стороны авгуров...»

Аймиш направился к своему креслу, упал в него и набычился, устремив на Кудеяра обвиняющий взгляд: «Какой кошмарный кавардак!»

«Я сделаю все возможное для того, чтобы все это никак не отразилось на вашей репутации», — Кудеяр откинулся на спинку стула. Прошло несколько тягостных секунд — канцлер и Кудеяр молча смотрели друг на друга.

«Пожалуй, мне пора убрать из кабинета секретаря личные вещи Эйвершема», — произнес в конце концов Кудеяр.

XVI

Прошел месяц, в Кларджесе наступила осень. Древесная листва окрасилась в красные и желтые тона, рассветы стали серыми, а порывы ветра стали намекать на необходимость одеваться потеплее.

В Кларджесе праздновали одно из важнейших ежегодных торжеств. Горожане высыпали на улицы и бродили кто куда. На площади Эстергази человек, охваченный внезапным возбуждением, вскочил на скамью и разразился продолжительной речью, потрясая кулаками в сторону Актуария. Прохожие останавливались, чтобы послушать, и через некоторое время вокруг него стала собираться толпа — гнев оратора оказался заразительным. Мимо проходили два палача-стажера в черных униформах; безумец на скамье принялся осыпáть их проклятиями. Слушатели стали поглядывать на палачей; палачи решили убраться подобру-поздорову, но при этом совершили ошибку — они ускорили шаги. Толпа взревела и погналась за ними. Палачи бегали быстро — им удалось спастись. Тем временем оратор, переполненный эмоциями, спустился со скамьи и встал на колени, закрыв лицо руками.

Утратив средоточие внимания, толпа лишилась стихийной слаженности побуждений и распалась на растерянные группы. На какой-то момент, однако, эти люди познали помешательство массового бунта и действовали сообща против существующего правопорядка. В новостях при описании этого события использовался заголовок «Извращенцы больше не прячутся?»

Кудеяр провел этот день в своей квартире в переулке Фариота, куда теперь вселился Винсент Роднэйв. Роднэйв похудел и смотрел на мир с выражением загнанного зверя.

Когда Кудеяр зашел в квартиру, Роднэйв обработал уже половину биотелеметрических микрофильмов. На стене висела крупномасштабная схема, утыканная булавками с ярко-красными головками — каждая булавка соответствовала местонахождению кельи, в которой тот или иной амарант содержал своих суррогатов. Кудеяр рассмотрел схему с мрачным удовлетворением.

«Скорее всего, эта карта, — сказал он Роднэйву, — опаснейший документ во всем

мире».

«Я это понимаю», — отозвался Винсент Роднэйв. Он указал на окно: «В переулке постоянно ошивается палач. За квартирой внимательно наблюдают. Что, если они решат сюда ворваться?»

Кудеяр нахмурился, свернул схему в трубку и засунул ее за пазуху: «Продолжайте вычислять координаты. Если на этой неделе я смогу освободиться...»

«Освободиться? Вы где-то работаете?»

Кудеяр беззвучно рассмеялся: «Я работаю за трех человек. Эйвершем манкировал своими обязанностями. А я стараюсь быть незаменимым».

«Каким образом?»

«Прежде всего, укрепляя положение самого Аймиша. Он сдался, смирившись с тем, что останется аспирантом, пока за ним не придут палачи. Теперь он надеется, что проникнет в филу кандидатов. Мы посещаем всевозможные учреждения. Он напоминает о своем влиянии всеми возможными способами. Он выступает с речами, он защищает несправедливо обойденных продвижением по службе, он дает интервью представителями прессы и в целом ведет себя, как важная персона». Помолчав несколько секунд, Кудеяр задумчиво прибавил: «Кто знает? Может случиться и так, что Аймиш всех нас удивит». 2

Вернувшись в Трианвуд, Кудеяр направился прямо в апартаменты канцлера. Аймиш спал на диване. Кудеяр опустил в кресло.

Канцлер проснулся и сел, протирая глаза: «А, Гэйвин! Сегодня, кажется, праздник? Как идут дела в городе?»

Кудеяр ответил не сразу: «Я сказал бы, что дела идут из рук вон плохо».

«Почему?»

«В воздухе висит напряжение. Все волнуются. Текущий поток растрчивает энергию, но, когда потоку преграждает путь плотина, масса накопившейся воды становится опасной».

Аймиш почесал в затылке и зевнул.

«Город перенаселен, — продолжал Кудеяр. — Сегодня типичный горожанин не знает, куда себя деть, и бродит по улицам. Он не знает, зачем он это делает, но, тем не менее, бродит и бродит».

Аймиш нахмурился: «Вы изображаете типичного горожанина помрачневшей и усталой личностью».

«Таково мое намерение».

«Какая ерунда! — без обиняков выпалил Аймиш. — Кларджес не могли бы построить такие люди».

«Согласен. Но эпоха нашего величия прошла».

«О чем вы говорите? — воскликнул канцлер. — Наши организации никогда еще не работали так эффективно, мы никогда раньше не производили больше продукции с меньшими затратами, мы потребляем больше, чем когда-либо, но при этом создаем меньше отходов».

«И никогда еще паллиатории не были так переполнены», — напомнил Кудеяр.

«Я вижу, сегодня вы просто излучаете оптимизм».

Кудеяр заметил: «Иногда я не понимаю — зачем вообще стремиться к подъему? Зачем

карабкаться вверх и становиться амарантом, если мир рухнет перед нашими глазами?»

Аймиша такие рассуждения отчасти забавляли, но и тревожили тоже: «Просто у вас сегодня отвратительное настроение».

«Великий человек — талантливый канцлер — мог бы изменить будущее. Мог бы спасти Кларджес».

Аймиш тяжело поднялся на ноги и побрел к столу: «У вас в голове копошатся самые странные идеи. Наконец, — он улыбнулся, — я начинаю понимать, почему о вас ходят такие слухи».

Кудеяр поднял брови: «Слухи? Обо мне?»

«Да, о вас, — канцлер стоял у стола и смотрел на Кудеяра сверху вниз. — Мне приходилось слышать самые достопримечательные вещи».

«Что вы имеете в виду?»

«Говорят, за вами тянется черная тень. Говорят, что, где бы вы ни появились, происходят самые ужасные вещи».

Кудеяр крикнул: «Кому охота придумывать такую чепуху?»

«Ну, например, Каспару Джарвису, генеральному директору Коллегии Палачей».

«Генеральный директор занимается праздным распространением сплетен. А тем временем извращенцы и авгуры нависли, как топор палача, над всей нашей культурой».

Аймиш снова улыбнулся: «Помилуйте! На самом деле все это не так уж серьезно, не правда ли?»

Кудеяр поднял вопрос об авгурах в качестве страшилища, только для того, чтобы получить доступ к гардеробу канцлера — но теперь ему приходилось оправдывать эту шараду и защищать свои доводы.

Канцлер продолжал: «Извращенцы — неорганизованные хулиганы, психически неуравновешенные люди. авгуры и пифии — блуждающие мыслями выше облака ходящего фантазеры, романтические идеалисты. По-настоящему опасные отбросы общества гнездятся в квартале Тысячи Воров на окраине Карневала».

Кудеяр покачал головой: «Этих мы хорошо знаем, они изолированы. Другие — рядом с нами: там, здесь, повсюду. Например, авгуры подкапываются незаметно, тихой сапой. Если им удастся заразить других своей основной идеей — убедить других в том, что Кларджес болен, что Кларджес нуждается в срочном исцелении — только тогда они будут довольны. Их цель состоит в постоянном приумножении числа авгуров».

Аймиш в замешательстве растирал лоб ладонью: «Но эта основная идея — именно то, о чем вы говорили пять минут тому назад! Получается, что вы сами — авгур из авгуров!»

«Может быть, это так, — согласился Кудеяр, — но мое решение проблемы носит не столь революционный характер, как многие предложения авгуров».

Аймиш не сдавался: «Всем и каждому известно, что мы живем в эпоху Золотого Века! Генеральный директор говорит, что...»

«Завтра вечером, — прервал его Кудеяр, — состоится собрание авгуров. Если вы придете на это собрание вместе со мной, вы своими глазами убедитесь в том, что происходит».

«Где они собираются?»

«В Карневале, во Дворце Откровений».

«В этом бедламе? И вы принимаете их всерьез?»

Кудеяр улыбнулся: «Приходите, сами увидите». 3

Карневал кишел людьми; бульвары и проспекты растекались плотными потоками разноцветных костюмов. Лица в масках и полумасках проплывали мимо, мгновенно растворяясь в толпе, мимолетные, как гаснущие искры металла в кузнице.

Кудеяр надел новый костюм, изготовленный из светящихся оранжевых язычков и струек, имитировавших пламя. Лицо его закрывала блестящая маска из пунцового металла, отражавшая сполохи и мерцание искусственного огня — он выглядел, как шагающий факел.

Аймиш выбрал не менее впечатляющий костюм: церемониальное одеяние матаганского воина. Он звенел колокольчиками и сверкал многогранными выпуклостями, опущенный дрожащими зелеными перьями и черной бахромой. Головным убором ему служило величественное сооружение из прозрачного красного, зеленого и синего стекла, переплетенного светящимися белыми лентами.

Аймиш и Кудеяр заразились всеобщим возбуждением; они смеялись и оживленно болтали. Аймиш, по всей видимости, предпочитал не вспоминать о цели, которая привела их в Карневал, но Кудеяр упрямо вел его мимо разнообразных развлекательных заведений. Они прошли под эмалированным Мостом Шепотов с напоминающим пагоду навершием и створными окнами в форме сердец. Перед ними уже возвышался Дворец Откровений. Синие колонны поддерживали темно-зеленый архитрав с надписью на имитирующем развернутый свиток фоне: «*ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?*» С обеих сторон у входа стояли статуи-близнецы, копии античных скульптур: сидящий мужчина мощного телосложения размышлял о тайнах бытия, опираясь локтем на колено и подбородком на кулак. Кудеяр и Аймиш бросили по флорину в коробку для пожертвований и зашли внутрь.

Их приветствовала суматоха звуков и образов. Вдоль стен держали в руках пылающие факелы архаические статуи античных богинь со слепыми белыми глазами; высокий потолок скрывался в тени. Перед каждым факелом было устроено возвышение; на каждом возвышении стоял более или менее возбужденный оратор, мужчина или женщина, громко или не очень громко разглагольствуя перед слушателями. На одной из платформ два оратора соревновались, привлекая внимание толпы, но в конце концов, окончательно раздраженные друг другом, начали драться, стараясь столкнуть друг друга кулаками и коленями.

«Кто отправится со мной в плавание? — вопрошал человек на другом возвышении. — Баржа у меня есть, но требуются дополнительные средства. Уверю вас, мой остров существует, и на нем видимо-невидимо плодоносных фруктовых деревьев!»

«Это Киссим-Примитивист, — объяснил Аймишу Кудеяр. — Он уже десять лет пытается организовать колонию на своем острове».

«Мы будем купаться в теплой воде и спать на пляже — такова естественная жизнь, простая и свободная...» — призывал Киссим.

«А как насчет варваров-каннибалов? — выкрикнул один из слушателей. — Кто кого съест первый — мы их или они нас?» Толпа рассмеялась.

Киссим яростно протестовал: «Варвары совершенно безопасны, они воюют только друг с другом! Так или иначе, остров — мой: варварам придется его покинуть».

«Ага, с сотней новых трофеев-черепов!»

Слушатели веселились почти неприлично; Аймиш с отвращением поморщился. Кудеяр подвел его к следующей платформе.

«Союз заходящего Солнца, — пояснил своему спутнику Кудеяр, — главным образом гларки».

«...А затем, когда наступит конец — о братья и сестры, не отвращайте взоры свои, ибо воистину говорю я вам: конец станет началом! Мы возвращаемся в лоно великого Друга, мы будем жить вечно в ореоле славы, превосходящем меркнувшую славу амарантов! Но мы должны укрепляться верой, мы должны отречься от мирской гордыни, мы должны верить!»

«...Десять тысяч непобедимых бойцов — все, что нам нужно, это все, к чему мы призываем! — доносился голос с другого возвышения. — Незачем проливать пот и кровь, продлевая остаток жизни здесь, в Кларджесе. Я поведу вас, я встану во главе Легиона Прозрения! Нас будет десять тысяч, десять тысяч в серебряных доспехах, с оружием в руках! Мы пройдем победным маршем через Таппани, мы освободим Мерцию, Ливернь и Эскобар! А потом мы сделаем себя амарантами. Всего лишь десять тысяч бойцов, Легион Прозрения...»

На противоположной платформе стояла хрупкая женщина с лицом белым, как мел. Ее пушистые черные волосы трепетали при каждом движении головы. Ее глаза, нежные и диковатые, смотрели куда-то вдаль, в пространство за пределами представлений стоявших под ней слушателей: «...Страх и зависть, они все еще живут среди нас, но в чем их смысл, в чем их оправдание? Ни в чем, им нет оправдания. Бессмертие доступно гларку так же, как амаранту: никто не умрет! Как продлевает жизнь амарант? Он эмпатически синхронизируется с суррогатами, он полностью отождествляется с ними. Как будет продлеваться жизнь гларка? Почти таким же образом. Но гларк отождествляется не с суррогатами, а с человечеством, его суррогаты — все люди будущего. Он отождествляется с человечеством, и, когда снисходит завершение бытия, наступает преобразование — он вмещается в новую жизнь. Он живет вечно!»

«А это кто такая?» — спросил Аймиш.

«Не знаю, — пожал плечами Кудеяр. — Никогда раньше ее не видел... А, вот и авгуры! Подойдите, послушайте».

На платформе стояла полногрудая красавица. «...В любом случае, — говорила она, — закономерность плохо поддается определению, даже если она существует. Активные слои населения превосходно подготовлены промыванием мозгов, их мироощущение трудно изменить наверняка. Но действительность невозможно скрыть, она обнажается в паллиаториях. Иногда пациентов выписывают, но человек подобен веревке — если достаточное усилие прилагается достаточно долго, веревка рвется. Покидая паллиаторий, так называемые «исцеленные пациенты» возвращаются в среду жесткой конкуренции, они снова сталкиваются с теми напряжениями, которые сломили их раньше, и результат неизбежен — они возвращаются в паллиаторий».

Решение проблемы состоит не в том, чтобы соединять обрывки веревки, а в том, чтобы не подвергать ее чрезмерному напряжению. Но напряжение только возрастает, нет никаких признаков его ослабления. Поэтому, как было согласовано на предыдущем собрании, мы должны быть готовы ко всему. Передаю слово Моркасу Марру — он выступит с дальнейшими рекомендациями».

Пышная красавица спустилась с возвышения. Аймиш подтолкнул Кудеяра локтем: «Я где-то видел эту женщину... Это же Йоланда Бенн!» Канцлер был явно потрясен: «Йоланда Бенн, подумать только!»

На платформу взошел Моркас Марр, невысокий жилистый человек с неподвижным

лицом. Он говорил монотонно и сухо, сверяясь с заметками в блокноте: «Рекомендации временного координационного комитета таковы. С тем, чтобы упростить административные функции, мы сохраним существующую структуру распределения полномочий по округам. У меня здесь, — он приподнял блокнот, — подготовлен список назначений на окружные должности, он будет скоро оглашен. Само собой, это лишь временно предлагаемые кандидатуры, но с учетом настроений, преобладающих в Пределе, мы решили, что лучше всего сформировать эффективную организацию в кратчайшие сроки».

Аймиш прошептал Кудеяру на ухо: «О чем он говорит, черт побери?»

«Слушайте!»

«Каждый руководитель будет нести ответственность за организационную работу в своем округе, назначать состав исполнительных групп, устанавливать расписание учений и практической подготовки. Теперь я зачитаю список назначений, — он снова поднял блокнот. — Исполнительный председатель координационного совета: Джейкоб Найл».

Слушатели стали переглядываться и шептаться; рядом с возвышением Кудеяр заметил Найла. Подле него стояла высокая женщина с продолговатым, нервно подергивающимся лицом: Пладж Каддиган.

Моркас Марр закончил оглашение списка кандидатур и обратился к аудитории: «У кого-нибудь есть вопросы?»

«Конечно, у меня есть вопросы!» — раздался громкий голос рядом с Кудеяром. Кудеяр смущенно усмехнулся: голос принадлежал канцлеру Аймишу.

«Я хотел бы знать, в чем заключается конечная цель вашего многолюдного сговора!» — потребовал ответа Аймиш.

«Мы приветствуем ваше любопытство, кто бы вы ни были. Мы надеемся предохранить себя и цивилизацию Предела от очевидно надвигающегося катаклизма».

«От какого такого катаклизма?» — не понял Аймиш.

«Как еще можно назвать абсолютную анархию? — Марр отвернулся от канцлера. — Кто-нибудь еще желает задать вопрос?»

«Господин Марр! — Джейкоб Найл выступил вперед. — Кажется, я узнал голос выдающегося общественного деятеля». Найл говорил насмешливо: «Присутствует не кто иной, как канцлер, председатель Пританеона, Клод Аймиш. Может быть, нам удастся убедить его присоединиться к нашему движению».

Аймиш нисколько не растерялся: «Я мог бы примкнуть к вашему движению, если бы знал, куда оно движется».

«Ага! — воскликнул Найл. — Никто не может ответить на ваш вопрос, потому что никто не знает, в чем именно заключается наша цель. Мы отказываемся дать определение нашей позиции. И это придает нам силу и влияние. Каждый из нас — страстный активист, потому что каждый считает, что целью нашего движения является его личная цель. Нас объединяет только общий вопрос: к чему мы придем? Чем все это кончится?»

Аймиш разозлился: «Вместо того, чтобы пугать людей катаклизмами и обсуждать вопрос о том, чем все это кончится, вы могли бы спросить себя: что можно было бы сделать для решения проблем, возникших в Пределе?»

Наступило кратковременное молчание, завершившееся взрывом воодушевленных возражений. Кудеяр потихоньку отошел от канцлера и присоединился к Пладж Каддиган и Джейкобу Найлу.

«Вы якшаетесь с важными персонами», — заметила Пладж.

«Дражайшая Пладж! — отозвался Кудеяр. — Теперь я сам — важная персона. Я — представьте себе! — вице-канцлер Пританеона!»

Джейкоб Найл явно забавлялся происходящим: «Почему же вы двое, официальные правительственные руководители, решили проводить время в нашей сомнительной компании?»

«Мы надеемся продвинуться, разоблачив авгуров и пифий как крамольную подпольную организацию заговорщиков».

Найл расхохотался: «Если вам потребуется помощь в этом патриотическом начинании, обращайтесь ко мне».

Их прервали гневные возгласы: Аймишу удалось вызвать всеобщее негодование окружающих. Вечер оправдывал ожидания Кудеяра.

«Нет, только послушайте этого осла!» — пробормотал Найл.

«Если вы — не преступные заговорщики, зачем вы формируете подрывную организацию?» — ревел канцлер Аймиш.

Ему отвечали десятки голосов, но Аймиш не обращал на них внимания: «Вы можете быть уверены только в одном. Я намерен сообщить палачам о вашей антиобщественной деятельности и положить конец вашей крамоле раз и навсегда!»

«Ха! — с презрением возвысил голос Моркас Марр. — Доносите на нас, сколько угодно! Кто к вам прислушается? У вас нет никакого влияния — даже такого влияния, какое есть у меня. Вы — не больше чем крикливый прожорливый желудок со зловонным дыханием!»

Аймиш размахивал руками, не в силах найти подходящие слова, заикался и задыхался. Кудеяр взял его под локоть: «Пойдемте отсюда».

Полностью растерявшись от возмущения, Аймиш позволил увести себя прочь. В «Помадоре», на четвертом ярусе фантастического Сада Цирцеи, они присели, чтобы успокоиться, и заказали прохладительные напитки.

Потрясенный своим унижительным отступлением, Аймиш не говорил ни слова. Кудеяр тактично молчал. Уже наступила полночь; перед ними переливалась всеми цветами радуги светящаяся палитра Карневала в час пик — воздух вибрировал от праздничного шума.

Опорожнив бокал, Аймиш выдавил: «Пойдем, прогуляемся».

Они прошли по нескольким бульварам. Кудеяр предложил канцлеру развлечься, но тот угрюмо отказался.

Бесцельная прогулка привела их на эспланаду. В таверне «Аргонавт» они выпили еще пару коктейлей. Аймиш почувствовал себя не очень хорошо и решил, что ему пора было возвращаться домой. Они направились по набережной к стоянке аэромобилей.

Карневал казался расплывчатым, нереальным. В речной воде перемигивались искаженные отражения цветных огней, в туманном полумраке двигались сутулые фигуры — пьяные празднующиеся, безымянные, как обрывки рекламных листовок, плывущие вниз по течению темного Чанта — но среди них попадались и бербары, подобно извращенцам испытывавшие наслаждение, совершая анонимные акты насилия. Когда Аймиш и Кудеяр прошли мимо глухого переулочка, на набережную выскользнула шайка бербаров. Подкравшись сзади, бербары внезапно набросились на них и принялись колотить руками и ногами.

Аймиш взвыл, упал на колени и попытался отползти в сторону на четвереньках. Кудеяр пошатнулся, оглушенный ударом по голове. Остановленный пинками в ребра, Аймиш распластался на земле. Кулаки, вооруженные кистенями, сыпались на Кудеяра

металлическим градом. Кудеяр не оставался в долгу, нанося ответные удары в носы и в глаза. Нападающие на мгновение отступили, но тут же снова набросились на него. Кудеяр упал, его пунцовая маска со звоном откатилась в сторону.

Послышался испуганный шепот: «Это Кудеяр! Гэйвин Кудеяр!»

Кудеяр выхватил нож из потайного кармана, широкой дугой сверкнуло лезвие. Раздался вопль — он располосовал кому-то ногу. Вскочив на ноги, Кудеяр ринулся на врагов, делая частые рубящие и колющие выпады. Бербары отступили, повернулись и убежали.

Кудеяр помог подняться кряхтевшему от боли канцлеру. Прихрамывая, они продолжили путь по набережной в растрепанных, разорванных костюмах. На стоянке они поспешно взобрались в аэротакси и, пролетев над рекой, вернулись в Трианвуд. 4

Несколько дней канцлер Аймиш пребывал в отвратительном настроении и односложно отказывался что-либо обсуждать. Кудеяр старался выполнять свои функции настолько неприметно, насколько это было возможно.

Пасмурным утром в конце ноября, когда за рекой, над Разводьем, висели темные хвосты дождя, Аймиш зашел в кабинет Кудеяра и осторожно присел на стул. Его ушибленные ребра все еще болели, лицо пестрело синяками. Кроме того, ему был явно нанесен психологический ущерб: он похудел, вокруг его рта образовались морщины.

Пытаясь выразить непривычные мысли, Аймиш с трудом находил слова. Кудеяр терпеливо слушал.

«Как вам известно, Гэйвин, я — своего рода анахронизм. Золотому Веку не нужен волевой лидер. Тем не менее... — Аймиш замолчал и задумался. — Мы высоко ценим безопасность, возможность опереться на тех, кто способен нас выручить в чрезвычайной ситуации. Поэтому и была учреждена в свое время должность канцлера». Аймиш подошел к окну и стоял, глядя на грозовые тучи: «Странные вещи происходят в Кларджесе — и, по-видимому, никого это не беспокоит. Я надеюсь что-нибудь сделать по этому поводу. Так что... — канцлер повернулся лицом к Кудеяру. — позвоните Каспару Джарвису, генеральному директору палачей, и попросите его прибыть в мое управление в одиннадцать часов».

Кудеяр кивнул: «Будет сделано».

XVII

Кудеяр вызвал центральное управление службы палачей в Гарстанге и попросил соединить его с генеральным директором Каспаром Джарвисом. Процесс оказался затяжным и затруднительным — ему пришлось спорить поочередно с телефонным оператором, с палачом, ответственным за связи с общественностью, с начальником центрального управления и с заместителем директора Коллегии Палачей. Только после этого он увидел на экране Джарвиса собственной персоной: человека с мохнатыми черными бровями, сгорбившегося над столом, как собака над костью.

«Какого дьявола вам нужно?» — грубо спросил Джарвис.

Кудеяр объяснил причину своего вызова, и манеры Джарвиса, удивительным образом, тут же стали обходительными: «Значит, канцлер желает меня видеть в одиннадцать часов?»
«Совершенно верно».

«И вы — вице-канцлер Кудеяр?»

«Он самый».

«Любопытно! Надеюсь познакомиться с вами поближе, вице-канцлер!» Раскрыв рот, Джарвис изобразил нечто вроде беззвучного смеха.

«В одиннадцать часов», — повторил Кудеяр.

Джарвис явился, в сопровождении пары помощников, без десяти одиннадцать. Генеральный директор промаршировал в роскошную приемную, остановился перед столом, за которым сидел Кудеяр, и смерил Кудеяра взглядом с головы до ног, усмехаясь так, словно его забавляли какие-то одному ему известные мысли: «Наконец мы встретились лицом к лицу».

Кудеяр поднялся на ноги и кивнул.

«Надеюсь, не в последний раз, — продолжал Джарвис. — Где канцлер?»

«Я вас к нему проведу».

Палачи проследовали за Кудеяром в кабинет для официальных совещаний, но Джарвис зашел туда без помощников, оставив их нести вахту за дверью.

Внутри их ожидал Аймиш. Сидя в массивном старинном кресле на фоне стены, украшенной гербами своих предшественников на посту канцлера, он сумел создать, в какой-то мере, атмосферу задумчивой торжественности. Обменявшись приветствиями с Джарвисом, он подал знак Кудеяру: «Гэйвин, вы мне не понадобятся. Можете идти».

Кудеяр удалился. Джарвис произнес фамильярно-дружелюбным тоном: «У меня много неотложных дел, канцлер. Надо полагать, вы желаете мне сообщить что-то заслуживающее внимания».

Аймиш кивнул: «Думаю, что это так. Не так давно меня поставили в известность о ситуации...»

Джарвис прервал его, подняв руку: «Одну минуту, канцлер! Если в это дело замешан Кудеяр, почему бы не пригласить его сюда? В любом случае этот мерзавец, несомненно, подслушивает наш разговор».

Аймиш улыбнулся: «Мерзавец он или нет, но это помещение не прослушивается. Я поручил произвести тщательную проверку».

Джарвис скептически огляделся по сторонам: «Могу ли я проверить помещение своими собственными методами?»

«Разумеется, как вам угодно».

Джарвис вынул из поясной сумки трубчатый прибор, прошелся по кабинету, направляя прибор то на стены, то на предметы мебели и в то же время наблюдая за показаниями индикатора. Нахмурившись, он повторил эту процедуру.

«В этом помещении нет подслушивающих устройств», — заключил он. Подойдя к двери, он отодвинул ее в сторону. За дверью безмолвно стояли его помощники в черных униформах.

Джарвис вернулся и сел: «Теперь мы можем говорить откровенно».

Кудеяр, стоявший в соседней комнате, приложив ухо к просверленному заранее отверстию, улыбнулся.

«В каком-то смысле Кудеяр действительно замешан в это дело, — слышался голос

Аймиша. — По причинам, известным ему одному, он продемонстрировал мне малоизвестную угрозу, о которой вы можете знать или не знать».

«Заблаговременное обнаружение угроз не входит в мои обязанности».

Канцлер кивнул: «Возможно, оно входит в *мои* обязанности. Я хотел бы упомянуть о странной организации людей, называющих себя авгурами и пиффиями...»

Джарвис нетерпеливо разрезал воздух рукой: «Этот вопрос меня не интересует».

«Значит, вы уже внедрили в их общество тайных агентов?»

«Ничего подобного. Более того, я не внедрил никаких агентов ни в Союз заходящего Солнца, ни в ассоциацию абракадабристов, ни в масонскую ложу, ни в партию глобального единства, ни в клуб ведантических прорицателей, ни в кружок любителей чернения серебра тионовой кислотой...»

«Я хочу, чтобы вы немедленно приступили к расследованию авгуров», — прервал его Аймиш.

Завязался спор. Аймиш проявлял сдержанную настойчивость. В конце концов Джарвис развел руками: «Так и быть, я выполню вашу просьбу. В городе действительно нарастает недовольство — вполне может быть, что я чего-то не заметил».

Аймиш кивнул и уселся поглубже в кресле. Джарвис набычился: «А теперь — предлагаю вам принять гораздо более серьезные и срочные меры. Увольте Кудеяра. Избавьтесь от него. Этот человек распространяет проказу, за ним тянется шлейф нераскрытых преступлений. Более того, он — Чудовище. Если вас сколько-нибудь беспокоит репутация вашей должности, вам следует порвать любые связи с Кудеяром прежде, чем мы за ним приедем».

Достоинство Аймиша поколебалось: «Насколько я понимаю, вы... ссылаетесь на трансформацию моего прежнего секретаря, Рольфа Эйвершема?»

«Нет». Джарвис сверлил канцлера холодным внимательным взглядом: «Согласно вашим собственным показаниям, Кудеяр не может быть виновен в том, что произошло».

«Конечно, нет», — отозвался Аймиш.

«Я имею в виду преступление, совершенное несколько месяцев тому назад в Карневале, когда Кудеяр организовал хищение жизни амаранты Джасинты Мартин».

«Не совсем понимаю...»

«Мы связались с его сообщником, печально известным бербаром по имени Карлеон. Карлеон согласился — за определенную мзду — предоставить свидетельства, достаточные для осуждения Кудеяра».

«Почему вы мне об этом рассказываете?» — натянуто спросил Аймиш.

«Потому что вы нам можете помочь».

«Каким образом?»

«Карлеон хочет, чтобы его помиловали. Он хочет покинуть квартал Тысячи Воров и поселиться в Кларджесе. У вас есть соответствующие юридические полномочия».

Аймиш моргнул: «Мои полномочия носят чисто номинальный характер — вы это понимаете не хуже меня».

«Тем не менее, они существуют и действительны. Я мог бы обратиться с просьбой о таком же помиловании в Коллегию Трибунов или в Пританеон, но это привело бы к нежелательной огласке — нам стали бы задавать неудобные вопросы».

«Но этот Карлеон — разве он не виноват в той же мере, что и Кудеяр? Почему вы согласны амнистировать одного, чтобы наказать другого?»

Джарвис молчал. Канцлер оказался не столь уступчивым и готовым к сотрудничеству, как ожидал генеральный директор. «Этот вопрос относится к сфере государственной политики, — сказал он наконец. — Кудеяр представляет собой особый случай. Мне приказано задержать его, применяя любые возможные средства».

«Не сомневаюсь, что это объясняется давлением со стороны Общества Амарантов».

Джарвис кивнул: «Взгляните на происходящее со следующей точки зрения: два преступника, Кудеяр и Карлеон, все еще свободны. Обеспечив Карлеону амнистию, мы поймаем Кудеяра. Это выгодно для всех — вместо двух преступников в живых останется один».

«Понятно... У вас есть с собой необходимые документы?»

Джарвис вынул из кармана бумагу: «Вам остается только проставить свою подпись».

Аймиш просмотрел перечень преступлений, от ответственности за которые должна была избавиться Карлеона его подпись, и возмутился: «Этот человек недостоин жить! И вы готовы помиловать это исчадие ада ради того, чтобы устроить западню Кудеяру — святому по сравнению с Карлеоном?» Канцлер бросил документ на стол.

Проявляя бесконечное терпение, Джарвис повторил свои разъяснения: «Как я уже упомянул, это исчадие ада, как вы его назвали, проживает и пользуется неограниченной свободой в Карневале. Мы ничего не потеряем, простив ему эти преступления, но выиграем, если Кудеяр предстанет перед судом — и, кроме того, таково пожелание очень высокопоставленных лиц, чьим мнением не следует пренебрегать».

Аймиш схватил перо и яростно подписал бумагу: «Будь по-вашему! Вот, пожалуйста».

Джарвис взял документ, аккуратно сложил его и поднялся со стула: «Благодарю вас за содействие, канцлер».

«Надеюсь, мне не влетит за это в Пританеоне», — пробормотал Аймиш.

«Уверю вас, в Пританеоне никогда об этом не узнают», — усмехнулся Джарвис.

Вскоре после того, как Джарвис вернулся в центральное управление службы палачей в Гарстанге, ему позвонил канцлер Аймиш: «Директор, должен вам сообщить, что Кудеяр исчез».

«Исчез? Куда?»

«Не знаю. Он со мной не попрощался».

«Ладно, — мрачно сказал Джарвис. — Благодарю вас за информацию».

Когда экран погас, Джарвис погрузился в задумчивое молчание, после чего нажал кнопку и проговорил в микрофон: «Помилование Карлеона подписано. Найдите его и договоритесь о встрече — чем скорее, тем лучше». 2

Человек в бронзовой маске быстро шел навстречу ветру по узкому переулку. Задержавшись у небольшой стальной двери, он посмотрел по сторонам, проскользнул внутрь, сделал три быстрых шага вперед и резко остановился. Он подождал две секунды — перед ним и за его спиной вспыхнули огненные лучи лазерной ловушки. Как только они погасли, он снова двинулся вперед.

Поднявшись бегом по лестничному пролету, он зашел в помещение с голыми стенами, где стояли только две скамьи и стол. За столом сидел темнокожий коротышка с

морщинистой физиономией и огромными лучистыми глазами.

«Где Карлеон?» — спросил человек в маске.

Коротышка указал кивком на боковую дверь: «В музее».

Человек в маске быстро шагнул к двери, открыл ее и прошел в длинный бетонный коридор. По этому коридору он перемещался самым любопытным образом — сначала двигался бочком вприпрыжку, прижимаясь спиной к левой стене, после чего перескочил к правой стене, прижался к ней спиной и двинулся дальше таким же манером. Оказавшись на участке, где бетонные стены и пол не отличались ничем особенным, он резким движением руки отодвинул в сторону потайную дверь и вошел в озаренный зеленым светом длинный зал, обставленный чрезмерно пышной, безвкусной мебелью.

Грузный человек с белым, как у мертвеца, круглым лицом, вопросительно поднял голову. Одну руку он держал за спиной. Сверкнув глазами, он спросил у человека в бронзовой маске: «Я вас слушаю?»

Посетитель снял маску.

«Кудеяр!» Карлеон выхватил из-за спины лучевой пистолет, но Кудеяр был к этому готов. Он выстрелил первый — прозвучал трескучий хлопок, отбросивший безжизненное тело Карлеона так, как если бы его дернули назад, ухватив крюком за шею.

Кудеяр убедился в том, что в длинном проходе между витринами «музея» никого не было. Карлеон был некрологом — его выставка была посвящена всевозможным аспектам и способам изображения смерти. Кудеяр взглянул на тело бербара с некоторым удивлением: этого главаря наемных убийц готовы были помиловать только для того, чтобы снова отдать в руки палачей несправедливо осужденного человека! Он недооценил мстительную решимость своих преследователей...

Кудеяр вернулся по коридору в приемную с голыми стенами. Темнокожий коротышка сидел за столом в прежней позиции. «Я только что прикончил Карлеона», — сообщил Кудеяр.

Темнокожий человек не проявил особого интереса.

«Карлеон хотел поселиться за рекой, — пояснил Кудеяр. — Он меня предал, чтобы договориться с палачами о помиловании».

Лучистые глаза коротышки ожидающе смотрели в лицо Кудеяру. «Мне нужны сто человек, Рубель, — продолжал Кудеяр. — Я кое-что задумал, но мне потребуется помощь. Я готов заплатить пять тысяч флоринов за работу, которая займет одну ночь».

Рубель торжественно кивнул: «Это опасно?»

«Не слишком, хотя полную безопасность я не гарантирую».

«Деньги вперед?»

«Половина вперед, половина — утром следующего дня».

«У тебя остались деньги?»

«Остались, Рубель! — амарант Грэйвена Кудесника, издатель «Перспектив Кларджеса», был состоятельным человеком. — Всю сумму получишь ты, с другими рассчитывайся сам».

«Когда тебе потребуются эти люди?»

«Я дам тебе знать за четыре часа до начала операции. Мне нужны сильные, проворные, сообразительные мужчины, способные не попадать в обычные ловушки и западни. Кроме того, они должны точно выполнять мои указания».

«Сомневаюсь, что в Карневале наберется сотня таких мужчин», — возразил Рубель.

«Тогда нанимай и женщин. Они справятся не хуже мужчин, а в некоторых случаях,

пожалуй, даже лучше».

Рубель кивнул.

«Еще одно предостережение. Палачи получают сведения главным образом от тебя. Ты координируешь работу их агентов в Карневале».

Рубель улыбнулся, собираясь вежливо возразить, но Кудеяр не обратил внимания на эту попытку: «Следовательно, тебе известны другие осведомители. В данном случае не может быть никакой утечки информации. Если палачи что-нибудь пронюхают, ты понесешь за это ответственность. Ты меня понимаешь?»

«Целиком и полностью», — подтвердил Рубель.

«Хорошо! Когда мы увидимся в следующий раз, ты получишь деньги».

Прозвучал зуммер под небольшим экраном. Бросив осторожный взгляд на Кудеяра, Рубель ответил на вызов. Послышался голос, говоривший на карневальском воровском жаргоне, непонятном законопослушным горожанам.

Рубель повернулся к Кудеяру: «Палачи хотят видеть Карлеона».

«Скажи им, что Карлеон мертв». 3

Когда Джарвису передали эту неприятную новость, он отреагировал мгновенно: «Отправьте отряд особого назначения в Карневал — в полном составе. Приказ: найти Гэйвина Кудеяра и задержать его».

Прошло два часа; в центральное управление стали поступать отчеты.

«Он от нас ускользнул!» — пробормотал Джарвис. Откинувшись на спинку вращающегося кресла, он смотрел в окно на черные крыши Гарстанга: «Что ж, мы его найдем. Жаль, что мы не можем воспользоваться телевектором... Нам связывают руки, а потом ожидают результатов!» Повернувшись к столу, он продиктовал длинный перечень приказов.

XVIII

Вечером собрался конклав Общества Амарантов двести двадцать девятого созыва. Каждый член Общества сидел у себя дома в особом помещении, напротив вогнутой стены, разделенной на десять тысяч ячеек. В каждой ячейке отображалось лицо того или иного амаранта, а в углу ячейки загорался миниатюрный световой индикатор голосования. Индикатор становился красным, если соответствующий член Общества решительно возражал, оранжевым — если он выражал неодобрение, желтым — если он воздерживался от голосования, зеленым — если он одобрял предложенную резолюцию, и синим — если он ее поддерживал целиком и полностью.

В центре этого огромного табло находились световой индикатор покрупнее, отражавший рассчитанное среднее значение принятого коллективного решения, а также экран, позволявший следить за выступлением любого амаранта, обращавшегося к Обществу.

Сегодня в работе конклава участвовали девяносто два процента членов Общества.

Когда закончилась церемония открытия конклава, всю площадь центрального экрана

заял председатель Общества, амарант Роланда Зигмонта: «Не буду отнимать у вас время многословными вступительными замечаниями. Сегодня вечером мы собрались для того, чтобы обсудить событие, о котором все мы предпочитали не вспоминать, а именно насильственное прекращение существования амаранты Джасинты Мартин.

Мы игнорировали этот вопрос потому, что считали такое преступление постыдным, но не слишком серьезным — в конце концов, зачем еще мы эмпатизируем суррогатов?

Но теперь настала пора смело вступить за наши принципы. Лишение жизни — первоисточник зла; мы обязаны безжалостно наказывать любого члена Общества, нарушившего этот принцип.

Вы спрашиваете себя: почему я поднимаю этот вопрос именно сегодня? Основная причина в том, что в последние годы случаи насильственной трансформации наблюдаются практически регулярно — последней жертвой стала амаранта Анастасии де Фанкур. Тот, кто на нее напал, покончил с собой. Новая Анастасия и новый Абель еще не вернулись в наши ряды.

Один случай, однако, служит выдающимся примером злодеяния, совершенного в результате пренебрежения к жизни других амарантов. Главную роль в этом случае играет Гэйвин Кудеяр, которого многие из нас помнят как амаранта Грэйвена Кудесника».

Лица в ячейках табло заинтересовались — по вогнутой стене пробежала тихая волна произвольных замечаний и возгласов.

«Теперь перед вами выступит амаранта Джасинты Мартин, подробно изучившая этот вопрос».

На центральном экране появилось лицо Джасинты. Ее широко открытые глаза горели, она казалась изможденной и напряженной: «Делом Гэйвина Кудеяра определяется вся проблема, которую нам предстоит решить. Хотя, возможно, я недооцениваю Кудеяра, потому что он, в своем роде — человек неповторимый!

Позвольте мне перечислить лиц, за насильственное лишение жизни которых несет прямую ответственность Гэйвин Кудеяр: амарант Абеля Мондевиля и амаранта Джасинты Мартин, то есть меня. Предположительно, по вине Кудеяра прекратилось существование Сета Каддигана и Рольфа Эйвершема. Вчера он уничтожил бербара Карлеона. Таковы известные нам события. Невозможно сомневаться в том, что имели место и другие преступления. Зло тянется за Кудеяром, как неотступная тень.

Почему это так? Случайно ли это? Можно ли считать Кудеяра невинным инструментом в руках судьбы? Или же ему свойственно настолько невообразимое самомнение, что он с легкостью уничтожает других в эгоистических целях?»

Амаранта Джасинты повысила голос, она заговорила возбужденно, поспешно и отрывисто, она тяжело дышала: «Я изучила Гэйвина Кудеяра. Нет, невинным инструментом в руках судьбы его никак нельзя назвать. Он — Чудовище. Его нравственные представления подобны инстинктам, преобладавшим в болотах юрского периода. И эти представления придают ему безжалостную силу, способную подчинить население Кларджеса. Он создает непосредственную угрозу уничтожения для всех нас!»

Мозаика ячеек оживилась гулом смешанных голосов. Кто-то выкрикнул: «Каким образом?» Ему вторили другие: «Каким образом? Каким образом?»

Амаранта Джасинты ответила: «Гэйвин Кудеяр игнорирует наши законы. Он нарушает их всякий раз, когда расположен это сделать. Его успех заразителен, ему станут подражать. Подобно вирусу, его первобытное мироощущение распространится по всему Пределу».

Мозаичное табло лиц бормотало и шептало.

«Цель Гэйвина Кудеяра — снова стать амарантом. Он этого не скрывает, — новая Джасинта Мартин чуть наклонилась назад, обозревая фасетчатое табло, оценивая выражения тысяч маленьких лиц. — Если мы того захотим, мы тоже можем нарушить законы Кларджеса и дать Кудеяру все, чего он хочет». Помолчав, она тихо спросила: «Каково будет ваше решение? Согласны ли вы удовлетворить инстинкты Чудовища?»

Послышался глухой шум, подобный шороху откатывающейся волны прибое. Тысячи рук протянулись к панелям переключателей — на мозаичном табло стали мелькать огоньки: редкие синие, чуть больше зеленых, россыпь желтых и плотная пламенная волна оранжевых и красных. Панель центрального индикатора озарилась зловещим киноварным огнем.

Амаранта Джасинты подняла руку: «Но если мы не уступим — предупреждаю вас! — нам придется вступить в противоборство с этим человеком. Ставить перед ним препоны, подчинять его недостаточно. Мы должны...» Она наклонилась вперед и произнесла с сосредоточенной жестокостью: «Мы обязаны его уничтожить!»

Фасетчатое табло молчало; каждая ячейка превратилась в замерший расписной элемент мозаики.

«Многие из вас шокированы, вам трудно представить себе такую необходимость, — говорила амаранта Джасинты. — Но вы должны ожесточиться настолько же, насколько ожесточен наш противник! Мы обязаны уничтожить хищника, пока он не сожрал нас всех!»

Она откинулась на спинку своей софы. Ее сменил на центральном экране амарант Роланда Зигмонта. Он сдержанно произнес: «Амаранта Джасинты пролила свет на конкретный аспект проблемы общего характера. Вне всякого сомнения, Грэйвен Кудесник — изобретательный проходимец. Судя по всему, он умудрился надуть палачей и прятаться в Карневале на протяжении семи лет, после чего зарегистрировался в расплоде в качестве собственного реликта, чтобы снова начать подъем к филе амарантов».

Едва слышный голос воскликнул: «И что в этом плохого?»

Амарант Роланда проигнорировал вопрос: «Тем не менее, в масштабе всей проблемы в целом...»

На центральном экране снова появилась амаранта Джасинты; ее глаза рыскали вдоль рядов и столбцов тысяч миниатюрных лиц: «Кто задал этот вопрос?»

«Я!»

«Назовите себя!»

«Я — Гэйвин Кудеяр — или, если хотите, амарант Грэйвена Кудесника. Я занимаю должность вице-канцлера Пританеона».

Головы на ячейках табло зашевелились — все искали глазами одно лицо среди десяти тысяч.

«Я хотел бы продолжить выступление. Прошу председателя предоставить мне слово...»

«Уступаю вам слово!» — с вызовом выкрикнула амаранта Джасинты.

На центральном экране появилось лицо Кудеяра. Десять тысяч пар внимательных глаз изучали его строгие черты.

«Семь лет тому назад, — начал Кудеяр, — меня отдали в руки палачей и несправедливо признали виновным в преступлении, которого я не совершал, так как всего лишь защищал свою жизнь от нападения. Мне удивительно повезло — только благодаря удаче я обращаюсь к вам сегодня с протестом. Прошу конклав амарантов отменить приказ о моем аресте, признать допущенную ошибку и объявить меня снова действительным членом Общества».

Амарант Роланда Зигмонта произнес голосом человека, выполняющего тягостный долг: «Приглашаю конклав принять или отвергнуть последнее предложение».

Послышался гневный возглас: «Ты — Чудовище! Мы никогда тебе не подчинимся!»

Кудеяр сдержанно сказал: «Я требую принятия резолюции на основе результатов голосования».

Центральный индикатор загорелся красным светом оттенка тлеющих углей.

«Вы отвергли мое предложение, — констатировал Кудеяр. — Могу ли я поинтересоваться — господин председатель, я обращаюсь к вам! — на каких основаниях было отвергнуто мое предложение?»

«Я могу только догадываться о побуждениях Общества, — пробормотал амарант Роланда. — По всей видимости, мы считаем, что ваши методы достойны осуждения. Вас обвиняют даже если не в преступлении, то в нарушении установленного порядка вещей. Нас раздражает ваш агрессивный подход. Мы считаем, что ваш характер не соответствует критериям, применяемым в отношении членов Общества Амарантов».

«Мой характер, — сдержанно возразил Кудеяр, — так же не имеет значения, как и характер любого другого амаранта. Я — амарант Грэйвена Кудесника, и я требую признания моего статуса».

Председатель передал слово амаранте Джасинты Мартин. Та спросила: «Вы зарегистрировались в Актуарии как Гэйвин Кудеяр, не так ли?»

«Верно. В сложившихся обстоятельствах я не могу поступить иначе, так как...»

«Таков ваш действительный в настоящее время юридический статус. Вы сами подтвердили, что амарант Грэйвена больше не существует. Вы — Гэйвин Кудеяр, состоящий в расплоде».

«Я зарегистрировался как Гэйвин Кудеяр, реликт Кудесника. Так указано в записях Актуария. Тем не менее, я фактически являюсь первоначальным амарантом Грэйвена Кудесника, в связи с чем имею право на те прерогативы, какими пользовался бы сам Грэйвен. В этом нет никакого противоречия».

Амаранта Джасинты рассмеялась: «Пусть амарант Роланда ответит на это утверждение. Он лучше меня разбирается в юридических тонкостях».

Председатель сухо произнес: «Заявление господина Гэйвина Кудеяра не соответствует действительности. К тому времени, когда амарант Кудесника был осужден, он существовал всего лишь в течение двух лет. У него не было никакой возможности привести суррогатов в состояние полной эмпатии».

«Так оно и есть, — отозвался Кудеяр. — Тем не менее, рассматривая любой аспект существования амаранта Грэйвена Кудесника, вы не найдете никакого нарушения непрерывности сознания. Вы подтвердили, что я — суррогат Кудесника. Следовательно, я требую, чтобы меня признали в качестве нового Грэйвена Кудесника».

Амарант Роланда явно чувствовал себя неудобно: «Я не могу удовлетворить ваше требование. Вполне может быть, что вы — реликт амаранта Кудесника, но идентифицировать вас с ним в качестве суррогата невозможно».

Так как спор продолжался между Кудеяром и председателем Общества, их лица заняли половины центрального экрана фасетчатого табло.

«Но разве вы не противоречите своему собственному определению суррогата? — спросил Кудеяр. — Разве каждый из ваших суррогатов не идентичен вашей личности?»

«Каждый суррогат — индивидуальное лицо до тех пор, пока он не облечен

юридическими полномочиями исходного амаранта, и только после этого становится амарантом».

Некоторое время Кудеяру, по-видимому, было нечего сказать. В глазах тысяч наблюдателей он выглядел проигравшим, зашедшим в тупик.

«Значит, суррогаты являются отдельными индивидуальными лицами?»

«В сущности это так», — согласился амарант Роланда.

Кудеяр обратился ко всему Обществу: «И конклав с этим согласен?»

Табло окрасилось в ярко-синий цвет.

«Возникает впечатление, — задумчиво сказал Кудеяр, — что, подтвердив это определение, вы признаетесь в циничном, тягчайшем преступлении невероятных масштабов».

Фасетчатое табло затихло.

Кудеяр возвысил голос: «Как вам известно, я облечен определенными полномочиями. Они практически никогда не используются, но, тем не менее, вполне действительны. В отсутствие канцлера я, будучи вице-канцлером Пританеона, обвиняю Общество Амарантов, по меньшей мере в принципе, в нарушении основных законов Предела».

Амарант Роланда Зигмонта нахмурился: «Какую чепуху вы еще придумали?»

«Вы содержите совершеннолетних правомочных индивидуальных лиц в заключении, разве не так? Следовательно, в качестве полномочного исполнительного должностного лица я приказываю вам немедленно устранить это правонарушение. Вы обязаны освободить этих индивидуальных лиц сию минуту — а если вы это не сделаете, вы понесете соответствующее наказание».

Возмущенное бормотание амарантов слилось во всеобщий глухой рев. Председатель воскликнул срывающимся от напряжения голосом: «Вы сошли с ума!»

В помещении, откуда передавалось изображение Кудеяра, было почти темно; его лицо выглядело на экране как темная каменная маска: «Вы сами признались в преступлении. И вам придется сделать выбор. Либо суррогаты являются индивидуальными лицами, либо они идентичны исходному амаранту».

Председатель отвел глаза: «Я буду рад, если другие члены Общества прокомментируют эти бессмысленные заявления. Амарант Секстона ван Эйка?»

«Как вы справедливо заметили, эти заявления бессмысленны, — преодолев мимолетное колебание, сказал амарант Секстона ван Эйка. — Более того, они оскорбительны!»

«Несомненно», — председатель вздохнул. — «Амаранта Джасинты Мартин?» Ответа не было. На фасетчатом табло ячейка Джасинты опустела.

«Амарант Грэндона Плантагенета?»

«Я разделяю мнение Секстона ван Эйка. Слова этого преступника можно только игнорировать».

«Он не преступник, пока ему не вынесен приговор», — снова вздохнув, напомнил председатель.

«Что ему нужно? Чего он добивается? — капризно воскликнул амарант Маркуса Карсон-Си. — Откровенно говоря, я в замешательстве».

Кудеяр резко ответил: «Одно из двух: признайте меня амарантом или освободите своих суррогатов».

Наступила тишина, нарушаемая лишь редкими тихими смешками.

Амарант Роланда сказал: «Вы прекрасно понимаете, что мы никогда не выпустим

наших суррогатов. Это не более чем сумасбродная фантазия!»

«Значит, вы признаёте мое право на повторное вступление в Общество?»

Центральный индикатор голосования стал сначала оранжевым, затем красным. «Нет! Ни в коем случае!» — кричали голоса.

Кудеяр отступил на шаг от видеокамеры — лицо его внезапно осунулось: «Спорить с вами бесполезно — вы отказываетесь внимать голосу разума».

Ему ответили выкрики: «Кто ты такой, чтобы нас учить?» и «Мы не подчинимся вымогательству!»

«Предупреждаю вас: я не беспомощен! Вы подвергли меня незаконному преследованию, я провел семь лет в подполье и научился с вами бороться».

«Как вы смеете нас в чем-то обвинять? — возмутился председатель. — Преступники — не мы, преступник — амарант Грэйвена Кудесника!»

«Вы подвергли его самому жестокому наказанию за то, что в обычном суде называется «самообороной». Амарант Абеля Мондевиля похитил две жизни — своей жертвы и свою собственную. Тем не менее, его суррогатам позволили беспрепятственно существовать».

«На это я могу сказать только одно, — заметил амарант Роланда. — Амаранту Грэйвена Кудесника следовало вести себя осторожнее до завершения процесса подготовки его суррогатов».

«Я не позволю себя отвергнуть! — неожиданно страстным голосом воскликнул Кудеяр. — Я требую, чтобы мне отдали то, что мне принадлежит по праву! Если вы откажетесь, я отвечу вам так же жестоко, как вы обошлись со мной!»

Лица на мозаике табло удивленно зашевелились. Амарант Роланда произнес почти примирительным тоном: «Если хотите, мы пересмотрим ваше дело, хотя я сомневаюсь...»

«Нет! Либо я воздержусь от использования своих возможностей, либо я ими воспользуюсь с целью возмездия, здесь и сейчас! Выбор зависит от вас».

«О каких возможностях вы говорите? Что вы можете сделать?»

«Я могу освободить ваших суррогатов, — лицо Кудеяра смотрело на амарантов с мрачной усмешкой. — По сути дела, их уже освобождают сию минуту, так как я был уверен в том, что вы не уступите. И этот процесс не прекратится, пока вы не предоставите мне мои права — или до тех пор, пока не будут освобождены все суррогаты всех амарантов!»

Конклав ошеломленно молчал. Фасетчатое табло замерло.

Амарант Роланда неуверенно рассмеялся: «Нет никаких причин для беспокойства. Этот человек, кто бы он ни был — Гэйвин Кудеяр или амарант Кудесника — не имеет представления о том, где находятся наши кельи. Его угрозы — пустая болтовня».

Кудеяр поднял лист бумаги: «Вот адреса уже освобожденных суррогатов». Он прочел:

«Амаранта Барбары Бенбо,

адрес кельи: 1513, микрорайон Энглси.

Амарант Альбера Пондиферри,

адрес кельи: квартира 20153, Небесная Гавань.

Амарант Майдала Харди,

адрес кельи: усадьба Клодекс-Чандери, Вибльсайд.

Амаранта Карлотты Миптин,

адрес кельи: ферма «Дубовая роща»

в округе Пяти Углов».

Фасетчатое табло огласилось потрясенными вздохами. Маленькие головы в ячейках поворачивались из стороны в сторону — амаранты спорили. Одни считали, что им следовало оставаться дома, другие — что нужно было спешить туда, где хранились их суррогаты.

«Если вы покинете конклав, это ничему не поможет, — объяснил Кудеяр. — Сегодня вечером будут открыты только примерно четыреста келий. Это делается уже сейчас, и процесс завершится прежде, чем станет возможным какое-либо вмешательство. Завтра будут открыты еще четыреста келий — суррогатов выпустят в город. И это будет продолжаться каждый день. Так что же? Вы восстановите меня в правах? Или мне придется наводнить город вашими двойниками?»

Лицо амаранта Роланда побледнело и осунулось: «Мы не можем нарушать законы Предела».

«Я не прошу вас нарушать законы. Я — амарант. Я требую признания моего статуса».

«На это уйдет какое-то время».

«У меня нет времени. Решение должно быть принято сейчас».

«Я не могу принимать решения от имени всего Общества».

«Проведите голосование!»

Председатель повернулся, услышав зуммер коммуникационного экрана, исчез из поля зрения видеокамеры и через некоторое время появился снова — явно ошеломленный: «Это правда! Они взламывают кельи, суррогаты выходят наружу, эмпатия прерывается!»

«Отдайте то, что мне принадлежит по праву!»

«Пусть Общество голосует!» — провозгласил амарант Роланда.

На мозаичном табло один за другим стали загораться огоньки: понемногу, неуверенно, но все чаще и чаще. Центральный индикатор окрасился сначала в зеленый цвет, затем в желтый, в оранжевый, снова в зеленый и, наконец, стал сине-зеленым.

«Вы победили», — упавшим голосом заключил председатель.

«Так что же?»

«Рассматривайте мои слова в качестве официального уведомления: вы приняты в Общество Амарантов. Поздравляю, брат амарант».

«Вы отказываетесь от любых предъявленных мне обвинений в преступлениях и в преступных намерениях?»

«От имени Общества заявляю, что эти обвинения аннулированы».

Кудеяр глубоко вздохнул и проговорил в закрепленный на плече микрофон: «Приостановите выполнение операции».

Снова обращаясь к конклаву, он сказал: «Приношу извинения всем, кому я причинил неудобство. Могу сказать только то, что вам следовало справедливо обходиться со мной в

первую очередь».

«Очевидно, что безжалостное вымогательство и наглый обман позволили вам взять приступом Общество Амарантов, — неприязненно, с презрением обронил амарант Роланда. — Дело сделано. Вас приняли. Теперь нам придется пересмотреть устав, на это уйдет...»

Председателя прервал визгливо-дребезжащий звук. Десять тысяч амарантов в ужасе наблюдали за тем, как пошатнулось и упало, исчезнув с экрана, обезглавленное тело Гэйвина Кудеяра.

Вместо него на экране появилось мертвенно-бледное, оскалившееся в истерической усмешке лицо амаранты Джасинты Мартин. Она смотрела прямо в объектив широко раскрытыми глазами: «Он хотел справедливости? Он ее получил! Я уничтожила Чудовище. Теперь я запятнана кровью Гэйвина Кудеяра. Вы меня больше не увидите!»

«Подождите, подождите! — закричал аватар Роланда. — Где вы?»

«У Анастасии, где еще? Где еще он нашел бы свободное место в конклаве?»

«Подождите — я скоро приеду!»

«Можете не торопиться. В любом случае вы найдете здесь только труп Чудовища!»

Амаранта Джасинты выбежала на посадочную площадку, где ее ждал серебристый спортивный аэромобиль «Звездный блеск». Как только она прыгнула в кабину, машина с ревом вознеслась высоко в темное небо. Внизу, вдоль широкой реки, рассеялись на север и на юг мерцающие огни Кларджеса.

«Звездный блеск» достиг вершины параболы; двигатель выключился — машина со свистом падала в реку, все круче и все быстрее.

В кабине, отпустив штурвал, неподвижно сидела женщина с горящими глазами. Кларджес — ее любимый Кларджес! — поднимался ей навстречу; она успела заметить дрожащие бледные дорожки отражений на черной маслянистой поверхности реки.

XIX

В городе наступило необычное затишье. В утренних выпусках новостей очень осторожно упоминалось о событиях предыдущего вечера — журналисты и репортеры не были уверены в том, какую позицию им следовало занять. Население продолжало прилежно заботиться о «подъеме», получив лишь смутное представление о дерзких махинациях Гэйвина Кудеяра.

Среди амарантов, однако, имя Кудеяра вызывало сильные чувства, так как по мере того, как он выступал и спорил на конклаве, взлом первых упомянутых им келий был завершен. Его наемные агенты вскрыли четыреста склепов, антресолей, укрепленных бункеров, погребов, потайных камер и устроенных за городом неприметных коттеджей — вломившись туда, бербары с удивлением разглядывали обнаженные тела двойников, покоившихся в обитых мягким материалом, окруженных сложным оборудованием глубоких ваннах. Первоначальное замешательство, однако, вскоре сменялось злорадным удовлетворением. Бербары вытаскивали суррогатов из ванн и выводили их наружу, под ночное небо — тысяча семьсот шестьдесят два «рожденных заново» амаранта очутились в беспощадном мире реальности.

Впоследствии многие амаранты утверждали, что они почувствовали происходящее сразу, как только послышались удары кувалд, ломавших стены и решетки — настолько сильна была их эмпатическая связь с суррогатами. Они страдали, мучительно и долго. Теперь они ощущали себя беззащитными, привычный обмен мыслями и впечатлениями прервался, все их усилия, направленные на то, чтобы сотворить запасные жизни, оказались напрасными: эмпатии больше не было. Отныне вечность их бытия висела на волоске.

Страх четырехсот амарантов, чье существование теперь могло быть прервано любым несчастным случаем, был невротически преувеличен. Они заперлись в изолированных, оснащенных всевозможными средствами защиты и сигнализации убежищах, покрываясь холодным потом и ни за что не соглашаясь выходить наружу — что, если за углом поджидает кровожадный маньяк? Что, если на голову свалится неисправный аэромобиль? Что тогда?

Совет Трибунов собрался, чтобы рассмотреть возникшую ситуацию, но на вопросы представителей прессы трибуны отвечали расплывчатыми, ничего не значащими отговорками.

Канцлер Аймиш выступил с заявлением, отрицая какое-либо свое участие в замыслах Кудеяра. Он подчеркнул то обстоятельство, что Кудеяр, называя себя вице-канцлером, использовал этот титул ненадлежащим образом и к тому времени уже никак не мог занимать официальную должность.

Общественность впитала, наконец, сущность этих новостей и начала реагировать. Одних беспокоило грубое нарушение традиций, другие тихонько радовались происходящему. Кудеяра называли то мучеником, то преступником, подвергнутым заслуженной казни. Лишь немногие были способны сосредоточиться на работе. Тысячи горожан бесконечно обсуждали странный поворот событий. К чему все это могло привести? Проходили часы и дни. Кларджес ждал. 2

Винсент Роднэйв тоже сыграл свою роль в событиях знаменательного вечера. Он вылетел на арендованном аэромобиле в район Суверенных Предгорий, в шестидесяти километрах к северу от Кларджеса, и приземлился около небольшой одинокой виллы. Приложив немалые усилия, ему удалось взломать входную дверь, а затем проникнуть в центральную камеру.

В выложенных синим атласом ваннах лежали три копии амаранты Анастасии де Фанкур — три запасных суррогата, выращенных из клеток первоначальной Анастасии. Их затененные полупрозрачными козырьками глаза были закрыты — они покоились в трансе, одинаковые во всех деталях, вплоть до завитков коротко подстриженных темных волос.

Не в силах справиться с нахлынувшими на него эмоциями, Винсент наклонился над одним из обнаженных тел и принялся ласкать его дрожащими руками. Амаранта Анастасии, к которой прикоснулся Роднэйв, проснулась. Вместе с ней проснулись две другие.

Они вскрикнули от неожиданности. Охваченные стыдом и замешательством, они смотрели по сторонам, пытаясь найти какое-нибудь покрывало.

«Существование амаранты Анастасии закончилось, — сообщил им Роднэйв. — Кто из вас старшая?»

«Я! — откликнулась одна; в этот момент три отпечатка сознания внезапно стали одной

личностью и двумя отпечатками. — Я — амаранта Анастасии». Она повернулась к своим копиям: «Вернитесь в свои ложа, а я продолжу нашу жизнь».

«Вам всем придется отсюда выйти», — сообщил им Роднэйв.

Амаранта Анастасии удивленно покачала головой: «Это неправильно!»

«Таково положение вещей», — заверил ее Роднэйв и нетерпеливо прибавил: «С тех пор, как покойная Анастасия посетила вас в последний раз, она вышла за меня замуж. Теперь ты — моя жена».

Новая Анастасия и две ее копии с любопытством разглядывали его.

«Не совсем понимаю, — сказала новая Анастасия. — Ваше лицо кажется знакомым. Как вас зовут?»

«Винсент Роднэйв».

«А! Теперь я припоминаю. Мы о вас слышали, — она пожала плечами и рассмеялась. — Я много раз делала самые странные вещи. Может быть, я действительно вышла за вас замуж. Но это маловероятно».

Она уже вживалась в роль знаменитой исполнительницы пантомим — так, словно сознание ее погибшей предшественницы, витавшее в воздухе, вселялось в ее тело.

«Пойдем!» — приказал Роднэйв.

«Но все мы не можем отсюда выйти! — возразила амаранта Анастасии. — Эмпатия нарушится».

«Вам придется выйти, — настаивал Роднэйв. — Если потребуется, мне придется вытолкать вас насильно».

Все три Анастасии потихоньку отодвигались от него, продолжая следить за ним краем глаза.

«Это неслыханно! — сказала старшая. — Что случилось с прежней Анастасией?»

«Ревнивый любовник нанес ей необратимый насильственный ущерб».

«Мерзавец Абель, не иначе!»

Роднэйв отозвался нетерпеливым жестом: «Все мы должны отсюда уйти».

«Но если мы все отсюда уйдем, — возразила старшая из трех, — на свете будут три Анастасии! Две другие накопили тот же опыт, что и я. По сути дела, они ничем от меня не отличаются».

«Одна из вас может стать амарантой Анастасии, по вашему усмотрению. Вторая станет моей женой. Третья может делать все, что захочет».

В глазах всех трех Анастасий появилась презрительная решимость, не льстившая самолюбию Роднэйва. Старшая произнесла: «Мы не желаем удовлетворять ваши прихоти. Если бракосочетание действительно состоялось, брак будет аннулирован. Если другой возможности нет, мы все выйдем из кельи. Но после этого никто не будет нам приказывать».

Лицо Винсента Роднэйва стало серым от злости: «Одна из вас пойдет со мной! Так что решайте — кто из вас?»

«Не я!» «Не я!» «Не я! — почти одновременно, с одинаковой интонацией произнесли три девушки.

«Но вы не можете не придавать значения нашему супружеству!»

«Еще как можем! Нет ничего проще. Уходите, нам противно к вам прикасаться».

Роднэйв сдавленно выкрикнул: «Все амаранты и все их двойники и суррогаты должны покинуть свои кельи! Таково новое постановление!»

«Чепуха!» «Чепуха!» «Чепуха!»

Винсент Роднэйв шагнул вперед и влепил пощечину одной из Анастасий. Развернувшись на каблуках, он промаршировал к аэромобиллю и улетел обратно в Кларджес.

3

С тех пор, как амаранта Джасинты Мартин привлекла его внимание к делу Гэйвине Кудеяра, амарант Роланда Зигмонта не знал покоя, разрываемый противоречивыми побуждениями и сомнениями.

Амарант Роланда, входивший когда-то в состав первоначальной группы исследователей из Института Всемирного Союза, был очень стар. Человек легкого и хрупкого телосложения с чуть впалыми щеками, тонким носом и удлиненным подбородком, сероглазый, с тонкими золотистыми волосами, он смягчился с возрастом и не разделял страстную ненависть амаранты Джасинты. После апокалиптического конклава, мучительного для всех его участников, он почувствовал облегчение, будучи уверен в том, что худшее осталось позади.

На протяжении следующих нескольких дней, однако, ему пришлось иметь дело с последствиями пережитых неприятностей и огорчений. Самую серьезную проблему создавали тысяча семьсот шестьдесят два суррогата: какой статус следовало предоставить этим новым гражданам? Теперь существовали четыре или пять версий каждого из четырехсот амарантов, чьи кельи были взломаны бербарами — с одинаковыми мировоззрениями, опытом и надеждами на будущее. Каждый суррогат имел полное право рассматривать себя как амаранта и пользоваться всеми соответствующими привилегиями и прерогативами. Короче говоря, возникла исключительно неудобная ситуация.

Вопрос этот обсуждался на самой бурной сессии Верховного совета из всех, какие помнил амарант Роланда, и был решен единственным возможным способом: все освобожденные суррогаты, тысяча семьсот шестьдесят два человека, были объявлены полноправными членами Общества Амарантов.

После того, как было принято это решение, неизбежно пришлось вспомнить о Гэйвине Кудеяре. Амарант Карла Фергюса — один из тех, чьи суррогаты вышли на свободу — горько жаловался: «Просто казнить этого человека было недостаточно. Его следовало воскресить и подвергнуть пыткам кочевников, снова воскресить и снова пытаться, и в третий раз!»

Потеряв терпение, амарант Роланда резко оборвал эти стенания: «Вы закатываете истерику! Нельзя рассматривать все происходящее исключительно в собственных интересах!»

Амарант Карла набычился: «Вы защищаете Чудовище?»

«Я всего лишь обращаю внимание на тот факт, что Кудеяра провоцировали, неотступно подвергая его преследованиям, — холодно ответил амарант Роланда, — и что он сопротивлялся, пользуясь доступными ему средствами».

В зале заседаний совета наступила напряженная тишина. Вице-председатель, амарант Олафа Мэйбоу, примирительно сказал: «Так или иначе, можно считать, что этот инцидент остался в прошлом».

«Только не для меня! — взревел амарант Карла Фергюса. — Амаранту Роланда легко изображать из себя самодовольного святошу — его суррогаты все еще надежно заключены в келье. Всему виной его некомпетентность! Если бы он не был настолько осторожен и нерешителен...»

Нервы амаранта Роланда и до того были напряжены до предела, и обвинение Фергюса уязвило его настолько, что он потерял контроль над собой. Вскочив на ноги, он схватил амаранта Карла за отвороты пиджака и отшвырнул его. Тот ударился спиной об стену и набросился на председателя с кулаками. Роланд и Карл подрались — другим членам совета пришлось их разнимать.

Совещание превратилось в гневную перепалку непримиримых фракций. Амарант Роланда вернулся к себе в квартиру, надеясь успокоить и освежить себя массажем и горячей ванной, а затем хорошенько выспаться. Но его ожидал наихудший шок этого беспокойного вечера. Когда он прибыл, в фойе его ждал человек.

Амарант Роланда оцепенел и хрипло прошептал: «Гэйвин Кудеяр!»

Кудеяр, сидевший в кресле, поднялся на ноги: «Амарант Гэйвина Кудеяра, к вашим услугам».

«Но... вас уничтожили!»

Кудеяр пожал плечами: «Я знаю о том, что произошло, но только из газетных сообщений».

«Но...»

«Что вас так удивляет? — с некоторым раздражением спросил Кудеяр. — Вы забыли о том, что я — амарант Грэйвена Кудесника?»

Амаранта Роланда озарило: «Вы — старший из суррогатов, подготовленных Грэйвеном!»

«Разумеется. У Гэйвина Кудеяра было достаточно времени — семь лет — на то, чтобы обеспечить эмпатию».

Амарант Роланда устало опустился в кресло: «Почему я не догадался раньше?» Растирая виски пальцами, он бормотал: «Какая невероятная ситуация! Что нам делать?»

Кудеяр поднял брови: «Что за вопрос? Вы прекрасно знаете, что вам делать».

Амарант Роланда вздохнул: «Да. Спорить мы больше не будем. Вы победили и получите свой приз. Заходите!» Он прошел в свой кабинет, раскрыл большую древнюю учетную книгу, лежавшую на отдельном столе, обмакнул старомодное перо в чернильницу и начертал в ведомости четкими лиловыми буквами: «ГЭЙВИН КУДЕЯР».

Председатель Общества Амарантов захлопнул ведомость: «Вот. Дело сделано. Вы зарегистрированы. Завтра будет отлит ваш бронзовый медальон. Так как вы прошли необходимые процедуры, дальнейшие формальности не предвидятся». Смерив Кудеяра взглядом с головы до ног, он прибавил: «Не буду рассыпаться в притворных поздравлениях, так как не испытываю к вам никакого сочувствия. Тем не менее, могу предложить вам стопку коньяку».

«С удовольствием что-нибудь выпью».

Двое пригубили коньяк в молчании. Амарант Роланда немного расслабился. «Вы добились своего, — сказал он так, словно говорил о какой-то тягостной катастрофе. — Вы — амарант, перед вами вечная жизнь. Вы приобрели сокровище, — он покачал головой, — но какой ценой! Четыреста амарантов теперь вынуждены прятаться в убежищах, культивируя новых суррогатов и мало-помалу восстанавливая эмпатическую связь. Тем временем некоторые из них могут погибнуть — и, в отсутствие готовых суррогатов, исчезнуть в бездне небытия. Их угасшие жизни будут на вашей совести».

Кудеяр не выразил никаких сожалений: «Вы могли предотвратить все эти неприятности семь лет тому назад».

«Дело не в этом».

«Возможно. Так или иначе, продвижение из одной филы в другую всегда достигается за счет чьей-то жизни. В этом отношении я еще относительно безвреден. Моими жертвами могут стать два или три случайно погибших амаранта, тогда как любой другой амарант узурпировал жизни двух тысяч человек».

Амарант Роланда Зигмонта горько рассмеялся: «Неужели вы считаете, что вы не заплатили жизнями тысяч людей за свою вечную жизнь? Актуарий обеспечит соблюдение квоты — вы продвинулись за счет самых успешных кандидатов и всех, кто следует по их пятам!» Он бессильно воздел руки к потолку: «Не будем заниматься вздорными спорами. Вы — амарант, но не ожидайте, что теперь Общество будет таким же избранным, как раньше, что ваши возможности и прерогативы будут такими же всесторонними и впечатляющими, как некогда».

«Почему?»

«Каждый из тысячи семисот шестидесяти двух суррогатов имеет право на статус амаранта и получил этот статус».

Кудеяр презрительно крикнул: «Как нежно и внимательно вы заботитесь только о себе и о своих! Каковы же нынче квоты Актуария?»

Амарант Роланда начал было говорить, но нахмурился и нерешительно промолчал. В конце концов он сказал: «Мы можем делать только то, что считаем правильным».

Кудеяр поднялся на ноги: «Позвольте мне пожелать вам спокойной ночи».

«Спокойной ночи!» — отозвался амарант Роланда.

Кудеяр вышел на посадочную площадку, где он оставил арендованный аэромобиль, и поднялся высоко в воздух, гораздо выше обычных коридоров воздушного движения. Под ним распростерся Кларджес, кишачий жизнью древний город — богатый, странный, разнообразный.

«Что теперь?» — думал Кудеяр. У него было время отдохнуть — может быть, в холмах над Старым Фортом — и поразмышлять над дальнейшими планами. Спешки, подозрений, преследований, опасностей больше не было. Он громко рассмеялся. Он стал амарантом Гэйвина Кудеяра, будущее открывалось перед ним, как дорога без конца, ведущая в туман неизвестности. Больше не нужно было ежеминутно напрягаться, решать задачи, преодолевать препятствия... Больше не нужны были замыслы и махинации, больше не нужно было бросать вызов судьбе. «Кроме того, — с язвительной насмешкой над собой подумал он, — больше не будет ни с чем не сравнимого ощущения торжества, возможного только тогда, когда махинации и замыслы приводят к успеху».

Тем не менее, Кудеяра не покидало смутное беспокойство. Да, он победил. Да, он получил награду. Но чего, на самом деле, стоила эта награда? Чего стоила вся существующая система, если амарант не мог отчаянно дерзать, стремясь к вершинам славы — в отличие от других, старательно избегавших риска, неизбежно сопутствующего неповторимым достижениям? Амарант был так же труслив, как гларки, и так же неблагороден.

Кудеяр вспомнил о звездолете «Отважный» — теперь его, наверное, уже заправили и приготовили к полету в бесконечную ночь космоса. Может быть, стоило навестить космопорт в Эльгенбурге и нанести визит Райнхольду Бибюрссону.

Амарант Роланда Зигмонта провел еще один суматошный день в Верховном совете, но ему удалось освободиться перед ужином.

Он ел в одиночестве, благодарный возможности находиться в тишине и покое, и просматривал ежедневные газеты.

Журналисты возбужденно обсуждали появление нового Гэйвина Кудеяра, но выражались осторожно, не переходя на личности.

В передовице «Широковещателя», популистской сводки новостей, как правило отражавшей интересы гларков и расплода, содержались следующие рассуждения:

«Как известно нашим читателям, редакция «Широковещателя» никогда не придает значения подразделению на филы, никогда не уделяет особое внимание какой-либо отдельной филе и не подвергает критике какую-либо конкретную филу. Тем не менее, нас беспокоит решение Общества Амарантов, относящееся к 1762 суррогатам, выпущенным на свободу в связи с шантажом со стороны Гэйвина Кудеяра.

Невозможно не признать, что эти суррогаты, будучи идентичными двойниками соответствующих амарантов, являются в этом смысле личностями, тождественными их создателям и располагающими теми же правами, что и первоначальные амаранты.

И все же, прибавление 1762 человек к популяции амарантов, то есть увеличение численности Общества на 17,62 %, пропорционально обременит производственные мощности Предела. Поразительно, что каждый амарант, располагая неограниченным количеством времени и возможностями накопления несметных богатств, потребляет в десять, а то и в сто раз больше продукции и услуг, чем типичный представитель расплода.

Мы считаем, что Общество могло поддержать свою высокую репутацию и оправдать доверие общественности, регистрируя суррогатов в расплоде. Принятое решение — не что иное, как фаворитизм и предоставление самим себе особых привилегий».

Амарант Роланда кисло улыбнулся и уделил внимание «Вестнику» — газете, главным образом выразившей взгляды верхних фил:

«Город полнится возмущенными кривотолками, на наш взгляд несколько не оправданными источником всех этих треволнений, а именно официальной регистрацией 1762 преждевременно и насильственно освобожденных суррогатов в качестве членов Общества Амарантов.

Мы согласны с тем, что сложилась в высшей степени неудобное положение вещей, на как еще могли быть соблюдены принципы справедливости? Несомненно, что индивидуальные лица, о которых идет речь, не покинули свои кельи по собственной воле. Каждое из них — идентичный двойник амаранта, и было бы жестоко подвергнуть этих суррогатов превратностям судьбы, неизбежно угрожающим представителям нижестоящих фил.

Мы призываем всех найти наилучший выход из этой вызывающей тревогу ситуации, смириться с нашими потерями и сделать все возможное для того, чтобы ничто подобное не могло случиться снова.

Как население Кларджеса относится к новому Гэйвину Кудеяру? Трудно сказать наверняка. Пульс нашего общества еще никогда не был таким неровным и случайным. Большинство, по всей видимости, возмущено политикой Общества в связи с официальной регистрацией 1762 новых амарантов. Но мнения горожан Кларджеса никогда нельзя было угадать с уверенностью, и эта неопределенность никогда еще не была очевиднее, чем сегодня».

Рядом было опубликовано краткое сообщение — амарант Роланда не придавал ему особого значения:

«Сегодня утром распечатка отчетов Актуарием временно приостановлена в связи с обработкой большого количества новой информации».

Вечером того же дня амарант Роланда должен был принять участие в торжестве в качестве почетного гостя и никак не мог избежать этой обязанности. Он надеялся появиться на приеме и вскоре откланяться, но возможность вернуться домой представилась ему только в полночь.

Снова у себя в квартире, он открыл окно. Выдалась ясная холодная ночь. Он взглянул в небо, на бледную полную луну.

«Худшее позади», — уверял он себя. Труднейшие решения были приняты, оставались недоработанными только детали. Предстоящая работа была тягостной и раздражающей, но ее можно было поручить другим. Он снова почувствовал облегчение и успокоился.

В этот поздний час в городе было тихо и темно. Амарант Роланда зевнул, отвернулся от окна и прилег на диван.

Луна скрылась за силуэтами небоскребов, ночь прошла, мрак растворился в лучах рассвета, вошло Солнце.

Амарант Роланда спал.

Прошли еще несколько часов. Наконец амарант Роланда пошевелился и проснулся. Его разбудил странный шум — некоторое время он лежал, пытаясь определить происхождение шума. Судя по всему, звук этот, напоминавший бурление стремительного глубокого потока, доносился из открытого окна.

Он поднялся и подошел к окну. Улица была наполнена людьми — плотной толпой, теснившейся плечом к плечу. Толпа медленно двигалась в направлении площади Эстергази.

Прозвучал зуммер телефонного экрана. Амарант Роланда ошеломленно отвернулся от окна, как человек, все еще не очнувшийся от дурного сна. На экране появилось лицо амаранта Олафа Мэйбоу, вице-председателя Общества.

«Роланд! — возбужденно произнес Олаф. — Вы видите, что происходит? Что нам делать?»

Амарант Роланда погладил подбородок: «На улице толпа. Вы это имеете в виду?»

«Толпа? — резко переспросил амарант Олафа. — Весь город охвачен яростью! Это революция!»

«Но почему? По какому поводу?»

«Разве вы не читали утренние новости?»

«Я только что проснулся».

«Взгляните на заголовки».

Амарант Роланда прикоснулся к кнопке; на другом, настенном экране появилась сводка

новостей. «Во имя всего вечного и непреложного!» — пробормотал он.

«Вот именно».

Председатель Общества молчал.

«Так что же нам делать?» — настаивал вице-председатель.

Амарант Роланда размышлял. Наконец он сказал: «Надо полагать, придется что-то сделать».

«Надо полагать».

«Хотя этот вопрос выходит за рамки нашей компетенции».

«Тем не менее, необходимо что-то предпринять. Мы несем ответственность за происходящее».

«Случилось что-то непоправимое, — тихо произнес амарант Роланда. — Мы не справились. Человечество не справилось».

Амарант Олафа раздраженно прервал его бормотание: «Не время говорить о провале! Кто-то должен выступить с заявлением! Кто-то должен взять управление в свои руки!»

«Гм! — председатель Общества поморщился. — Старый добрый канцлер мог бы доказать, наконец, свою полезность».

Амарант Олафа презрительно крикнул: «Клод Аймиш? Смехотворно! Кто, кроме нас, может восстановить спокойствие?»

«Но я не могу действовать вопреки Актуарию! И тем более не могу собственноручно зарегистрировать тысячу семьсот шестьдесят двух полноправных амарантов в расплоде!»

Вице-председатель кричал: «Но вы должны что-то предпринять!»

Амарант Роланда выпрямился во весь рост: «Хорошо. Я выйду и выступлю перед ними. Я порекомендую здравый смысл, терпение...»

«Вас разорвут на куски!»

«Что ж, пожалуй, я на стану призывать толпу к спокойствию. Через некоторое время они сами устанут от волнений и вернутся к прежнему образу жизни».

«Как они смогут успокоиться, если продвижение по филам потеряет всякое значение?»

Амарант Роланда откинулся на спинку стула: «Ни вы, ни я — ни кто-либо другой — не можем контролировать эту ситуацию. Я чувствую происходящее, я знаю, что чувствуют эти люди — там, снаружи. Напряжение накапливалось, как вода перед плотиной. Плотины прорвало. Вода должна вылиться, и тогда восстановится ее естественный уровень».

«Но... вы представляете, что они сделают?»

«Кто знает? Так или иначе, если вы собираетесь выйти на улицу, советую иметь при себе оружие».

«Вы говорите о гражданах Предела так, как если бы они были варварами!»

«Мы и варвары — одной крови. Сто тысяч лет наши кровожадные предки охотились друг на друга, и только несколько веков отделяют Кларджес от кошмара предшествующей истории».

Два амаранта обреченно смотрели друг на друга — и оба вздрогнули, когда рев толпы внезапно стал гораздо громче. 2

События, вызвавшие безудержное возмущение толп на улицах Кларджеса, стали кульминацией процесса, начавшегося с промышленной революции восемнадцатого века и

последовавшего через два столетия предотвращения массовых эпидемий; развитие науки и техники, позволившее улучшить условия жизни и снизить уровень смертности, постепенно привели к Мальтузианскому Хаосу и к установлению нового режима — режима Золотого Века — в Кларджесе и в окружающем его Пределе. Все эти перемены можно было рассматривать как предопределенные, неизбежные последствия зарождения цивилизации еще в глубокой древности. Непосредственной причиной катастрофы, однако, стало увеличение численности Общества Амарантов, принявшего в свои ряды тысячу семьсот шестьдесят двух новых членов.

Соответствующая информация была закодирована и обработана вычислительными машинами Актуария. Даже персонал самого Актуария был потрясен результатом. Пропорциональные соотношения численностей различных фил были зафиксированы согласно формуле, позволявшей поддерживать совокупную продолжительность жизни граждан Предела, в расчете на тысячу человек, на постоянном уровне. В целях практического применения этой формулы когда-то давно среднюю продолжительность жизни амаранта приравнивали — без каких-либо фактических оснований — трем тысячам лет, а численность пяти фил поддерживалась примерно в пропорции 1:40:200:600:1200.

Вхождение тысячи семисот шестидесяти двух суррогатов в филу амарантов нарушило установившееся равновесие, сократив ожидаемую продолжительность жизни представителя расплода примерно на четыре месяца; другие филы тоже пострадали, хотя и в меньшей степени.

Немедленным следствием такого перерасчета стало получение палачами новых инструкций, предписывавших им посетить множество граждан, чьи линии жизни приблизились к прежней вертикальной границе терминатора на менее чем четыре месяца.

В некоторых случаях эти граждане ожидали, что в ближайшее время они прорвутся в следующую филу — но перемещение терминатора на четыре месяца назад лишило их этой возможности.

Именно эти люди стали протестовать первыми. Они бешено сопротивлялись — палачей выбрасывали из окон и с балконов. В некоторых районах возбуждение уже достигло опасного предела, когда в новостях появились подробные сообщения о последствиях последней «коррекции».

Реакция не заставила себя ждать. Население Кларджеса наводнило улицы. Никого больше не беспокоил «подъем» — если самый напряженный, самый прилежный труд человека, зарегистрированного в расплоде, был вознагражден только тем, что у него отняли четыре месяца жизни, зачем было прилагать дальнейшие усилия? И почему бы не послать к чертовой матери всю систему «подъема», раз и навсегда?

Многие не примкнули к восстанию просто потому, что они лежали в безнадежной прострации, глядя в потолок, и остались в своих квартирах. Тысячи других отбросили любые соображения, заставлявшие их сдерживаться; слово «ответственность» стало для них пустым звуком. Они кричали, они рыдали в толпе, хлынувшей к площади Эстергази.

Дворик перед Актуарием был плотно набит людьми. Лица выделялись на тусклом фоне дешевой рабочей одежды, как конфетти, плавающие в темной луже. Время от времени кто-нибудь из протестующих забирался на парапет, чтобы обратиться к другим, но его голос едва выделялся на фоне низкого рева тысяч голосов. Лица поворачивались из стороны в сторону, человеческая масса постоянно шевелилась, каждый что-то выкрикивал, чего-то требовал.

Над Актуарием появился аэромобиль, опустившийся на крышу. Из машины вышел и

осторожно приблизился к краю здания один человек — амарант Роланда Зигмонта, председатель Общества Амарантов. Он начал говорить, пользуясь рупором-усилителем, и его голос прогремел над двориком и над площадью Эстергази.

Толпа, однако, не прислушивалась к его словам — люди реагировали главным образом на наставительно-строгие интонации его голоса, и напряжение только возросло.

По площади, то приливая вперед, то откатываясь назад, пронеслась волна глухого бормотания: «Это Роланд Зигмонт! Амарант Роланд Зигмонт, председатель Общества!»

Бормотание становилось все громче, превращаясь в непрерывный яростный рев. Амарант Роланда ошибся в выборе трибуны: фигура председателя Общества Амарантов, гордо возвысившаяся над зданием Актуария, в глазах толпы символизировала несправедливое унижение, которому амаранты подвергли нижестоящие филы.

Кто-то из стоявших на площади бешено выкрикнул оскорбление. Над толпой пронесся любопытный звук, напоминавший глубокий вздох. Завопил еще один голос, за ним, с разных концов площади Эстергази — третий и четвертый. К этим голосам прислушивались — они звонко разнеслись по всему пространству между Актуарием и выходящими на площадь улицами. Люди, двигавшиеся по этим улицам, застыли и возбужденно дрожали, приоткрыв рты.

Весь город огласился воплями: Кларджес кричал. Никогда еще, никто на Земле не слышал подобный многомиллионный крик. Опустив плечи, на крыше Актуария стоял ошеломленный амарант Роланда.

Он снова попытался говорить, но его голос потонул в шторме оскорблений и угроз. Он смотрел, как замороженный, на толпу, тянущую к нему руки со скрюченными, хватающими воздух пальцами.

Толпа дернулась вперед, к Актуарию.

Навстречу, умоляюще поднимая руки, вышли охранники; вслед за ними из отдела связей с общественностью выбежал запыхавшийся Базиль Тинкуп, наивно призывая горожан успокоиться и соблюдать порядок. Толпа накатилась на них и подмяла под себя: так закончилась жизнь Базиля Тинкупа.

Взбешенные горожане ворвались в священные залы Актуария. Размахивая всем, что попадалось под руку, они разбивали пульта управления и давили сапогами delicate микросхемы. Искрились разряды, дымилась изоляция, компоненты взрывались. Огромный механизм умирал в судорогах, как человек с поврежденным мозгом.

Снаружи, на площади, люди толкались и отпихивали друг друга, торопясь добраться до Актуария и принять участие в погроме. Упавшие погибали без звука, причем лица раздавленных были спокойны, как если бы их освободили наконец от ужасной обязанности свидетельствовать будущее. По их телам ко входу в Актуарий маршировали тысячи других.

Плечом к плечу, с сосредоточенно-серьезными лицами, они прорывались через порталы, рыская глазами по сторонам, страдая от жажды разрушения. Несколько человек выбежали на площадку, перед которой висела Клеть Позора. Они раскачали клеть и сбросили ее вниз — клеть упала на головы беснующихся погромщиков, и ее тут же разломали на куски.

В бушующей массе мятежников на замечалось никаких признаков успокоения. Глядя с крыши, амарант Роланда думал, что никто, никогда в истории человечества не наблюдал такой целеустремленной, холодной ярости такого множества людей.

Амарант Олафа схватил его за руку: «Скорее, нужно бежать! Они уже на крыше!»

Двое поспешили к взлетавшему аэромобилю — но они опоздали, их схватили сзади. Вырывающихся, брыкающихся, кричащих, их подтащили к краю крыши и сбросили вниз.

Взорвалось что-то в самой глубине Актуария — высоко в небо вырвался столб пламени. Люди на крыше бегали кругами, пританцовывая, как жуки, мечущиеся в сумасшедшей панике внутри пустой бутылки, пока они не вспыхнули и не потонули в ослепительном пламени. Внутри здания погибли еще не меньше тысячи человек.

Толпа не обращала внимания на пожар и на вопли горящих заживо — все они слушали человека, взобравшегося на парапет. Это был Винсент Роднэйв — он дрожал от возбуждения, лицо его исказилось фанатической ненавистью. «Гэйвин Кудеяр! — кричал он. — Во всем виноват Гэйвин Кудеяр! Все это из-за него! Смерть Кудеяру!»

Не совсем понимая, какие слова они повторяют и почему, столпившиеся на дворике бунтари подхватили этот призыв: «Смерть Кудеяру! Смерть! Смерть! Смерть!» 3

На чрезвычайное совещание Пританеона явилась только половина законодателей, и даже эти выглядели уставшими и растерянными. Они говорили глухо и мрачно, выполняя без всякого энтузиазма только те обязанности, которые считали совершенно необходимыми.

Бертран Хельм, маршал народного ополчения, получил приказ восстановить порядок во всем городе. Каспару Джарвису и его армии палачей приказали беспрекословно подчиняться маршалу и оказывать ему всестороннее содействие.

«Как насчет Гэйвина Кудеяра?» — выкрикнул кто-то из делегатов.

«Как насчет него? — пожал плечами исполняющий обязанности председателя. — Мы ничего не можем с ним сделать». Чуть помолчав, он прибавил: «Или для него». 4

Гэйвина Кудеяра искали по всему Кларджесу. Его квартиру обыскали, разрушив все, что в ней было; дюжину прохожих, напоминавших его внешностью, стали избивать и забили бы до смерти, если бы несчастных не спасли подтвердившие их невиновность соседи и знакомые.

Кто-то стал распускать слухи о том, что Кудеяра видели в Эльгенбурге. По проспектам, ведущим на юг, маршировали отряды, ритмично горланившие нараспев древние воинственные лозунги.

Весь район Эльгенбурга обыскали дом за домом, заглядывая во все погреба и чердаки.

Рядом находился космопорт, где стоял готовый к вылету звездолет «Отважный». Его гордый металлический силуэт, высокий и блестящий, возвышался над рысущими в зимней грязи толпами.

Из всех кварталов Эльгенбурга к космопорту стянулись как местные жители, так и те, что пришли искать Кудеяра из центра. Внешне они казались спокойнее лихорадочной толпы, уничтожившей Актуарий — но, как только они встретили на своем пути ограду, к ним вернулась прежняя дикая ярость. Распевая гимны ненависти, они атаковали ворота, пользуясь металлическим столбом в качестве тарана.

Из пасмурного неба на площадку за воротами быстро спустился большой аэробус; из него вышли шесть человек, составлявших Совет Трибунов. Строго выстроившись в ряд, они

приблизилась к воротам с поднятыми руками, намереваясь увещевать толпу.

В середине шел Гай Карскадден, верховный трибун.

Толпа остановилась в нерешительности, таран со звоном упал на землю.

«Прекратите безумие! — призвал Карскадден. — Чего вы хотите? Зачем вы пришли?»

«Мы ищем Кудеяра! — послышались десятки голосов. — Выдайте нам Чудовище!»

«Почему вы ведете себя, как варвары, уничтожая имущество и нарушая законы Предела?»

В ответ раздались вызывающие выкрики: «Нет больше никаких законов!» А один голос, истерически визгливый, заявил: «Нет больше никакого Предела!»

Карскадден в отчаянии махнул рукой. Толпа снова нахлынула, и ограда обрушилась под натиском сотен тел. Мужчины и женщины с горящими глазами вырвались на космодром. Трибуны медленно отступали, поднимая руки и призывая: «Успокойтесь! Остановитесь!»

Под высоким звездолетом, печально блестящим в тусклых вечерних лучах, трибуны образовали последнюю линию обороны; толпа постепенно стягивалась вокруг них, как петля.

Карскадден снова попытался их образумить. «Стойте! — приказал он громовым голосом. — Вернитесь домой, займитесь своими делами!»

Угрюмо бормоча, бунтовщики остановились. «Кудеяр!» — выкрикнул один. «Чудовище! — откликнулся другой. — Он сожрал наши жизни!»

Карскадден придал своему голосу всю возможную убедительность и властность: «Образумьтесь! Если Кудеяр повинен в преступлениях, он за них заплатит!»

«Жизнь! Он укоротил нашу жизнь! Теперь она напрасна! Мы отомстим за украденную жизнь!»

Толпа снова двинулась вперед, напирая на трибунов со всех сторон. Бунтовщики стали лихорадочно взбираться по крутой стальной лестнице, приставленной к люку звездолета, открытому в двадцати пяти метрах над взлетной площадкой.

Внутри звездолета возникло какое-то движение. Из темного люка на верхнюю площадку трапа вышел Райнхольд Бибюрссон. Взглянув на орущую толпу, он покачал продолговатой головой, поднял ведро и вылил его содержимое на головы тех, кто к нему поднимался.

На космодром спустилось облако зеленого кипящего газа; бунтовщики задыхались, давились, их рвало. Человеческая волна отхлынула от звездолета.

Бибюрссон взглянул на небо, откуда к звездолету по диагонали спускался большой летательный аппарат. Опустив глаза, он поднял руку так, словно отдавал печальный прощальный салют, и скрылся внутри корабля.

Газ заставил мятежников на какое-то время успокоиться, хотя теперь весь обширный космодром заполнили тысячи людей, сходящихся по улицам Эльгенбурга.

Где-то в тылу этой человеческой массы кто-то затянул нараспев: «Где Гэйвин Кудеяр? Выдайте нам Кудеяра! Где Гэйвин Кудеяр? Выдайте нам Кудеяра!»

Слова эти повторялись снова и снова, становясь заразительными, как бессмысленная молитва, и превращаясь в мощный фальшивый хор, постепенно достигший невероятной громкости. Масса людей снова двинулась вперед, стягиваясь вокруг огромного звездолета.

Летательный аппарат повис над верхней площадкой трапа — из него на площадку спустился человек среднего роста со скуластым насмешливым лицом, с шапкой густых желтоватых волос — под порывом ветра к его высокому лбу прилип отбившийся влажный локон.

Он держал в руке микрофон и начал говорить — его голос, усиленный рупором, разнесся по космодрому, перекрывая ревущий хор бунтовщиков:

«Друзья! Многие из вас знают, кто я такой. Я — Джейкоб Найл. Позвольте мне обратиться к вам! Я хотел бы сказать несколько слов о будущем Кларджеса».

Стало тише; толпа прислушалась.

«Друзья! Вы разгневаны, возбуждены — это понятно, это справедливо. Потому что сегодня вы порвали с прошлым, перед вами широко и ясно открылось будущее.

Вы пришли в поисках Гэйвина Кудеяра — но это безумие».

По толпе пронеслась рябь возмущения. Раздались выкрики: «Он внутри!»

Джейкоб Найл невозмутимо продолжал: «Кто такой Гэйвин Кудеяр? Как мы можем его ненавидеть? Как мы можем ненавидеть себя? Гэйвин Кудеяр — это мы сами! Он сделал все, что хотел сделать каждый из нас. Его ничто не сдерживало, он действовал, бесстрашно нарушая правила. Гэйвин Кудеяр добился успеха! И мы его ненавидим именно за это, потому что мы ему завидуем!»

Да, Кудеяр — преступник. Если бы вы разорвали его на куски, это было бы почти справедливо. Но опять же — кто такие мы сами? Разве мы не преступники?»

Толпа молчала.

«По крайней мере, Кудеяр виноват меньше нас — меньше всего народа Кларджеса и Предела. Мы оставили позорное пятно на всей истории человечества, мы совершили преступление против всей человеческой расы. Почему? Потому что мы ограничили сферу человеческих достижений. Потому что мы подвергали себя и друг друга пытке во имя бессмертия. Мы тянули руки к золотому яблоку вечности, нам казалось, что мы уже держали его в руках, но в наших руках остался только пепел несбыточных надежд.

Напряжение становилось невыносимым, и сегодня мы его не выдержали. Это было неизбежно, Кудеяр всего лишь способствовал неизбежности. Он слегка ускорил ход истории — и за это, по сути дела, его следовало бы поблагодарить».

Толпа раздраженно шипела.

Джейкоб Найл отступил на шаг и поправил локон, прилипший ко лбу. Насмешливое выражение полностью исчезло с его лица — оно стало строгим и словно вытянулось, у него на шее напряглись жилы, он говорил высоким, звонким голосом:

«Хватит обсуждать Кудеяра! Сам по себе он не имеет значения. Он сделал большое, невероятной важности дело. Он разрушил систему. Мы свободны! Актуарий превратился в обугленные руины, все записи утеряны, каждый из нас — не лучше и не хуже своего соседа!

Как теперь пользоваться свободой? Мы могли бы построить Актуарий заново и снова распределиться по филам, мы могли бы снова связать себя по рукам и ногам сетью прежних правил и трепыхаться в ней, как мухи в паутине. Или — мы можем вырваться из паутины прошлого и начать новую эру, построить новый мир, в котором вечная жизнь принадлежит всем, а не только одному из двух тысяч!»

В толпе появились признаки поддержки — одни кивали, другие хмыкали — с сомнением, но почти одобрительно.

«Как стать хозяевами жизни? Говорят, что мир слишком тесен, что бессмертные в нем не поместятся. Это правда. Нам придется снова стать первопроходцами и заселить новые территории, где еще не ступала нога человека! В древности люди заселяли необжитые земли — мы должны делать то же самое. Такова необходимость — другого пути к бессмертию нет! Но разве этого недостаточно? Разве человек, создавший для себя пригодные для жизни

условия, гарантирующие существование ему и его потомкам, не заслуживает продления жизни?»

В толпе раздавались гортанные выкрики: «Жить! Жить! Мы хотим жить!»

«Где могут быть созданы такие условия? Где люди смогут жить вечно? Где мы найдем такие места? Прежде всего — на опустевших территориях Земли, в степях и лесах, где нет никого, кроме диких кочевников. Нам предстоит распространиться по планете и научить варваров нашему образу жизни. Никого, однако, нельзя научить цивилизации насильно — нам придется стать паломниками и миссионерами. Нам придется как-то с ними уживаться. А затем, когда Земля заполнится — где мы сможем жить вечно? Где еще?»

Джейкоб Найл повернулся к звездолету и протянул руку к небу: «Когда мы разрушили Актуарий, мы разрушили преграду, стоящую на пути к звездам. Теперь каждый может получить жизнь — вечную жизнь. Люди рождены, чтобы заселять новые миры — это заложено в наших генах, такова наша природа! Сегодня нам принадлежит Земля, завтра нам суждено заселить Галактику! Нас ожидает Вселенная! Чего нам бояться? Зачем воздвигать преграды? Места хватит для всех, жизни хватит на всех!»

Толпа напряженно молчала. Несколько долгих секунд озлобленные умы пытались уяснить смысл неожиданных обещаний оратора, эмоционально перестроиться. По толпе пронеслись вздохи, бормотание; голоса становились то громче, то тише — люди сомневались в возможности другого будущего, в возможности вечной жизни без вечного соревнования.

«Граждане Кларджеса! — зывал Найл. — Перемены возможны, но только в том случае, если вы хотите перемен. Хотите ли вы, чтобы каждый мог жить вечно?»

Люди зашевелились — им понравилось то, что они слышали.

Послышался одинокий голос — возможно, голос Винсента Роднэйва: «Как насчет Кудеяра? Что будет с Кудеяром?»

«А, Кудеяр! — задумчиво сказал Найл. — Преступник и герой в одном лице! Не следует ли, поэтому, и наказать его, и наградить одновременно?» Найл повернулся и поднял голову, глядя на шпиль высокого звездолета: «Вот он, космический корабль, готовый исчезнуть в пространстве! Нет задачи благороднее и полезнее поиска новых миров, пригодных для жизни человека! Какая судьба лучше подходит Кудеяру? Пусть отправится в изгнание к звездам!»

За спиной Джейкоба Найла возникло движение — на площадку трапа «Отважного» вышел Гэйвин Кудеяр. Как только толпа его заметила, послышался яростный рев — люди рванулись к звездолету.

Кудеяр поднял руку — толпа мгновенно затихла. «Я слышал ваш приговор! — произнес Гэйвин Кудеяр. — Я слышал приговор и приветствую его. Я отправляюсь в космос — искать новые миры для бессмертных людей».

Он попрощался взмахом руки, повернулся и скрылся в корабле.

Прошло два часа. Толпа разбрелась с космодрома по Эльгенбургским высотам.

Прозвучала сирена. Под звездолетом затрепетало ревущее голубое пламя.

«Отважный» медленно, тяжело оторвался от земли. Но с каждой секундой он поднимался в сумрачное небо все быстрее и быстрее.

Голубое пламя превратилось в яркую звезду; звезда постепенно померкла и пропала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джек (Джон Холбрук) Вэнс (родился 28 августа 1916 г. в Сан-Франциско, умер 26 мая 2013 г. в Окленде) — знаменитый американский писатель, автор множества романов и рассказов в научно-фантастическом и фантазийном жанрах, а также детективных повестей. Большинство его произведений публиковалось под именем «Джек Вэнс», хотя он пользовался и другими псевдонимами. Новеллы и рассказы Вэнса посвящены самым различным научно-фантастическим идеям, но писатель уделял внимание, главным образом, загадочным явлениям и биологическим возможностям (экстрасенсорному восприятию, генетике, паразитам мозга, «переселению душ», другим измерениям, необычным культурам), а не технологическим изобретениям. К 1960-м годам Вэнс выбрал, в качестве места действия своих персонажей, подробно разработанную футуристическую Ойкумену — область Млечного пути, заселенную человеком в процессе космической экспансии. Все его последующие научно-фантастические сюжеты развиваются в более или менее строгом соответствии с условиями Ойкумены — объединенной лишь некоторыми общими представлениями о законности и цивилизации и постоянно расширяющейся федерации миров, каждый из которых отличается своей уникальной историей, своим уровнем развития и своей культурой. В пределах Ойкумены поддерживается относительная безопасность и, как правило, преобладает коммерция. Но за ее пределами, в Запределье, о безопасности во многих местах не может быть и речи.

Примечания

1

Гларк (этимология этого слова неизвестна; возможно, оно происходит от выражения «гей-ларк», т. е. «весельчак-проказник»): человек, не участвующий в «справедливом соревновании»; гларки составляли примерно пятую часть населения Кларджеса. 2

Катто: маниакально-кататонический синдром. 3

Sous-Ventre (франц.) — «Подбрюшный» (*прим. перев.*). 4

«Стиммо»: пилюли, содержавшие воздействующие на мозг синтетические вещества, изменяющие настроение. Оранжевые таблетки «Стиммо» способствовали радости и веселью, красные — любвеобильности, зеленые — сосредоточению и обострению восприятия, желтые — храбрости и решительности, лиловые — остроумию и общительности. Темно-синие («слезоточивые») пилюли «Стиммо» вызывали сентиментальное расположение духа и повышенную интенсивность эмоций; голубые пилюли стимулировали контроль мышечных рефлексов — ими пользовались рабочие, производившие прецизионную обработку деталей, операторы вычислительных машин, музыканты-виртуозы и прочие специалисты, нуждавшиеся в точной координации движений. Черные («мечтательные») пилюли позволяли видеть яркие фантастические сны наяву, а

белые («утешительные») таблетки сводили к минимуму эмоциональные реакции. Одновременный прием не более чем трех различных пилюль вызывал самые различные эффекты, в зависимости от выбранного сочетания цветов. Прием более чем трех таблеток «Стиммо» одновременно или слишком частое использование этих стимулянтов приводили к нейтрализации их воздействия. 5

Во многих музыкальных произведениях использовались темы, основанные на жалобной шестнадцатиголосной полифонии корреляционных сфер — по сути дела, этот прием использовался настолько часто, что сочинения такого рода уже считались неоригинальными и механистическими.